

МИРЫ КИМА СТЕНЛИ РОБИНСОНА

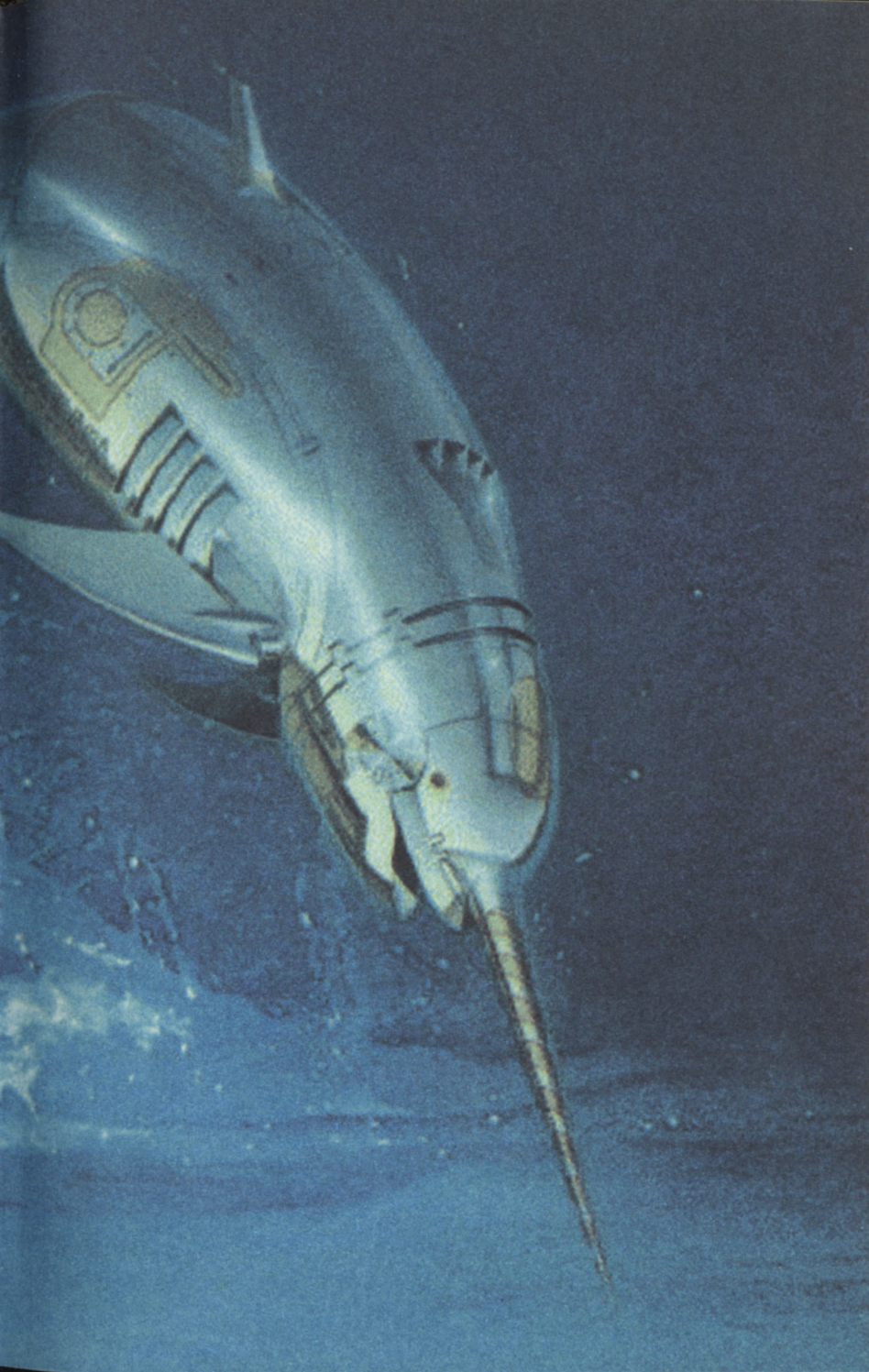
МИРЫ КИМА СТЕНЛИ РОБИНСОНА

ДИКИЙ БЕРЕГ

КИМ СТЕНЛИ РОБИНСОН

WORLDS OF KIM STANLEY ROBINSON

Volume one

THE WILD SHORE

«POLARIS» PUBLISHERS
1997

МИРЫ КИМА СТЕНЛИ РОБИНСОНА

Том первый

ДИКИЙ БЕРЕГ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1997

*Издание подготовлено
совместно с АО «Титул»*

**Миры Кима Стенли Робинсона. Т. 1 / Пер. с англ. —
Рига: Полярис, 1997. — 367 с.**

«Калифорнийскую трилогию» известного современного фантаста, многократного лауреата высших премий «Хьюго» и «Небьюла», открывает роман-предупреждение «Дикий берег».

Произведение, опубликованное в данном издании, охраняется законом об авторском праве. Перепечатка романа и всего издания в целом запрещена без разрешения издателя и переводчика. Всякое коммерческое использование данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издателя.

The Wild Shore
Copyright © 1984 by Kim Stanley Robinson
Cover Artwork
Copyright © 1997 by Sorayama Hajime/
Uptight Co., Ltd./ Artspace Co.

Дикий берег
© Е. Доброхотова-Майкова, перевод, 1997
© Издательство «Полярис», составление,
оформление, название серии, 1997

ISBN 5-88132-285-1

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

«Во взгляде Кима Стенли Робинсона — холодный блеск, как у заядлого ковбоя-дуэлянта. Оппоненты от такого взгляда нервничают и чувствуют себя неуютно». Так описал автора «Калифорнийской трилогии» в одной из своих критических статей Майкл Суэнвик — его идеологический противник и тоже фантаст не из последних. А один из издателей в запале бросил, что Робинсон на самом деле — блистательный писатель-реалист, который и сам не понимает, что фантастика для него — лишь трамплин к лучшим его вещам.

Так кто же этот автор, один из виднейших представителей «гуманистической волны» в фантастике 80-х и 90-х?

Дебютный роман Робинсона — «Дикий берег» — вышел в свет в 1984 году, открыв серию «Ace Specials». Однако литературная карьера писателя началась задолго до этого — в 1975-м, когда свет увидел первый его рассказ. Любовь и прекрасное знание жанра помогли ему выбрать и тему для докторской диссертации — филологическое исследование романов Филипа Дика.

Первая же книга «Калифорнийской трилогии» вывела писателя в ряды выдающихся современных фантастов. «Дикий берег» номинировался на высшие премии научной фантастики — «Хьюго» и «Небьюлу» — вместе с классическим уже «Нейромантом» Гибсона. Пожалуй, нельзя было найти критика, не выступившего с хвалебной рецензией на этот роман. Строго говоря, этого успеха следовало ожидать — годом раньше повесть Робинсона «Черный воздух» удостоилась «Всемирной премии фэнтези». Но началом его звездного взлета по праву считается «Дикий берег».

А между тем в романе ничего особенного не происходит. Робинсон скрупулезно, детально описывает недалекое будущее отдельно взятого округа Ориндж (входящего ныне в состав мегаполиса Лос-Анджелес; знаменитый Диснейленд тоже находится на территории округа). Не самое приятное будущее — на курортном островке Санта-Каталина, куда нынешние лос-анджелесцы выезжают отдохнуть, разместилась военная база, кажется, китайская, волны регулярно выносят на берег косоглазых покойников, где-то далеко идет война, а округ Ориндж продолжает полупасторальное существование в полной изоляции от варварского мира. Где-то мы это уже видели... Нет. Не это.

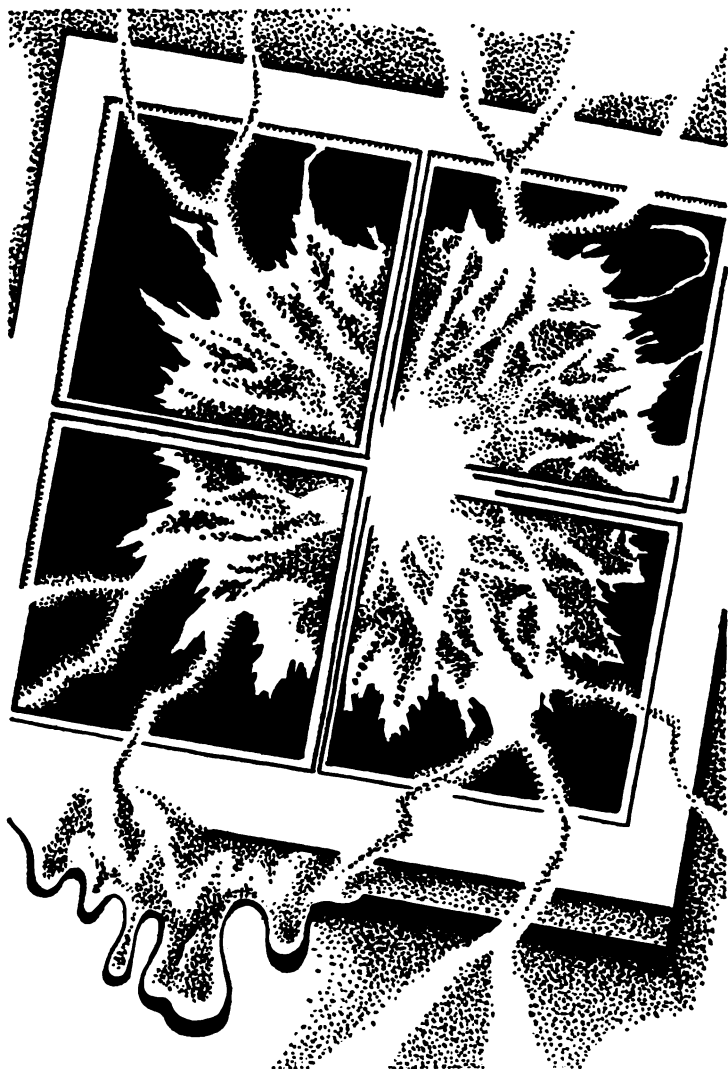
Американские (и не только) фантасты очень любят описывать возрождение цивилизации после глобальной катастрофы. Робинсон ехидно порывает с этой традицией, подменяя ее другой — традицией приключенческого романа. Даже начинается «Дикий берег» почти пародийно — мальчишки на спор ищут сокровища в древних могилах. А возрождение... возрождения нет. Жители округа Ориндж с тоской вспоминают ушедшие времена мирового господства, но неспособны сделать хоть что-то для его восстановления.

И еще одно отличает «Дикий берег» от его литературных предшественников — стиль. Фантастика 80-х поставила перед собой почти невыполнимую цель — догнать и перегнать «большую» литературу по красоте, богатству, изяществу языка. И Робинсон сделал невозможное.

А за «Диким берегом» последовало «Золотое побережье» (1988). И снова автор переносит нас в округ Ориндж, но уже в другом будущем. Снова группа юных персонажей, явных аналогов героев «Дикого берега», пытается найти свое место в угрожающе-безразличном мире: мире тотальной урбанизации, мнимой свободы, перенаселения и экологической катастрофы. Мастерство писателя заставляет нас поверить и в эту антиутопию.

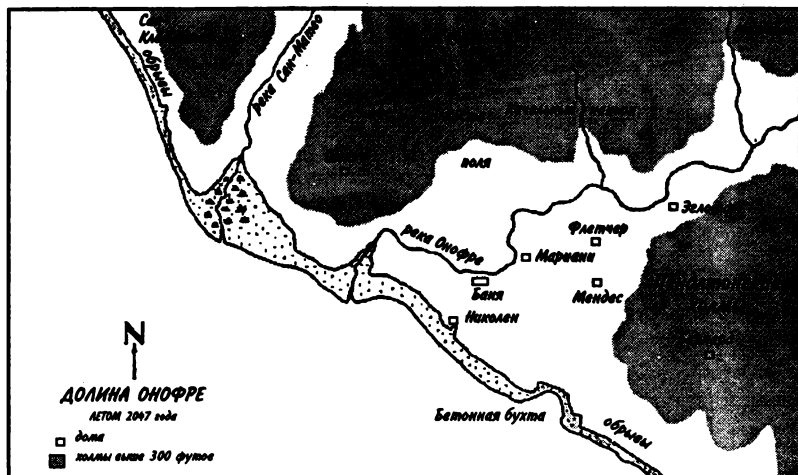
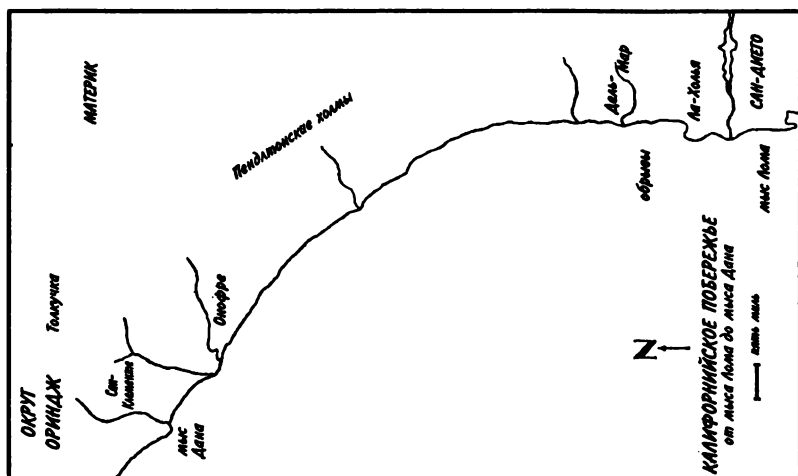
И двумя годами позже, в 1990-м, увидела свет завершающая книга трилогии — «На кромке океана». Если первые две книги представляют собой антиутопии, то третья — почти утопия, экологический рай, где люди научились ценить то, что дарит им природа, и беречь то, чего недостает в ее дарах. В Южной Калифорнии это вода — и вокруг распределения живительной влаги крутятся разговоры жителей округа Ориндж и речи политиков. Робинсон рисует отнюдь не благодатный мир. Главный герой терпит провал в борьбе за сохранение еще одного клочка дикой природы. Но даже это поражение не снижает оптимистического пафоса романа.

Ким Стенли Робинсон написал не слишком много. Кроме «Калифорнийской трилогии», из-под его пера вышли трилогия о терраформировании Марса — «Красный Марс» (1993), «Зеленый Марс» (1994), «Голубой Марс» (1997), — отдельные романы: «Айсхендж» (1984), «Память белизны» (1985) и «Побег из Катманду» (1989), и рассказы, многие из которых удостоены высших премий НФ. Но и одной «Калифорнийской трилогии» было бы достаточно, чтобы имя этого писателя навсегда осталось в анналах научной фантастики.

ДИКИЙ БЕРЕГ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

САН-ОНОФРЕ

Глава 1

— Мы же не ворье кладбищенское, — объяснил Николен. — Только выкопаем гроб и снимем с крышки серебро. Открывать не будем, тихо-мирно зароем обратно. Чего тут плохого? Так и так эти серебряные ручки зазя пропадают под землей.

Все пятеро задумались. Садящееся солнце заливало нашу долину янтарным светом, тени от куч плáвника на широком песчаном пляже дотягивались до валунов у подножия обрыва, на котором мы сидели. Каждое переплетение отполированных морем коряг могло оказаться могильным холмиком. Я представил, как разгребаю грязь и что нахожу внизу...

Габби Мендес бросил камешком в пролетавшую чайку.

— Ну и чем это лучше кладбищенских воров? — спросил он Николену.

— Кладбищенский вор оскверняет само тело. — Николен подмигнул мне. В подобных делах мы всегда действуем на пару. — А мы ничего такого не будем. Искать запонки или пряжки, снимать кольца или там золотые зубы рвать — нет!

Кристин Мариани икнула.

Мы сидели на скале над устьем реки: Стив Николен и Габби, Кристин и Мандо Коста, Дел Симпсон и я — старые друзья, выросли вместе, здесь, над обрывом, собирались почти каждый вечер, спорили, говорили, строили воздушные замки — впрочем, воздушные замки — это по нашей с Николеном части. Под нами, у первой излучины реки, сушились перевернутые рыбацьи лодки. Приятно было сидеть на теплом песке с друзьями, глядеть, как играет солнце на гребнях волн, и знать, что дневная работа закончена. Меня слегка клонило в сон. Габби

снова кинул камешком в чаек, но птицы, не обращая внимания, опустились возле лодок и затеяли ссору из-за рыбьих голов.

— Накопаем серебра — станем королями толкучки, — продолжал Николен. — И королевами, — добавил он, глядя на Кристин. Та кивнула. — Захотим, так все скупим. А захотим, двинем вдоль побережья. Или на материк. И вообще, будем делать, что вздумается.

«А не то, что тебе отец велит», — подумал я. Однако, сказать по правде, слова его меня завели.

— А как узнать, на каком гробе серебряные ручки? — спросил все еще не убежденный Габби. — Чтоб зря не копать.

— Ты бы слышал, что старик говорил про тогдашние похороны, — сказал Николен. — Генри, расскажи им.

— Они тогда жуть как боялись смерти, — сообщил я тоном знатока. — Поэтому и устраивали пышные похороны, не хотели думать, как там все на самом деле. Том говорит, на похороны тратили до пяти тысяч долларов.

Стив одобрительно кивнул.

— Он говорит, каждый гроб обивали серебром.

— Он еще говорит, мол, люди ходили по Луне, — откликнулся Габби. — Только я не полечу туда следы искать.

Но я почти убедил его; он знал, что Том Барнард, который учил нас (Стива, Мандо и меня так уж точно) грамоте, начнет расписывать старинную роскошь во всех подробностях, только попроси.

— Всего-то делов — дойти по бетонке до развалин, — продолжал Николен, — и найти богатый могильный камень.

— Могильный камень с бриллиантовыми серьгами? — поддразнил Габби.

— Том не велит туда ходить, — напомнила Кристин.

Николен откинул голову и засмеялся:

— Том просто боится. — Потом он сделался серьезнее. — Это понятно, после всего, что он пережил. Но там никого нет, кроме помоечных крыс, да и те ночью спят.

Он не мог знать наверняка, мы там не были, ни днем, ни ночью. Однако, прежде чем Габби успел на это указать, Мандо взвизгнул:

— Ночью?

— А то! — громко ответил Николен.

— Говорят, мусорщики, если поймают, обязательно съедят, — сказала Кристин.

— Твой отец позволит тебе уйти от больных или с огорода днем? — спросил Николен у Мандо. — Ну и у нас такая же история, только хуже. Копать придется ночью. — Он понизил голос: — Тем более ночь — самое время раскапывать могилы на кладбище.

Он рассмеялся, глядя на испуганную физиономию Мандо.

— Раскапывать могилы на берегу можно в любое время, — сказал я как бы про себя.

— Я могу достать лопаты, — сказал Дел.

— А я — принести фонарь, — сказал Мандо. Он торопился показать, что не боится. И вот мы уже сидим и составляем план. Я выпрямился и стал слушать внимательней. Вообще-то я немного удивился. Мы с Николеном и раньше много чего задумывали: поймав в западную тигра, или поискать затонувшие сокровища возле бетонного рифа, или выплавить серебро из железнодорожных рельсов. Но когда начинали обсуждать, рано или поздно обнаруживались какие-нибудь практические сложности, так что все это был просто треп. Однако теперешний замысел требовал от нас просто-напросто пробраться в развалины (а мы всегда божились, что только об этом и мечтаем) и раскопать могилу. Мы обсудили, в какую ночь мусорщиков почти наверняка не будет на кладбище (в полнолуние, заверил Николен Мандо, когда гуляют привидения), кого нам взять с собой и от кого таиться, как расплющить серебряные ручки, чтоб онигодились на обмен, и все такое.

Красный солнечный диск коснулся океана, похолодало. Габби встал, потер зад и сказал, что на ужин у них дичь. Мы тоже встали.

— А что, ведь сделаем, — решительно сказал Николен. — И я, черт возьми, готов.

Я откололся от остальных и пошел по краю обрыва. На пляже внизу отливные озера поблескивали темным серебром. У каждого была красная каемка — маленькие подобия огромного океана за ними. По другую руку от меня извивалась меж подступавших к морю холмов

долина, наша долина. Деревья на холмах качали ветками под вечерним бризом, поздняя весенняя зелень в свете заходящего солнца казалась пожухлой. На многие мили вдоль берега ели, пихты и сосны колыхались, словно волосы огромного живого существа. Я шел, ветер колыхал и мои волосы. На изрезанных оврагами склонах не угадывалось никаких следов человека (хотя люди там были); только деревья — высокие и низкие, секвойи, сосны, эвкалипты — да темные холмы, спускающиеся к океану. Я шел по янтарному краю обрыва, и я был счастлив. Мне и в голову не приходило, что мы с друзьями вступаем в лето, которое... которое переменит нас всех. Сейчас, несколько месяцев спустя, когда я пишу об этом, а на дворе лютует зима, какой на моей памяти еще не было, у меня есть преимущество: я знаю, чем все кончилось, — все, что началось с нашей вылазки за серебром. И дело не столько в том, что после этого случилось, сколько в том, чего не случилось, в том, как мы обманулись. И в том, к чему почувствовали вкус. Понимаете, я изголодался: не в смысле — хотел есть (это всегда), но по другой жизни. Мне надоело только ловить рыбу, рубить дрова и проверять силки. А Николен изголодался еще сильнее.

Однако я забегаю вперед. Когда я шагал по крутому обрыву между лесом и морем, у меня не было ни предчувствий, ни опасений, ни желания прислушаться к советам старика — только радостное волнение. Я свернул на южную дорогу к нашей с отцом маленькой хижине. Запах сосновой смолы и соли щекотал ноздри. Я захмелел от голода и волнения и уже воображал куски серебра размером с дюжину десятицентовиков. Мне пришло в голову, что мы с друзьями наконец-то сделаем то, что много раз хвастливо обещали сделать, — и по телу у меня пробежала приятная дрожь. Я перепрыгивал с корня на корень и думал: мы вторгаемся на территорию мусорщиков, проникаем на север в развалины округа Ориндж.

В ночь, которую мы выбрали для похода, с океана тянуло туманом, белесые клочья призрачно отсвечивали под ущербной луной. Я ждал в хижине, у самой двери, слушая, как храпит отец. Час назад он заснул под мое

чтение и теперь лежал на боку, положив мозолистую руку на вмятину возле уха. Отец у меня хромой и не шибко быстро соображает — это его лошадь покалечила, я тогда был еще маленький. Мама, пока была жива, всегда читала ему перед сном, а когда умерла, он послал меня к Тому учиться. «Пойдет нам обоим на пользу», — сказал он по обыкновению с растяжкой. И, похоже, не ошибся.

Я грел руки над потухшими углями, потому что дверь оставил приоткрытой и с улицы тянуло холодом. Снаружи большие эвкалипты у дороги качались на ветру, то появляясь в дверной щели, то исчезая. Раз я увидел, что кто-то под ними стоит, но тут в дом вплыл клоч влажного тумана. Он принес запах речной сырости, а когда рассеялся, под деревьями уже никого не было. Мне стало не по себе. Скорее бы ребята пришли. Слышался только отцов храп, да еще капало с деревьев на крышу.

«У-уху, у-уху». Оказывается, я задремал, и Николен разбудил меня своим кличем. Очень похоже на большую ущельную сову, только совы кричат раз-два в году, так что, по-моему, для тайного зова это не очень. Впрочем, все лучше, чем кашлять кугуаром, как хотел сперва Николен — так и пулю схлопотать недолго.

Я выскользнул за дверь и побежал по тропке к эвкалиптам. Николен нес на плечах две лопаты Дела; сам Дел и Габби стояли у него за спиной.

— Надо еще за Мандо зайти, — сказал я.

Дел и Габби переглянулись.

— За Костой? — переспросил Николен.

Я посмотрел на него пристально.

— Мандо будет ждать.

Мы с Мандо моложе остальных, я на год, Мандо — на три, поэтому иногда я считал, что должен за него заступаться.

— Так и так мимо пойдем, — сказал ребятам Николен.

Вдоль речки мы добрались до моста, перешли на другую сторону и почесали вверх по склону к дому Косты.

Док Коста построил свое жилище из железных бочек, и выглядит оно таинственно, ни дать ни взять маленький черный замок из книжки Тома — приземистый, как

лягушка, а в тумане еще и мрачный, как не знаю что. Николен прокричал совой, Мандо вышел почти сразу.

— Не передумали сегодня идти? — спросил он, вдвываясь в туман.

— Не, — быстро сказал я, пока остальные не заметили его колебаний и не велели, коли трусит, сидеть дома. — Фонарь принес?

— Забыл.

Он сбегал за фонарем, мы вернулись на бетонку и пошли к северу.

Шли быстро, чтобы согреться. Автострада в тумане тянулась двумя белыми лентами, бетон сильно потрескался, из трещин лезла черная трава. Скоро перевалили через хребет на севере нашей долины, пересекли узкое русло Сан-Матео и двинулись через холмы Сан-Клементе. Дорога шла вверх-вниз, мы старались держаться ближе друг к другу и почти не разговаривали. В лесу по обеим сторонам дороги виднелись развалины: стены из бетонных блоков, крыши на столбах, перекинутая с дерева на дерево запутанная проволока. Все было мрачно и неподвижно. Однако мы знали: где-то тут живут мусорщики, поэтому шли быстро и бесшумно, как привидения, о которых Дел с Габби шутили милою назад, пока их тоже не пробрало. Дальше автострада ныряла на дно каньона, и мы оказались в сыром тумане, как в молоке, виден был только растрескавшийся бетон под ногами. Из влажной темноты доносился треск и звук падающих капель, словно кто-то раздвигает мокрые ветки. Не нас ли выслеживает?

Николен остановился взглянуть на отходящую вправо дорожку.

— Та самая, — прошипел он. — Кладбище в конце этой долины.

— Откуда ты знаешь? — Обычный голос Габа прозвучал ужасно громко.

— Сходил сюда и разведал, — отвечал Николен. — Откуда еще?

Мы пошли за ним по проселку. Нас здорово потрясло, что он ходил сюда один. Даже мне не рассказал. В лесу зданий было чуть ли не больше, чем деревьев, больших зданий. Они обрушились как попало: двери и окна выбиты, словно зубы, из каждой щели лезут папоротники и

ежевика, крыши холмами громоздятся на земле. Туман полз по улице вместе с нами, в темноте что-то шуршало, будто тысячи шаркающих ног. Местами прямо на дороге лежали столбы, между ними тянулись провода; мы перешагивали, стараясь не задеть проволоку.

Лай койота прорезал пропитанную влагой тишину. Мы замерли. Койот или мусорщик? Лай не повторялся, и мы двинулись дальше. Нервишки явно пошаливали. В конце долины улица круто поднималась в гору. Подъем вывел нас на прорезанное каньоном плато. Здесь когда-то был верхний город Сан-Клементе. Большие дома теснились ряд за рядом, как вяленая рыба на жердях — можно подумать, в городе жило столько народу, что нельзя было дать каждой семье по приличному садику. Многие дома осели и заросли травой, от других остались только полы да трубы, похожие на тянущиеся из могилы руки. Я и прежде слышал, что мусорщики разбирают на дрова дом, в котором живут, а когда все сожгут, перебираются в следующий, но впервые своими глазами видел результат — разор и запустение.

Николен остановился на заваленном головешками перекрестке.

— Они и впрямь делали улицы крест-накрест, — заметил Дел.

— Сюда, — сказал Николен.

Он свернул на север, на улицу, которая шла по краю плато, параллельно океану. Под нами лежал еще один океан, туманный, и мы, можно сказать, снова шли по берегу. Иногда белесые волны набегали на нас. Дома кончились, началась ограда, железные перекладины между каменными столбиками. За оградой в густой траве виднелись каменные плиты — кладбище. Мы остановились. В тумане не видно было, где оно кончается. Сколько хватал глаз, холмистое плато было испещрено светлыми прямоугольниками. Наконец мы обнаружили дыру в ограде и вошли в густую траву между кустами и надгробиями.

Могила тянулись такими же ровными рядами, как и дома. Вдруг Николен поднял лицо к небу и дурным голосом взвыл: йип-йип-иу-ии-у-и-у-иии — ни дать ни взять койот.

— Прекрати, — злобно сказал Габби. — Сейчас все собаки сбегутся.

— Или мусорщики, — боязливо добавил Мандо.

Николен рассмеялся:

— Ребята, мы стоим на серебряной жиле. — Он наклонился прочесть надпись на плите — слишком темно, — перескочил через нее и нагнулся над следующей.

— Гляньте, какой здоровущий камень. — Он поднес лицо к самому надгробью и, нащупывая пальцами буквы, прочел: — «Мистер Джон Эпплби. 1904—1984». Умер, когда надо, жил, небось, в одном из тех больших домов, камень у него большой — точно богач, а?

— Если он был богатый, на камне должно быть много написано, — сказал я.

— Написано, будь спок, — сказал Николен. — «Лю... бимому отцу...», кажись, и все такое. Ну что, пробуем этого?

Довольно долго никто не отвечал, потом Габ процедил:

— Можно и этого.

— Отлично, — сказал Николен, положил одну лопату и взвесил на руке другую. — Снимем дерн.

Он стал окапывать край будущей ямы. Габби, Дел, Мандо и я смотрели. Стив поднял голову и увидел, что мы стоим.

— Ну, — быстро спросил он, — а вам серебро не нужно?

Я перелез через плиту и тоже взялся за лопату. Мне и раньше хотелось, только было боязно. Мы сняли дерн и принялись с жаром копать землю. Когда яма стала по колено, нас сменили Габби и Дел. Мы оба задохлись, я вспотел и потому сразу стал мерзнуть. Мокрая глина чавкала под ногами. Скоро Габби сказал:

— Тут темно. Зажгите фонарь.

Мандо достал кресало и поджег фитиль.

Фонарь давал мертвенный желтый свет. От него было больше теней, чем толку. Я отошел, чтобы согреться и дать глазам снова привыкнуть к темноте. Руки у меня были в грязи, на душе скребли кошки. Издали огонек казался больше и слабее, видны были черные силуэты ребят. Габби и Мандо, который сменил Дела, зарылись уже по пояс. Я дошел до выкопанной и незасыпанной

могилы, вздрогнул и, тяжело дыша, заспешил обратно к фонарю.

Габби поднял голову: она была как раз вровень с кучей земли, которую мы накидали.

— Глубоко хоронили, — сказал он чужим голосом и выбросил еще лопату грязи.

— Может, этого уже выкопали, — предположил Дел, глядя в яму на Мандо, который за один бросок выкидывал горстку земли.

— Да уж конечно, — фыркнул Николен. — А может, его закопали живым и он выполз сам.

— У меня руки болят, — сказал Мандо. Рукоять его лопаты была сделана из сука, да и ладони у него нежные.

— «У меня ручки болят», — передразнил Николен. — Вылезай тогда.

Мандо вылез, Стив прыгнул на его место и принялся остервенело копать. Из ямы полетела грязь.

Я поискал глазами звезды, но ни одной не нашел. Однако чувствовалось, что уже поздно. Холодало, зверски хотелось есть. Туман сгущался. Совсем близко воздух казался чистым, дальше становилась заметна дымка, а в нескольких ярдах уже было сплошное молоко. Нас окружал белесый кокон, а из-за него выглядывали тени: руки тянулись, лица подмигивали, ноги быстро переступали...

Звяк. Николен задел что-то штыком лопаты. Он перестал копать и, держа обе руки на рукоятке, вгляделся вниз. Потом на пробу постучал: звяк, звяк, звяк.

— Есть, — сказал он вслух и вновь принялся выбрасывать из ямы грязь. Покопав немного, велел: — Посветите сюда. — Мандо поднял фонарь и осветил могилу. Я увидел лица ребят, грязные, потные, с огромными белками глаз. У меня руки были грязные по локоть.

Однако оказалось, это только начало. Николен разразился ругательствами. Скоро мы поняли: наша яма, пять футов на три, вскрыла только конец гроба.

— Эта штука закопана под могильной плитой!

Сам гроб торчал из сплошной глины.

Мы некоторое время спорили, чего делать, и сошлись на предложении Николена — соскрести грязь с крышки

и боков гроба, а потом втащить его в нашу яму. Мы соскребли, сколько хватило рук, потом Николен сказал:

— Генри, ты меньше всех копал, и вообще ты тощий и длинный, так что лезь туда и выталкивай грязь к нам.

Я отнекивался, но все сказали, мол, Генри справится лучше других. И в итоге, вообразите: я лежу на крышке гроба, пальцами выгребаю глину и выталкиваю наружу, а на спину и на задницу мне капает грязь. Только безостановочная ругань помогала забыть, что лежит там под досками, точно параллельно моему телу. Ребята подбадривали меня криками вроде: «Ну ладно, мы пошли», или: «Ой, кто это вылезает?», или: «Чуешь, как гроб вздрогнул?» — по-моему, ничуть не смешно. Наконец я нащупал заднюю стенку гроба, выполз из дыры и принялся счищать с себя грязь, что-то бормоча от страха и отвращения.

— Генри, я знал, ты не подведешь, — сказал Стив, спрыгивая в могилу. Теперь была их с Делом очередь подлезать, тащить и отдуваться. Наконец гроб подался и выскользнул в яму. Дел со Стивом упали.

Черную древесину гроба покрывала зеленоватая пленка, которая в свете фонаря отливала павлиньим пером. Габби счистил с ручек грязь и обтер выступающий обод крышки — и то и другое было серебряное.

— Гляньте на ручки, — с почтением сказал Дел.

Их было шесть, по три с каждого бока, яркие и блестящие, будто вчера закопаны, а не шестьдесят лет назад. Я заметил вмятину в крышке, там, куда Николен первый раз угодил лопатой.

— Ух, это же все серебро, — сказал Мандо.

Мы глядели. Я вообразил нас на следующей толкучке: идем, разодетые в меха, сапоги и шляпы с перьями, что твои мусорщики, и придерживаем штаны, чтоб не свалились от тяжести серебряного лома в карманах. Мы начали орать, и вопить, и хлопать друг друга по спине. Потом перестали и еще поглядели, и снова принялись орать. Габби потерял одну из ручек пальцем и наморщил нос.

— Хм, — сказал он, — н-да... — Схватил прислоненную к могильной стенке лопату и ударил по ручке. Звук не походил на удар металла по металлу. И на ручке осталась выбоина. Габби взглянул на Стива и Дела, на-

гнулся разглядеть поближе. Еще раз ударил лопатой. Тук-тук-тук. Пошупал рукой.

— Не серебро, — сказал он. — Ломается. Что-то вроде... вроде пластмассы.

— Черт.

Николен спрыгнул в могилу, рубанул лопатой по ободу крышки и рассек его пополам.

Мы снова устались на гроб, только теперь никто не вопил.

— Чтоб он сдох, старый вун. — Николен бросил лопату на землю. — Дескать, каждые похороны стоили состояние. И дескать... — Он остановился: мы все отлично знали, что рассказывал старик. — ...дескать, здесь будет серебро.

Они с Габби и Делом стояли в могиле. Мандо опустил фонарь на гробовую доску.

— Надо было назвать ее гробовой тоской, — сказал он, стараясь разрядить обстановку.

Николен услышал и скривился:

— Может, поищем кольца, пряжки?

— Нет! — закричал Мандо.

Мы рассмеялись.

— Кольца, пряжки и зубные коронки? — резко повторил Николен, подмигивая Габби. Мандо яростно замотал головой — вот-вот расплчется. Мы с Делом снова засмеялись. Габби с оскорбленным видом выкарабкался из ямы. Николен запрокинул голову и издал отрывистый смешок. Потом тоже вылез.

— Давайте зароем этого, а потом пойдем и уроем старика.

Мы стали бросать лопатами грязь. Первые комья ударили по гробу с отвратительным глухим стуком. Закапывать оказалось легко. Мы с Мандо постарались получше уложить дерн. Все равно вид у могилы был отвратительным.

— Будто он там под землей брыкался, — сказал Габби.

Погасили фонарь, тронулись. Туман тек по пустым улицам, как вода по речному руслу, и мы шли по дну меж затопленных руин и черных водорослей. На автостраде это ощущение почти исчезло, зато ветер задул сильнее и стало совсем холодно. Мы чесали на юг во все

лопатки, никто не раскрывал рта. Согревшись, пошли чуть помедленнее, и Николен заговорил:

— Раз они делали пластмассовые ручки под серебро, значит, кого-то и впрямь закапывали в гробах с серебряными ручками — тех, что побогаче, или тех, кого хоронили до тысяча девятьсот восемьдесят четвертого, или уж не знаю кого.

Мы поняли, что он как бы предлагает еще покопать, и потому никто не стал соглашаться, хотя предположение звучало здраво. Стив обиделся и быстро пошел вперед, так что вскоре его фигура с трудом угадывалась в тумане. Мы почти вышли из Сан-Клементе.

— Какая-то долбаная пластмасса, — говорил Делу Габби. Он начал смеяться, все пуще и пуще, так что ему пришлось опереться Делу на плечо. — Ох-хо-хо... Ночь напролет выкапывали пять фунтов пластмассы. Пластмассы!

Внезапно ночную тишину прорезал не то вой, не то визг — протяжный, сперва низкий, потом все более высокий и громкий. Ничего подобного я в жизни не слышал; ничто живое не могло издавать этот звук. Достигнув пика своей громкости, он стал дрожать на двух нотах — ооооо-ииниии-ооооо-ииниии-ооооо — и так без конца, словно визжали все покойники округа Ориндж или все погибшие под бомбами повторяли свой предсмертный вопль.

Мы прибавили шагу, потом пустились бежать. Вой продолжался и, похоже, следовал за нами.

— Кто это? — вскричал Мандо.

— Мусорщики, — прошипел Николен.

Звук дрожал, все ближе и ближе.

— Быстрее! — перекрикивал его Стив. Ямы в дороге ничуть нас не задерживали: мы летели через них. За нами по бетону и по насыпи автострады застучали камни.

— Лопаты не теряйте! — крикнул Дел.

Теперь, когда я понял, что преследуют нас всего-навсего мусорщики, мне стало спокойнее. Я поднял с дороги увесистый булыжник. Позади был только туман, туман и вой, но оттуда с завидной частотой летели камни. Я бросил свой булыжник и помчался вдогонку ребя-

там. Вслед нам летели вопли — то ли звериные, то ли человеческие. Однако все перекрывал вой, который вздымался и опадал, и снова вздымался.

— Генри! — крикнул Стив. Остальные уже были с ним под насыпью. Я спрыгнул и побежал вниз по траве. — Камней наберите, — приказал Николен. Мы похватали булыжников и все разом швырнули их в направлении дороги. Там кто-то завопил. — Одного подбили! — сказал Николен, но проверить было невозможно. Мы взбежали на бетонку и дали деру. Вой отставал. Мы были уже в долине Сан-Матео, на пути к перевалу Бэзилон, откуда начинаются наши места. Позади все еще слышался вой, приглушенный расстоянием и туманом.

— Должно быть, сирена, — сказал Стив. — То, что они называют сиреной. Шумовая машина. Надо спросить Рафаэля.

Мы побросали оставшиеся камни в направлении звука и потрусили через перевал в Онофре.

— Чертовы мусорщики, — сказал Николен, когда мы вышли к реке и немного отдышались. — Узнать бы, как они нас выследили.

— Может, бродили и случайно наткнулись? — предположил я.

— Не верится.

— Мне тоже. — Однако я не мог придумать более правдоподобного объяснения, а Стив молчал. Впрочем, трудно верилось и в то, что бывает такой мерзкий вой.

— Я домой, — сказал Мандо с ноткой явного облегчения. Голос его прозвучал странно — испуганно, что ли. Меня прошиб озноб.

— Валяй. С помоечными крысами расправимся в следующий раз.

Через пять минут мы уже были на мосту. Габби с Делом пошли вдоль реки вверх, а мы с Николеном остановились на развилке. Он принялся обсуждать вылазку, ругал старика, мусорщиков и Джона Эпплби — всех подряд. Видно было, что он на взводе и готов говорить хоть до зари, но я устал. Я не такой бесстрашный и все не мог забыть тот вой. Сирена или нет, но уж больно не по-человечески вопит. Поэтому я попрощался со Стивом и проскользнул в хижину. Отцов храп ненадолго

прекратился, потом зазвучал снова. Я оторвал ломоть от завтрашней буханки хлеба и затолкал в рот. На зубах закрипела грязь. Я окунул руки в умывальное ведро, вытер, но они все равно пахли могилой. Плюнул, как был, грязный, завалился в кровать и заснул, не успев согреться.

Глава 2

Мне снилось, что мы засыпаем могилу. Комья грязи глухо и жутко стучали по крышке, но в моем сне стук раздавался изнутри гроба, все громче и отчаянней с каждой лопатой земли.

В середине кошмара меня разбудил отец:

— Сегодня утром на берегу нашли мертвеца. Морем выбросило.

— А? — Я ошалело вскочил с кровати. Отец в испуге отпрянул.

Я наклонился над умывальным ведром и плеснул в лицо воды.

— Чего ты сказал?

— Опять китайца нашли. Ты весь в грязи. Что с тобой? Снова шлялся ночью?

Я кивнул:

— Укрытие строили.

Отец растерянно и недовольно покачал головой.

— Жрать охота, — добавил я и потянулся за хлебом. Снял с полки чашку, зачерпнул из ведра.

— У нас только хлеб.

— Знаю. — Я отколупнул от буханки. Хлеб у Кэтрин хороший, даже когда заветрится. Подошел к двери, открыл. Полоска света разрежала темноту заколоченной хижины. Я высунул голову наружу: тусклое солнце, мокрые деревья у реки обвисли. Свет падал на отцов швейный стол и старую, лоснящуюся от долгого употребления машинку. Дальше была печка, а рядом с уходящей в потолок трубой — посудная полка. Еще стол, стулья, шкаф и кровати — вот и все наше имущество, скромные пожитки простых людей, занятых немудреным трудом. Да и кому оно нужно, отцово шитье...

— Поторопись к лодкам, — строго сказал отец, — вон времени сколько, скоро отчалят.

— Ага. — Я понял, что и впрямь припозднился. Дожевывая хлеб, надел рубашку, ботинки и выбежал на улицу. Отец вдогонку пожелал мне удачи.

На бетонке меня остановил Мандо.

— Китайца нашли, слышал? — крикнул он.

— Ага! Ты видел?

— Да. Отец ходил взглянуть, а я следом увязался.

— Застреленный?

— Ага. Четыре пулевых ранения, прямо в грудь.

— Дела... — Это был далеко не первый выброшенный морем труп. — Интересно, из-за чего они там воюют?

Мандо пожал плечами. На картофельном поле за дорогой раскрасневшаяся Ребл Симпсон с криками гонялась за собакой. У той в зубах была картофелина.

— Отец говорит, в море береговая охрана, чтоб никого не впускать.

— Знаю, — сказал я, — просто интересно, к чему все это.

Огромные корабли, которые возникают в море, обычно у горизонта, иногда ближе; простреленные тела, которые время от времени выбрасывает на берег. Вот, по-моему, и все, что мы знаем о внешнем мире. Иногда любопытство так донимает, что в глазах темнеет от ярости. А вот Мандо, наоборот, верит, что его отец (который на самом деле только повторяет за стариком) все объясняет правильно. Он проводил меня до обрыва. Горизонт был затянут облаками — позже, когда ветер пригонит их к берегу, они станут туманом. На отмели в лодки грузили сети.

— Ну, мне пора, — сказал я Мандо. — До скорого.

Когда я спустился с обрыва, лодки уже затаскивали в воду. Стив тащил самую маленькую, она была еще на песке, я подошел ему пособить. Джон Николен, отец Стива, взглянул на меня внимательно.

— Берите удочки, вы оба, — сказал он. — Сегодня от вас мало проку.

Я сделал деревянное лицо. Николен-старший пошел прочь, командовать, чтоб отчаливали.

— Он знает, что мы ночью уходили?

— Ага. — Стив скривил губы. — Я, когда пробирался в дом, споткнулся о сушильную стойку.

— Схлопотал?

— А ты как думаешь?

Он повернулся и показал синяк под ухом. Настроение у него было неразговорчивое, я пошел помочь со следующей лодкой. Ледяная вода в ботинках наконец-то меня разбудила. Прибой с легким шуршанием набегал на берег — волнение небольшое. Дошел черед до маленькой лодки, мы со Стивом запрыгнули, нас оттолкнули. Мы лениво гребли по течению и без хлопот миновали бурун у входа в устье.

За бум, который отмечал основной риф, началась обычная работа. Три большие лодки кружили, растягивая кошельковую сеть; мы со Стивом направились на юг, остальные удильщики на север. В южном конце долины была небольшая бухточка, почти вся занятая бетонным рифом — мы зовем ее Бетонная бухта. Между этим рифом и большим прибрежным оставался пролив, и туда самая быстрая рыба устремляется, когда забрасывают сеть. Здесь обычно хороший клев. Мы зацепились якорем за бетон и дали волнам вынести нас в пролив, почти к белому выступу рифа. Достали удочки. Я привязал к леске блесну — отполированный металлический стержень — и, держа ее наготове, сказал Стиву:

— Ручка от гроба.

Тот не рассмеялся. Я дал блесне опуститься на дно, потом стал медленно поднимать.

Забрасываешь блесну, вытягиваешь, снова забрасываешь. Иногда удочка выгибается, багор доканчивает несколько минут борьбы, и все начинается по новой. Севернее выбирали серебряные от бьющейся рыбы сети, лодки кренились от тяжести, словно сейчас опрокинутся. Мне казалось, что прибрежные холмы мерно поднимаются и опускаются. Солнце проглядывало сквозь облака, сочно зеленел лес, уныло серели обрыв и голые вершины холмов.

Пять лет назад, когда мне было двенадцать и отец впервые отдал меня в работники Джону Николену, я обожал рыбачить. Все мне нравилось: сама ловля, настроения океана, дружная работа мужчин, завораживающий вид берега. Но с тех пор много воды утекло под

килем и много рыбы переброшено через планшир — и крупной, и мелкой. Иногда мы возвращались с пустыми руками, иногда — с руками, усталыми и пораненными после особенно большого улова. В хорошую погоду, когда небо чистое, а вода ровная, как тарелка, в ветреную, когда море пенится белыми барашками, в дождь, когда холмы превращаются в серый мираж, в шторм, когда облака скакунами несутся над головой... а чаще в такие дни, как сегодняшний: умеренная зыбь, лучи пробиваются сквозь облака, обычный клев. Тысячи таких дней лишили рыбалку всякого очарования. Работа как работа, ничего больше.

Волны убаюкивали, и, когда не клевало, я задремывал. Хорошо было скрючиться и положить голову на планшир, или свернуться на банке, хотя тогда рыбыны лупили меня хвостами. Остальное время я дремал над удочкой и просыпался, когда она дергалась и тыкала меня в живот. Тогда я подсекал, цеплял багром, втаскивал рыбину в лодку, оглушал ударом о дно, освобождал блесну, снова забрасывал и засыпал. Наконец мне это надоело. Я лег спиной на банку (три фута длиной), поджал колени, осторожно пристроил пятки на планшир и собрался минут десять соснуть.

— Генри!

— Что? — Я выпрямился и машинально проверил удочку.

— Мы уж порядком наловили.

Я пересчитал скумбрий и окуней на дне лодки:

— Да, с дюжину.

— Хорошо клюет. Может, сумею вырваться вечером, — с надеждой сказал Стив.

Я сомневался, но промолчал. Солнце совсем скрылось за тучами, океан сделался серым, холодало. Потянуло туманом.

— Похоже, вечер проведем на берегу, — сказал я.

— Ага. Надо зайти к Барнарду — дать старику по мозгам, чтоб в следующий раз не завирался.

— Само собой.

Потом у обоих клюнуло по большой рыбине, и пришлось следить, чтобы не спутались лески. Мы еще возились, когда Рафаэль продудел сигнал к возвращению. Сети были выбраны, туман быстро сгушался: конец

рыбалке. Мы со Стивом откликнулись, спешно вытащили добычу, вставили весла в уключины и принялись грести к рыбакам. Лодки были перегружены, часть улова переложили к нам, и маленькая флотилия двинулась к устью реки.

Семья Николена и остальные помогли нам выволочь лодки на песок и отнести рыбу к разделочным столам. Чайки допекали все время, кричали и хлопали крыльями. Освободив лодку от улова и втащив на песок, Стив подошел к отцу. Тот осматривал сети и выговаривал Рафаэлю, что веревки перекручены.

— Па, можно я теперь пойду? — спросил Стив. — Нам с Хэнкером* надо к Тому, на урок. (Это была правда.)

— Нет, — отрезал Николен-старший, придирчиво оглядывая невод. — Поможете нам поправить сеть. А потом будешь с матерью и сестрами чистить рыбу.

Сперва Джон силком гонял Стива к старику, считая умение читать признаком зажиточности и положения в поселке. Зато когда Стив полюбил учебу, что произошло не сразу, отец перестал его отпускать, используя запрет как новое оружие в их извечной войне. Джон и Стив сердито зыркали друг на друга: сын чуть выше, отец заметно шире, оба темноволосые, голубоглазые, с квадратными подбородками, с крупными прямыми носами... Джон как бы подначивал Стива: мол, попробуй возрази на людях. Секунду я думал, что Стив не снесет и затеет безобразную ссору, которая Бог весть еще чем закончится. Однако нет — повернулся и побрел к разделочным столам. Я подождал, пока он немного остынет, и пошел следом.

— Я скажу старику, что ты придешь позже.

— Ладно. — Стив не глядел в мою сторону. — Приду, как освобожусь.

Николен-старший дал мне три окуня в сетке, которую велел вернуть. Я поднялся на обрыв. Почти все дома на второй излучине реки были заброшены. У берега ребятня полоскала белье; чуть выше по течению, возле дома Мариани, женщины пекли хлеб. Вдали от моря

---

* Хэнкер, Хэнк — варианты имени Генри. (Здесь и далее примеч. пер.)

было тихо; над спокойной рекой явственно разносился собачий лай.

Я отнес рыбу отцу. Он сразу вскочил из-за машинки — проголодался.

— Славненько, славненько. Одну сейчас пожарю, остальных повешу вялиться.

Я сказал, что иду к старику, отец кивнул и потянул себя за длинный ус:

— Поешь вечером, ладно?

— Лады, — сказал я и пошел.

Старик жил на крутом склоне хребта, закрывавшего долину с юга. Дом едва помещался на крохотном плоском уступе. С его порога был лучший в Онофре обзор. Когда я пришел, дом — деревянный ящик в четыре комнаты с отличным окном спереди — был пуст. Я осторожно пересек свалку во дворе: рамки для сот, мотки телефонного провода, солнечные часы, резиновые покрышки, бочки для сбора дождевой воды с брезентовыми раструбами наверху, разобранные движки, сломанные моторы, ходики, газовые плиты, железные клетки со всякой всячиной, большие куски битого стекла, крысоловки, которые старик постоянно переставляет — только держись. Рафаэль такие штуки чинит или разбирает на запчасти, но у Тома во дворе они только предлог для разговора. Зачем к козлам для пилки дров приделан автомобильный мотор, и вообще, как старик втащил его на гору? Этого Том и хотел — чтобы мы спрашивали.

Я прошел по размытой тропке дальше вдоль гребня. Южнее к морю спускались лесистые отроги — один, другой, третий, и так до самого Пендлттона. Возле вершины тропка сворачивала к югу, в расселину, такую узкую, что летом ручей на ее дне пересыхал. Под эвкалиптами подлесок не растет, и на крутом склоне расселины старик разбил ульи, десятка два белых деревянных колод. Здесь же обнаружился и он сам — в шляпе и накидке от пчел похожий на ребенка во взрослой одежде. Однако расхаживал он там довольно бойко — я хочу сказать, для своих ста с лишком лет. Так и снует между ульями — из одного вынет рамку, тронет перчаткой, другой пнет, третьему погрозит пальцем — и, бьюсь об заклад, хотя лица за шляпой не видел, говорит без умолку. Том говорит со всеми: с людьми, сам с собой,

с деревьями, с собаками, с небом, с рыбой на тарелке, с камнем, о который споткнулся... и, разумеется, с пчелами. Он задвинул рамку на место и огляделся во внезапной тревоге. Заметил меня и помахал рукой. Я подошел, и Том снова занялся ульями, а я смотрел, как он шагает — коленные чашечки ходят ходуном. И руки в длинных рукавах мотаются, чисто плети — надо думать, для равновесия.

— Не подходи к ульям, зажалят.

— Тебя ведь не жалят.

Он снял шляпу и отогнал пчелу к улью:

— Меня и жалить-то теперь некуда. Да они и не будут: знают, лапушки, кто за ними ходит.

Мы отошли от ульев. Седые стариковские волосы развевались на ветру, и мне казалось, что они сливаются с облаками. Борода заправлена под рубаху. Туман поднимался, образуя потоки облаков. Том потер покрытую веснушками лысину:

— Пойдем, Генри. От холода пчелки совсем рехнулись. Ты бы слышал, что за чушь болтают. Как окуренные. Чайку выпьешь?

— Обязательно.

(У Тома чай такой крепкий — выпил и почти сыт.)

— Уроки выучил?

— А то. Слыхал, покойника волнами выбросило?

— Я ходил смотреть. К северу от устья. Похоже, японец. Мы закопали его за кладбищем, где они все.

— По-твоему, что с ним приключилось?

— Ну... — Мы свернули к дому. — Кто-то его застрелил.

Я открыл рот, Том хохотнул:

— Полагаю, за попытку посетить Соединенные Штаты Америки. Однако Соединенные Штаты Америки закрыты для посещения.

Старик шел через двор, не глядя под ноги, я трусил по пятам. В доме он продолжил:

— Кто-то объявил нас запретной территорией, мы в черте оседлости, приятель, а вернее, не в черте, а черт те где. Эти корабли на горизонте — они такие черные, что видны даже в безлунную ночь: тоже мне, маскировка. Я не встречал иностранца — живого иностранца — с того самого дня, а у мертвого много не выпросишь, хихи. Долгонько для случайного совпадения, а есть и кос-

венные свидетельства. Однако вопрос вот в чем: кто нас стережет? — Он наполнил чайник. — Моя гипотеза такова: нас закрыли от людей, чтобы защитить от нападения и уничтожения... Но я уже излагал тебе эти взгляды?

Я кивнул.

— И все же, если на то пошло, я даже не знаю, о ком говорю.

— Они китайцы, да?

— Или японцы.

— Как ты думаешь, они заняли Каталину, чтобы никого сюда не пускать?

— Знаю только, что на Каталине кто-то есть и это не наши. Видел, как ночью весь остров сияет огнями. Да ты и сам видел.

— Еще бы, — сказал я. — Красотища.

— Похоже, теперь Авалон — оживленный маленький порт. Без сомнения, на том берегу есть гавань побольше. Какое счастье, Генри, хоть что-нибудь знать наверняка. Поразительно, как мало нам известно. Знание — ртуть. — Он подошел к очагу. — Но на Каталине кто-то есть.

— Надо бы сплавать туда и посмотреть кто.

Он мотнул головой, глянул в окно на быстро струящийся туман и сказал невесело:

— Мы бы не вернулись.

Потом подбросил на тлеющие угли сучьев. Мы сели в кресла у окна и стали ждать, когда закипит чайник. Море было в серых заплатах, светлых и темных, а между нами и солнцем пролегла цепочка серебристых пуговиц. Похоже, туман прольется дождем — везет Николену-старшему, в дождь ловить можно. Том соорудил гримасу, тысячи морщинок сложились в новый узор.

«Что случилось с летнею порой, — пропел он, — когда жизнь была чудесна»*.

Я подкинул еще сучьев, не трудясь откликаться на сто раз слышанную песню. Том без конца рассказывает про старые времена, например, что наше побережье было безлесной, безводной пустыней. Однако, глядя в окно на лес и клубящиеся облака, чувствуя, как огонь согревает холодный воздух в комнате, вспоминая ночные

---

* Парафраз популярной песни «Летняя пора».

похождения, я думал — а верить ли старику? В его книжках я не нашел подтверждения и половине историй — и вообще, вдруг он научил меня читать неправильно, чтобы чтение подкрепляло его слова?

Это было бы слишком сложно, решил я, наблюдая, как он сыплет в чайник заварку — травы, собранные на материке. Мне припомнилось, как на толкучке он догнал меня, Стива и Кэтрин — пьяный, возбужденный — и затараторил: «Глядите, что я купил, что у меня есть!» Он потащил нас под фонарь и показал половину драной энциклопедии, открытой на картинке: черное небо над белой равниной и две совершенно белые фигуры под американским флагом. «Видите, Луна! Я вам говорил, мы туда высаживались, а вы не верили». «Я и теперь не верю», — сказал Стив и чуть не помер со смеху, когда старик полез на стену. «Я купил эту книгу за четыре горшка меду, чтоб убедить вас, а вы не верите?» «Не верим!» Мы с Кэтрин тоже были изрядно поддавши и хохотали до упаду. Однако Том сохранил картинку (хотя выкинул энциклопедию), и позже я разглядел Землю — голубой шарик в черном небе, маленький, как наша луна. Помню, таращился на картинку битый час. Так что самая невероятная из Томовых историй подтвердилась, и я был склонен верить большинству остальных.

— Отлично, — сказал Том, передавая чашку пахучего чая. — Послушаем.

Я собрался с мыслями и представил страницу, которую Том велел мне заучить. Стишки хорошо запоминаются, и я стал читать с воображаемого листа:

И этот воздух, почва и страна
Заменят нам Небесную обитель,
И этот мрак — сияние Небес?! —
В отчаянье вскричал Архангел падший.

Я читал без запинки, мне нравилось разыгрывать дерзкого сатану. Некоторые строчки было особенно здорово орать:

Тем лучше нам! Простите же, Небес
Счастливые долины, где блаженство
Живет вовек! Привет тебе, привет,

Подземный мир и адская пучина!
Прими и ты Владыку своего.
С собою дух он вносит непреклонный,
Которого не властны изменить
Ни времени течение, ни место.
В самом себе живет бессмертный дух,
Внутри себя создать из ада небо
Способен он и небо — сделать адом.
Где буду я — не все ли мне равно?
Чем я ни стань — я все же буду ниже
Того, кто Сам возвысился над нами
Благодаря громам Своим. Свободней
Мы будем здесь...*

— Отлично, пока хватит, — сказал Том, с довольным видом отворачиваясь от окна. — Лучшие его строки, и половина украдена у Вергилия. Как с другим отрывком?

— Еще лучше, — сказал я самоуверенно. — Вот так:

Я, вдохновленный свыше, как пророк,
В мой смертный час его судьбу провижу.
Огонь его беспутств угаснет скоро:
Пожар ведь истощает сам себя.
Дождь мелкий каплет долго, ливень — краток;
Все время шпоря, утомишь коня;
Глотая быстро, можешь подавиться...

— Это он про нас, — перебил Том. — Про Америку. Мы пытались проглотить мир, но подавились. Извини, давай дальше.

Я постарался вспомнить, на чем он меня сбил, и продолжил:

Подумать, что державный этот остров,
Сей славный трон владык — любимцев Марса,
Сей новый рай земной, второй Эдем,
От натисков безжалостной войны
Самой природой сложенная крепость,
Счастливейшего племени отчизна,
Сей мир особый, дивный сей алмаз
В серебряной оправе океана,

---

* Дж. Мильтон. «Потерянный рай», перевод О. Чюминой.

Который словно замковой стеной
Иль рвом защитным ограждает остров
От зависти не столь счастливых стран;
Что Англия...*

— Довольно! — вскричал Том, прищелкивая языком и трясая головой. — Даже чересчур. Не знаю, что на меня нашло. По крайней мере, я задал тебе стоящий отрывок.

— Ага, — сказал я. — Сразу понятно, почему Шекспир предпочитал Англию другим штатам.

— Да... он был великий американец. Может быть, величайший.

— А что такое ров?

— Ров? Большая канава вокруг какого-нибудь места, через которую трудно перебраться. Сам не мог сообразить из текста?

— Мог бы — не спрашивал.

Старик хихикнул:

— Я слышал это слово в прошлом году на ярмарочке, дальше от побережья. Один фермер сказал: «Выроем вокруг амбара ров». Я даже удивился. Однако странные словечки нет-нет да всплывут. Раз на толкучке я подслушал, что кого-то собираются «обморочить». А кто-то сказал, что цены у меня «флибустьерские». Или вот еще — «ненасытный». Удивительно, как слова проникают в разговорную речь. Что брюху беда, то языку радость. Понимаешь, о чем я?

— Не-а.

— Ты меня удивляешь.

Он с трудом встал, снова наполнил чайник, повесил над очагом и подошел к одной из книжных полок. В доме у него почти как во дворе — горы всякой рухляди, только мелкой: часы, некоторые даже ходят, битые фарфоровые тарелки, собрание фонарей и ламп, музыкальная машинка (иногда он ставит пластинку и крутит тощим пальцем, нам велит прижать ухо к динамику, откуда шепотом доносятся отрывки музыки, а сам приговаривает: «Вслушайтесь! Это “Героическая симфония!”», пока мы не скажем ему заткнуться и дать нам послушать), однако большую часть двух стен занимают полки со

---

* У. Шекспир. «Ричард II», перевод М. Донского.

штабелями ветхих книг. Обычно у старика не допросишься, но в этот раз он сам вытащил книжку и бросил мне на колени.

— Почитай теперь вслух. От того места, которое я отметил.

Я открыл заплесневелую книжицу и начал читать — занятие, которое и сейчас требует от меня огромных усилий, но доставляет огромную радость:

«Справедливость сама по себе безвластна; от природы главенствовать дано лишь силе. Привлечь последнюю на сторону справедливости, дабы посредством силы справедливость могла управлять, — задача государства, безусловно сложнейшая, с чем вы согласитесь, если размыслите, какой безграничный эгоизм дремлет в груди почти каждого человека; и что многие миллионы людей, подобным образом устроенных, необходимо удерживать в границах мира, порядка и законности. Учитывая это, приходится дивиться, что мир в целом так спокоен и законопослушен, как мы это наблюдаем... (В этом месте старик хохотнул) ...какое положение, впрочем, достигается лишь действием государственных механизмов. Ибо единственное, что может дать немедленный результат, — есть физическая сила, поелику только ее людям обыкновенно свойственно понимать и уважать...»

— Эй! — Николен ворвался в дом, как сатана в Божью опочивальню. — Убью на месте! — орал он, наседая на старика.

Том вскочил, крича:

— Попробуй! Так тебе и удалось! — и они закружили по комнате. Стив держал старика за плечи на расстоянии вытянутых рук, и тот никак не мог дотянуться до обидчика.

— Чего забиваешь нам голову враками, старый хрен? — вопрошал Николен, в неподдельной злобе тряся Тома за плечи.

— А ты чего врываешься в дом как чумовой? К тому же, — теряя вкус к обычной перебранке, — что я сказал не так?

Стив фыркнул:

— А что ты говоришь так? Наплел, будто покойников хоронили в серебряных гробах. Теперь мы знаем — это враки. Вчера ночью ходили в Сан-Клементе, раскопали могилу и нашли пластмассу.

— Чего-чего? — Том взглянул на меня. — Чего вы там наворотили?

Я рассказал, как мы ходили в Сан-Клементе. Когда я дошел до пластмассовых ручек, старик принялся хохотать — плюхнулся на стул и стал смеяться — хи, хи, хи, хи, хи, и так до конца рассказа, включая нападение мусорщиков с сиреной.

Николен, хмурясь, стоял над ним.

— Теперь мы знаем, что ты наврал.

— Хи, хи, хи, хи, хи, кхе-кхе. Ничего подобного. Том Барнард всегда говорит правду. Как вы думаете, почему пластмасса была под серебро? — Стив многозначительно взглянул на меня. — Разумеется, потому, что обычно это было серебро. Вы раскопали какого-то бедолагу, который умер в нищете. Семья купила дешевый гроб. А с какой радости вам вздумалось раскапывать могилы?

— Из-за серебра, — сказал Стив.

— Не повезло вам. — Том взял еще чашку, налил. — Я вам говорю, обычно хоронили в серебре. Сядь, Стивен, и выпей чаю.

Стив придвинул деревянный стул, сел и начал прихлебывать чай. Том устроился в кресле и обхватил шишковатыми руками чашку.

— Настоящих богачей хоронили в золоте, — сказал он с расстановкой, глядя на идущий от чашки пар. — А одного так и в золотой маске, повторяющей его черты. В погребальном покое у него стояли золотые статуи жены, собак, детей — и золотые тапочки на ногах, — а по стенам мозаичные картины главных событий его жизни, сплошь из самоцветов...

— Врешь, — сказал Стив.

— Серьезно! Вы же видели развалины, и будете говорить мне, что люди, которые там жили, не осыпали своих покойников серебром?

— Но зачем? — спросил я. — Зачем золотая маска и все остальное?

— Затем, что они были американцы. — Старик отхлебнул чаю. — И это еще мелочь. — Он отрешенно взглянул в окно. — Будет дождь. — Снова отхлебнул, помолчал. — А зачем вам серебро?

Я промолчал — затея была Николенова, пусть сам и отвечает.

— Чтобы менять на вещи, — объяснил Стив. — Чтобы покупать нужное на толкучке. Путешествовать вдоль побережья, например, и выменивать в дороге еду. — Он взглянул на внимательное лицо старика: — Путешествовать, как ты в молодости.

Том пропустил последнее замечание мимо ушей:

— На все нужное вы можете заработать своим трудом. Например, рыбной ловлей.

— Так далеко не уйдешь. На себе, что ли, эту рыбу переть?

— Ты в любом случае далеко не уйдешь. Судя по всему, большие мосты разбомблены. Даже если и доберешься куда, местные оберут тебя и убьют, а нет — серебро все равно когда-нибудь кончится и тебе придется работать на тех же местных. Копать выгребные ямы или что-нибудь такое.

Мы сидели и смотрели на огонь. Дрова потрескивали. Стив упрямо вздохнул. Старик отхлебнул чаю и продолжил:

— Через три дня, если позволит погода, отправимся на толкучку. К твоему сведению, дальше, чем когда-либо. И новых людей там больше.

— В том числе мусорщиков, — сказал я.

— Не связывайтесь с молодыми мусорщиками, — сказал Том.

— Уже связались, — ответил Стив.

Теперь вздохнул Том:

— И без того слишком много стычек и ссор. Зачем? Когда живых — раз, два и обчелся?

— Они первые начали.

В стекло ударили большие капли дождя. Я смотрел, как они стекают, и жалел, что у нас нет окна. Хотя дверь была закрыта, а небо — затянуто тучами, книги, посуда, лампы и даже стены слабо серебрились, будто подсвеченные изнутри.

— Не смейте драться на толкучке, — сказал Том.

Стив тряхнул головой:

— Не будем, если они первые не начнут.

Том нахмурился и сменил тему:

— Урок выучил?

Стив мотнул головой:

— Работы было много... извини.

Помолчав, я сказал:

— Знаете, что мне это напоминает?

— Что напоминает что? — спросил Том.

— Берег. Как будто сперва были только холмы и долины, до самого горизонта. Потом какой-то великан провел посередине черту, и все к западу от нее опустилось и стало океаном. Там, где черта разрезала холм, получился обрыв, а где долину — болото или пляж. Но везде по прямой, понимаете? Холмы не вдаются в океан, волны не заливают долины.

— Это разлом, — сказал Том задумчиво, словно сверяясь с книжкой у себя в голове. — Поверхность земли состоит из огромных плит, которые медленно ползут. Честно! Очень медленно — может быть, на дюйм за время вашей жизни, за время моей — на два, а мы живем за разломом, вдоль которого плиты соприкасаются. Тихоокеанская плита ползет на север, наш берег — на юг. Потому и прямая линия. И землетрясения — вы их помните — оттого, что плиты трутся. Однажды... однажды в старые времена землетрясением разрушило все прибрежные города. Дома падали, как в тот самый день. Начались пожары, нечем было тушить. Автострады вроде нашей встали дыбом, и поначалу никто не мог приехать, даже спасатели. Многие тогда погибли. Зато когда догорели пожары... понаехали отовсюду. Пригнали машины, привезли материалы, пустили в дело то, что осталось от домов. Через месяц на месте прежних стояли новые города, словно землетрясения не было в помине.

— Врешь, — сказал Стив.

Старик пожал плечами:

— Так было.

Мы сидели и сквозь косые струи дождя смотрели на долину внизу. Черные ливневые щетки мелі испещренное барашками море. Несмотря на годы трудов, на

квадратики полей у реки, на мостик и крыши домиков — деревянные, черепичные, из телефонного провода, — несмотря на все это, главным признаком человеческого присутствия в долине оставалась автострада — мертвая, в трещинах, наполовину занесенная песком и бесполезная. На наших глазах бетонные плиты намокли, стали из беловатых серыми. Много раз мы сидели вот так у Тома, пили чай и глядели в окно — Стив, и я, и Мандо, и Кэтрин, и Кристин, — занимались уроками или пережидали ливень, и много раз старик рассказывал нам про Америку, и всякий раз показывал на бетонку. Он описывал мчащиеся по ней автомобили, так что я почти видел их: огромные стальные махины всех оттенков и форм спешат по делам в Сан-Диего или Лос-Анджелес, летят друг другу навстречу, рулят, чудом избегая рокового столкновения, свет красных и белых фар скользит по мокрому бетону, озаряет холмы, брызги взмываются вверх и закрывают обзор, и рядом с каждым пассажиром притаилась Смерть — так рассказывал Том, и под конец я уже дивился, что бетонка пуста.

Однако сегодня Том молчал, вздыхал, поглядывал на Стива и качал головой. Прихлебывал чай. Я расстроился. Лучше бы он что-нибудь рассказал. Придется идти домой под дождем, а отец вечно экономит дрова, в хижине колотун, и долго после ужина — рыбы с хлебом — я буду сидеть над углями в промозглой тьме... Бетонка, серая на фоне мокрой лесной зелени, казалась дорогой исполинов, и я думал: неужели автомобили никогда по ней не помчатся?

Глава 3

Снаряжать караван на толкучку собиралось почти все население Онофре. У поворота на Бэзилонский перевал нас толклось человек двадцать — кто грузил рыбу в установленные на подводы лодки, кто бегал в долину за позабытыми вещами, кто орал на собак, которые раз в жизни сгодились на что-то путное — тащить подводы. Запрячь их была сущая мука. Вокруг подвод народ ссорился из-за места. Лодки, установленные на легкие железные рамы с двумя колесами, подвижны, но не

очень вместительны. Так что старый Том ругался на всякого, кто пробовал изменить опасное нагромождение горшков с медом, Кэтрин столь же рьяно оберегала хлеба, а Стив требовал целые лодки под свой товар. На толкучку мы возим в основном рыбу — живую и вяленую, девять или десять телег, и моя обязанность — помогать с погрузкой Рафаэлю, Стиву, Доку и Габби. Рыба билась, собаки лаяли, Стив командовал направо и налево и распоряжался всеми, кроме Кэтрин, которая бы живо дала ему пинка, а над головой вились чайки и вопили так, будто понимают, что им ничего не достанется. Собаки бесились. В самый разгар невообразимого гвалта мы тронулись.

У берега небо было цвета простокваши, но, когда мы свернули с бетонки в долину Сан-Матео, солнце начало пробиваться сквозь тучи и зеленые холмы засверкали под его лучами. Дорога — старинная, асфальтовая, в гравийных заплатках там, где мы заровняли ямы, — сужалась, и караван растянулся.

Стив и Кэтрин в обнимку шли за подводами. Я сидел на краю лодки, волочил ногу по асфальту и смотрел на них. Кэтрин Мариани я знаю с рождения и почти с рождения боюсь. Ее семья живет по соседству с нашей, так что видимся мы постоянно. Она старшая из пяти девиц, и в детстве вечно нас воспитывала, вечно раздавала оплеухи за попытку стащить ломоть хлеба или пройти полем. К тому же она всегда была рослой — помню, свалит меня пинком тяжелого башмака и сердито смотрит сверху вниз. Я тогда считал ее редкой образиной. Лишь года два назад, когда мы сравнялись ростом, я понял, что она хорошенькая. Вздернутый носик плохо смотрится снизу (честно говоря, походит на свиной пяточок), да и крупные губы тоже, а сверху — вполне ничего. В прошлом году у них со Стивом началась любовь, так что остальные девчонки хихикали и гадали, скоро ли свадьба; в итоге мы сдружились, и Кэтрин больше не казалась мне огородным пугалом со скалкой. Сейчас мы поддразнивали друг друга, вспоминая старое время.

— Подкреплюсь-ка я хлебом с первой подводы. Думаю, никто не против.

— Только тронь, я так тебя пну — будешь лететь до Онофре, Генри, зайчик.

Николен рассмеялся. В поездках он всегда веселел — семья оставалась в поселке, так как отец не хотел пропустить и дня рыбалки. Когда собаки начинали скулить, Стив толкал их, дразнил, подбадривал, а они весело скалились и облизывали его, готовые тянуть подводы весь день только потому, что Стив так заразительно хохочет. У Николенов много собак, и в основном они промышляют крыс на обрывах. Стив их выдрессировал, чтобы не лаяли, когда он уходит и приходит ночью. Мы с отцом собак не держим — счастье, что сами-то кормимся, но Николеновы псы меня любят. «Хорошие собачки», — сказал я им, когда Стив вернулся к Кэтрин.

До толкучки — большого парка с редкими эвкалиптами — добрались около полудня. Солнце сияло, больше половины участников уже собралось. В кружевной тени пестрели навесы и флаги, стояли подводы, остовы автомобилей и длинные столы, прохаживались нарядно одетые люди, от костров поднимались струйки дыма, залиvisto лаяли псы.

Ведя собак в поводу, мы обогнули толпу и прошли к отведенному нам месту. Поприветствовали соседей — пастухов из каньона Талега, сгребли кизяк на кострище, часть подвод разгрузили, остальные составили квадратом наподобие столов. Я помог Рафаэлю натянуть тент над лодками с рыбой. Старик восторженно взглянул на белый круглый навес, под которым устроились пастухи, показал нам со Стивом и сказал:

— В старину такие привязывали на спину, прыгали с самолета и пролетали под ними тысячи футов.

— А окуни играли в бейсбол, — сказал Стив. — Не рано начал отмечать, а, Том?

Старик обиделся, мы рассмеялись. Собаки путались под ногами, пришлось отвести их подальше, привязать к деревьям и утихомирить рыбьими головами. Когда мы вернулись, торг уже начался. Из прибрежных поселков на толкучке был только наш, поэтому покупатели валили валом. «Онофре здесь», — услышал я. «Глянь, какая мидия, — донеслось с другой стороны. — Прямо сейчас и съем». «Рыба, кому рыбу?!» — нараспев кричал по-испански Рафаэль. Заявились даже мусорщики из

Лагуны — живут у самого моря, а не могут поймать ни рыбешки. «Спрячьте ваши десятицентовики, мадам, — говорил Док. — Мне нужны ботинки, ботинки, и я знаю — у вас есть». «Берите десятицентовики и купите на них ботинки у кого-нибудь другого; у меня уже кончились. В Синей Книге сказано: за рыбину — десятицентовик». Док поворчал и согласился. Я принес дров, на этом моя сегодняшняя работа кончалась. Иногда я торгую одеждой; сперва покупаю у мусорщиков драную, а когда отец подлатает, снова продаю. Но в этот раз отцу нечего было латать — в прошлом месяце у нас не хватило на старье. Так что я был свободен как ветер в поле, хотя и приглядывал какую-нибудь рванину — впрочем, видел ее только на людях. Я уселся на солнышке перед нашим лагерьем и стал смотреть на гуляющих.

Ярмарочная жизнь кипела. Прошла женщина в длинном лиловом платье и с куриной клетью на голове, за ней двое парней в одинаковых полосатых красно-желтых штанах и синих рубашках, следом, в компании расфуфыренных приятелей, еще тетка в лопающихся по швам узких радужных брючках.

Мусорщиков можно отличить не только по одежде. Они всегда громко разговаривают — почти орут. Наверно, боятся тишины развалин. Том говорит, от жизни в разрушенных городах мусорщики сходят с ума — все до единого. Я глядел на прохожих и соглашался с Томом — у них были такие глаза, пустые и неприкаянные, словно они ищут и не могут найти какого-то захватывающего дела. Я особенно приглядывался к тем, что помоложе, гадая, не они ли гнались за нами в Сан-Клементе. Нам и прежде случалось драться, на толкучках или в долине Сан-Матео, когда камни летали, как бомбы, но я не знал, эти ли ребята подстерегли нас в Сан-Клементе. Двое как раз проходили мимо — в белых-пребелых костюмах и белых шляпах. Я улыбнулся. Мои голубые джинсы, латанные-перелатанные под коленями, давно выцвели до белизны. Весь народ из новых поселков был одет примерно так же — в старье, которое держится на заплатках и честном слове, иногда в новое, сшитое из лоскутков или телячьей кожи. Если ты так одет, значит, ты здоров и в своем уме. Думаю, мусорщики своей одеждой хотят сказать, что они богаты и опасны. За компанией

пастухов проплыли несколько мусорщиц в кружевных платьях — на каждое пошло ярдов по шесть ткани, если не больше, и ярда два волочилося по земле. Мотовство.

Из нашего лагеря вышла Мелисса Шенкс. Она несла корзину с крабами. Я, не задумываясь, вскочил и окликнул:

— Мелисса!

Она обернулась, и я расплылся в дурацкой улыбке:

— Помочь донести, что выменяешь на свой товар?

Она подняла брови:

— А если бы я шла за пачкой иголок?

— Тогда, наверно, обошлась бы без помощников.

— Верно. Однако, на твое счастье, я иду за бочонком и буду рада помощи.

— Отлично.

Мелисса иногда бывает в пекарне — она подружка Кристин, сестренки Кэтрин. В других местах мы не встречаемся и почти не знакомы. Ее отец, Эдисон Шенкс, живет на Бэзилонском холме и с поселковыми почти не знает.

— Здорово, если тебе отдадут бочонок за столько крабов, — сказал я, заглянув в корзину.

— Знаю. Синяя Книга говорит, что это возможно, хотя придется поторговаться.

Она уверенно тряхнула длинными черными волосами, такими густыми и ухоженными, что в солнечном свете казалось — они украшены самоцветами. Хорошенькая: зубки острые, носик тонкий, кожа белая, гладкая. У губ — целый запас осторожных, серьезных, капризных гримасок; тем приятнее редкая улыбка. Я так устоялся на Мелиссу, что столкнулся с какой-то бабусей. Та выругалась по-испански.

— Извини, мамаша, я загляделся на девушку...

— Так и держался бы.

— Будет исполнено, мамаша. — Я подмигнул, ущипнул старушеницу (она с улыбкой хлопнула меня по руке), догнал Мелиссу (она тоже улыбалась) и взял под локоток. Мы весело двинулись вдоль главной аллеи искать бондаря. Решили идти в лагерь каньона Трабуко, где собирались фермеры — они обычно хорошие мастера по дереву.

Над лагерем Трабуко поднимался дымок, перламутровый в кружевной тени эвкалиптов. Запахло мясом — жарили разрубленного пополам бычка. Пиршество привлекло заметную толпу. Мы с Мелиссой обменяли краба на два ребрышка и остановились поесть и понаблюдать за паясничаньем трех разбитных мусорщиков, которые требовали шесть ребер за коробку английских булавок. Я уже собрался пройти на их счет, когда вспомнил, что Мелиссин отец, по слухам, водит компанию с мусорщиками. Эдисон ходит торговать по ночам, и никто не знает, что он выручает у мусорщиков за товар, что за работу, а что просто ворует... Сам вроде мусорщика, только живет не в развалинах. Я молча жевал мясо, внезапно поняв, как мало знаю про девушку рядом со мной. Мелисса обглодала ребрышко, как собака, поглядывая на шипящее над костром мясо. Вдохнула.

— Хорошо, но бочек не видать. Придется заглянуть к мусорщикам.

Я согласился, хотя это означало, что придется торговаться насмерть. Мы прошли на северный край толкучки, где остановились мусорщики — наверно, чтобы сохранить путь к отступлению. И сам лагерь, и товар здесь были иными: почти никакой еды, только несколько женщин охраняли лотки с пряностями и консервированными деликатесами. Мы миновали дядьку в блестящем синем костюме — он расстелил на траве одеяло и торговал инструментами всевозможных форм и размеров. Часть инструментов были ржавые, часть — ярче серебра. Мы пытались угадать, что зачем нужно. Одна штуковина вызвала у нас смех: оранжевая трубка, а в ней проволочка с двумя зажимами на концах.

— Чтoб удерживать мужа с женой, если они не ладят, — сказала Мелисса.

— Не выдержит, все равно разбегутся. Это, наверно, дверная пружина.

— Чтo? — хихикнула она.

Я попытался объяснить, но не тут-то было — стоило начать, Мелисса сгибалась пополам от хохота, не давая сказать ни слова. Мы пошли дальше мимо развалов яркой одежды и сверкающей обуви, мимо огромных ржавых механизмов, которые не работают без электричества, мимо продавцов оружия, окруженных вечной

толпой зевак. Между нашим лагерем и лагерем мусорщиков торговали семенами, как всегда оживленно. Я хотел посмотреть, там ли Кэтрин, потому что торгуется она — заслушаешься, но не мог разглядеть в толпе. Вдруг Мелисса потянула меня за рукав.

— Вот, — сказала она.

За семенными рядами женщина в алом платье продавала стулья, столы и бочки.

— Иди торгуйся, — сказал я. — Пока начнешь, я схожу посмотрю, чего там делает Том. — Старик как раз только что попался мне на глаза.

— Ладно, попробую для начала тихо и невинно.

— Удачи.

Невинной она не выглядела, это точно. Я зашагал к Тому, который увлеченно беседовал с другим продавцом инструментов. Когда я подошел, он хлопнул меня по плечу и продолжил разговор:

— ...из промышленных отходов, гнилой древесины, собачьих трупов...

— Говно, — сказал продавец. («Из говна тоже», — вставил старик.) — Его делали из сахарной свеклы и тростника: так написано на пачках. Сахар-не портится, и на вкус не хуже твоего меда.

— Сахарную свеклу и тростник выдумали производители, — презрительно сказал Том. — Ты их видел? Нет! Сахар делали из всякой дряни, поэтому от него болезни и уродства. Но мед! Мед предохраняет от простуды и легочных болезней, излечивает подагру и отрыжку, он в десять раз слаще сахара. Будешь есть мед, проживешь, сколько я. Это свежий и натуральный продукт, а не синтетическая гадость, шестьдесят лет пролежавшая в развалинах. На, попробуй, обмакни палец — это бесплатно.

Продавец запустил два пальца в горшок и слизнул мед:

— Вкусно...

— Еще бы! И за одну дерьмовую зажигалочку, каких у вас в Ориндже тысячи, я отдаю два, два-а-а горшка превосходного меда. Тем более... — Том хлопнул себя по лбу, словно припоминая. — Тем более что ты получишь и горшки.

— Значит, вместе с горшками.

— Да, я понимаю, что расщедрился, но мы в Онофре все такие — последние бы штаны отдали, кабы не срам, а я вообще из ума выжил...

— Ладно, заткнись и давай свои горшки.

— Прекрасно, молодой человек, получите. Обещаю: питаюсь этим волшебным эликсиром, вы доживете до моих лет.

— И дольше, если не возражаете, — рассмеялся мусорщик. — Но штука вкусная.

Он протянул старику зажигалку — пластмассовый прямоугольник с металлической крышкой.

— До встречи, — сказал старик, пряча в карман зажигалку и увлакивая меня прочь. Под следующим деревом он остановился. — Видал, Генри? Видал? Зажигалку за два маленьких горшочка меду! Вот это сделка! Ну, гляди же. Просто не верится. Гляди.

Он чиркнул зажигалкой перед моим носом, секунду подержал пламя и потушил.

— Очень мило, — сказал я, — но у тебя уже есть зажигалка.

Старик придвинул сморщенное лицо вплотную к моему:

— Покупай их всякий раз, как увидишь, Генри. Всякий. Это, без сомнения, одно из величайших достижений американской технологии. — Он сунул руку за спину, порылся в рюкзаке и протянул мне фляжку янтарной жидкости. — Вот, хлебни.

— Уже в винном ряду побывал?

Старик улыбнулся щербатым ртом:

— Первым делом, первым делом. Хлебни глоток. Виски столетней выдержки. Отличная штука.

Я глотнул и закашлялся.

— Глотни еще, легче пойдет. Чувствуешь — согревает? — Я чувствовал. — Замечательная вещь.

Мы по разу приложились к фляжке, и я указал на Мелиссу — она, похоже, не очень-то продвинулась со своей сделкой.

— А-ах, — сказал Том, заметно пошатываясь. — Мужик бы ей все отдал.

Я согласился.

— Слушай, одолжи мне горшочек, а? Отработаю на пасеке.

— Ну, не знаю...

— Да ладно, чего тебе еще покупать?

— Много чего, — возразил Том.

— Ты ведь уже заполучил лучшее, что есть у мусорщиков, так?

— Хорошо, бери этот маленький. Хлебни еще разок на дорожку.

Когда я шел к Мелиссе, в животе у меня горело, а голова кружилась. Мелисса медленно, видимо, в четвертый раз, повторяла:

— ...только сегодня из садка. Мы всегда так делаем, это каждому известно. Все едят наших крабов, и никто еще не заболел. В прохладном месте они сохраняются неделю. Мясо вкуснейшее, вы сами подтвердите, если попробуете.

— Да пробовала я, — буркнула тетка. — И впрямь вкусно, да мяса-то всего ничего, не расчувствуешь. Бочка на дороге не валяется, а служит всю жизнь. Крабов же хватит на неделю.

— Если вы не распродадите бочки, вам придется катить их домой, — дружелюбно вмешался я. — Сперва в горку, потом под горку... Да вы благодарить нас должны, что избавляем вас от груза!.. Не больно ваша бочка нам и нужна. Вот — даю вдобавок к этим вкуснейшим крабам горшочек меда от Барнарда, и вы остаетесь в барыше...

Мелисса сперва вытаращилась на меня, что я лезу в ее сделку, но теперь заискивающе улыбалась тетке. Та смотрела на мед, но бочку отдавать не собиралась.

— В Синей Книге написано: бочонок стоит десять долларов, — сказал я, — а крабы — по два. Мы даем вам семь крабов, так что вы получаете четыре доллара лишку, не считая меда.

— Синяя Книга — говно, — сказала тетка.

— С каких это пор? Ее составили мусорщики.

— Да нет, ваши.

— Ладно, кто бы ни составил, все пользуются, а говном обзывают, только когда хотят надуть.

Тетка колебалась:

— А в Синей Книге правда говорится, что крабы стоят по два доллара?

— Правда, — сказал я, надеясь, что поблизости нет списка — на самом деле крабы стоят по полтора доллара.

— Ладно, — сдалась тетка, — мне нравится их мясо.

На полпути к лагерю — я катил бочку — Мелисса позабыла про мою грубость.

— Генри, — пропела она, — как тебя отблагодарить?

— Не стоит, — сказал я и остановился пропустить пастухов, которые несли над головами огромный перевернутый стол. Мелисса обхватила меня руками и поцеловала в губы. Мы некоторое время смотрели друг на друга, прежде чем снова тронуться в путь: она покраснела, я чувствовал тепло ее тела. Когда мы пошли дальше, Мелисса облизнула губы.

— Ты выпил, Генри?

— Да... старый Барнард дал отхлебнуть.

— Правда? — Она оглянулась через плечо. — Я тоже не прочь пропустить глоток.

В лагере Мелисса пошла разыскивать Кристин, а я помог дораспродать рыбу. Николен принес сигарету, и мы покурили, глядя, как пляшут пылинки в лучах послеполуденного солнца. Потом пендлтонский ковбой подрался с мусорщиком. Их разняли сердитые парни, назначенные следить за порядком. Эти ярмарочные шерифы — ребята серьезные, на затрешины не скупятся, и драчунам приходится туго. Потом я прилег рядом с дрыхнувшими псами и часа два покемарил.

Рафаэль принес собакам объедки и разбудил меня. На западе небо еще синело, высоко над головой облака лучились закатными отсветами. Я очухался от сна и пошел к кострам, где народ доедал ужин. Сел рядом с Кэтрин и угостился предложенной похлебкой.

— Где Стив?

— У мусорщиков. Сказал, следующие часа два будет в Старой Миссии.

— Ага, — сказал я, уплетая похлебку. — А ты что не с ним?

— Да понимаешь, Хэнкер... Во-первых, надо было помочь с готовкой. Даже будь я свободна, нельзя же

таскаться со Стивом ночь напролет. То есть можно, но какая радость? К тому же, по-моему, ему без меня лучше.

— Зря ты так.

Она пожала плечами:

— Потом пойду поищу.

— Как успехи с семенами?

— Неплохо. Хуже, чем весной, но мешочек ячменя раздобыла. С боем взяла — сейчас все интересуются ячменем, уж больно хорошие в Талеге урожаи. Ничего, выторговала. На следующей неделе засею верхнее поле, посмотрим, как взойдет. Надеюсь, не опоздаем.

— Будет твоим работа.

— Как всегда.

— Верно. — Я прикончил похлебку. — Пойду искать Стива.

— Это несложно. — Она рассмеялась. — Иди на самый громкий крик. До скорого.

В южной части парка, где стояли поселковые, было темно и тихо, только орали недовольные клетками трабуканские павлины. Между деревьями плясали костерки,плыли голоса, темные фигуры говоривших заслоняли огонь. Я споткнулся о корень.

В северной половине парка все было иначе. На трех полянах пылали огромные костры, нагретый воздух колыхал растянутые между деревьями навесы. С ветвей свисали тусклые белые фонари. Я вышел на аллею. Здоровенная тетка в оранжевом платье налетела на меня сзади. «Извини, парнишка». Я зашагал к лагерю Старой Миссии. Мимо пролетела бутылка, обрызгала меня и ударилась о ствол. Огонь освещал неестественно яркие одеяния. Мусорщики, от мала до велика, нацепили все свои украшения: золотые и серебряные ожерелья, серьги, кольца в нос, на лодыжки, на живот, браслеты с красными, зелеными, голубыми драгоценными камнями. Это было очень красиво.

Столбы стояли длинными рядами, на скамьях вприценку сидели люди, пили, говорили, слушали игравший на краю лагеря джаз-банд. Я стоял и смотрел, но никого знакомого не видел. Потом откуда ни возьмись появился Николен, хлопнул меня по руке и сказал с ухмылкой:

— Пошли дразнить Тома, он с Доком и остальным старичьем.

Том расположился в конце стола вместе с немногими оставшимися в живых свидетелями давней поры: Доком Костой, Леонардом Саровицем из Хемета, Джорджем из Кристианоса. Эта четверка порядком примелькалась на толкучках, к ним частенько присоединялись Чудила Роджер и другие старики, помнившие прежние времена. Том из них самый старый. Он увидел нас и подвинулся, освобождая место. Мы по разу приложились к Леонардовой бутылки; я поперхнулся и вылил половину за пазуху. Стариканы разразились хохотом. У Леонарда был беззубый, как у младенца, рот.

— А Ферги здесь? — спросил Док Коста у Джорджа, возобновляя прерванный разговор.

Джордж мотнул головой:

— Помер.

— Жалко.

— Знаете, какой он прыткий? — спросил Том, хлопая меня по плечу. Леонард хмуро помотал головой. — Раз делаю подачу, он отбивает — аккурат мне мимо уха — и бежит к следующей базе. Я оборачиваюсь и — вообразите! — мячик ударяет ему по заднице!

Остальные рассмеялись, только Леонард снова затряс головой:

— Не отвлекай! Ты нарочно отвлекаешь.

— От чего?

— Суть такова — я только что говорил, ребята, и вам не вредно послушать — суть такова: если бы Элиот сражался, как настоящий американец, мы бы не сидели в таком дерьме.

— Не вижу никакого дерьма, — сказал Том. — Мне очень даже неплохо.

— Кончай паясничать, — угрюмо вставил Коста.

— Опять за старое. — Стив закатил глаза и потянулся за бутылку.

— Даю руку на отсечение, сейчас мы снова были бы первой державой мира, — упорствовал Леонард.

— Погоди, — перебил Том. — Американцев теперь не хватит и на плохонькую державу, не то что на первую. А что хорошего, если бы мы и всех остальных разбомбили к чертовой бабушке?

Док так разозлился, что ответил за Леонарда.

— Чего хорошего? — переспросил он. — Никакие китайцы не курсировали бы вдоль берега, не шпионили бы за нами, не бомбили бы нас всякий раз, как мы пытаемся отстроиться. Вот чего хорошего. Элиот по трусости погубил Америку. Безвозвратно. Мы на самом дне, Том Барнард, сидим, как в медвежьей яме.

— Ррррр, — зарычал Стив и снова приложился к бутылки. Я последовал его примеру.

— Нам была хана, как только взорвались бомбы, — говорил Том, — что бы ни случилось с остальным миром. Нажми Элиот кнопку, мы просто убили бы больше народу и разрушили еще несколько стран. Нам от этого ни жарко ни холодно. К тому же бомбили не русские и не китайцы...

— Опять врешь, — сказал Коста.

— А то ты не знал. Это чертовы юаровцы. Думали, мы потребуем от них отменить рабство...

— Французы! — завопил Джордж. — Французы!

— Вьетнамцы, — сказал Леонард.

— Нет, не вьетнамцы, — ответил Том. — Когда мы разделались с этими несчастными, у них не осталось даже хлопушки. И решение не наносить ответного удара наверняка принял не Элиот. Он, небось, погиб вместе со всеми. Решал какой-то генерал в самолете, можешь поспорить на свою вставную челюсть. Вот ведь удивил — и весь мир, и себя самого. Особенно себя самого. Интересно, кто это был?

— Трус и предатель, — сказал Коста.

— Достойный человек, — сказал Том. — А если бы нанес ответный удар по Китаю и России, был бы преступником и убийцей. К тому же Россия в ответ послала бы свои ракеты, и в Северной Америке сейчас не осталось бы паршивого муравьишки.

— Муравьи бы выжили, — сказал Джордж.

Мы со Стивом упали лицами на стол и ржали, тыча друг друга в бок — «нажимали кнопку», как выражается старичье. Странно — нажал кнопку и началась война... Том взглянул укоризненно, мы выпрямились и сделали по глотку, чтобы унять смех.

— ...пережили больше пяти тысяч ядерных взрывов, — говорил Коста. (С каждой новой встречей число увеличивалось.) — Пережили бы и еще несколько. Я вот о

чем: враги тоже заслужили пяток бомбочек. — Он разошелся не на шутку; хотя старички спорят всякий раз, как сойдутся вместе, Коста по-прежнему злится на Тома. — Нажми Элиот кнопку, мы были бы в одной лодке, имели бы шанс выкарабкаться. Эти гады не дают нам отстроиться, восстановить хозяйство!

— А это чем не хозяйство, Эрнест? — Том, пытаясь вернуть разговор в шутовское русло, обвел рукой ярмарочную поляну.

— Кончай дурака валять, — сказал Коста. — Я имею в виду, восстановить все, как было.

— Ага, чтобы нас снова разбомбили, — сказал Том.

Однако Леонард слушал только Дока:

— Мы бы восстанавливались наперегонки с коммунистами. И ты знаешь, кто бы кого опередил. Мы — их!

— Ага, — сказал Джордж, — или французов...

Барнард тряхнул головой и отобрал у Стива бутыл.

— Тебе как врачу не следовало бы желать другим такого, Эрнест.

— Мне как врачу виднее, что они с нами сделали, — огрызнулся Док. — Загнали в яму, как медведей.

— Пошли отсюда, — сказал Стив. — Сейчас начнут выяснять, кто нас завоевал — русские или китайцы.

— Или французы. — Я соскользнул со скамьи и глотнул на прощанье из стариковой бутылки. Том отвесил мне тумак и крикнул:

— Идите отсюда, неблагодарные юнцы. Не желаете слушать историю.

— В книжках прочитаем, — сказал Стив. — Они не напиваются.

— Чего мелет! — сказал Том. Его дружки рассмеялись. — Научил его читать, а он говорит, что я пьян.

— От твоей учебы у них мозги набекрень, — сказал Леонард. — Ты часом книжки не вверх ногами держишь?

Мы ушли, провожаемые подобными замечаниями, и враскачку направились к рыжему дереву. Это был огромный старый дуб, один из полудюжины в парке, на его ветвях висели обернутые рыжей прозрачной пластмассой газовые фонари — знак мусорщиков из центрального округа Ориндж. Здесь ближе к середине ночи собиралась наша компания. Никого из Онофре мы не нашли, поэтому уселись в обнимку на траве и принялись

отпускать похабные шуточки на счет прохожих. Стив жестом подозвал продавца спиртного и купил за два десятицентовика бутылку текилы. «Вернешь назад без трещины, иначе жди затрещины», — пропел, уходя, продавец. По другую сторону оранжевого дерева жужжал и потрескивал маленький педальный движок — компания мусорщиков подключила к нему маленькую микроволновую духовку и пекла шматы мяса с целыми картофелинами. «Разогрей и ешь! — орали они. — Вот так чудопечь! Разогрей и ешь!» Я глотнул текилы — крепкое зелье, но во хмелю хотелось пьянеть еще больше — и объявил Стиву:

— Я хорош. Borracho. Aplastaaaa-do*.

— Оно и видно, — сказал Стив. — Глянь, сколько серебра. — Он указал на мусорщицу в тяжелом ожерелье. — Глянь! — Приложился к бутылке. — Хэнкер, эти люди богаты. Могут делать что угодно. Идти, куда захотят. Быть кем вздумается. Мы должны раздобыть серебра. Как угодно. Жить — это не просто день за днем ковыряться на одном клочке земли ради пропитания, Генри. Так живут звери. Но мы — люди, Хэнкер, люди, не забывай, и Онофре для нас мал, мы не можем прожить всю жизнь в одной долине, как коровы, жуя жвачку. Жуя жвачку и дожидаясь, пока нас запихнут в чудопечь и спекут... Хм... Дай-ка мне еще глотнуть, Хэнкер, друг сердечный, меня внезапно охватил приступ неутолимой жажды.

— В самом себе живет бессмертный дух, — мрачно заметил я, передавая ему бутылку. Обоим уже не стоило пить, но, когда подошли Габби, Ребл, Кэтрин и Кристин, мы помогли им прикончить еще бутылек. Стив позабыл про серебро и стал целоваться с Кэтрин — за ее рыжими волосами не было видно, как они это делают. Оркестр — труба, кларнет, два саксофона и басовая скрипка — заиграл снова, и мы затагнули под музыку: «Матильда», «О, Сюзанна» или «Я только что видел». Мелисса подошла и села рядом. Я обнял ее и понял — она пила и курила. Из-за Мелиссиного плеча мне подмигнула Кэтрин. Оркестр наяривал, вокруг оранжевого дерева собиралось все больше народу, и скоро мы уже ничего не

---

* Пьян. В стельку (*исп.*).

видели, кроме ног. Сперва мы в шутку угадывали горожан по одним ногам, а потом потанцевали вокруг дерева вместе со всеми.

Много позже мы двинулись к лагерю. Это было здорово. Мы пробились через поющую толпу, вернули бутылки продавцу и вышли на аллею, пошатываясь, держась за руки и горланы «Большие надежды» под стихающие звуки оркестра.

На полпути из-за деревьев выскочила компания. Меня грубо бросили на землю. Я с ругательствами вскочил. Слышались крики и вой, кто-то падал, катался по земле и злобно орал: «Какого...» Две компании разделились и встали стенка на стенку. В свете фонаря я узнал ребят из Сан-Клементе. На всех были одинаковые, красные в белую полоску, рубахи.

— Ох, — сказал Николен тоном усталого презрения. — Это они.

Один из вожаков, парень с отметиной от брошенного камня, выступил на свет и нехорошо улыбнулся. Мочки ушей у него были в клочьях от выданных в драке серег, тем не менее в левой и сейчас красовались две золотые, а в правой — две серебряные сережки.

— Привет, Дол Грин, — сказал Николен.

— Деткам нельзя ходить в Сан-Клементе ночью, — сказал мусорщик.

— Какой-такой Клементе? — невинно осведомился Николен. — К северу от нас ничего нет, только развалины, развалины, развалины...

— Детки могут заботиться. Они могут услышать вой, — продолжал Дол Грин. Ребята за его спиной затаили: «ухмммммммм-иииииииихххххх», то выше, то ниже, как сирена, которую мы слышали той ночью. Вожак сказал: — Вашим нечего делать у нас в городе. Другой раз так легко не уйдете...

Николен осклабился:

— Давно мертвечинкой лакомился?

На него набросились; мы с Габби поторопились встать рядом, чтобы Стива не окружили. Впрочем, он ловко молотил мусорщиков башмаком под коленки и самозабвенно выкрикивал: «Коршуны! Шакалы! Крысы помоечные! Старьевщики!» Я держался начеку — мусорщиков было больше, и у каждого на пальцах перстни...

Шерифы накинулись на нас с криком: «Это что! Прекратите! Эй!» Я снова очутился в грязи вместе с большинством дерущихся. Встать оказалось непросто.

— Гребите отсюда, парни, — сказал один из шерифов, здоровенный, на голову выше Стива, которого держал за ворот. — Еще раз придется вас разнимать — запретим появляться на толкучках. А теперь валите, пока еще не схлопотали.

Мы догнали девушек — Кристин и Ребл дрались наравне с нами, но остальные предпочли держаться в стороне — и зашагали по аллее. За спиной ребята из Сан-Клементе снова завывли сиреной: «ухммммммиииии-ухммммммиииии-ухммммммиииии...»

— Черт! — сказал Николен, обнимая Кэтрин за талию. — Как бы мы им врезали...

Кэтрин, не в силах больше хмуриться, рассмеялась:

— Их двое на одного!

— А что, Кэт, может, это нам как раз по вкусу?

Все согласились, что мы поколотили бы мусорщиков, и в отличном настроении двинулись к костру. Мелисса догнала меня и взяла под руку. Возле лагеря она сбавила шаг. Я понял, к чему она клонит, свернул в рощицу и встал, прислонясь к лавровому дереву.

— Ты здорово дерешься, — сказала Мелисса. Мы целовались долго-долго, потом она вся обмякла и повисла на мне. Я сполз по стволу, царапая корой спину.

На земле я оказался наполовину сверху, наполовину сбоку от нее, ноги наши переплелись — ужасно неудобно, но в висках у меня застучало. Мы целовались без передышки, ее частое прерывистое дыхание щекотало мне лицо. Я попытался было залезть ей рукой в трусы, но не дотянулся, поэтому задрал блузку и ухватился за грудь. Мелисса куснула меня в шею. По телу пробежала дрожь. Кто-то шел по аллее с фонарем, и на секунду я увидел Мелиссино плечо: светлая кожа, перекрученная грязная лямка белого лифчика, грудь колышется под моей рукой... Мы целовались, а эта картинка так и стояла перед моими закрытыми глазами.

Она отодвинулась:

— Ох, Генри. Я сказала папе, что скоро вернусь. Он будет меня искать.

Я поцеловал ее в надутые губки, едва различимые в темноте.

— Ладно. В другой раз.

Я был так пьян, что не почувствовал разочарования — еще пять минут я ничего такого не ждал, и вернуться к прежнему состоянию оказалось легко. Все было легко. Помог Мелиссе подняться, снял со спины кусок коры. Рассмеялся.

Проводив Мелиссу к отцовскому навесу и поцеловав разок на прощанье, я пошел в рошу пописать. За деревьями по-прежнему светился кострами лагерь мусорщиков, оттуда неслись звуки «Прекрасной Америки». Я стал подпевать вполголоса. Старая мелодия переполняла мое сердце.

На аллее перед нашим лагерем я увидел старика с двумя незнакомцами в темных куртках. Том спрашивал, но слов было не разобрать. Гадая, кто бы это мог быть, я побрел к своему лежбищу и рухнул на землю. Голова кружилась, черные ветви качались над головой, и каждая еловая иголочка виделась четко, словно нарисованная. Я думал, что вырублюсь сразу, но, едва лег, услышал шуршание: кто-то размеренно придавливал кучу листвы. Звук доносился с того места, где должен был спать Стив. Я прислушался и вскоре различил дыхание, тихое, частое «ах-ах-ах» и узнал голос Кэтрин. У меня тут же встал; я понял, что скоро не усну. Еще через минуту мне сделалось не по себе; я поднялся на ноги, сердито бормоча под нос, и пошел на окраину лагеря, где дышала жаром огромная куча головешек. Я сидел, смотрел, как от ветра они из серых становятся алыми, и был возбужден, обижен, счастлив и пьян.

Внезапно в лагерь ворвался старик, с виду еще более пьяный, чем я. Серые волосы дымком вились вокруг головы. Он увидел меня и опустил на корточки рядом с костром.

— Хэнк, — сказал Том непривычно взволнованным голосом, — я только что говорил с двумя приезжими. Они меня искали.

— Я видел. Откуда они?

Том взглянул на меня, и в налитых кровью белках отразился костер.

— Из Сан-Диего, Хэнк. Они приехали сюда — вернее, они остановились чуть южнее Онофре. Они говорили с Рекавери Симпсоном и следовали за нами до толкучки — нарочно, чтобы поговорить со мной, правда здорово, слухом земля полнится, кто в поселке старший... Так вот...

— Эти двое...

— Да! Они говорят, что приехали из Сан-Диего в Онофре на поезде.

Мы сидели, уставившись друг на друга. Язычки пламени плясали над головешками и в шальных глазах старика. «Приехали на поезде».

Глава 4

Через несколько дней после возвращения с толкучки мы с отцом проснулись под шум ливня. Позавтракали целой буханкой, развели большой огонь и сели чинить одежду, но дождь все сильнее молотил по крыше, а когда мы выглянули в дверь, то в сплошной серости едва смогли разглядеть огромные эвкалипты. Казалось, океан подпрыгнул до неба и рушится сверху, чтобы смыть нас и в первую очередь наши посевы. Молодые всходы, почву, колышки — все унесет вода.

— Похоже, будем класть пленку, — сказал отец.

— Точно.

При свете очага мы принялись ходить по темной комнате, нашли пончо и шляпы, еще немного походили, взволнованно переговариваясь. Сквозь шум ливня слабо донесся зов Рафаэлевой трубы: высокий-низкий-высокий-низкий-высокий-низкий.

Мы оделись, выскочили на улицу и через минуту промокли до нитки. «Ух!» — крикнул отец и побежал к мосту, расплескивая лужи. На мосту ежились под пончо и зонтами несколько человек — ждали, когда принесут пленку. Мы побежали к бане. Дорога превратилась в ручей, река пенилась и бурлила. Мы посторонились, пропуская троих или четверых соседей, с трудом шагавших под тяжестью огромного рулона пленки. В бане Мендесы, Мандо, Док Коста, Стив и Кэтрин, не глядя, укладывали пленку на плечи входившим. Я подлез под конец рулона и засеменил вместе с ним, подгоняемый

резкими выкриками Кэтрин. У нее не посачкуешь, это точно. На улице хлестало как из ведра.

Я помог отнести через мост на поле три рулона, теперь пришло время расстилать. Мы с Мандо ухватились за край неплотно смотанного полиэтилена, когда-то прозрачного, а сейчас мутного от грязи, и наклонились, чтобы обхватить его руками. Дождь заливал в штаны; пончо хлестало по спине. Габби и Кристин взялись за другой конец, и вчетвером мы поволокли пленку к рядам капусты в нижней части склона. Дальше работа шла так: мы, сопя от натуги и покрикивая друг на друга, поднимали рулон, разматывали один оборот и снова опускали, по щиколотку в воде, которая уже залила борозды между грядками. Склон высился перед нами корявый и черный. В ямах собрались вспененные дождем лужицы серой воды. Рулона еле-еле хватило на всю капусту. Идя назад вдоль пленки, я заметил, что многие всходы примяты. Плохая защита, но другой у нас нет. Ниже маленькие склоненные фигуры раскатывали другие рулоны: Хэмиши, Эглоффы, Мануэль Рейс и прочие работники Кэтрин, с ними Стив и Рафаэль. Дальше бушевала река, коричневый поток, из которого торчали затопленные деревья и макушки кустов. На секунду проглянуло солнце, все преобразилось, засияло под косой завесой дождя, но тут же снова померкло.

В нижней части поля старик помогал разложить оставшиеся рулоны. К спине у него были привязаны две жерди, на которых он пристроил пластиковый купол — зонтик. Я рассмеялся, невольно глотая дождь:

— Надел бы шляпу, как все нормальные люди.

— В том-то и дело, — сказал Мандо, согревая замерзшие руки под мышками. — Он не хочет, как все.

— Он и без этой хреновины над головой не как все.

Габби и Кристин догнали нас у подножия склона. Габби, похоже, свалился в грязь, он был весь чумазый, и его робкая улыбка казалась по контрасту особенно белозубой. Мы подхватили следующий рулон и потащили в гору. Ветер качал деревья на холме, ветки клонились и шумели, так что вершина походила на огромного зверя, захваченного бурей. Вода бежала по уже расстеленной пленке. На обратном пути мы с Габом остановились расправить складки и как следует убрать края в борозды.

Дренажная канава у подножия переполнилась, но тем не менее вода стекала в реку.

Подошел Том. Его лицо под зонтом было таким же мокрым, как у всех остальных. «Привет Габриэль, Генри, Армандо, Кристин. Приятная встреча. Кэтрин сказала, ей надо помочь с кукурузой». Мы четверо, дрожа и хлопая себя руками для согрева, побежали на берег реки, где росла кукуруза. Кэтрин, такая же чумазая, как Габби, носилась повсюду, сгоняла работников в кучу, помогала тащить вверх непослушные рулоны, указывала на складки в уже расстеленной пленке. Она крикнула, что делать, и мы побежали, подгоняемые ее пронзительным голосом.

Кукуруза вымахала уже в две ладони, и класть пленку прямо на нее было нельзя — сломались бы побеги. Поэтому через каждые несколько ярдов были расставлены цементные блоки, и пленку привязывали к ним за кольца. Приходилось двигать блоки, чтобы они соответствовали кольцам. Стив и Джон Николен работали на пару, двигали блоки и затягивали узлы. Все были перемазаны по уши. Кэтрин отправила нас на верхний край поля. Здесь мы нашли двух ее младших сестреноч, Дока и Кармен Эглофф, которые возились с узким рулоном.

— Давай разматывай, пап! — крикнул Мандо на ходу.

— Берись, — устало отвечал Док.

Мы присоединились к работающим и, покуда они разматывали, стали привязывать пленку к блокам. Кэтрин расставила их неделю назад, и я удивлялся, как близок каждый блок к своему кольцу. Однако все равно каждый приходилось немного двигать, стоя на коленях в грязной жиже. Наконец мы закрепили этот рулон и побежали за следующим.

Прошло немало времени, прежде чем мы снова полезли на горку. Ветер рвал пленку из окоченевших пальцев, все большее было ее держать. Узлы не завязывались, и я отчаивался, глядя, как непослушные пальцы делают ошибку за ошибкой. Ноги, разумеется, давно онемели. Небо затянули черные тучи, стемнело. Растянутая пленка слабо поблескивала. Стоя на коленях в грязи и дрожа от холода, я поднял глаза от узла и увидел, что поле чернеет фигурами: сгорбленными, скрюченными спиной к ветру. Я остервенело затянул узел.

К тому времени как расстелили третий рулон — работники мы были не ахти какие, — большая часть кукурузы была укрыта. Мы пошли к речке искать Кэтрин. Мимо нас под мостом проплыла сосна: жалко было смотреть на ее зеленые еще иголки, белые, вырванные из земли корни.

Почти все работники — человек двадцать — собрались у переполненной дренажной канавы и смотрели, как Мендесы с Николенами бегают вдоль пленок, подлезают под них, натягивают, оправляют, чтобы вода стекала как следует. Часть народа ушла к бане, остальные стояли под зонтиками и делились впечатлениями от работы. Поля теперь блестели полиэтиленовыми грядами, дождь разбивался о пленку, скрывая ее под слоем брызг. Вода хлестала с пленки в дренажную канаву, однако она не уносила с собой ни земли, ни наших летних всходов. Смотреть на это было приятно.

Когда всю пленку расправили, мы гуртом двинулись к бане. Внутри усердствовал Рафаэль: воздух уже прогрелся, от чанов поднимался пар. Входящие нахваливали Рафаэля за, как выразился Стив, «отличный домашний костер». Снимая мокрую одежду, я в сотый раз восхитился сложной системой труб, насосов и баков, которую Рафаэль смастерил для нагрева воды. Я залез в грязный чан, где уже было полно народу. Грязный чан — самый горячий, и в комнате слышались довольные стоны распаренных купальщиков. Я не чувствовал своих ног, остальное тело обдало, словно кипятком. Потом жар проник в ступни, и мне показалось, что они превратились в отцовы подушечки для булавок. Я радостно завопил. Металлическое дно чана было раскалено, и мы плавали, сталкивались, плескались и обсуждали бурю. Раф поддавал жару и улыбался, как лягушка.

В чистом чане стояли деревянные скамьи, и вскоре народ перебрался туда, поговорить и понежиться в тепле. Ливень дребезжал рифленой металлической крышей, звук усиливался вместе с дождем. Когда он стал совсем громким, мы перестали говорить и прислушались. Некоторые выбежали расстилать пленку, не накрыв собственные огороды, и теперь должны были натягивать мокрую одежду (кроме тех, кто держал в бане сменку) и бежать

на улицу. Все они обещали скоро вернуться, и мы охотно верили.

В отблесках пламени тени труб плясали на потолке, дощатые стены поблескивали красным. Красными казались и люди. Женщины были бесподобны: Кармен Эглофф подкидывала сучья в очаг, ребра у нее на спине выпирали; девчата ныряли возле скамьи, как нерпочки; Кэтрин остановилась поговорить со мной, пышная, округлая, с капельками воды на коже; миссис Николен с визгом увертывалась от мужа, который в редком приступе благодушия плескал на нее водой. Я сидел, как обычно, в углу, слушал Кэтрин и с удовольствием смотрел по сторонам: мы были огненнокожими зверьми, мокрыми, распаренными, встрепанными, прекрасными, словно кони. Мы уже выбирались из чана, и Кармен раздавала полотенца, когда с улицы донеслось:

— Эй, в доме! Эй!

Разговор смолк. В наступившем молчании (только дребезжала кровля) мы услышали отчетливей:

— Эй, в доме! Здравствуйте! Мы путешественники с юга! Американцы!

Женщины и большинство мужчин машинально ухватились за полотенца или одежду. Я натянул мокрые штаны и вслед за Стивом подошел к двери. Том и Нат Эглофф были уже там; Рафаэль присоединился к нам, голый, но с пистолетом в руке. Джон Николен, все еще застегивая шорты, раздвинул нас плечами и выскочил за дверь.

— Чего надо? — услышали мы его вопрос.

Ответ потонул в шуме дождя. Через секунду Рафаэль снова открыл дверь. Двое в пончо вошли впереди Джона и с изумлением уставились на Рафаэля. Оба были насквозь мокрые, усталые и оборванные — один тощий, с длинным носом и шкиперской бородкой, другой — кряжистый коротышка в мокрой кепке. Они сняли пончо и остались в темных куртках и мокрых штанах. Тот, что пониже, узнал Тома и сказал:

— Здравствуй, Барнард. Помнишь, встречались на толкучке?

Том сказал, что помнит. Гости обменялись рукопожатием с ним, с Рафаэлем (забавное зрелище), с Джоном, Натом, Стивом и со мной, потом украдкой огляделись

по сторонам. Все женщины были одеты или закутаны в полотенца, огонь наполнял комнату красными отблесками, от чанов валил пар, несколько голых мужчин выделялись среди одетых блестящей, словно рыба чешуя, кожей. Коротышка вроде бы как поклонился.

— Спасибо, что впустили. Мы из Сан-Диего, мистер Барнард вам расскажет.

Мы устали на него.

— Вы приехали поездом? — спросил Том.

Гости кивнули. Тощий трясся от холода.

— Мы оставили дрезину и ребят милях в пяти отсюда, — сказал он, — и пришли пешком. Не хотели тянуть рельсы дальше, пока не переговорим с вами.

— Думали добраться раньше, но помешала буря, — добавил низенький.

— А зачем вообще ездить в дождь? — спросил Николен.

Низенький, поколебавшись, ответил:

— Мы предпочитаем передвигаться, когда облачно. Чтобы не было видно сверху.

Джон закинул голову и сощурился, не понимая.

— Если хотите залезть в чан, — предложил Том, — то не стесняйтесь.

Высокий покачал головой:

— Спасибо, но...

Они переглянулись.

— На вид тепло, — заметил коротышка.

— Верно, — сказал другой и несколько раз кивнул. Он все еще дрожал. Потом робко огляделся и сказал Тому: — Если позволите, мы бы просто погрелись у вашего огонька. Здорово вымокли и не прочь обсушиться.

— Конечно-конечно. Располагайтесь как дома.

Джон явно не пришел в восторг от этих слов Тома, но гостей к огню проводил, а Кармен подбросила дров. Стив толкнул меня в бок:

— Слыхал? Поезд до Сан-Диего! А что, если прокатиться?

— Может, и удастся, — ответил я.

Гости представились: маленького звали Дженнингс, высокого — Ли. Дженнингс снял кепку и оказался взъерошенным блондином, потом скинул куртку, рубашку,

ботинки и носки, повесил все сушиться, а сам встал греть руки над огнем.

— Мы уже несколько недель тянем ветку на север от Ошенсайда, — сказал он. Ли тоже принялся раздеваться. Дженнингс продолжил: — Мэр Сан-Диего формирует разные бригады, и наша занята прокладкой путей к соседним городам.

— На толкучке говорили, что в Сан-Диего больше двух тысяч человек, — сказал Том. — Это правда?

— Около того, — кивнул Дженнингс. — А с тех пор как мэр взялся за дело, мы многого добились. Поселки далеко один от другого, но мы наладили железнодорожное сообщение. Дрезины, конечно, хотя в городе есть и генераторы, и электричество. Ярмарки раз в неделю, рыболовецкая флотилия, ополчение — все, чего раньше не было. Ясное дело, мы с Ли больше всего гордимся своими успехами. Мы расчистили восьмую автомагистраль через горы до Солтон-Си, проложили по ней рельсы...

Что-то в манере стоящего у огня Ли заставило Дженнингса смолкнуть.

— Солтон-Си, наверно, разлилось, — сказал Том.

Дженнингс молчал, и Ли кивнул:

— Теперь вода там пресная и кишит рыбой. Местные живут неплохо, хотя их совсем мало.

— Что вам здесь нужно? — резко спросил Джон Николен.

Пока Ли в упор смотрел на Джона, Дженнингс оглядел собравшихся. Все глаза были устремлены на него, все уши наострены. Похоже, ему это нравилось.

— Мы дотянули рельсы до Ошенсайда, — объяснил он, — и разрушенные пути идут дальше на север, поэтому мы решили их починить.

— Зачем? — настаивал Джон.

Дженнингс тоже выставил вперед подбородок.

— Зачем? Полагаю, надо спросить мэра — идея его. Видите ли... — Он взглянул на своего спутника, словно испрашивая разрешения продолжать. — Вы знаете, что японцы наблюдают за побережьем?

— Конечно, — сказал Джон.

— Трудно не заметить, — добавил Рафаэль. Он положил пистолет и сидел на краю чана.

— Я не про корабли, — сказал Дженнингс. — Я про наблюдение с неба. Со спутников.

— Вы имеете в виду камеры? — спросил Том.

— Да. Вы видели спутники?

Мы видели. Том показывал нам их — светлые точки, словно сорвавшиеся с неба звезды. И про камеры он тоже говорил. Хотя...

— Спутниковые камеры могут различить предмет размером с крысу, — сказал Дженнингс. — Они видят все.

— Можете поднять голову, сказать «катитесь к черту», и они прочтут по губам, — добавил Ли с невеселым смешком.

— Верно, — сказал Дженнингс. — А по ночам они включают камеры, которые чувствуют тепло и могут различить даже эту вашу крышу, если разведете огонь в безоблачный день.

Народ недоверчиво качал головами, однако Том с Рафаэлем, похоже, верили, и остальные, глядя на них, начали сердито перешептываться. «Я тебе говорил», — сказал Тому Док. Нат, Габби и еще пара-тройка других в отчаянии уставились на потолок. Только подумать, что за нами так пристально наблюдают... И впрямь жуть берет.

Говорят, захожего человека всегда интересно послушать, но эти двое были что-то особенное. Я думал: интересно, знал ли Том все это и просто нам не говорил, или тоже слышит впервые. По его лицу похоже было, что да, знал. Мне тогда казалось, что это наблюдение сверху не особо влияет на нашу жизнь, но все равно было мерзко, словно к тебе залезли в дом. И в то же время — колдовство да и только. Джон недоверчиво взглянул на Тома и, получив утвердительный кивок, сказал:

— Откуда вы знаете? И как это связано с вашим приходом?

— До нас доходят кой-какие вести с Каталины, — туманно сказал Дженнингс. — Но это не все. Похоже, япошки следят, чтобы между поселками не было сообщения. Чтобы мы не объединились. Когда тянули рельсы по восьмой магистрали, — он соорудил возмущенную

гримасу, — то построили несколько больших и прочных мостов. И вот в один прекрасный вечер, на закате, их взорвали.

— Что?! — вскричал Том. (При слове «взорвали» он подпрыгнул.)

— Ничего особенного, — сказал Дженнингс. Ли фыркнул. — Это и не взрыв даже. Просто на закате красная полоска с неба. Чик — и готово.

— Сжигают? — спросил Том.

Ли кивнул:

— Огромный жар. Рельсы плавятся, шпалы превращаются в пепел. Иногда загорается что-нибудь по соседству, но редко.

— Мы не разбиваем лагерь вблизи мостов, — усмехнулся Дженнингс. — Как легко можно догадаться.

Никто не засмеялся.

— Мэр, когда узнал, пришел в ярость. Он твердо решил проложить пути, несмотря на бомбежку. Он сказал, что общаться с другими американцами — наше законное право. Раз япошки пока творят, что хотят, и бомбят нас, как увидят, значит, наше дело — оставаться невидимыми. Так он сказал.

— Мы нашли-таки выход, — с внезапным воодушевлением произнес Ли. — Опоры большинства старых мостов сохранились, и мы просто кладем на них шпалы, а рельсы укладываем сверху. Дрезины легкие, им особой опоры не надо. Мы переправляемся, снимаем рельсы и шпалы, прячем в лесу, и от переправы не остается следа. Теперь так натренировались — небольшую речку пересекаем за пару часов.

— Конечно, бывают проколы, — добавил Дженнингс. — Раз возле Джулиана красные полосы сожгли опоры моста до самой воды.

— Может быть, они поняли, что мы зашевелились, и теперь начеку, — сказал Ли. — Кто их разберет. Они непоследовательны. Мэр говорит: может, они не сговоятся между собой, как с нами быть. Или ведут выборочное наблюдение. Поэтому мы никогда наперед не знаем, как они поступят. Но возле мостов не останавливаемся.

Все наши в почтительном молчании глазели на людей, которые, пусть не прямо, но борются против японцев. Дженнингсу внимание явно льстило, Ли как будто не замечал. Потом Джон повторил свой вопрос:

— Ладно, коли вы сюда добрались, чего вашему мэру от нас надо?

Ли буравил Джона взглядом, но Дженнингс ответил вполне дружелюбно:

— Думаю, он хочет передать вам привет. Сказать, что при необходимости мы можем быстро связаться. Еще он надеется, что вы пришлете к нему кого-нибудь из начальства — заключить торговое соглашение и все такое. Кроме того, мы хотели бы тянуть рельсы дальше на север, разумеется, с вашего согласия и с вашей помощью. Мэр очень хочет иметь связь с Лос-Анджелесом.

— Как бы мусорщики из округа Ориндж не помешали, — сказал Рафаэль.

— А начальства у нас нет, — враждебно вставил Джон.

— Тогда кого-то, кто будет говорить от вашего имени, — миролюбиво ответил Дженнингс.

— Мэр хотел бы поговорить и про мусорщиков, — сказал Ли. — Я так понимаю, вы их не обожаете? — Никто не ответил. — Мы тоже. Похоже, они помогают япошкам.

Стив так часто тыкал меня в бок, что заныли ребра; сейчас он чуть их не проломил.

— Слыхал? — яростно прошипел Стив. — Я знал, что эти старьевщики — сволочи! Так вот откуда у них серебро!

Мы с Кэтрин цыкнули на него, чтобы не мешал слушать.

Однако слушать было нечего; даже крыша больше не дребезжала. Дождь перестал, хотя бы и ненадолго. Те, кто хотел добежать до дома сухими, спросили Дженнингса и Ли, сколько они у нас пробудут. Гости отвечали, что хотели бы остаться на день-два. Часть поселковых надели пончо, башмаки и вышли. Том пригласил приезжих к себе, те сразу согласились. Ко мне подошел отец.

— Ты не против пойти домой перекусить?

Похоже было, что разговор окончен, поэтому я согласился. Мы уходили смущенные и пришибленные. Сlišком много нового рассказали чужаки, такого, чего и на

толкучке не услышишь. Народ от растерянности не мог отыскать заранее оставленную в бане сухую одежду. Я огляделся: после всего сказанного Дженнингсом и Ли даже баня не казалась прежней. Мы с отцом натянули мокрое — у нас нет запасной одежды, чтобы держать ее в бане, — и заспешили домой мимо вздувшейся бурой реки. По дороге снова начало накрапывать. Мы развели жаркий огонь, сели на кроватях, поужинали вяленой рыбой с лепешками и поговорили о гостях из Сан-Диего и об их поезде.

— Может быть, они поведут рельсы к нашему мосту, — сказал я. — Готов поспорить, он выдержит, а туда, где пути шли раньше, все равно не подобраться. — В том месте из реки торчали гнутые рельсы. — Том говорит, река теперь втрое шире.

— Здорово придумал, — одобрил отец. — Ты у меня головастый, Хэнк. Посоветовал бы им.

— Может, и посоветую.

Я заснул, думая о поездах и о мостах, сплошь состоящих из рельсов.

На следующее утро я выуживал овощи из нашего затопленного огорода, когда увидел Кэтрин — она шла по тропинке, снова чумазая, и несла охапку колышков для кукурузы. Видать, сматывала рулоны, а раз так, значит, вместе с работниками вышла в поле со светом. Снимать пленку — это не расстилать, народу не дозовешься, вроде как это ее дело. Само собой, Кэтрин увидела, сколько посевов смыто. Сразу было понятно, что она вне себя. Из сада Мендесов с радостным лаем выбежала собака, но Кэтрин чертыхнулась и занесла на нее ногу. Шавка с визгом увернулась и убежала обратно в сад. Кэтрин осталась браниться на дороге, потом с размаху пнула ствол громадного эвкалипта. Я решил обойтись коротким «здравствуй» — поговорить успеется в другой раз. Кэтрин пошла дальше, не переставая ругаться.

С противоположной стороны на тропинке показался Том.

— Генри? — окликнул он.

Я помахал рукой.

Том подошел, остановился и, сощутив глаз, сказал:

— Генри, как насчет прокатиться до Сан-Диего?

— Чего-чего? — завопил я. — Конечно!

Том рассмеялся и сел на бочонок в нашем дворе.

— Вчера вечером я говорил с Джоном, Рафом, Кармен и ребятами из Сан-Диего. Мы решили, что к мэру отправлюсь я. Мне нужен кто-нибудь еще, старшие заняты. И я подумал, может, ты не будешь возражать.

— Возражать! — Я забежал кругами. — Возражать!

— Так я и предполагал. А с твоим отцом мы как-нибудь договоримся.

— А, что? — спросил отец, выходя из-за дома. Он нес два ведра воды и улыбался. — Из-за чего шум?

— Понимаешь, Скай, — объяснил Том, — хочу взять твоего парня с собой в поездку.

Отец поставил ведра и слушал, дергая себя за ус. Потом они поспорили, сколько стоит неделя моего труда. Оба сходились, что немного, оставалось выяснить, сколько именно. В конце концов Том согласился купить нам швейную машину, которую отец два месяца назад присмотрел на толкучке.

— Даже если она не работает, ладно, Скай?

— Ладно, — кивнул отец. — Мне она и нужна-то, чтобы Раф снял с нее запчасти.

Решили, что Том уговорит и Николена отпустить меня на неделю с рыбалки.

— Эй! — сказал я. — Надо бы и Стива позвать.

Том взглянул на меня, потерял бороду, сказал:

— М-да... наверно, надо.

Отец крякнул.

— Ладно. Не знаю, что скажет Джон, но ты прав. Коли я беру тебя, надо позвать и Стива. Посмотрим. Кончишь рыбачить, спроси Джона, когда мне можно поговорить с ним о ребятах из Сан-Диего. И не проболтайся Стиву, не то он первый пойдет к отцу, а это может плохо кончиться.

Я согласился и побежал к обрывам, распевая: «Сан-Диего, Санди-Данди-ого-го». На берегу я заткнулся и полдня рыбачил, как обычно. Когда мы вернулись на берег, я сказал Джону:

— Том хотел бы поговорить об этих, с поезда, сэр. Он спрашивает, когда можно зайти.

— В любое время, когда я дома, — по обыкновению резко ответил Джон. — Скажи, пусть приходит нынче вечером, — добавил он. — К ужину. И ты приходи.

— Спасибо, сэр, — сказал я, загадочно подмигнул Стиву и взбежал на обрыв. Я мчался вдоль реки, нарочно наступая во все лужи. В Сан-Диего! В Сан-Диего на поезде!

Глава 5

Ближе к вечеру мы со стариком направились вдоль реки к Николенам. Долина вокруг казалась чашей, наклоненной, чтобы выплеснуть нас в море. В небе лениво кружили, собираясь на ночлег, вороны. Над ними не было ни облачка, только купол чистой вечерней сини. Мы оба, разумеется, пребывали в отличном настроении: прыгали через лужи, перешучивались и рассказывали друг другу, что будет у Николонов на ужин.

— Я умираю с голоду! — объявил старик. — Умираю! — Он махнул Марвину Хэмишу и Нату Эглоффу, которые удили в пруду за речкой. — Ни крошки не съел с тех пор, как ты передал мне приглашение.

— Да это было-то два часа назад!

— Конечно. Вот я и пропустил чай.

Мы свернули прочь от реки и пошли по проселку к дому Николонов. За деревьями виднелась бетонка.

Дом этот — самый большой в поселке, он стоит на вырубке сразу над высоким береговым обрывом. Двор вокруг дома засажен травой, и двухэтажное, крытое черепицей строение высится над зеленым газоном (на приличном расстоянии от сарая, собачьих конур и курятника), словно осколок давних времен. На стеклянных окнах — ставни, над дверьми — большие козырьки, кирпичная труба. В тот вечер из трубы шел дым, в окнах светились лампы. Мы с Томом переглянулись и направились к дверному молотку.

Раньше чем мы успели постучать, миссис Николен распахнула дверь, восклицая:

— У меня беспорядок, но не обращайтесь внимания, входите, входите.

— Спасибо, Кристи, — сказал Том. — Может, в доме у тебя и беспорядок, но сама ты выглядишь, как всегда, прекрасно.

— Ах ты лжец, — сказала миссис Николен, поправляя выбившуюся прядь густых черных волос. Однако Том говорил правду: Кристи Николен была на редкость хороша лицом. Сильная, добрая, высокая, она, даже родив семерых, осталась стройной. Стив взял от нее больше, чем от Джона — рост, орлиный нос, подбородок, рот. Сейчас она зазывала нас в дверь, встряхивая головой, чтобы показать, как ужасно замотана. — Говорят, что убираются. Весь день мастерили маслобойку, прямо в моей столовой.

В доме не меньше дюжины комнат, но только в столовой окна большие и выходят на запад, поэтому, несмотря на возражения миссис Н., все, для чего нужен хороший свет, делается там, особенно когда на дворе сыро. Комнаты, через которые мы проходили, были обставлены прекрасной мебелью, кроватями, столами и стульями, которые Джон и двенадцатилетний братишка Стива, Тедди, смастерили в подражание старине. Мне дом казался ожившей картинкой из книжки. Я сказал об этом Тому, он согласился и добавил, что этот дом — единственный, который напоминает ему прежние.

— Только тогда не было очагов в кухне, кадок для воды в прихожей, деревянных полов, потолков и стен в комнатах.

Мы подошли к столовой, навстречу нам с визгом высыпала малышня. Миссис Николен вздохнула и провела нас внутрь. Джон с Тедди выметали стружки и обрезки дерева. Том и Джон обменялись рукопожатием — они это делают, только когда приходят друг к другу в гости. За широкими выходящими на запад окнами синело море. Косые солнечные лучи освещали низ восточной стены и висящую в воздухе древесную пыль.

— Ну-ка, приберитесь, — велела миссис Николен.

Она провела рукой по волосам, словно сам воздух комнаты их испачкал. Джон в притворном изумлении поднял бровь и кинул в нее щепкой. Я пошел на кухню (оттуда доносились дразнящие запахи) искать Стива, но

нашел его на заднем дворе, где он вытрясал новую маслобойку.

— Чего там затевается? — спросил он.

Я не знал, как скрыть, и поэтому рассказал:

— Дженнингс и Ли пригласили Тома с собой, чтобы он поговорил с мэром. Том едет и хочет захватить нас.

Стив выронил маслобойку на траву.

— Захватить нас? Меня и тебя?

Я кивнул.

— Ура! Едем! — Он перепрыгнул через маслобойку и исполнил победный танец. Потом вдруг остановился и посмотрел на меня: — Надолго?

— Том говорит, примерно на неделю.

Глаза у Стива сузились, подвижный рот сжался.

— В чем дело?

— Надеюсь, меня отпустят. Черт! Я поеду в любом случае. — Он поднял маслобойку и вытряхнул на траву последние стружки.

Вскоре миссис Николен позвала нас ужинать и посадила вокруг большого дубового стола: она и Джон во главе, потом ее бабушка Мэри, девятилетняя, выжившая из ума старуха, Том, Стив, Тедди, Эмили (ей тринадцать, и она ужасно робкая), потом близнецы — Вирджиния и Джо, малыши — Кэрол и Джудит, рядом с матерью. Джон зажег лампы на столе, миссис Н. и Эмили принесли еду. Желтый свет ламп контрастировал с вечерней синевой за окнами. На больших окнах запрыгали наши слабые отражения.

Эмили и миссис Н. вносили блюдо за блюдом и вскоре заставили почти всю скатерть. Мы с Томом под столом толкали друг друга ногами. Некоторые блюда были накрыты крышками. Когда Джон их открыл, изнутри повалил пар, пахло тушеной в красном соусе курицей. В большой деревянной миске оказался капустный салат, в фарфоровой супнице — суп. На тарелках лежали лепешки и хлеб, резанные помидоры и яйца. В кувшинах подали воду и молоко.

От вкусных запахов я захмелел и сказал:

— Миссис Николен, вы приготовили пир, банкет, так что ждите призрака Банко, только боюсь, я его не увижу — объемясь до бесчувствия.

Николены рассмеялись, а Том сказал:

— Он прав, Кристи. Ирландцы сложили об этом песни.

Следуя указаниям миссис Н., мы пустили блюда по кругу, наполнили тарелки и принялись есть. Некоторое время в тишине слышалось только звяканье ложек и вилок. Вскоре Мэри, которая едва притронулась к овощам и курятине, захотела побеседовать с Томом. Старик так быстро заглатывал куски — похоже, совсем не жуя, — что находил время говорить, особенно когда подкладывал добавку. Мэри обрадовалась Тому — одному из многих соседей, кого еще узнавала.

— Томас, — сказала она громким дребезжащим голосом, — ты видел хорошее кино в последнее время?

Вирджиния и Джо захихикали. Том проглотил кусок курятины, словно это хлеб, наклонился к почти глухому уху соседки и проорал:

— Нет, Мэри, в последнее время не видел.

Старушка сморгнула и с важным видом кивнула. Вирджиния снова хихикнула.

— Том, бабуля путает, теперь нет никаких кин.

— Никаких кино, — машинально поправила миссис Н.

— Никаких кино.

— Понимаешь, Вирджиния... — Том жадно отхлебнул рыбного супа. — Вот, попробуй.

— Не-е...

— Мэри говорит про старое.

— Она путает, что старое, а что теперь.

— Да.

— Чего-чего? — закричала старуха, поняв, что речь о ней.

— Ничего, Мэри, — сказал Том ей в ухо.

— Почему она так, Том?

— Вирджиния! — одернула дочь миссис Н.

— Все в порядке, Кристи. Понимаешь, Вирджиния, с нами стариками такое случается. Я вот тоже путаю.

— Нет, ты не путаешь. А почему она?

— Понимаешь, у нас голова забита старым, новому приходится тесниться, вот оно и перемешивается. — Он заглотнул еще кусок курятины, жадно облизал с усов подливку, причмокнул. — Попробуй. Твоя мама замечательно готовит курицу.

— Не-е...

— Вирджиния!

— Ма-а-а...

— Ешь! — рявкнул Джон, поднимая глаза от тарелки.

Стива передернуло. С тех пор как мы вошли в столовую, он не произнес ни слова, даже когда мать прямо обращалась к нему. Мне это не нравилось, но, сказать по правде, я был больше занят едой. Поначалу набросился как волк, потом стал есть медленнее, жевать, пока во рту не останется только вкус. Столько было запахов, оттенков, каждый следующий кусочек таял на языке по-своему, а после глотка воды можно было начинать поновой. Я был уже сыт, но остановиться не мог. Джон тоже ел теперь помедленнее и, ни к кому в отдельности не обращаясь, заговорил про теплое течение — оно подошло к берегу после вчерашнего ливня. Том по-прежнему уписывал за обе щеки, и Вирджиния сказала:

— Никто не отнимет твою тарелку, Том.

Старик услышал, но не обиделся, а улыбнулся Вирджинии. Дети рассмеялись.

— Бери еще курицы, Генри, — уговаривала миссис Н., — запивай молоком.

— С удовольствием, — отвечал я.

Маленькая Кэрол расплакалась, Эмили подсела к ней и стала кормить с ложки. Дети расшумелись, Мэри заметила и воскликнула: «Включите телевизор!», зная, что вызовет смех. Стив продолжал есть молча, и Джон явно это заметил. Я глотнул молока, убеждая себя, что все в порядке.

Мы продолжали жевать и разговаривать. Когда Кэрол успокоилась, Эмили встала и принялась собирать блюда.

— Сегодня твоя очередь помогать, — напомнила Стиву миссис Н.

Тот молча встал и понес тарелки на кухню. Стол освободили, подали ягоды, сливки, еще кувшин молока. Том толкнул меня ногой, смешно двинул бровями и произнес благоговейно:

— Выглядит превосходно, Кристи.

Мы умяли и ягоды, и сливки, после чего детям разрешили взять бабушку и идти. Джон, миссис Н., Стив, Эмили, Том и я развернули стулья к окну. Джон достал

из бара бутылку бренди, и все стали, прихлебывая, разглядывать свои отражения. Забавная получилась картинка. Стив за вечер ни разу не раскрыл рта, Эмили молчит всегда, так что разговаривали Джон и Том, да мы с миссис Н. иногда вставляли словечко. Джон продолжал рассуждать о течении:

— Похоже, с теплыми течениями приходят самые холодные тучи. Ледяные ливни, даже снег, когда вода на сорок градусов* теплее воздуха. С чего бы это?

Никто не предложил объяснения. Удивительно, но и Том не воспользовался случаем поговорить о погоде. Мы помолчали. Миссис Н. начала вязать, Эмили бесшумно села рядом и взяла клубок. Джон залпом допил стакан.

— Так что, по-твоему, нужно этим южанам? — спросил он Тома.

Старик отхлебнул.

— Не знаю, Джон. Думаю, смогу разобраться на месте. Если они не врут, то многого им не добиться, на глазах у азиатов-то. Но... они не договаривают. Когда я упомянул, что на берег выбрасывает застреленных азиатов, Дженнингс открыл было рот, но Ли не дал ему сказать. Дженнингс что-то знает. Но зачем они здесь? Пока не знаю.

— Может, просто хотят увидеть что-то новое, — вставил Стив.

— Может, — отвечал Том. — Или попробовать свои силы. Или торговать с нами, или продвинуться дальше на север. Не знаю. Они не говорят, по крайней мере — здесь. Вот почему я хочу отправиться с ними и поговорить с мэром.

Джон покачал головой:

— Я по-прежнему не уверен, что стоит.

У Стива побелели уголки губ. Том небрежно продолжил:

— Вреда не будет. И вообще, ехать надо, разузнать, что к чему. Кстати, мне бы взять с собой пару человек из молодых, кто меньше занят. Стив бы как раз подошел...

---

* Примерно двадцать два градуса по Цельсию.

— Стив? — Джон вытаращился на старика. — Нет. — Взглянул на Стива, снова на Тома. — Нет. Он нужен здесь.

— Всего на недельку! — выпалил Стив. — Пожалуй-ста! Вернусь — отработаю вдвое...

— Нет, — повторил Джон тем голосом, каким распоряжается на воде.

В соседней комнате дети перестали играть и затихли. Стив встал и пошел на отца, который по-прежнему сидел, развалясь, на стуле. Кулаки у Стива были сжаты, лицо перекошилось.

— Стив, — тихо сказала миссис Николен. Джон развернулся, чтобы лучше видеть сына.

— Когда вернешься, теплое течение отвернет от берега. Ты нужен здесь. Твое дело — ловить рыбу. Самое главное дело в этой долине. На юг можешь отправиться в следующий раз — может быть, зимой, когда закончится лов.

— Я дам денег, найду замену, — в отчаянии выговорил Стив.

Джон помотал головой, его упрямый рот скривился. Я втянул голову в плечи. Все это было не в первый раз, и чувствовалось: в один прекрасный день дело окончится дракой. В какую-то минуту я думал, что это произойдет сегодня: Стив сжал кулаки, Джон был готов вскочить. Но нет, Стив снова пересилил гнев. Повернулся на каблуках, выбежал вон. Хлопнула кухонная дверь.

Миссис Николен встала и подлила Джону бренди.

— А Эдисон Шенкс никак не мог бы подменить Стива на неделю?

— Нет, Кристи. Пусть поймет, что его работа — здесь. Работа, которая кормит. — Он взглянул на Тома, отхлебнул бренди, сказал раздраженно: — Тебе известно, что он мне нужен. Зачем приходить и морочить парню голову?

— Я думал, на неделю можно.

— Нет, — в последний раз с чувством ответил Джон. — Я тут не в бирюльки играю.

— Конечно, конечно.

Том отхлебнул бренди и смущенно взглянул на меня. Я взял пример с Эмили и притворился, будто меня здесь нет — уставился на отражения в черном оконном стекле.

Зрелище было невеселое. Молчание затянулось: было слышно, как в другой половине дома играют дети. Стив ушел — на берег, наверно. Я попытался представить себя на его месте, и вся вкусная еда комом встала у меня в горле. Расстроенная миссис Николен предложила налить еще. Я мотнул головой, Том прикрыл стакан ладонью. Прочистил горло.

— Ну, нам с Хэнком пора. — Мы встали. — Спасибо, Кристи, все было очень вкусно.

Миссис Николен принялась прощаться, будто ничего не произошло, Том болезненно поморщился.

— Спасибо за угощение, Джон. Извини, что я все это затеял.

Джон что-то проворчал и в задумчивости махнул рукой. Мы все глядели на него: здоровенный мужик, окруженный своим имуществом, своим добром, рассеянно глядит на собственное бесцветное отражение...

— Да ладно, — сказал он, словно разрешая нам идти. — Понимаю, почему ты так. Вернетесь — заходите, расскажете.

— Зайдем.

По дороге к двери Том еще раз поблагодарил миссис Н. Она вышла нас проводить. На пороге сказала:

— Мог бы догадаться заранее, Том.

— Да, конечно. Спокойной ночи, Кристи.

Мы шли вдоль реки, сытые до отвала, но полные грустных мыслей. Том со злобой отпихивал нависающие над дорогой ветки и бормотал под нос:

— Мог бы догадаться... иначе и быть не может... ничего не изменишь... словно клин забил... — Он повысил голос: — Прощлое сидит в нас, как клин в дереве. Мы — дерево, в котором засел клин. Понимаешь, па-рень?

— Нет.

— Ох. — Он снова зло забормотал.

— Я понимаю, что Джон Николен — старая скотина.

— Заткнись! — рявкнул Том. — Клин, — повторил он. Потом вдруг остановился, схватил меня за плечи, развернул лицом к реке.

— Видишь?

— Ага, — сердито ответил я, вглядываясь во тьму.

— На этом самом месте. Николены тогда только что перебрались в поселок — Джон, Кристи, Джон-младший и Стив. Стиву было меньше года, Джону-младшему — около шести. Они пришли с материка, откуда — не рассказали. Однажды Джон помогал строить первый мост. В начале зимы. Джон-младший играл на откосе, и... весь откос съехал в воду. — Голос у Тома стал резким. — Раз — и в воду, понимаешь? Во вздувшуюся после дождя реку. Прямо на глазах у Джона. Он прыгнул в реку и проплыл ее всю, до моря. Плавал больше часа, но мальчонку так и не увидел. Понял?

— Ага, — ответил я, смущенный непривычным тоном. Мы пошли дальше. — И все-таки это не значит, что он не может обойтись без Стива, потому что это неправда...

— Заткнись, — огрызнулся Том так же резко, как и вначале.

Через несколько шагов он добавил тихо, как бы самому себе:

— В тот год мы зимовали, как крысы. Ели, что попадется.

— Да слышал я про те времена, — сказал я, раздраженный бесконечными возвращениями в прошлое. Все уши нам прожужжали: прошлое, прошлое, чертово прошлое. Все-то им можно объяснить. Человек тиранит сына, и что его оправдывает? Прошлое.

— Слышать — не значит пережить, — сказал Том, тоже раздраженный. Разглядывая его в темноте, я видел следы прошлого: шрамы, впалые щеки, за которыми недостает зубов, сгорбленную спину. Он напоминал мне дерево на вершине холма, скрюченное постоянными океанскими ветрами, расщепленное молнией. — Парень, мы голодали. Люди умирали, потому что зимой нечего было есть. Долина стояла, залитая водой, деревья росли, как сорная трава, а мы не могли вырастить зерна себе на прокорм. Рылись в снегу — в снегу, это здесь-то! — и жрали личинок. Одичали совсем, хуже волков. Ты такого уже не увидишь. Не знали, какой день и какой месяц. Нам с Рафом понадобилось четыре года, чтобы вычислить дату. — Он замолчал, чтобы вспомнить, к чему все это говорит. — Мы видели рыбу в реке и пытались ее

поймать. Раздобыли в округе Ориндж удочки, леску, крючки из спортивных магазинов. — Он сплюнул в реку. — Каждая третья рыба срывалась, сволочные удочки все время ломались... Джон Николен увидел и стал задавать вопросы. Почему не ловим сетями? Сетей нет. Почему не ловим в океане? Нет лодок. Он поглядел на нас как на идиотов. Кое-кто озверел. Где прикажешь взять сети? Где?..

...Так вот, Николен знал ответ. Он пошел в Клементе и заглянул в телефонную книгу, клянусь. В долбаный справочник. — Том рассмеялся коротким довольным смешком. — Нашел там перечень рыболовецких складов, взял несколько человек и пошел искать. Первый склад, куда мы заглянули, оказался пустым. От второго после бомбежки осталось мокрое место. В третьем мы увидели груды сетей. Стальные канаты, тяжелый нейлон — обалдеть. И это было только начало. По телефонному справочнику и карте мы нашли, где в округе Ориндж сохранились верфи, поскольку все порты были обчищены. Лодки мы тащили по автостраде.

— А что мусорщики?

— Тогда их было мало, и мы ладили.

Тут я понял, что он врет. Не рассказывает о своих подвигах. Он всегда так. Почти все, что я знаю о прошлом Тома, мне рассказали другие. А наслушался я многого: старейший человек в долине само собой оброс легендами. Рассказывали, как он совершал набеги на округ Ориндж, ведя за собой Джона Николена и других тогдашних соседей. Говорят, в то время он был грозой мусорщиков. Если тех оказывалось больше, Том исчезал в развалинах и вскоре мусорщиков не оставалось. Это Том научил Рафаэля стрелять. А байки о его выносливости — я слышал столько и таких чудных, не знаю, чему и верить. Что-то он сделал и на самом деле — иначе откуда бы пошла слава, — но что именно? Неделю без сна и отдыха отступал из Риверсайда или ел древесную кору, когда их окружили в Тьюстине? Прошел сквозь огонь или полчаса сдерживал дыхание под водой? Как бы там ни было, он точно превзошел всех в долине, а ведь ему тогда уже стукнуло семьдесят пять. Помню, Рафаэль как-то говорил, мол, в день бомбежки старик

облучился и мутировал, стал бессмертным, вроде как Вечный Жид. «Одно точно, — рассказывал Рафаэль, — раз на толкучке мы прошли мимо мусорщиков, у которых был счетчик Гейгера, так машинка чуть не лопнула от трезвона. Мусорщиков как ветром сдуло...»

— Так вот, — продолжал Том, — все, что связано с рыбной ловлей, — дело рук Николена. Он объединил людей в долине, сделал нас поселком. Во вторую зиму после его прихода никто не умер с голоду. Парень, тебе не понять, что это значит. Мы жрали вяленую рыбу, на которую уже тошно было смотреть, но не умер никто. Тяжелые времена случались и после, но такого, как до Николена, не было. Я им восхищаюсь. Плохо, что он думает только о рыбе и не хочет отпустить сына на неделю. Но таким он стал, и тебе придется это понять.

— Что толку в кормежке, если в результате собственный сын тебя ненавидит...

— Да. Но Джон не нарочно. Я знаю. Вспомни Джона-младшего. Может быть, Джон, сам того не понимая, хочет удержать Стива при себе. Уберечь. Тогда рыбная ловля только предлог. Не знаю.

Я мотнул головой. Все равно нечестно держать Стива дома. Клин в дереве. Теперь я лучше понимал, что хотел сказать Том, но мне представилось: это мы — клинья, вбитые так глубоко в прошлое, что можем только входить дальше. Под ударами событий. Как мне хотелось вырваться и быть свободным!

Мы подошли к моему дому. Из дверных щелей сочился свет очага.

— Стив поедет в другой раз, — сказал Том. — Но мы... мы отправляемся в Сан-Диего следующей облачной ночью.

— Понял.

В ту минуту я не был способен радоваться. Том хлопнул меня по плечу и шагнул за деревья.

— Готовься! — крикнул он и растаял в лесном сумраке.

Следующей облачной ночи пришлось дожидаться. В кои-то веки теплое течение принесло с собой хорошую погоду, и каждый вечер я нетерпеливо бранил судьбу. Днем, как обычно, рыбачил. Джон велел Стиву помогать с сетями, так что мы не сидели вместе в лодке

днями напролет. Чувствовал я себя одиноким и не в своей тарелке — будто я его предал. Когда нам случилось работать вместе — разгружать рыбу или сматывать сети, он говорил только о лове и не смотрел мне в глаза, а я не находил, что сказать. У меня камень с души свалился, когда после обеда на третий день он рассмеялся и сказал:

— Как раз когда не надо, стоят погожие деньки. Давай маханем на пляж.

С ловом было покончено, и мы еще засветло отправились к устью реки, где синие полосы волн медленно превращались в белые. Подошли Габби, Мандо и Дел с ластами, и мы все побрели через грубый песок мелко-водья к буруну. Вода была на редкость теплой. Мы надели по ласту и пошли туда, где кончается пена. За буруном вода была как синее стекло: я различал каждую песчинку на дне. Радостью было просто брести, позволяя волнам перехлестывать через голову, оглядываться на бурые обрывы и зеленый лес, обрамленные небом и синим-пресиним океаном у самого подбородка. Я лег на волну и стал качаться вместе со всеми, радуясь, что они не очень завидуют моей удаче.

Мы говорили только о волнах, ожидая, пока накатит самая большая, и никто даже вскользь не упомянул о моей предстоящей поездке в Сан-Диего. А когда вернулись на берег, ребята распрощались со мной и ушли гуртом.

Над рекой, в узком ущелье у самого впадения в море, показалась какая-то фигура. Когда она приблизилась, я узнал Мелиссу Шенкс, вскочил и махнул рукой. Она тоже узнала меня и пошла вдоль берега, огибая лужи.

— Привет, Генри, — сказала она. — Качался на волнах?

— Ага. А ты чего здесь?

— Да вот, мидии собираю. — Мне в голову не пришло сообразить, что при ней нет ни сетки, ни корзинки. — Генри, я слышала, ты едешь с Томом в Сан-Диего?

Я кивнул. У нее расширились глаза.

— Обалдеть, — сказала она. — А когда?

— В следующую облачную ночь. Погода как будто нарочно меня не пускает.

Она рассмеялась и поцеловала меня в щеку. Я поднял брови и тут же получил еще один поцелуй. Тогда я ответил тем же.

— Не верится, что ты едешь, — мечтательно произнесла она между поцелуями. — Правда, никто лучше тебя не справится.

Я сразу повеселел.

— Много вас едет?

— Только я и Том.

— А эти, из Сан-Диего?

— Ну, и они тоже. Они нас и поведут.

— Только те двое, что приходили сюда?

— Нет, их целая бригада. Остальные ждут на бетонке, там, докуда пока дотянули рельсы. — Я объяснил, как ребята из Сан-Диего это делают. — Поэтому и нужно дожидаться облачной ночи — чтобы япошки нас не видели.

— Господи. — Она поехала. — Опасно-то как.

— Да ничего подобного. — Я снова поцеловал ее и повалил на песок. Мы целовались так долго, что я успел ее наполовину раздеть. Тут Мелисса огляделась и засмеялась.

— Не на берегу, — сказала она. — Могут с обрыва увидеть.

— Не увидят.

— Увидят, сам знаешь. — Мелисса села и поправила синюю ситцевую юбку. — Вернешься из Сан-Диего, может, сходим в Качельный каньон покататься.

В Качельный каньон ходили парочки; я с жаром кивнул и потянулся к Мелиссе, но она уже встала.

— Мне правда пора, а то папа хватится. — Она поцеловала указательный пальчик, поднесла к моим губам и со смехом убежала. Я глядел, как она бежит через широкий пляж, потом встал сам, стряхнул песок и рассмеялся вслух. Взглянул на море. Где облака, где?

Вскоре после заката ветер принес ответ на мой вопрос. Тучи мчались рваными волнами, а когда стемнело, на сине-сером небе не зажглось ни звездочки. Я снял с крюка куртку, достал из мешка теплый свитер и поболтал с отцом. Поздним вечером в дверь постучал Том. Я отправился в Сан-Диего.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

САН-ДИЕГО

Глава 6

Дженнингс и Ли ждали под большими эвкалиптами.

— Мелковат твой приятель, — поддразнил Тома Дженнингс; Ли промолчал, но, кажется, при виде меня нахмурился.

— Не хуже ваших! — крикнул из дверей отец. Судя по голосу, он расстроился.

— Двинулись, — коротко скомандовал Ли.

Мы вышли на автостраду и вскоре миновали крутой обрыв Бетонной бухты. Долина осталась позади, отсюда начиналось Пендлтонское побережье. Автострада здесь сохранилась неплохо: хотя бетон кое-где растрескался, деревья и кусты еще не проросли через него, только на месте особенно широких трещин получилось что-то вроде живой изгороди. Однако по большей части дорога оставалась белой полосой под темными нависающими ветвями. Она шла по узкой полоске земли между береговыми откосами и первыми отрогами холмов. Здесь было много оврагов, над которыми дорога нависала, вроде как мост, но в двух местах она все-таки обвалилась. Оба раза пришлось спускаться в овраг и переходить быстрый черный ручей по нагромождению бетонных плит. Ли вел нас в эти провалы молча и без колебаний — видать, торопился в Сан-Диего.

Почти сразу после второго провала Ли остановился. Я поглядел вперед — за деревьями угадывались полуразрушенные дома. Ли сложил ладони рупором и три раза кряду довольно похоже прокричал чайкой, потом еще три. На шестой раз из поселка ответили свистом. Мы пошли к самому большому дому, из которого навстречу нам уже высыпали несколько человек. Нас встретили громкими и веселыми приветствиями и провели в дом, где

горел огонь, давая больше дыма, чем света. Горожане — их было семеро — оглядели Тома и меня.

— Столько ходили, а привели — старого да малого, — сказал пузатый коротышка. Он потянул себя за бороду и рассмеялся лающим смехом, однако его налитые кровью глазки остались невеселыми.

— Что, Сан-Онофре не настроено всерьез говорить с мэром? — спросил другой. Я впервые услышал «Сан» перед названием нашего поселка; на толкучках говорили просто «Онофре», как и мы сами.

— Хватит болтать, — сказал Дженнингс. — Это — Том Барнард, один из старейших американцев.

— Оно и видно.

— И один из самых уважаемых людей в Онофре. А мальчик — его помощник, очень толковый молодой человек.

В продолжение разговора Том и бровью не повел; он смотрел на коротышку, склонив голову набок, словно изучал невиданного прежде жука. Ли не дал себе труда слушать; он сматывал канат и лишь на секунду поднял лицо, чтобы распорядиться:

— Тушите огонь и по машинам. К рассвету надо быть в Сан-Диего.

Его спутники не возражали. Собрали вещи, залили огонь, вышли на бетонку и вслед за Ли зашагали через лес в сторону океана. Шагов через двадцать—тридцать Ли остановился и зажег фонарь.

Луч света выхватил из темноты машину: платформу на железных колесах. Посередине на возвышении был закреплен горизонтальный рычаг. Все покидали на платформу вещи. За первой машиной я заметил и вторую. Чтоб подойти, пришлось переступить через рельсы. Они были такие же, как в нашей долине — ржавые, погнутые и лежали на изъеденных временем шпалах. Мы с Томом смотрели, как на платформы укладывают кувалды, оси, мотки толстой веревки, мешки со звякающими железными костылями.

Вскоре все было погружено. Дженнингс и Ли вскарабкались на платформу, мы с Томом забрались следом. Двое встали по концам рычага, один с помощью Ли нажал на поднятый конец. Колеса заскрежетали по

ржавым рельсам. Когда конец рычага опустился, корышка всем телом налег на другой. Они жали попеременно, дрезина катилась, другая не отставала.

Из рощицы, где были спрятаны машины, мы выехали на заросшую кустарником равнину. Здесь холмы отступили от океана на несколько миль, деревья росли только по лощинам. Рельсы были уложены на автостраде, и всякий раз, как мы въезжали на пригорок, взорам открывался океан, серебристо-серый под низкими облаками. Мыс, до которого мы с Николеном добирались полдня, остался позади; дальше к югу мне бывать не приходилось. Отсюда начинались незнакомые места.

Колеса скрежетали по рельсам; мы разогнались и летели быстрее, чем бежит человек. Четверо не занятых у рычага пассажиров нашей дрезины сидели возле центрального возвышения или лежали, глядя вперед. Под горку машина катилась еще быстрее. Сидя было невозможно по-настоящему ощутить скорость, и я встал. Остальные глядели на меня как на болвана, но я плевать хотел. Борода флагом развевалась у Тома за спиной. Старик взглянул на меня и улыбнулся:

— Только так и стоит путешествовать, а?

Я с чувством кивнул, не в силах говорить от волнения. Несмотря на скрежет и стук, казалось, что платформа летит.

— К-как быстро мы едем? — заикаясь, выговорил я.

Том взглянул на шпалы, попробовал рукой ветер.

— Миль тридцать в час, — сказал он. — Может, тридцать пять. Давненько я так быстро не ездил.

— Тридцать миль в час! — заорал я. — Уррра!

Мужчины рассмеялись, но мне было все равно. На мой взгляд, болванами были они — ехать со скоростью тридцать миль в час и прятаться от ветра, вместо того чтобы смотреть по сторонам!

— Покачать хочешь? — спросил Дженнингс, поднимая лицо от рычага. Остальные снова рассмеялись.

— Еще как! — воскликнул я. Дженнингс подвинулся, и я взялся за рукоятку. Она имела форму буквы «Т». Я навалился, и дрезина дернулась куда сильнее, чем можно было ожидать. Я снова завопил. Я жал что есть мочи и видел, как мой напарник улыбается в темноте. Он тоже

налегал на рычаг, и под нашими усилиями дрезина летела вдоль Пендлтонского побережья, словно во сне. Глаза уже слезились от ветра, но я все равно смотрел на мелькающие позади шпалы и вдруг понял, каково оно было в старину. Понял, какой мощью обладал тогда человек, во сколько крат увеличил он свои природные возможности. Об этом рассказывал Том, об этом говорилось в его книжках, но теперь я ощущал это кожей и мускулами. Это пьянило. Мы качали, дрезина летела. Задние улюлюкали нам вслед и кричали:

— Эй, впереди! Кого поставили к рычагу? Мы знаем, это не Дженнингс!

На обеих дрезинах рассмеялись.

— Да нет, Дженнингс! — крикнул кто-то из задних. — Что, по жене соскучился?

— Небось боится, что сбежит бабонька!

— Жми помедленнее, силу до дома побереги!

— Коли так разошлись, возьмите нас на буксир!

— Давайте помедленнее, — сказал Ли спустя некоторое время. — Ехать еще далеко, не стоит выматывать задних.

Мы стали качать медленнее. И все равно, когда меня сменили, я был весь в поту и на ветру сразу замерз. Сел, завернулся в плащ. Мимо проносились белые, недавно обрубленные ветки, искры летели из-под колес. Начались холмы. На подъеме качать приходилось всем вместе, на спуске мы катились так быстро, что я бы не встал ни за какие коврижки.

Проехали мимо шеста с белой тряпицей на конце. Ли встал и потянул тормозной рычаг. Дрезина осыпала рельсы снопом искр и остановилась с таким скрежетом, что у меня мороз побежал по коже.

— Сейчас начнутся сложности, — сказал Дженнингс, спрыгивая с дрезины. В наступившей тишине я услышал шум воды. Мы с Томом тоже слезли и пошли за остальными. Рельсы уходили в реку, поуже нашей, но все равно приличную. Из воды торчали два ряда черных столбов, соединенных кое-где продольными и поперечными балками. Продольные продолжались на обоих берегах, но в середине зияли провалы. У столбов вода

пенилась и закручивалась водоворотами. Понятно было, что течение быстрое.

— Основание нашего моста, — объяснял Дженнингс Тому и мне, покуда Ли распоряжался остальными. — Все, что осталось от старого. Наверно, он горел, когда вода стояла высоко.

— Скорее обрушился, когда взорвалась Пендлтонская бомба, — возразил Том. — Вряд ли раньше вода была выше, чем теперь.

— И то верно, — согласился Дженнингс. — Но главное, опоры целы. Мы их подравняли и соединили продольными перемычками. Сейчас положим шпалы, на них рельсы, переедем, а шпалы и рельсы втащим за собой. Морока, конечно, зато, когда спрячем рельсы и шпалы, никто не догадается, что тут проезжали.

— Очень изобретательно, — похвалил Том.

Зажгли еще три-четыре фонаря, свет металлическими отражателями направили на опоры. Мужчины в темноте ругались на колючки, тащили шпалы из кустов к воде и цепляли к толстому канату, который подняли с мелко-водья. Канат шел над водой к другому берегу, где был пропущен в большой блок. От блока другой конец шел обратно к нашему берегу. Дженнингс с гордостью изобретателя продолжал объяснять нам, как эта штука работает: десять поперечных балок, или шпал, втаскивают в воду выше моста, потом канат ослабляют, и шпалы подплывают к опорам. Остается влезть на продольные балки, которые не убираются, выловить шпалы из воды и прибить к опорам.

Объяснениям Дженнингса помешали дружные ругательства с берега. Канат застопорился и не шел через блок. Ли оборвал начавшийся было спор, что делать.

— Кто-то должен сплавить туда и поправить блок. Вручную нам шпалы не занести: слишком тяжелые.

Предложение явно никого не обрадовало. Один из тех, кто был на второй дрезине, со смехом указал на меня:

— Может, ваш силач сплавает?

Пузатый весело фыркнул. Том бросился меня угрожать, но я сказал:

— Конечно, сплаваю. Вряд ли тут кто плавает лучше меня.

— Он прав, — согласился Том. — Они с друзьями плавают в прибое выше вашего роста.

— Молодец, — от души похвалил Дженнингс. — Понимаешь, Генри, мы несколько раз переплывали реку, но это непросто. Лучше всего держаться за канат, чтобы не снесло течением. Освободишь блок, а уж мост мы настелим за пару минут.

Я разделся и, пока не замерз, взялся за скользкий канат и вошел в воду. Река была холоднее, чем океан на прошлой неделе, у меня перехватило дыхание, сердце застучало. Держась за веревку, невозможно плыть по настоящему. К тому же она была такая скользкая, что перехватывать руки приходилось осторожно. Течение развернуло меня ногами к мосту, так что я не мог ими себе помогать. Переправа заняла куда больше времени, чем я предполагал поначалу, однако в конце концов я нащупал коленями жидкую грязь и выбрался на берег. Оказавшись на твердой почве, крикнул, что переплыл легко, и пошел вдоль каната к блоку.

В блоке застряли наросшие на канат водоросли, и, когда я их вытащил, веревка заскользила свободно и система снова заработала. Я обрадовался, с другого берега раздались одобрительные выкрики. Однако, наблюдая, как осторожно движутся по прогнутым балкам призрачные фигуры, я понял: закончат они нескоро. Тем временем я стоял мокрый, холодный, одежда осталась на том берегу. Дженнингс, надо думать, знал, что мне придется плыть обратно, но по доброте душевной не стал огорчать заранее. Оставалось только снова лезть в воду. Я коротко обругал Дженнингса, крикнул, что плыву назад, зашел в воду по грудь и поплыл.

Однако я не учел, что теперь на моем пути окажутся десять шпал. Каждую надо было оплывать выше по течению или подныривать под нее, не выпуская из рук веревку. Это бы еще ничего; однако из темноты река несла на меня полузатонувшую сосну. Лесина проехала по мне и прибилась к веревке, я оказался под водой среди корявых сучьев и иголок. Я едва держался за канат и не мог толком глотнуть воздуха; ледяная вода заливала рот и

нос. Пытаясь свободной рукой хоть как-то раздвинуть ветки, я думал: может, отпустить канат совсем и поднырнуть под сосну, но тогда течение понесло бы меня на опоры, и я мог разбиться. Веревка натянулась. Я продрался сквозь ветки, глотнул воздуха, перехватил руку и свободной левой ухватился за ствол. Потом потянул его вверх, а веревку вниз. Дерево перевалилось через веревку. Ветки по-прежнему цеплялись, но теперь можно было держаться и перехватывать руки с другой стороны. Я ругался на испанском и английском попеременно.

— Эй! — кричали с берега. — Стряслось что-нибудь?

— Генри! — вопил Том.

— Все в порядке! — крикнул я. Однако теперь канат тянули к берегу, и меня вместе с ним. Я понял, почему никто не хотел плыть. Если бы сосна ударила посильнее и я выпустил канат, мне бы, конечно, удалось выплыть ниже по течению, но плыть мимо опор было бы опасно, а идти по берегу до моста — довольно мерзко. Я раза два перехватил руки, но веревку тянули быстрее, и скоро я уже коснулся ногами грязи. Двое зашли в воду по колено и помогли встать. На берегу мне дали шерстяное одеяло, а когда я вытерся, еще одно, на которое сесть. Я съежился возле фонарей и объявил, что сплавать было парой пустяков. Горожане не нашли, что ответить. Том взглянул на меня подозрительно.

Пока я отогревался, настелили мост. Шпалы уложили на опоры, рельсы втащили и прибили костылями. Костыли входили в уже готовые отверстия в шпалах. Рельсы шли ближе друг к другу, чем опоры, но ненамного. Черные силуэты ползали взад-вперед по ажурному сооружению; фонари освещали балансирующие в опасных позах фигуры. Кто-то уронил балку и упал на четвереньки, чтобы не свалиться следом за ней. Балку тут же унесло течением. По команде Ли застучали кувалды.

— Первый раз им пришлось, небось, повозиться, — сказал мне Том. Он сидел рядом, грея руки на фонаре. — Надо думать, эта штука выдержит дрезины, но не хотел бы я быть на месте первого, кто проезжал по мосту.

— Похоже, они знают, что делают, — заметил я.

— Ага. Нелегко им в темноте. Жалко, что нельзя просто построить мост раз и навсегда.

— Мне подумалось о том же самом. Просто не верится, что эти... — я не знал, как назвать, — что они бомбят такие маленькие мостики.

— Да. — В тусклом свете фонаря лицо Тома было печальным. — Но я не думаю, чтобы эти ребята ввалили вот так уродовались для собственного удовольствия. Кто-то и впрямь следит, чтобы между поселками не было сообщения, как Дженнингс говорит. Однако я прежде не знал. Плохой признак.

Дженнингс играючи прошел по рельсу, спрыгнул на берег и присоединился к нам.

— Почти готово, — объявил он. — Можете перейти. Машины погоним пустыми — простая предосторожность.

— Понимаем, — сказал Том. Он помог мне встать. Я оделся, а сверху накинул одеяло, потому что еще не согрелся. Мы перешли по тому рельсу, который ниже по течению. Шли с опаской, готовые, если что, схватиться за рельс руками. Шпалы, когда я на них наступал, казались прочными, но они сильно покособились, и рельсы не ко всем прилегали плотно. Я указал на это Дженнингсу, который шагал по рельсу, как по земле.

— Верно. Шпалы коробятся. Но это не страшно: когда проезжаешь, рельсы немного прогибаются, только и всего. Пока, по крайней мере, ничего плохого не случилось. Первую машину поведет Ли — если что, выплывать придется ему. Надеюсь, до этого не дойдет — пешком до Сан-Диего далековато.

На южном берегу мы собрались возле фонарей. Отражатели направили на первую машину. Ли и еще один мужчина медленно повели ее через мост. Когда дрезина переезжала через шпалы, рельсы визжали и скрежетали; в остальное время зловеще и тихо прогибались под тяжестью машины. Странное это было зрелище: черная железная тележка, с обеих сторон нависая над водой, ползет по двум тонким жердочкам, словно паук по паутине. Когда она оказалась на нашем берегу, горожане тихо и довольно сказали: «Порядок, хорошо переехали».

Перенесли снаряжение и перегнали вторую машину, выдернули костыли и втащили рельсы на южный берег. Ли строго следил, чтобы все уложили по порядку —

тогда в следующую поездку на север мост можно будет настелить без труда.

— Очень изобретательно, — сказал Том. — Очень умно, очень опасно, очень толково сделано.

— По мне, так все довольно просто, — ответил я.

Вскоре канат пропустили через блок на северном берегу, и платформы обеих дрезин вновь загрузили снаряжением. Мы опять сели на первую и покатали.

— Следующая переправа попроще, — сказал Дженнингс, когда мы въезжали на склон.

Я вызвался качать, потому что еще не согрелся. В этот раз я жал на передний конец и видел, как позади убегают холмы — непривычное зрелище. Ветер дул в спину. Я снова захмелел от скорости и рассмеялся вслух.

— Паренек плавает и жмет, как настоящий участник сопротивления, — сказал Дженнингс.

Я не понял, о чем он, но остальные в дрезине согласились, по крайней мере те, кто дал себе труд поддакнуть.

Согревшись, я понял, что устал. Меня сменил пузатый — дружески хлопнул по плечу и отправил на задний край платформы. Я сел, укрылся одеялом и вскоре задремал, слыша сквозь сон завывание ветра, стук колес, приглушенные голоса.

Проснулся я оттого, что дрезина остановилась.

— Опять, что ль, река?

— Нет, — тихо ответил Том. — Смотри.

Он указал на море.

Луна еле-еле просвечивала сквозь сплошные облака, море под ней казалось покрытым серыми заплатами. Я тут же увидел, на что показывает Том: тусклый красный огонек в середине черного силуэта. Корабль. Огромный — такой огромный, что поначалу я решил, будто он у самого берега, хотя на самом деле он был посередине между береговыми обрывами и скрытым облаками горизонтом. Так трудно было осмыслить это расстояние и эти огромные размеры, что я подумал, будто сплю.

— Тушите свет, — сказал Ли.

Фонари погасили в полном молчании. Огромный корабль бесшумно и быстро скользил на север. Его движение было таким же несообразным, как его размеры и

пропорции. Вскоре он скрылся за холмом, который мы только что переехали.

— К населенным берегам они так близко не подходят, — объявил Дженнингс. — Редкое зрелище.

Поехали дальше. За следующим белым флажком вновь остановились. Вторая река была шире первой, но опоры начинались сразу от берега, и сохранились почти все перекрытия. Наши спутники принялись укладывать пути на шаткую старую платформу, а мы с Томом остались на дрезине, возле фонарей. Подморозило, мы кутались в одеяла и выдыхали пар. Потом встали и, чтобы разогнать кровь, помогли таскать снаряжение. Когда дрезины перегнали через реку и убрали пути, я спрятался от ветра за двумя мотками каната и уснул.

Время от времени я просыпался от сильной тряски, ругал себя, что пропускаю часть пути, убеждал, что надо бы высунуть голову наружу, но было еще темно, я устал и сразу засыпал снова. Когда я проснулся в последний раз, уже рассвело и вся команда стояла у рычага: мы преодолевали подъем. Я сел с твердым намерением больше не засыпать и, как только освободилось место, встал к рычагу.

Мы ехали через развалины, но не такие, как в округе Ориндж — разбросанные среди леса груды бетона и досок. Здесь между деревьями виднелись фундаменты домов, а кое-где и восстановленные здания, большие и маленькие. Расчищенные развалины. Пузатый показал, где он живет — ближе к океану. Крутые береговые обрывы чередовались с болотистыми низинами, рельсы то взбирались на гору, то спускались вниз. Болота мы переезжали по дамбам, под которыми в туннелях протекали речки. Потом впереди показалось болото, где дамбы не было, или была когда-то, но рухнула. Путь на юг преграждала широкая река, вьющаяся по широкой, заросшей камышом низине. В прибрежных дюнах река разделялась на три рукава.

Дрезины остановились.

— Сан-Элихо, — сказал Дженнингс Тому и мне.

Солнце выглянуло из-за туч; в соленом утреннем воздухе над камышами, над сверкающими бочажинами, над

излучинами кружили тысячи птиц. Их крики мешались с шумом прибоя.

Том спросил:

— И как вы это болото переедете? Мостить слишком долго будет, а?

Дженнингс усмехнулся:

— Обогнем. Рельсы проложены по дороге, мы их не снимаем. Эти, — он указал на небо, — пока не возражают.

Мы объехали болото по северному краю. Река здесь была всего-навсего ручьем, и через нее был перекинут постоянный мост, вроде нашего.

— Вам удалось узнать, как далеко от Сан-Диего вы можете протянуть дорогу, не раздражая этих, наверху? — спросил Том, когда мы переезжали через мост.

Ли открыл было рот, но Дженнингс не дал ему ответить, и Ли недовольно сжал губы. Дженнингс сказал:

— Ли считает, они установили для нас вполне четкие границы и, пока мы их не переступаем, не вмешиваются. Короче, они не хотят, чтобы была связь между прежними округами.

Ли закатил глаза, кивнул и помимо воли улыбнулся.

— Что до меня, я больше склонен согласиться с мэром, — продолжал Дженнингс, не обращая внимания на улыбку Ли. — Мэр говорит, в том, что они делают, нет ни складу ни ладу. Сумасшедшие смотрят на нас из космоса и решают, что нам позволено, а что нет. Мол, мы для них, как мухи для богов.

— «Мы для богов — что для мальчишки мухи», — поправил Том.

— Точно. Сумасшедшие смотрят на нас сверху.

Ли покачал головой:

— Дело обстоит несколько сложнее. Неизвестно, что они видят. Но действия их подчинены определенным правилам. Я думаю, есть резолюция ООН, предписывающая японцам, как с нами поступать. И даже... — Он осекся и нахмурился, словно понял, что зашел слишком далеко.

— О, разумеется, у них есть камеры, которые могут различить человека, — возразил Дженнингс. — Поэтому, что они видят — известно. Неизвестно, что они замечают. Все, что мы делаем на севере, не спрячешь. Мосты

остаются прежними, но мы, например, вырубаем на путях кусты. Вполне может быть, что разбирать мосты — пустая трата времени. Я говорил мэру, мы не невидимы, однако не уверен, что он меня услышал. Мы просто малозаметны. Однако они могут сличить старые и новые снимки на глаз или поручить это машине, не знаю. Вот построим дорогу на север — как раз и проверим их наблюдательность.

Мы ехали через густой сосновый лес. Солнце пробивалось сквозь ветки и вспыхивало в капельках росы. Пригревало, и я снова стал клевать носом, как ни нравились мне новые места, через которые мы ехали. За деревьями стояли старые дома, многие были восстановлены, и в них жили. Над крышами поднимался дымок. Когда я это увидел, то сильно смутился и пихнул Тома в бок. Эти из Сан-Диего — самые обыкновенные мусорщики! Том понял, что я хочу сказать, но только мотнул головой. Было ясно, что сейчас не время обсуждать, но все равно мне сделалось не по себе.

Рельсы вели к поселку вроде нашего, только домов в нем было побольше, стояли они чаще и среди них попадались старинные. Душераздирающе закрипели тормоза, закудахтали испуганные куры, залаяли собаки. Из большого дома вышли несколько мужчин и женщин. Наши спутники прыгнули с платформ и поздоровались. На свету стало видно, какие они грязные, заросшие, с красными от усталости глазами, но никого это не смутило.

— Добро пожаловать в Сан-Диего, — сказал Дженнингс, помогая Тому сойти с дрезины. — Или, если быть точным, в Университетский городок. Позавтракаете с нами?

Мы охотно согласились. Я вдруг понял, что смертельно хочу есть — еще сильнее, чем спать. Нас познакомили с встречающими и повели в дом.

Входная дверь открывалась в большой коридор, оклеенный красными с золотом обоями. С потолка свисал стеклянный канделябр. На лестнице лежал ковер, а перила были из резного дуба и покрыты лаком. Я вытаращил глаза и спросил:

— Здесь мэр живет?

Грянул оглушительный хохот. У меня запытали щеки. Дженнингс обхватил меня за плечи.

— Сегодня ночью, Генри, ты себя показал. Мы смеемся не над тобой. Просто... Ладно, увидишь, где мэр живет, поймешь. Здесь живу я. Заходи, умойся, я познакомлю тебя с женой, и мы славно позавтракаем в честь вашего прибытия.

Глава 7

После завтрака мы с Томом почти полдня проспали на старинных диванах у Дженнингса в гостиной. Под вечер хозяин ворвался в комнату и растолкал нас со словами:

— Быстрее, быстрее. Я был у мэра. Он пригласил вас пообедать и побеседовать, а ждать он не любит.

— Заткнись и дай людям одеться, — сказала жена Дженнингса, выглядывая из-за его плеча. Она была удивительно на него похожа, такая же низенькая, кругленькая и веселая. — Когда будете готовы, я покажу вам ванную.

Мы с Томом пошли за ней и пописали в работающий унитаз со сливным бачком. Когда мы вышли, Дженнингс торопливо повел нас на улицу. Ли и пузатый ждали на одной из дрезин. Мы сели, и машина покатила на юг. При свете дня пузатый сделался общительнее и представился Эбом Тонклином.

Рельсы бежали по растрескавшемуся бетону другой автострады, под кронами сосен и эвкалиптов, секвой и дубов. Мы проезжали полосы света и тени, мимо больших, густо засаженных кукурузой полей. На одном из этих желто-зеленых полей я заметил человека и, только махнув ему рукой, понял, что это пугало.

Дженнингс, перекрикивая стук колес, объявил: «Уже скоро!» С пригорка нашим взглядам открылось длинное, вытянутое с запада на восток озеро. Похоже, здесь раньше было болото вроде северного, а потом его затопило. Из воды вставали огромные домищи, небоскребы — никак не меньше десятка. У одного, на севере, была огромная круглая стена. А посреди озера торчал кусок автострады на бетонных опорах. На нем стоял белый дом. Над

крышей дома я различил маленький американский флаг. Он хлопал на ветру. Я разинул рот и взглянул на Тома — у того округлились глаза. Я снова посмотрел вперед. Никогда прежде мне не случалось видеть более впечатляющего напоминания о старых временах, чем это обрамленное лесистыми холмами, освещенное заходящим солнцем длинное озеро со своим собранием затопленных и разрушенных исполинов. Какие громадины! И снова — словно невидимая рука сдвинула мне сердце — я понял, каково оно было раньше.

— Здесь-то и живет мэр, — сказал Дженнингс.

— Боже, это же долина Мишен, — выдохнул Том.

— Верно, — подтвердил Дженнингс с такой гордостью, словно сам все это построил. Том затряс головой и ошалело рассмеялся. Рельсы кончились, Ли с обычным выматывающим нервы скрежетом остановил дрезину. Мы слезли и пошли вслед за хозяевами по автострате. Она ныряла под воду, кусок дороги в середине озера был ее продолжением. На дальнем берегу белая бетонная полоса вновь выныривала из озера. До меня дошло, что кусок автостраты над озером — все, что осталось от моста, соединявшего прежде берега долины. Чем пустить дорогу понизу, они подняли ее на опоры и сделали мост больше мили длиной, просто чтобы не спускаться вниз и не заезжать вверх на своих автомобилях! Я обалдело тарашился и все не мог взять в толк, как вообще можно было додуматься до такого моста. В голове не укладывалось.

— Ты в порядке? — спросил меня Ли.

— А? Да, конечно. Просто засмотрелся на озеро.

— Есть на что. Может, утром сделаем круг на лодке.

Со стороны Ли это было верхом дружелюбия, и я понял, что он оценил мое восхищение. Там, где дорога уходила в озеро, к большому плавучему пирсу были пришвартованы десятка два лодок. Ли с Эбом усадили нас в одну из самых больших. Эб взял весла, мы оттолкнулись и поплыли к острову-мосту. По дороге Ли отвечал на расспросы Тома касательно озера:

— Дождями намыло горы грязи, она застряла в устье между дорогами и набережной. Получилась запруда. Большая плотина. Что? Да, вода стекает в океан, но поверх

запруды, так что у нас тут озеро. Оно гораздо выше уровня моря и тянется до самого Кахона.

Том рассмеялся:

— Ха! Мы всегда говорили, что хороший дождь может затопить эту долину, но чтобы так... А что случилось с путепроводом?

— Говорят, поначалу были сильные наводнения, размыло склоны холмов и опоры моста рухнули. Сохранились только центральные. Мы взорвали нависающие части, чтобы вид был поаккуратнее.

— Ага.

Мы подплыли ближе, и я увидел обрубленный край автострады, желтый в закатном свете. Из бетонной плиты торчали загнутые ржавые штыри. Платформа имела футов пятнадцать в толщину, ее основание возвышалось над водой футов на двадцать. Лодка скользнула между стройными опорами, рассекаемая носом вода заплескала о бетон.

Платформа, под которой мы плыли, была частью перекрестка. Здесь от основного отрезка дороги отходили узкие съезды. Теперь они служили причалами. Мы подплыли к восточному, и люди, которые вышли нас встречать, приняли причальный конец. С лодки на деревянные мостки, а с них на бетон. Солнце садилось между двумя башнями, ветер трепал нам волосы. Из дома наверху доносились голоса, смех и звяканье посуды.

— Мы опаздываем, — сказал Ли. — Идемте.

Когда мы поднимались по бетонному съезду, я заметил, что он имеет уклон еще и вбок. Я сказал Тому, и он объяснил, зачем это было нужно: чтобы машины на большой скорости не вылетали с дороги. Я взглянул вниз, на воду, и подумал, что прежние американцы были или дураки, или чокнутые, если шли на такой риск.

На широкой и ровной платформе стояли несколько домов — большой на северном краю, несколько маленьких — не больше моей хижины — на южном. Они составляли что-то вроде подковы. Половина большого дома была одноэтажной, с голубыми перилами наверху. Возле перил стояли несколько человек и смотрели в нашу сторону. Дженнингс махнул им рукой. Я вдруг оробел.

Эб откололся от нас и подошел к западному ограждению дороги — толстым стальным перилам, возле которых тоже стояли несколько человек. Солнце садилось между холмами в дальнем конце озера. Ли и Дженнингс повели нас с Томом в большой дом. Дженнингс как вошел сразу вынул из кармана расческу и провел по волосам. Ли, глядя, как тот прихорашивается, ехидно хмыкнул и, обойдя Дженнингса, повел нас по широкой лестнице. На втором этаже мы прошли по коридору в комнату, где было много стульев и пианино. Большие стеклянные двери в южном конце комнаты вели на балкон. Туда мы и вышли.

Мэр — высокий широкоплечий мужчина — стоял у перил вместе с другими и смотрел на нас. Руки у него были мускулистые и ноги под шерстяными клетчатыми штанами тоже. Ему подали синий пиджак. Для такого большого тела голова казалась слишком маленькой.

— Дженнингс, кто эти люди? — спросил он громким скрипучим голосом. Под черными усами у него был маленький рот и слабый подбородок. Однако, когда он поправил воротник и поднял лицо, голубые глаза взглянули на нас умно и проницательно.

Дженнингс представил меня и Тома.

— Тимоти Дэнфорт, — сказал мэр в свою очередь. — Мэр этого прекрасного города.

На лацкане его пиджака был приколот маленький американский флаг. Мы обменялись рукопожатиями; я жал что есть мочи, но с тем же успехом можно было давить камень. Он мог бы смять мою руку, как тесто. Том позже сказал, такой хватки самой по себе достаточно, чтобы стать мэром. Дэнфорт обратился к Тому:

— Я слышал, вы избранный лидер Сан-Онофре?

— У Онофре нет избранного лидера, — ответил Том.

— Но вы пользуетесь определенной властью? — предположил мэр.

Том пожал плечами и подошел к перилам.

— Красиво тут у вас, — заметил он рассеянно, глядя на половинку красного солнечного диска. Я был возмущен его грубостью, мне хотелось заговорить и сказать, что Том пользуется в Онофре такой же властью, как и любой другой, и что он не хотел обидеть, однако я

промолчал. Том глядел на закат. Мэр, прищурясь, наблюдал за ним.

— Всегда приятно познакомиться с соседом, — сердечно сказал мэр. — Если не возражаете, мы отметим это за столом. — Он улыбнулся, шевеля усами, однако взгляд его оставался пристальным. — Скажите, вы ведь жили в прежние времена? — Тон его, казалось, подразумевал: вы ведь жили в Раю?

— Как вы догадались? — спросил Том.

Почти все на балконе рассмеялись, но Дэнфорт только посмотрел на Тома.

— Для нас честь познакомиться с вами, сэр. Вас осталось мало, особенно в таком добром здравии. Вы — источник вдохновения для всех нас.

Том поднял кустистые брови:

— Неужто?

— Вдохновения, — решительно повторил мэр. — Моноумент, если можно так выразиться. Напоминание о том, ради чего мы боремся в эти трудные времена. Я обнаружил, что старожилы вроде вас лучше понимают наши цели.

— Какие именно? — спросил Том.

Случайно или нарочно, мэр был слишком увлечен своей маленькой речью и не расслышал вопроса.

— Ладно, давайте все-таки сядем, — сказал он так, будто мы отказывались. На балконе стояло несколько круглых столов и маленькие деревья в кадках. Мы сели за тот стол, что ближе к перилам. Дэнфорт буравил Тома взглядом; Том, как ни в чем не бывало, разглядывал флаг, который свисал с установленного на крыше шеста.

На автостраде внизу накрыли столы, штук двадцать пять—тридцать, из вечерних сумерек появлялись все новые лодки. Верхушки южных холмов сверкали яркой зеленью, но все остальное погрузилось во тьму. Где-то в доме загудел движок, и весь остров вспыхнул электрическими огнями. Домики на южном краю, ограждение автострады, комнаты позади нас — все засияло белым светом. Девушки моего возраста и младше вынесли из дома тарелки и серебряные приборы. Одна поставила тарелку передо мной и ободряюще улыбнулась. Волосы ее в электрическом свете отливали золотом, и я тоже улыб-

нулся. По обоим съездам поднимались мужчины и женщины, разодетые, как мусорщики, в блестящие пиджаки и яркие платья, но меня это уже не смущало. Похоже, в Сан-Диего все не как у нас. Здесь сумели соединить лучшее, что есть в мусорщиках и новых поселенцах. Самая яркая лампочка освещала флаг, и все встали, глядя, как спускают звездно-полосатое полотнище. Мы с Томом тоже стояли. Я чувствовал, что сияю как медный таз. По спине пробежал холодок.

За столом, кроме меня и Тома, сидели Дженнингс, Ли, мэр и еще трое, которые тут же представились. Я запомнил только одно имя — Бен. Дженнингс рассказывал мэру о поездке на север, описал оба моста и основные завалы на дороге. Он особо напирал на трудности, и я догадался, что они вернулись позже назначенного. Или Дженнингс привирает просто по привычке. Он в таких выражениях описал, как я переплыл реку, будто это подвиг какой. Даже в краску меня вогнал. Девушка, которая подавала еду, отошла от соседнего столика к нашему, чтобы лучше слышать, и мне это было приятно. Все за столом меня хвалили, а Том толкнул под столом ногой.

— Это пустяки, — сказал я, — мне хотелось поскорее увидеть город.

Мэр кивнул, одобряя мои чувства, и упер подбородок в шею, так что показалось — между кадыком и ртом ничего нет, только складки кожи.

— Сколько ехать до Онофре? — спросил мэр у Ли.

Мы с Томом одновременно толкнули друг друга ногами: во-первых, раз услышав, что Том называет нашу долину Онофре, мэр стал называть ее так же, а во-вторых, он знает, кого из своих людей спрашивать, если хочешь услышать четкий ответ. Разумеется, не умеет он раскусить Дженнингса и Ли, он не стал бы мэром даже собачьей будки. Однако это был знак.

Ли прочистил горло.

— Прошлой ночью у нас ушло восемь часов, от стоянки до Университетского городка. Быстрее вряд ли возможно, разве что не убирать мосты.

— Мы не можем себе этого позволить. — Подвижное лицо Дэнфорта было мрачным.

— Наверно, да. Так вот, от нашей стоянки до Онофре еще минут пятнадцать. Дорога там сохранилась хорошо.

— И дальше тоже, — добавил Дженнингс.

Том поднял голову. Мэр улыбнулся.

— Об этом поговорим после обеда, — сказал он.

Девушки уже принесли тарелки, бокалы, салфетки и серебряные приборы и теперь внесли большие стеклянные миски с салатом из латука и креветок. Том с любопытством взглянул на креветок, наколот одну на вилку, поднес ближе к глазам.

— Где вы их берете? — спросил он.

Мэр рассмеялся:

— Подождите, сейчас мы помолимся, а потом Бен объяснит.

Все девушки вышли на балкон и встали, мэр поднялся из-за стола и подошел к перилам, чтоб его видели сидящие внизу. Я заметил, что он хромает: левая нога не гнется в колене. Мы все склонили голову. Мэр произнес: «Милостивый Боже, спасибо за пищу, которую ты нам даешь, чтобы мы обрели силу служить тебе и Соединенным Штатам Америки. Аминь». Все тоже сказали «аминь» и потому не слышали, как Том подавился смехом. Я что есть силы ткнул его в бок.

Мы принялись за салат. Снизу доносились голоса и звяканье тарелок. Бен, не переставая жевать, сказал Тому:

— Креветок мы получаем с юга.

— Я думал, граница закрыта.

— Да, конечно. Только не старая граница. В Тихуане теперь сражаются между собой только коты и мыши. Примерно в пяти милях южнее проходит новая граница — колючая проволока и две вспаханные бульдозером полосы шириной по триста ярдов. Сторожевые башни, прожекторы по ночам. Я не слыхал, чтобы кто-нибудь ее перешел. — Он оглядел остальных, те согласно кивнули. — Там, где ограда подходит к воде, устроен причал и дежурят катера. Но это мексиканские катера. Японцы охраняют побережье до границы, а дальше это поручено мексиканцам. Не скажу, чтобы они очень старались.

— Япошки тоже, — сказал Дэнфорт.

— Верно. Так вот, там дежурят мексиканские катера, но обогнуть их несложно, а как только ты оказался на

той стороне, рыбаки охотно продадут тебе, что захочешь. Мы для них такие же покупатели, как любые другие. С той разницей, что они знают, в каком мы положении, и обдирают как липку. Но мы получаем, что хотим.

— То есть креветок? — удивленно спросил Том. Он уже доел салат.

— Конечно. А вам они не нравятся?

— А что нужно мексиканцам?

— Детали ружей, в основном. Сувениры. Всякое старье.

— Мексиканцы любят старье, — сказал Дэнфорт, и его люди рассмеялись. — Но в один прекрасный день они получают от нас кое-что еще. Мы поставим их на место. — Он смотрел, как Том заглатывает еду, и теперь, когда тот закончил, спросил: — В прежние времена вы жили где-то поблизости?

— По большей части в округе Ориндж. Здесь я учился.

— Изменилось тут все, не так ли?

— Еще бы. — Том огляделся, не несут ли еще еды. — Все изменилось. — Он по-прежнему говорил грубо, похоже, нарочно. Я все не мог взять в толк зачем.

— Наверно, в старину округ Ориндж был порядком застроен?

— Примерно как Сан-Диего. Или чуть поменьше.

Мэр уважительно присвистнул. Когда все доели салат, миски унесли, подали суп в горшочках, тарелки с мясом, хлеб, миски с овощами, вазы с фруктами. Блюда следовали за блюдами, и каждое давало мне случай улыбнуться блондиночке — курятина и крольчатина, свиная отбивная, лягушачьи лапки, баранина, индюшати́на, рыба, говядина, морские гребешки — блюда ставили на стол, с закрытых приподнимали крышку, чтобы показать содержимое. Когда девушки все подали и ушли, за нашим столом был накрыт пир, по сравнению с которым ужин у Николенов — все равно что наш с отцом обычный. Я почти растерялся и не знал, с чего начать. Наконец решил, пока буду думать, положить на тарелку гребешков.

— Знаете ли вы, — сказал мэр, — что в наше время япошки высаживаются на берег в ваших родных краях?

— Вот как? — спросил Том, накладывая себе горку гребешков.

Похоже, количество еды на столе ничуть его не впечатлило. Я точно знал, что он интересуется японцами, однако сейчас он не показывал виду.

— Вы не видели их в Онофре? Или каких-нибудь следов?

Том, похоже, не хотел отрываться от еды и только мотнул головой, продолжая жевать, потом быстро взглянул на мэра.

— Им интересно поглазеть на развалины старой Америки, — сказал мэр.

— Им? — переспросил старик с набитым ртом.

— Японцам, хотя попадаются и другие. Но поскольку наше западное побережье охраняют японцы, они в основном сюда и лезут.

— Кто охраняет другие побережья? — спросил Том, как бы проверяя, сколько мэр знает.

— Канада — восточное, Мексика — залив.

— Они считаются нейтральными государствами, — добавил Бен. — Хотя в сегодняшнем мире издевательство говорить о нейтралитете.

Мэр продолжал:

— Японцам принадлежат прибрежные острова и Гавайи. Богатым японцам проще попасть на Гавайи, а оттуда сюда, но говорят, этот путь хотят попробовать туристы разных национальностей.

— Откуда вы знаете? — спросил Том, с трудом скрывая свою заинтересованность.

Дэнфорт ответил:

— Мы заслали своих людей на Каталину.

Том больше не мог прятать любопытство за волчьим аппетитом:

— Так что случилось? Кто добился нашей изоляции?

Мэр зло воткнул вилку в отбивную и сказал:

— Русские. Так нам говорили. Да это и очевидно. Кто еще мог бы раздобыть две тысячи нейтронных бомб? Да большинство государств не могли бы купить даже те фургончики, в которых бомбы прятали до взрыва.

Том сощурился, и я понял почему: тот же довод он приводил нам в истории Джонни-Сосновой шишки, которую я считал выдуманной от начала до конца. Странно.

— Вот так они нас и прихлопнули, — сказал мэр. — Вы не знали? Они спрятали бомбы в фургонах «шевроле», загнали их в центр двух тысяч крупнейших городов и припарковали. Все бомбы взорвались одновременно. Без предупреждения, понимаете? Это были не ракеты.

Том кивнул, словно ему наконец разъяснили загадку.

— После взрыва, — продолжал Бен, поскольку мэр не мог говорить от переполнявших его чувств, — сессия ООН вновь собралась в Женеве. Все боялись Советского Союза, особенно ядерные державы. Русские предложили изолировать нас на сто лет, чтобы избежать международного конфликта. Ради сохранения мира, сказали они. Чисто карательная мера, но кто мог им возразить?

— Занятно, — сказал Том, — но за последние пятьдесят лет я наслушался самых разных домислов. — Он снова принялся за еду. — Мы сейчас вроде японцев после Хиросимы. Бедняги тогда не поняли, что с ними произошло. Думали, мы сбросили на трамвайные пути магний и подожгли. Мы сейчас в таком же положении.

— Что такое Хиросима? — спросил мэр.

Том не ответил. Бен покачал головой, словно огорчась его недоверчивости:

— Наши люди иногда по месяцу живут на Каталине. И... Ладно, завтра отведу вас к Уэнтуорту. Он расскажет подробнее. Мы более или менее знаем, что случилось.

— Довольно истории, — сказал мэр. — Главное, что происходит здесь и сейчас. Японские военные в Авалоне подкуплены. Богатые японцы рвутся проникнуть в Америку. Это теперь самое популярное развлечение. Они приезжают в Авалон и находят людей, которые отвозят их на материк. Эти люди, среди которых есть и американцы, ночью доставляют их на лодках в обход береговой охраны и высаживают в Ньюпорт-Бич или на мысе Дана. Мы знаем, что на Гавайях сотни ждут своей очереди.

— Это вы говорите, — пожал плечами Том.

Мэр преувеличенно улыбнулся и снова сделался серьезным. Когда со столов убрали, он встал и подошел к перилам.

— Музыку! — крикнул он.

Люди внизу закричали, и мэр, прихрамывая, направился в дом. Сквозь перила я видел внизу большие,

накрытые белыми скатертями столы, уставленные посудой и кушаньями. Сверху жители Сан-Диего казались на удивление прилизанными, волосы у всех были постриженные и причесанные, одежда — яркая и чистая. Я снова увидел в них мусорщиков. На автостраде маленький оркестр заиграл польку, мэр вышел из дома и пошел обходить столы. Он знал всех собравшихся внизу. Народ закончил пировать и собрался вокруг оркестра потанцевать. Вода и берега озера были темны; мы сидели на острове света посреди мрака. Внизу веселились, но на балконе после ухода мэра заскучали.

Дэнфорт снова вышел из стеклянных дверей, взглянул на нас и рассмеялся:

— Наелись? А чего не идете танцевать? У нас праздник! Спуститесь к людям, а мы с Беном займем наших северных гостей разговором.

Мужчины и женщины весело поднялись и ушли в дом. Дженнингс и Ли тоже ушли, с нами остались только мэр и Бен.

— У меня в кабинете есть бутылка отличной текилы, — сказал Дэнфорт. — Пойдемте выпьем.

Мы пошли за ним по коридору в большую, обшитую деревом комнату, значительную часть которой занимал письменный стол. Позади него были книжные полки во всю стену, сбоку — завешенное окно. Мы сели в кресла, расставленные полукругом, лицом к столу. Том склонил голову набок, пытаясь прочесть названия на книжных корешках. Дэнфорт снял с уставленной бутылками полки длинную тонкую бутылку и налил нам по бокалу текилы. Потом нервно заходил вдоль стола, взад-вперед, взад-вперед, устремив глаза в ковер. Включил лампу, и отраженный от крышки стола свет осветил его лицо снизу. Снаружи не доносилось ни звука. Дэнфорт провозгласил тост: «За дружбу двух общин».

Том поднял бокал и выпил.

Я отхлебнул текилы. Крепкая. После всего съеденного мне казалось, что в животе у меня чутунный шар. Я пристроил бокал на ручку кресла и откинулся, приготовившись наблюдать поединок Тома и мэра — хотя никак не мог взять в толк, чего они не поделили.

Лицо мэра выражало раздумье. Он продолжал ходить взад-вперед. Поднял бокал, взглянул на Тома:

— Так что вы думаете?

— О чем? — спросил Том.

— О положении в мире.

Том пожал плечами:

— Я только что о нем услышал. Ваши люди знают куда больше, чем мы. Если то, что вы сказали, правда. Нам известно, что на Каталине азиаты. Море время от времени выносит к нам их трупы. Кроме того, мы слышим ярмарочные толки, а они меняются от месяца к месяцу.

— К вам выносит убитых японцев? — спросил Дэн-форт.

— Мы называем их китайцами.

Мэр мотнул головой:

— Это японцы.

— Значит, береговая охрана расстреливает нелегальных туристов? — предположил Том.

Мэр снова мотнул головой:

— Береговая охрана куплена. Это не она. — Он отхлебнул из бокала. — Это мы.

— Что?!

— Это мы! — неожиданно громко воскликнул мэр. Хромая, подошел к окну и принялся теревить штору. — Мы отплываем из Ньюпорт-Бич или от мыса Дана в туманную ночь или в такую ночь, когда, по нашим сведениям, готовится высадка, и устраиваем засаду. Убиваем, сколько можем.

Том разглядывал свой бокал.

— Зачем? — спросил он наконец.

— Зачем? — Мэр вдавил подбородок в шею. — Вы — старожил, и еще спрашиваете меня зачем?

— Да.

— Затем, что мы тут не в зоопарке, вот зачем! — Он снова заходил, припадая на одну ногу, вокруг стола, вокруг наших кресел, снова вокруг стола. Потом совершенно неожиданно саданул ладонью по столу. Я вздрогнул. — Они сровняли нашу страну с землей! — сказал он пронзительным от ярости голосом, совсем не таким, как минуту назад. — Убили ее! — Он прочистил горло. —

Этого уже не исправить. Но мы не позволим им глазеть на наши развалины! Нет! Пока жив хоть один американец! Мы не звери в клетках, чтобы на нас смотреть. Пусть запомнят: сунуться на нашу землю — значит получить пулю. — Дрожащей рукой он схватил бутылку и вновь наполнил бокалы. — В этом зоопарке в клетки не заходят. Когда все узнают, что из Америки не возвращаются, посещения прекратятся. Никто не будет подкармливать этих подонков к северу от вас. — Жадно отпил. — Знаете ли вы, что мусорщики из округа Ориндж устраивают япошкам экскурсии?

— Меня это не удивляет.

— Меня тоже. Подонки! Предатели Соединенных Штатов. — Это прозвучало смертным приговором. — Если все американцы поддержат сопротивление, никто не сунется на эту землю. Нас оставят в покое, и мы возродимся. Но в сопротивлении должны участвовать все.

— Я не знал, что существует сопротивление, — мягко сказал Том.

Бац! Мэр снова хлопнул ладонью по столу, наклонился и заорал:

— Затем мы вас сюда и пригласили, чтобы рассказать о нем! — Он выпрямился, сел, уронил голову на руки. Снова наступила тишина. — Скажи им, Бен.

Бен с жаром подался вперед:

— Мы узнали о нем, когда добрались до Солтон-Си. Американское сопротивление. Обычно его называют просто сопротивлением. Штаб в Солт-Лейк-Сити, военные центры на месте бывших штабов стратегических военно-воздушных сил в Шайенне, штат Вайоминг, и под Маунт-Рашмором.

— Под Маунт-Рашмором? — переспросил Том.

Мэр подпер рукой лицо (оно оставалось в тени) и пристально поглядел на Тома.

— Да. Там всегда был тайный военный штаб.

Том слегка поднял брови:

— Не знал.

Бен продолжил:

— Организации есть по всей стране, но движение едино и преследует одну цель. Возрождение Америки.

Два последних слова он произнес с особым выражением.

— Возрождение Америки, — выдохнул мэр.

У меня снова кровь прилила к лицу и по спине побежали мурашки. Только подумать: они связаны с восточным побережьем! С Нью-Йорком, Виргинией, Масачусетсом, Англией!.. Мэр потянулся за бокалом и выпил, Бен осушил свой в два глотка, словно это тост. Мы с Томом тоже выпили. На секунду показалось, что все мы объединены общей идеей. Я захмелел от текилы и от услышанных новостей о сопротивлении — нашей с Николеном мечты, которая внезапно обернулась явью. Коктейль получился крепким. Дэнфорт снова встал, устремил взор на боковую стену комнаты, где висела большая карта в деревянной раме, и страстно произнес:

— Вновь сделать Америку великой, такой, как до войны, лучшей страной на Земле. Такова наша цель. — Он направил палец на Тома. — Мы бы уже достигли этого, если бы нанесли ответный удар по Советам. Если бы президент Элиот — трус, предатель! — не побоялся нас защитить. И все же мы это сделаем. Мы будем работать, молиться, прятать оружие от космических спутников. Мы знаем, что в Шайенне и Солт-Лейк-Сити изобретают новое вооружение. Однажды... однажды Америка воспрянет, как тигр, и обрушится на мир. Тигр выскочит из ямы...

Голос его сорвался на хриплый визг, я уже не разобрал слов. Он стоял вполоборота к нам и продолжал говорить сам с собой. Стоны мешались со вздохами. Лампа на столе мигнула раз, другой. Бен вскочил с кресла и пошел в угол зажечь керосиновую лампу.

Мэр уперся костяшками пальцев в стол и снова заговорил, на этот раз спокойно и разумно.

— Вот об этом я хотел побеседовать с вами, Барнард. Главные силы сопротивления сосредоточены вокруг Санта-Барбары. Мы встречались с их представителями в Солтон-Си. Нам нужно поддерживать с ними связь, чтобы вместе противостоять японцам на Каталине и на островах Санта-Барбары. Первая часть этой задачи — очистить округ Ориндж и Лос-Анджелес от японских туристов и от предателей, которые им помогают. Для

этого нам нужны вы. Нам нужно, чтобы Онофре присоединилось к сопротивлению.

— Я не могу говорить от имени всего поселка, — сказал Том.

Меня подмывало возразить, и губы мои беззвучно произнесли: «Конечно, мы с вами», но я закусил губу и смолчал. Том прав: надо проголосовать. Том махнул рукой:

— Звучит, как будто... ладно, не знаю, захотим мы или нет.

— Придется захотеть, — яростно произнес мэр, упираясь кулаками в стол. — Это важнее, чем ваше желание или нежелание. Скажите своим, что страну можно сделать прежней. Они в силах помочь. День придет. Новая Великая Америка, автомобили и самолеты, экспедиции на Луну и телефоны. Объединенная страна. — Вдруг он добавил, без всякой злобы и даже бесстрастно: — Скажите своим, что они или присоединяются к сопротивлению, или противостоят ему.

— Не очень дружелюбная формулировка, — заметил Том. Глаза его сузились.

— Формулируйте, как хотите. Только передайте.

— Передам. Но они захотят знать точно, чего вы от них хотите. И я не могу предсказать их ответ.

— Никто не просит вас ничего предсказывать. Они поймут, на чьей стороне правда. — Мэр поднял на Тома сверкающие глаза. — Я думал, старожил вроде вас при вести о сопротивлении запрыгает от радости.

— Я больше не прыгаю, — сказал Том. — Ноги не те.

Мэр обошел стол и наклонился над Томом. Сжал его руку своими кулачищами.

— Не теряйте любви к Америке, старина. Это чувство — лучшее, что в вас есть. Это оно помогло вам прожить так долго, знаете вы это или нет. Вы должны всеми силами сохранять в себе это чувство, иначе вы обречены.

Том вырвал руку. Мэр выпрямился и захромал обратно к столу.

— Ладно, Бен. Эти господа заслужили право до своего ухода немного повеселиться внизу. Ведь верно?

Бен кивнул и улыбнулся нам.

— Знаю, вы провели нелегкую ночь, — продолжал Дэнфорт, — но, надеюсь, у вас остались силы побыть с нашими внизу, хотя бы недолго.

Мы согласились.

— Пока мы еще в доме, позвольте показать вам наш маленький секрет.

Мы встали и пошли за мэром. Он проковылял по коридору до следующей двери. Вытащил из кармана ключ.

— Это ключ к новому миру. — Отворил дверь и провел нас в комнату, где ничего не было, кроме трех столов с разложенными на них деталями. На самом большом столе стоял металлический ящик размером с лодочный. На ящике были ручки, шкалы и кнопки, а из отверстий сбоку отходили два провода.

— Коротковолновый приемник? — предположил Том.

— Он самый, — сказал Бен, страшно обрадованный догадкой.

— Чтобы наладить его, к нам едет специалист из Солтон-Си, — прошептал мэр. — И тогда мы установим связь со всей страной. С каждой ячейкой сопротивления. Начнется новая эра.

Мы довольно долго стояли и разглядывали ящик, потом на цыпочках вышли из комнаты. Мэр запер дверь на ключ, и мы все вместе спустились на автостраду, где еще играл оркестр. Мэра сразу же обступили молодые женщины — все хотели танцевать с ним. Том побрел к западному ограждению, а я направился к столу с выпивкой. Мужчина за столом сразу меня узнал — он помогал причаливать нашу лодку к съезду.

— Выпивка за счет заведения, — объявил он, наливая мне чашку текилового пунша.

Я выпил и пошел обходить танцплощадку. Девушки, которые танцевали с мэром, плотно обступили его и медленно кружились, словно не слыша польку. Пунш ударил мне в голову. Музыка, отраженные от бетона электрические огни, мелькание ярких одежд, прохладный ветерок, ночное небо, призрачные силуэты небоскребов на фоне обступившего нас сумрака... невероятная новость об Американском сопротивлении — все пьянило. Я и впрямь был на пороге нового мира. Пробылся

сквозь толпу к Тому — старик, опершись на поручень, смотрел в черную воду.

— Том, правда здорово? Правда замечательно? — сказал я.

— Дай подумать, — тихо ответил Том.

Я расстроился и пошел к оркестру, но огорчение прошло быстро. Среди танцующих с мэром была и блондинка, которая обслуживала нас во время пира. Когда она уступила место другой девушке, я протолкался сквозь толпу и схватил ее в охапку.

— Потанцуй со мной, — сказал я. — Я с севера.

— Знаю. — Она рассмеялась. — Ты нездешний, сразу видно.

— С морозного севера, — продолжал я, неловко ведя ее в польке. Голова кружилась. — Из-за ледников и расщелин, по немереным снежным равнинам пришел я в ваш дивный цивилизованный город.

— Чего-чего?

— С дикого севера пришел я, чтобы увидеть вашего мэра, пророка новых времен.

— Он правда вроде пророка, ведь так? Словно из церкви. Отец говорит, он сделал Сан-Диего таким, как сейчас.

— Верю. Много изменилось за время его правления?

— Да как сказать. Он у нас мэром, сколько я себя помню. Папа говорит, с тех пор, как мне исполнилось два года.

— Давно это было.

— Четырнадцать лет назад.

Я поцеловал ее, и мы потанцевали под три или четыре песни, но тут меня совсем развезло и начало шатать. Она отвела меня за стол, мы сели и поговорили. Я заливал, как самый отъявленный враль в Калифорнии — куда там Николену. Девушка хохотала без умолку. Когда Дженнингс и Том меня разыскали, я огорчился. Дженнингс сказал, что устроит нас ночевать на другом краю платформы. Я неохотно распрощался с девушкой и поплелся за Дженнингсом и Томом, пошатываясь, распевая «уп-па-па» и приветствуя каждого встречного. Дженнингс устроил нас в бунгало на южном краю платформы. Пе-

ред тем как заснуть, я минуты две втолковывал молчащему Тому:

— Новая эра, Том, я тебе говорю. Новый мир.

Глава 8

На следующее утро нас разбудили ружейные выстрелы. Мы вскочили, подбежали к дверям и увидели, что мэр с друзьями упражняются в стрельбе по тарелкам, которые один из них подбрасывает над водой. Бросок — тарелка взмывает в воздух — стрелок прицеливается — бабах! — глухой звук, словно две сухие дощечки ударили друг о друга. Примерно каждая третья тарелка разлеталась вдребезги. Том неодобрительно покачал головой.

— Патронов у них много — склад, что ли, нашли, — сказал он.

Дженнингс, наблюдавший за забавой со стороны, обернулся и увидел нас. Подошел, пригласил к стоящим у большого дома столам. В клубах едкого порохового дыма мы позавтракали хлебом и молоком. В промежутках между выстрелами я слышал, как бодро хлопает на ветру американский флаг. Я смотрел, как он плещет над домом, смотрел на стрелков. Каждую разбитую тарелку приветствовали гиканьем, каждый удачный выстрел обсуждали. Мэр стрелял метко, редко промахивался, может, потому, что ему не приходилось долго дожидаться очереди. Остальные с тем же успехом могли бы просто ссыпать тарелки в озеро.

Когда мы доели, мэр передал ружье соседу и заковылял к нам. Днем он казался ниже, чем при электрическом свете.

— Я распорядился, чтобы назад к дому Дженнингса вас отвезли через Ла-Холью. Там поговорите с Уэнтуортом.

— Кто это? — спросил Том, ничуть на стараясь быть вежливым.

— Замечательный человек, печатник. Он обрисует положение подробнее, чем мы с Беном. Когда поговорите с ним, бригада Дженнингса и Ли отвезет вас домой на поезде.

Он сел напротив нас и оперся о стол мощными локтями.

— Придете домой, передайте вашим мои вчерашние слова.

— Я желал бы полной ясности, — сказал Том. — Вы хотите, чтобы мы примкнули к сопротивлению, о котором вы слышали?

— К которому мы принадлежим. Верно.

— Как и на каких условиях?

Дэнфорт взглянул Тому прямо в лицо:

— Каждый поселок должен внести свою лепту. Без этого нам не победить. Разумеется, у нас население больше, так что люди будут в основном наши. Но нам надо, в частности, проложить рельсы через вашу долину. И вашим, раз вы живете на побережье, легче совершать вылазки. Или ваш поселок станет базой для вылазок — это как мы решим. У нас нет какой-то общей схемы. Но вы должны примкнуть.

— А если мы не захотим?

Мэр двинул челюстью. Он выдержал паузу. Все вокруг (стрельба временно прекратилась) тоже замолкли.

— Чего-то я никак вас не пойму, старина, — пожаловался Дэнфорт. — Ваше дело — передать мои слова.

— Я передам, и мы сообщим вам свое решение.

— И то хлеб. До встречи.

Он отодвинул стул и, прихрамывая, направился в дом.

— Думаю, он сказал все, что хотел, — произнес Дженнингс после новой паузы. — Можно ехать.

Он отвел нас обратно в бунгало, Том забрал заплечный мешок, и мы по наклонному съезду спустились к лодкам. Там ждали Ли с Эбом. Мы все сели в лодку и поплыли к северному берегу. День был прекрасный, почти безветренный, на небе ни облачка. Нас ждала другая дрезина, не та, на которой мы приехали, и стояла она на других рельсах — они вели вдоль озера на запад. Мы тронулись. Через некоторое время Том нарушил молчание.

— У вас тут целый вокзал, — сказал он.

Дженнингс принялся описывать каждую милю их железной дороги, но, поскольку названия ничего мне не

говорили, я бросил слушать и стал глядеть, когда же появится море. Как раз там, где я ожидал его увидеть, дорога сворачивала, огибая большое болото. К северу от болота был густо заросший холм, и дорога вилась по ложбине к его подножию. Ложбина еще не кончилась, когда Ли нажал на тормоза (я уже научился заранее зажимать уши).

— До Ла-Хольи придется идти пешком, — сказал Дженнингс. — Рельсов туда нет.

— Дороги тоже, — прибавил Ли.

Мы спрыгнули с дрезины и двинулись по тропке через лес. Это был не просто лес, а скорее то, что Том называет джунглями: папоротники и лианы опутывали тесно стоящие деревья, и каждая замшелая ветка сплеталась с десятью другими в борьбе за солнце. Сосны соперничали с деревьями, каких я никогда прежде не видел. От мшистой тропки тянуло сыростью, на каждом упавшем стволе росли пышные ярко-зеленые папоротники и древесные грибы. Позади меня Том бормотал себе под нос:

— Гора Соледад, теперь еще один мокрый северный склон. Все дома смыты. Все в руинах, все в руинах.

Ли, шагавший впереди меня, обернулся и странно взглянул на Тома. Я знал, что означает этот взгляд. Подумать только, Том жил, когда все эти развалины еще были домами. Сам Том ругался на корни под ногами, бормотал и не видел, как Ли на него смотрит.

— Дождь и град, боль и смрад, молний блеск и моря плеск, все в руинах. Все эти жуткие сооружения. Ага, вот фундамент. Дом в стиле Тюдоровов? В китайском духе? Гасиенда? Калифорнийское ранчо?..

— Что-что? — обернулся Дженнингс, которому слышался вопрос.

Но Том продолжал:

— Этот город походил на что угодно, кроме самого себя. Деньги, сплошные деньги, и ничего кроме денег. Бумажные дома; холм только выиграл от того, что с него смыло эту дребедень. Видели бы они его сейчас, хи, хи, хи, хи.

Сразу за перевалом вид изменился. Склон, обращенный к морю, становился положе, образуя мыс. Лес на

мысу был вырублен, на расчистке стояли несколько старых домов в окружении новых деревянных. Древние бетонные стены обшили досками, новые домики пристроили к уцелевшим частям старых, так что у одних были толстые кровельные балки, у других — большие трубы, у третьих — оранжевые черепичные крыши. Значительная часть новостроек была побелена, а бетонных старичков выкрасили голубой, оранжевой и желтой красками. Открывшийся нам с перевала поселок весело сверкал на фоне синего океана. Мы вышли на вырубку. Здесь тропа расширялась и переходила в заросшую зеленой травой улицу.

— Краска, — заметил Том. — Хорошая мысль. Только вся краска, которую я видел в последнее время, ссохлась в камень.

— Уэнтуорт научился ее разбавлять, — сказал Дженнингс. — Он говорит, тем же способом, каким разводят чернила.

— Кто такой Уэнтуорт? — спросил я.

— Придете — увидите, — отвечал Дженнингс.

В дальнем конце улицы, прямо над бухточкой, стояло приземистое каменное строение. Из камней была сложена и ограда вокруг него, вдоль ограды росли сосны. Мы прошли через большие деревянные ворота, на которых был вырезан тигр — зеленый тигр с черными полосами. За стеной был посажен газон и цветы. Дженнингс открыл дверь и поманил нас внутрь.

Мы вошли в комнату с большим стеклянным окном. Поскольку дверь тоже осталась открытой, внутри было светло, как во дворе. За низким столом человек пять подростков и двое-трое взрослых месили чистое белое тесто, по запаху явно не хлебное. Мужчина в очках с черной оправой встал из-за стола, где давал указания работникам, и подошел к нам. В его черной бороде блестела седина.

— Дженнингс, Ли, — сказал он, вытирая руки повязанным вокруг пояса полотенцем, — с чем сегодня пожаловали?

— Дуглас, это Том Барнард... э... старейший житель долины Онофре. Это к северу от нас. Мы привезли его по новым рельсам. Том, это Дуглас Уэнтуорт, один из

самых замечательных жителей города Сан-Диего, печатник.

— Печатник, — повторил Том. Пожал Уэнтурту руку. — Рад познакомиться с печатником, сэр.

— Вы интересуетесь книжным делом?

— Еще как. Когда-то я был адвокатом и вынужден был читать книги самого гнусного свойства. Теперь я волен читать те книги, которые мне нравятся, если удастся их раздобыть.

— У вас большая библиотека? — спросил Уэнтурт, пальцем поправляя очки, чтобы лучше разглядеть собеседника.

— Нет, сэр. Книг пятьдесят или около того, но я меняюсь с соседями.

— Понятно. А вы, молодой человек, умеете читать? — Глаза Уэнтурта — толстые стекла очков увеличивали их до размеров куриного яйца — смотрели на меня спокойно.

— Да, сэр. Том меня научил, и теперь это любимое мое занятие.

Мистер Уэнтурт улыбнулся:

— Приятно знать, что в Онофре сохраняется грамотность. Может быть, хотите осмотреть наше заведение? Я могу ненадолго оторваться от работы, а наше скромное печатное оборудование, возможно, вас заинтересует.

— С удовольствием, — ответил Том.

— Мы с Ли пойдем сообразим насчет обеда, — сказал Дженнингс. — Скоро вернемся.

— Мы подождем, — отозвался Том. — Спасибо, что привезли нас сюда.

— Благодарите мэра.

— Когда вымесите до полной однородности, — наставлял Уэнтурт подручных, — начнете раскатывать. К прессованию я вернусь.

Он повел нас в следующую комнату с большими окнами. Здесь на столах стояли металлические ящики. Женщина крутила ручку машинки, вращая барабан с натянутым на него листком бумаги. Листок был сплошь покрыт буквами, другие листки, тоже с буквами, выскакивали из щели внизу машины и ложились в корзину.

— Ротатор! — воскликнул Том.

Женщина вздрогнула от громкого голоса и уставилась на старика.

— Верно, — подтвердил Уэнтуорт. — Как я говорил, размах у нас небольшой. По большей части мы печатаем на ротаторе. Не самый изящный способ и не самый долговечный, но машина надежная, да и выбор у нас небольшой.

— Как насчет трафаретов? — спросил Том.

Уэнтуорт, довольный вопросом, попросил женщину отойти. Она нахмурилась и отошла.

— Трафаретов у нас много, и мы научились делать новые с помощью вощенной бумаги и специальных чернил. Все же это наше слабое место. — Он взял листок из корзинки и протянул нам. — Из-за этого приходится ужиматься, печатать через один интервал и почти без полей. Трудно читать, некрасиво...

— По-моему, прекрасно, — сказал Том, беря из его рук страницу и начиная читать.

— Для наших целей годится.

— И такие красивые цветные чернила, — вставил я. Чернила были красно-лиловые, всю страницу сплошь занимал текст.

Уэнтуорт коротко рассмеялся:

— Ха! Вы так подгадете? Я бы предпочел черные, но приходится обходиться тем, что есть. А вот это наша гордость. Ручной печатный станок. — Он указал на сооружение с большим винтом, заслонявшее значительную часть дальней стены.

— Так вот он какой, — сказал Том, кладя листок обратно в корзину. — Никогда не видел.

— На нем мы печатаем то, что требует особой тщательности. Но бумаги не хватает, и поначалу никто из нас не умел набирать. Так что дело это не быстрое. Но есть и первые достижения. Мы пошли по стопам Гутенберга и начали с Библии. — Он снял с полки большую книгу в кожаном переплете. — Версия короля Якова, разумеется, хотя, раздобудь я Иерусалимскую, выбирать было бы труднее.

— Поразительно! — выдохнул Том, принимая из его рук книгу. — Я хотел сказать... — Он тряхнул головой, и

я рассмеялся, видя, что у него кончились слова. — Сколько вам пришлось набирать!

— Ха! — Уэнтуорт забрал у Тома Библию. — И все ради книги, которая у нас и без того есть. Разумеется, наша цель не в этом.

— Вы печатаете новые книги?

— По крайней мере, половину времени. Должен признаться, эта часть работы увлекает меня больше всего. Мы печатаем различные руководства, альманахи, путевые заметки, воспоминания. — Он обратил на Тома увеличенные очками глаза. — Кстати, мы приглашаем всех свидетелей войны записать свои впечатления и передать нам. Мы почти наверняка их опубликуем. Это будет наш вклад в историческую летопись.

Том поднял брови, но ничего не ответил.

— Напиши, Том, — сказал я с жаром. — Кому писать, как не тебе, все твои рассказы про старые времена...

— Так вы рассказчик? — спросил Уэнтуорт. — Тогда тем более напишите. Я считаю, чем больше у нас будет свидетельств об этом времени, тем лучше.

— Нет, спасибо, — растерянно отвечал Том.

Я покачал головой. Надо же, такой говорун, а просишь рассказать о себе — отказывается наотрез. Другие, наоборот, только о себе и говорят.

— Подумайте еще, — сказал Уэнтуорт. — Обещаю, что вас прочтет весь Сан-Диего. Вернее, все грамотное население Сан-Диего. А с тех пор как с нами связались жители Солтон-Си...

— Они связались с вами? — перебил Том.

— Да. Два года назад пришли несколько человек, и с тех пор ваши провожатые, Дженнингс и Ли, люди весьма предприимчивые и целеустремленные, провели туда рельсы. Мы отправляем в Солтон-Си книги, а тамошние получатели пересылают их дальше. Так что ваш труд, возможно, прочитают на всем континенте.

— Вы верите, что сообщение простирается так далеко?

Уэнтуорт пожал плечами:

— Как вы знаете, «и только в дымчатом стекле увидеть можно отсвет блеклый». У меня есть книга, отпечатанная в Бостоне — очень прилично, кстати. О более дальних краях ничего не могу сказать наверняка. У меня

нет оснований не верить тому, что я слышу. Раз эта книга попала сюда, ваша вполне может добраться до Бостона.

— Я подумаю, — сказал Том, но таким голосом, что я понял: он окончательно похоронил эту затею.

— Напиши, Том, — возразил я.

— Посмотрите, что мы уже отпечатали, — сказал Уэнтуорт, чтобы его подбодрить, и повел нас из печатни в боковую комнату. Окна ее выходили на мыс, и здесь тоже было солнечно. Это оказалась читальня; между высокими окнами стояли книжные шкафы со старыми и новыми книгами.

— Наша библиотека, — сказал Уэнтуорт. Том жадно прищелкнул губами, и Уэнтуорт, угадав его мысли, поспешил прибавить: — К сожалению, на дом не выдаем. В этом шкафу — то, что мы отпечатали сами.

Значительную часть книг составляли большие, отпечатанные на ротаторе брошюры, одну полку занимали переплетенные в кожу тома, размером со старые.

Мы смотрели, как Том снимает с полки книгу за книгой.

— «Билл Данжерфилд. Руководство по практическому применению таймеров стирально-сушильных машин фирмы “Вестинггауз”», — прочел Том вслух и рассмеялся.

— Похоже, ваш друг обойдется без нас, — сказал мне Уэнтуорт. — Хотите посмотреть наше собрание иллюстраций?

На самом деле я хотел смотреть книжки вместе с Томом, но понял, что Уэнтуорт проявляет вежливость, и ответил: «Да, сэр». Мы вышли в коридор. За большим окном, составленным из отдельных квадратных стеклышек, коридор расширялся, а на стене напротив окна висели картинки. На них черными чернилами были размашисто нарисованы самые разные животные.

— Это оригиналы иллюстраций к книге, описывающей животный мир лесов к востоку от Сан-Диего...

Наверно, я сделал удивленные глаза. Многих животных — обезьян, антилоп, слонов — я видел только в Томовых драных энциклопедиях.

— ...В Сан-Диего до войны был большой зоопарк. Мы предполагаем, что на основной территории все жи-

вотные погибли от взрыва, но часть вольтер располагалась за городом, и оттуда животные сбежали или были освобождены. Те, кто пережил последующие климатические изменения — которые, возможно, для некоторых оказались даже благоприятны, — размножились. Я сам видел медведей и антилоп-гну, павианов и северных оленей.

— Мне нравится, как нарисован тигр, — сказал я. Тигра я узнал — он был нарисован в книжке про Самбо, чуть ли не первой, которую Том дал мне прочитать.

— Спасибо. Это я рисовал. Удивительная была встреча. Рассказать? — Он как-то смешно задавал вопросы, не с той интонацией, как обычные люди.

— Конечно.

Мы сели на плетеные стулья под окном.

— Мы совершали переход за горой Лагуна. Это высокий пик в двадцати милях от берега, его снежная шапка не тает почти весь год. По весне ручьи в предгорьях вздуваются, отвесные склоны становятся почти непроходимыми.

В путешествии к Джулиану несчастья преследовали нас с самого начала. Радиоаппаратура, которую мы искали, оказалась уничтоженной. Библиотеку западной литературы, которую я надеялся отыскать, найти не удалось. Один из участников экспедиции сломал в развалинах лодыжку. И что хуже всего, на обратном пути нас заметили индейцы куиамука. Они ревниво оберегают свою территорию, и прежние путешественники сообщали о яростных атаках по ночам, когда индейцы не так опасаются ружейного огня. В общем и целом это был неудачный переход, мы несли пострадавшего товарища на носилках, а с каждой открытой вершины за нами наблюдали индейцы на лошадях.

С приближением ночи я оставил товарищей и пошел вперед, отыскать подходящее место для бивуака. Наше медленное продвижение означало, что ночевать придется на индейской территории. Я не нашел сколь-нибудь пригодного для обороны места и двинулся назад, так как солнце уже садилось. Однако на поляне, где я оставил друзей, их не оказалось. Следы были нечетки, но,

похоже, вели на север, и сквозь шум бегущего ручья мне почудились в той же стороне ружейные выстрелы.

Покуда я догонял друзей, солнце село, а вы знаете, как темно становится в лесу сразу после захода. Дорогу мне преградил ручей; я не знал, куда подевались товарищи. В растерянности я вглядывался сквозь сумерки в поток и вдруг заметил присутствие на противоположном берегу другой пары глаз. Это были огромные глаза цвета топаза...

— Что такое топаз? — спросил я.

— Надо было сказать, желтого алмаза. Я встретил их немигающий взгляд. Из-за сосен прямо напротив меня вышел тигр.

— Шутите! — воскликнул я.

— Нет. Это был взрослый бенгальский тигр, не меньше восьми футов в длину и четырех в высоту. В сумерках он показался мне зеленым, матово-зеленым с черными полосами. Он выступил на поляну так внезапно, что поначалу я лишь ужаснулся своему чудовищному невезению. Я был уверен, что проживаю последние секунды, и все же не мог шевельнуться, не мог отвести глаз от немигающего звериного взгляда. Не знаю, сколько мы так стояли и смотрели друг на друга. Скажу лишь, что это были главные минуты в моей жизни.

Одним мягким прыжком тигр переступил через ручей, как вы переступаете через трещину в полу. Я сжался. Он поднял огромную — толщиною в мое бедро — лапу и положил мне на левое плечо — вот сюда. Обнюхал меня — так близко, что я видел стеклянный блеск его зрачков, чуял кровь на его морде. Потом снял лапу с моего плеча и толкнул большой головой вправо, вверх по течению. Я пошатнулся и еле устоял на ногах. Тигр скользнул мимо и обернулся, будто проверяя, иду ли я за ним. Из его груди донеслось урчание — он мурлыкал, но мурлыканье это было в сравнении с кошачьим все равно что раскат грома в сравнении с дверным хлопком. Я пошел за тигром. Изумление вытеснило все другие мысли. Руку я держал на его лопатке, чувствуя, как перекачиваются при ходьбе мощные мускулы. Вдвоем мы шли по его тропе меж деревьев. Каждые несколько минут он

оборачивался и смотрел мне в глаза, и всякий раз я вновь оказывался загипнотизированным.

Много позже встала луна. Мы все шли через чащу вместе. Потом я услышал впереди выстрелы; зверь перестал мурлыкать, мускулы его под моей рукой напряглись. На залитой лунным светом поляне я различил несколько лошадей, а рядом с ними и людей. Я понял, что это индейцы — у моих товарищей лошадей не было. Новые выстрелы донеслись из-за деревьев с дальней стороны поляны, и я заключил, что стреляют мои друзья — как у нас не было коней, так у индейцев не было ружей.

Тигр передернул шерстистым плечом и сбросил мою руку движением, которым, без сомнения, обычно отгонял мух. Он двинулся к поляне, приглашая меня за собой...

— Эй! — Том быстро шел по коридору, потрясая на ходу книгой в кожаном переплете.

— Что вы там отыскиали? — спросил Уэнтуорт. Внезапная помеха в рассказе ничуть его не смутила, а вот я вздрогнул.

— «Кругосветное путешествие американца, — прочитал Том. — Отчет о плавании вокруг земного шара в 2030—2039 годах. Глен Баум».

Уэнтуорт рассмеялся своим коротким, неожиданным смешком.

— Отлично. Вы наткнулись на наш шедевр. Глен не только бесстрашный искатель приключений, но и превосходный рассказчик.

— Но это правда? Американец обогнул земной шар и вернулся всего лишь восемь лет назад?

Когда Том так сказал, я понял, с чего он, собственно, ошалел — вроде как я, когда услышал про тигра в окрестностях Сан-Диего, — и встал со стула взглянуть на книгу. На ней и в самом деле было написано «Кругосветное путешествие американца» — прямо на обложке.

Уэнтуорт улыбнулся.

— Достоверно известно, что Глен отплыл на Каталину в 2030-м, а в Сан-Диего объявился осенней ночью 2039-го.

Увеличенные окулярами глаза сощурились. Что-то между Томом и Уэнтуортом произошло, что именно, я не понял, только старик вдруг громко рассмеялся.

— Остальное вы найдете под переплетом, — закончил Уэнтуорт.

— Вот уж не думал, что такое еще пишут, — сказал Том. — Удивительно.

— Иначе не скажешь.

— И где этот Баум сейчас?

— Прошлой осенью отправился в Солтон-Си и перед отъездом сообщил мне название новой книги: «В Бостон по суше». Думаю, она не уступит той, что вы держите в руках.

Он встал. Из коридора доносился голос Дженнингса, который перешучивался с женщиной у ротатора. Уэнтуорт повел нас обратно в библиотеку.

— А чем у вас кончилось с тигром? — спросил я.

Но он уже рылся в нижнем ящике большого шкафа.

— Мы отпечатали большой тираж. Вот, возьмите в Сан-Онофре. Подарок от печатни «Новый зеленый тигр».

Он протянул Тому обтянутую кожей книгу.

Том сказал:

— Спасибо, сэр, огромное спасибо. Очень тронут.

— Всегда приятно заполучить нового читателя.

— Заставлю учеников прочесть, — сказал Том, улыбаясь так, словно ему вручили кусок серебра.

— Чего там заставлять, — сказал я. — Так как насчет тигра...

В комнату вошли Дженнингс и Ли.

— Пора обедать, — объявил Дженнингс. Похоже, в Сан-Диего привыкли есть среди дня. — Хорошо провели время?

Мы с Томом сказали, что да, и показали книгу.

— Вот еще что, — сказал Уэнтуорт, выдвигая другой ящик. — Это чистая книга на случай, если надумаете писать мемуары. — Он перелистал страницы, показывая, что они белые. — Вернете заполненной, а публикацию мы берем на себя.

— Я не могу ее принять, — начал отнекиваться Том. — Вы и так нас задарили.

— Возьмите, пожалуйста. — Уэнтуорт протянул книгу. — У нас их много. Никаких обязательств писать, но, если соберетесь, бумага будет у вас под рукой.

— Хорошо, спасибо, — сказал Том. Он еще секунду колебался, потом сунул обе книги в заплечный мешок.

— Можно перекусить у вас на лужайке? — спросил Дженнингс. В руке он держал буханку хлеба.

— Мне пора к ученикам, — сказал Уэнтуорт, — а вы располагайтесь во дворе. Будьте как дома. — Потом, уже в дверях, Тому: — Не забывайте, что я говорил про мемуары.

— Не забуду. Вы делаете большое дело.

— Спасибо. Продолжайте учить грамоте, иначе наши труды пропадут впустую. Теперь мне пора возвращаться. До свидания, спасибо, что зашли, до свидания.

Он повернулся и пошел в комнату, где его ученики по-прежнему месили бумажную массу.

Мы поели в солнечном дворике под соленым морским ветерком, прошли обратно через гору Соледад, сели на дрезину и поехали на север, вверх-вниз по крутым холмам. Через несколько миль Том попросил Лизатормозить.

— Можно нам выйти на обрыв и поглядеть?

Дженнингс взглянул с сомнением, и я сказал:

— Том, с обрыва мы можем поглядеть и дома.

— Не с такого. — Том взглянул на Дженнингса. — Я хочу ему показать.

— Конечно, — сказал Дженнингс. — Я обещал жене, что мы будем к ужину, но она все равно до темноты не управится.

Мы снова слезли с дрезины и пошли к западу через густой сосновый лес и ежевичник. Вскоре перед нами показались каменные утесы. Подойдя ближе, я увидел, что это бетон. Дома. Уцелевшие стены — иные высотой с наш береговой обрыв — высились среди груд мелких бетонных осколков. Плиты побольше моей хижины вставляли из зарослей папоротника и ежевики. Дженнингс стал рассказывать про это место, но Том взял меня под руку и попросил наших спутников идти к обрыву.

— Он ничегошеньки не понимает, — сердито сказал Том, когда Дженнингс ушел вперед и уже не мог его слышать.

Дженнингс и Ли скрылись из виду, а я стал бродить по развалинам. Видимо, бомба взорвалась где-то совсем близко: все северные стены были черные, мягкие и хрупкие, как пемза. Среди травы и щебенки валялись осколки стекла, ржавые железяки, куски пластмассы, грудная клетка от человеческого скелета, оплавленные стеклянные трубки, металлические коробочки, грифельные доски... Рафаэлю бы понравилось. Однако вскоре мне сделалось тоскливо, как в Сан-Клементе. Все одно и то же: развалины былого, следы славного прошлого, обращенного в заросший травой щебень; прошлого столь величественного, что, как ни трудись, нам не вернуть ни его, ни даже его слабого подобия. Такие развалины напоминали о нашем ничтожестве, и меня это злило.

Я нашел Тома на северной окраине бетонных утесов: он бесцельно бродил от развалин к развалинам, натыкался на глыбы и смотрел на них так, будто они сами выросли у него на пути; дергал бороду, словно хотел оторвать. Меня он не видел и говорил сам с собой отрывистыми резкими фразами, каждая из которых заканчивалась новой попыткой оторвать бороду. Я подошел ближе и увидел, что тысячи его морщинок сложились в трагическую маску. Никогда прежде я не видел его таким убитым.

— Что здесь было, Том?

Я думал, он не ответит. Он поглядел в сторону, еще раз потянул бороду. Потом выдохнул:

— Здесь был колледж. Мой колледж.

Как-то пару лет назад мы все собрались у Тома во дворе: Стив, Кэтрин, Габби, Мандо, Кристин, Дел и маленький Тедди Николен. Было солнечно, мы все говорили разом, спорили, кто следующий читает «Тома Сойера», и собирались зашекотать Кристин до слез, а старик сидел спиной к дереву и все не мог перестать смеяться. «Ладно, замолчите, ребята, замолчите, колледж открывается».

Я оставил Тома и пошел на запад по растрескавшемуся асфальту в рощу, где груды подгнивших балок лежали

на месте былых строений. Строений, которые возводились людьми. В которых жили. Я сел на краю каньона, над высоким обрывом. Солнце садилось. Я смахнул слезу. Мне хотелось оказаться дома или хотя бы подальше отсюда.

Том вышел из-за деревьев чуть поодаль. Он искал меня. Я встал, окликнул его и пошел навстречу.

— Пойдем на обрыв, отыщем их, — сказал Том. Он по-прежнему выглядел пришибленным. Я молча поплелся следом. — Сюда, — сказал он и повел меня к южному краю каньона.

Деревья сменились кустарником, потом высокой — по колено — травой, и мы оказались у берегового обрыва. Внизу лежал океан, гладкий и серебристый. Горизонт был далеко-далеко — может, в сотне миль. Сколько воды! Ветер бил в лицо. Я глядел вниз, на пятнисто-бурый обрыв, высокий-превысокий и почти отвесный, на широкий, покрытый водорослями пляж. Дженнингс и Ли стояли в сотне ярдов от нас, крошечные фигурки на краю обрыва; они кидались камнями, стараясь добросить до пляжа, но попадали в откос. Глядя на летящие камни, я вдруг понял, что видят чайки, и мне почудилось: я лечу в облаках, высоко-высоко над миром.

Слева в море вдавалась гора Соледад и Ла-Холья. Она загораживала все, что было дальше к югу. На севере берег изгибался, и дальние обрывы казались разломленными комьями грязи над синеватыми лужицами болот. Черда обрывов и болот тянулась до зеленых холмов Пендлттона, а там, где эти холмы сливались с небом и морем, была наша долина, наш дом. Мне с трудом верилось, что я вижу такую даль. Волны с еле слышным рокотом набегали на пляж и оставляли за собой извилистый белый след. Том сидел, свесив ноги с обрыва.

— Пляж теперь раза в два шире прежнего, — сказал он сдавленным голосом. — Мир не должен так сильно меняться на протяжении одной жизни. Слишком это тяжело.

Я отошел, чтобы не мешать ему говорить с собой, однако он сразу поднял лицо — оказалось, он обращался ко мне.

— Я провел здесь много часов, когда время могло остановиться и я был бы только рад. — Он дернул бороду. — Теперь обрывы совсем не те.

Я не знал, что ответить. Закатное солнце озарило склон, песчаник засветился алыми отблесками. Наши тени протянулись далеко за нами, ветер стал свежее. Мир казался огромным-преогромным, продуваемым, сумеречным. Я ходил взад-вперед по краю обрыва и все смотрел, смотрел. Старик продолжал сидеть — маленький буторок над откосом. Солнце постепенно тонуло в море, и вот от него осталась лишь крохотная зеленая искорка. Ветер усиливался. Дженнингс и Ли шагали к нам по самому краю обрыва, маленькие, размахивающие руками фигурки.

— Пора собираться, — крикнул, подходя, Дженнингс. — Элма скоро начнет подавать на стол.

— Дайте старику еще минутку, — попросил я.

— Если ужин остынет, она мне голову оторвет, — прошептал Дженнингс. Но Ли сказал: «Пусть его», и Дженнингс замолчал, глядя на оставленный волнами пенный узор.

Спустя какое-то время Том шевельнулся, встал и подошел к нам. Казалось, он только что проснулся. Над океаном зажегся фонарик вечерней звезды.

— Спасибо, что привезли сюда, — сказал Том.

— Не за что, — отвечал Дженнингс. — Однако время поворачивать. В этих развалинах, да еще в темноте, черт ногу сломит.

— Мы обогнем их с юга, — сказал Ли, — по дороге, которая... — Он с шумом втянул воздух.

— Что такое? — воскликнул Дженнингс.

Ли указал на север, в сторону Пендлттона.

Мы все поглядели, но увидели лишь темный изгиб берега да первые бледные звездочки над ним...

С неба пала белая черта, вонзилась в холмы далеко на севере и исчезла.

— Нет, нет, — прошептал Дженнингс.

Другая черта пала с неба, словно метеор, только она не замедлилась и не рассыпалась на куски; она падала по прямой, словно вычерченная по линейке молния; от ее

появления в вышине до бесшумного исчезновения в холмах прошло не более трех секунд.

— Пендлтон, — сказал Ли. — Взорвали наши пути. — Он принялся ругаться тихим, страшным голосом.

Дженнингс пинал куст, покуда не переломил ствол.

— Скоты! — орал он. — Скоты! Чтоб им... Какого хрена они не оставят нас в покое?..

Еще три черточки пали с неба, одна за другой, целя все дальше и дальше на север вдоль изгиба береговой линии. Я закрыл глаза: на черном фоне плыли красные полосы. Открыл: еще одна черта возникла среди звезд и стремглав понеслась к земле.

— Откуда они берутся? — спросил я и едва узнал собственный дрожащий голос. Кажется, я испугался, что это те бомбы, которыми нас когда-то разбомбили.

— С самолета, — мрачно сказал Дженнингс. — Или со спутника, или с Каталины, или из другого полушария. Откуда, черт возьми, нам знать?

— Накрыли весь Пендлтон, — горько произнес Ли.

Дженнингс пинал кустики, так что они вылетали из земли, и швырял их с обрыва, ругаясь без остановки.

— Прекратилось, — заметил Том.

В темноте я не видел его лица, и после криков Дженнингса и Ли голос прозвучал спокойно. Мы все смотрели на небо. Ничего.

— Идем, — хрипло выговорил Ли.

Мы цепочкой прошли по заросшему травой краю обрыва. Вступили в лес. На полпути к дрезине Дженнингс, шедший впереди меня, сказал:

— Мэру это не понравится.

Глава 9

Дженнингс оказался прав. Мэру это не понравилось. Он самолично отправился на север осмотреть ущерб, а когда вернулся вместе с помощниками в дом Дженнингса, рассказал, как сильно ему это не понравилось.

— Гляжу на рельсы, а они расплавлены, — орал он, молотя кулаком по столу так, что трескали швы у пиджака. Расхаживал, хромая, по комнате, останавливался, выкрикивал ругательства в бесстрастные лица Дженнингса и

Ли, потрясал кулаками над головой, честил японцев... словом, был совершенно не в себе. Я стоял позади Тома и старательно молчал. — Лужи из железа! А грязь спеклась в черный кирпич. Деревья рассыпаются в золу. — Мэр подошел вплотную к Ли и затряс пальцем перед его носом. — Вы наследили, оставили что-то такое, что можно заметить на космических снимках. Всю вину я возлагаю на вас.

Ли стоял, плотно сжав губы, и сердито смотрел мимо мэра. Еще я заметил, что двое помощников мэра, в том числе Бен, довольны полученной Ли головомойкой и победно переглядываются. Дженнингс, которому собственные стены придали сил, бросился защищаться.

— Почти все пути идут через лес, под деревьями, так что сверху их не различишь. Вы сами видели. На открытых местах мы ничего не трогали, даже если приходилось проезжать по кустарнику. А мосты выглядят в точности как до нас. Ничего не изменилось, кроме самих путей, а их мы просто обязаны были поправлять, иначе по ним не проехать. Честное слово, сверху ничего не видно.

Дженнингс продолжал врать и путаться, а когда он убедил наконец мэра, тот разозлился еще больше.

— Шпионы, — просипел он. — Кто-то в Онофре рассказал мусорщикам в округе Ориндж, а те рассказали японцам. — Он обрушил на обеденный стол Дженнингса новый удар. — Хватит. Пора с этим кончать.

— Откуда вам известно, что шпионов нет в Сан-Диего? — спросил Том.

Дэнфорт и его люди вытаращились на Тома. Даже Дженнингс и Ли оскорбились.

— В Сан-Диего шпионов нет, — сказал Дэнфорт, вдавив подбородок в шею. От его голоса мне сделалось не по себе, как от скрежета тормозных колодок. — Дженнингс, найдешь Томпсона. Он отвезет тебя, Ли и этих двоих морем. Доберетесь с ними до Онофре, обратно пойдете вдоль рельсов и оцените ущерб. Я хочу знать, сколько времени уйдет на восстановление путей.

— Рельсы расплавлены — это худо, — ответил Дженнингс. — Придется заменять их, как в ветке на Солтон-Си, а это уже незаметно не сделаешь. Может, попробо-

вать по Девяносто пятой магистрали до Риверсайда, потом опять свернуть к берегу...

Удар ладонью по столу.

— Прибрежные пути должны действовать. Разыщите Томпсона и делайте, как я сказал.

— Да, сэр.

Вскоре мэр и его спутники ушли, не попрощавшись со мной и Томом. Дженнингс вздохнул и виновато взглянул на жену — она с расстроенным видом стояла в дверях кухни.

— Ли, хоть бы разок ты ему ответил. Он только хуже бесится, когда ты молчишь.

Но Ли был по-прежнему зол и ничего не сказал. Том сделал знак подбородком, и я вышел за ним из комнаты.

— Похоже, домой отправимся по морю, — сказал он и передернул плечами.

На следующий день с моря нагнало туч. Дженнингс и Ли уже договорились с Томпсоном, так что мы живо собрали манатки и попрощались с миссис Дженнингс. Потом проехали на дрезине обратно вдоль берега, через крутые горки к реке Дель-Мар. С холма нам открылись сотни блуждающих русел среди травы и камыша, отливающие сталью потоки в сплошной зелени. Главное русло змеилось большой буквой «S» и подходило к самой подошве холма. Здесь в берег была врезана деревянная пристань, а возле нее покачивались несколько лодок — парусных и гребных. Мы быстро покатали под горку к морю. Внизу рельсы поворачивали и вели назад к пристани, уже под меньшим уклоном. На спуске дрезина так разогналась, что поворот мы проскочили со страшным визгом — будто на берегу душат сразу тысячу чаек. У пристани Ли со скрежетом остановил дрезину.

На мгновение закатное солнце пробилось сквозь черные тучи и бросило прощальный луч на болота. В тусклом зеленоватом свете я различил на носу шлюпки у конца причала двоих — они ставили кливер. Шлюпка была длинной (на глаз — футов тридцать), широкой, с мелкой осадкой, с парусиновым навесом впереди мачты и открытыми дощатыми банками сзади. Едва мы ступили

на причал, запах рыбы и соли властно напомнил мне о доме. Тучи снова сошлись, мы остались в полумраке.

— Похоже, будет шторм, — заметил я.

Ветер крепчал, и тучи набрякли дождем.

— Это нам на руку, — сказал Дженнингс.

— Если разыграется всерьез, будет несладко.

— Все может быть. В случае чего укроемся в бухте. Томпсон знает берег как свои пять пальцев. Просто идти вдоль побережья легче, чем подстерегать японцев. И почти так же быстро, как на поезде. Не совсем, конечно, но при южном ветре по пути туда и северном...

— Давай поживей! — окликнули нас со шлюпки. — Отлив пропустим.

Дженнингс познакомил нас с говорившим — это оказался сам Томпсон — и двумя матросами, Хенди и Гилмором. Мы поднялись на борт. Том и я сели на банку спиной к мачтовым бимсам — распоркам, которые шли к каждому планширу и одновременно служили для крепления навеса. Мешки бросили под навес, Дженнингс и Ли сели на банки ближе к корме. Матросы подняли со дна лодки короткие весла и вставили их в уключины. Мужчины на пристани отвязали швартовы и оттолкнули нас от берега. Матросы лениво гребли, позволяя течению нести суденышко. Сзади моталась на воде привязанная к корме двойка. Вокруг расстилалось болото; рогоз по обеим сторонам доходил до половины мачты, из него с плеском взлетали потревоженные утки. За нагромождением бетона мы свернули влево, где река разливалась на мелководье, образуя бурун у южной оконечности холма. Здесь матросам пришлось попотеть, чтобы проскочить через кипящую, как в котелке, воду, а затем через первые большие волны. Чуть подальше от берега они вынули весла из уключин и поставили два паруса. Дженнингс подвинулся к наветренному борту, чтобы не сидеть под гиком. Томпсон со своего места на корме, возле румпеля, развернул паруса по ветру, суденышко накренилось и двинулось вдоль берега, параллельно волнам. Качало сильно. Ветер дул с юго-запада, и кораблик летел вперед довольно быстро.

Мы держались примерно в миле от берега и, пока не стемнело, видели береговые обрывы и лесистые холмы

за ними. Однако вскоре солнце за тучами село, и сумерки сменились ночной тьмой. Теперь черные берега едва угадывались под низкими облаками. Перекрикивая шипение воды в кильватере и скрип трущегося о мачту гика, Дженнингс рассказывал Томпсону, Хенди и Гилмору, как на наших глазах разбомбили рельсы. Мы с Томом сидели спиной к мачте и зябко кутались в одежду. От волн поднимался туман, облака опускались все ниже и ниже, и вскоре мы уже плыли в тонкой прослойке чистого продуваемого воздуха, зажатого, словно в сэндвиче, между водой и облаками. Том то и дело задремывал, примостив голову на палубную надстройку.

Часа через два я улегся на бухту каната между двумя досками и решил по примеру Тома заснуть. Однако сон не шел. Я лежал на спине, смотрел, как надувается и провисает серый — почти одного цвета с облаками — парус, и слушал разговор на корме, не понимая и половины слов. Потом закрыл глаза и стал вспоминать виденное в путешествии: мэра, как он молотил кулаком по обеденному столу Дженнингса — аж подпрыгивала солонка; комнату со сломанным радиоприемником; хорошенькую девушку, с которой танцевал на вечеринке. Я думал: мы живем теперь в другом мире. В мире, где американцы вольны сами распоряжаться своей судьбой или сражаться с теми, кто им мешает. Этот мир совсем не походил на то, что мы видели в своей долине. Да и что мы видели, кроме толкучек? То-то обрадуется Николен, когда услышит про это и прочтет книгу, которую дал нам Уэнтуорт... когда узнает, что американец обогнул земной шар... когда мы всей долиной вольемся в сопротивление и будем сражаться против неведомых врагов на Каталине... Да, есть что порассказать ребятам. То-то у них глаза на лоб повылазят. Как описать дом мэра на острове, такой непохожий на все в Онофре? Электрические лампочки, отраженные в черной воде, разрушенные небоскребы...

Наверно, я все-таки заснул, потому что, когда открыл глаза, мы плыли в тумане. Он был не сплошной, а клочьями — то кусочек чистого воздуха высотой в человеческий рост, а над ним белый облачный потолок, то облако сливается с идущим от воды паром. Я опустил руку за

борт: вода оказалась теплее воздуха. Чтобы согреться, я зарыл ноги в веревки, на которых лежал. Том сидел рядом и уже не спал, а глядел вправо.

— Как они узнают, где мы сейчас? — спросил я, обсасывая с закоченевших пальцев соль.

— Дженнингс говорит, Томпсон держится на таком расстоянии от берега, чтобы слышать шум волн.

Я прислушался и различил слабый рокот.

— Сильная зыбь.

— Ага. Он говорит, когда проходим мимо речного устья, звук меняется, а Томпсон знает все речки наперечет.

— Это же сколько раз надо пройти вдоль берега, чтобы все запомнить.

— Верно.

— Будем надеяться, он не заблудится и не заведет нас в устье реки Пулгас.

— Он говорит, мы ее уже миновали. Вроде бы до Онофре миль десять—пятнадцать.

Значит, я проспал порядочно времени. Вот и хорошо — меньше осталось мерзнуть. На корме все еще тихо переговаривались; никто не спал, все сидели спиной к планширу, застегнутые и замотанные шерстяными шарфами. Мы вошли в туман; Томпсон, который сидел у румпеля, взял подальше от берега, наискосок к волнам. Я долго не мог уснуть. Ничто не менялось: туман, плеск волн под днищем, скрип гика, холод. Ветер налетал порывами и снова стихал. Я слушал, как Томпсон с Дженнингсом обсуждают, не укрыться ли на день в какой-нибудь речке. «Сложновато, — неуверенно говорил Томпсон. — Чертовски сложно идти в тумане и почти без ветра. А зыбь все сильнее. Понимаете, о чем я? По всему видно, скоро совсем разыграется». Словно подтверждая его слова, заскрипела мачта, волны вздымались и падали, вздымались и падали. В тумане их было не различить, и потому они казались еще больше. Волна за волной бросала суденышко, и под эту мерную качку я было снова задремал. Внезапно Том выпрямился.

— Что за шум? — резко спросил он.

Я не слышал ничего необычного, но Томпсон открыл рот, чтобы лучше слышать, и кивнул:

— Японский крейсер. Приближается.

Прошли долгие секунды, прежде чем и мы различили глухое ворчание двигателей. Томпсон повернул румпель...

Белый гребень волны ударил кораблик в лоб. Суденышко замерло. Грот захлопал и выгнулся в обратную сторону. Вода и пена хлынули с навеса мне на колени; Том выхватил заплечный мешок из лужи. В тумане зажегся сноп белого света. Наша лодка качалась внутри слепящего конуса. В освещенном тумане возник огромный корабль, черный рычащий корпус, почти не колеблемый волнами. Я вскочил, с трудом понимая, что произошло, сердце колотилось; я прижался к Тому, испуганно заглядывая ему в лицо. Попались!

— Радар, — прошептал Том.

— Спускайте парус, — крикнули с корабля. — Всем стоять, руки за голову! — Голос, как я позже узнал, был усилен рупором, и его металлическое звучание бросило меня в дрожь. — Вы задержаны.

Я обернулся. В мощном луче прожектора все на корме казалось черно-белым. Ли целил из винтовки в вершину светлого конуса. Щелк! Зазвенело стекло, прожектор вспыхнул и погас. Тут же наша корма озарилась пороховыми вспышками: все пятеро стреляли по японскому крейсеру. Том пригнул меня к палубе. Выстрелы гремели без остановки. Вдруг все заглушил чудовищный рев, и передняя часть шлюпки разлетелась в щепки. На нас хлынула холодная вода, в ней крутились доски.

— Спасите! — заорал я, выпутывая ноги из веревки. Моя рука уже тянулась к изуродованному планширу, когда на голову рухнула мачта.

Дальше я почти ничего не помню. Ослепительный свет прожектора. Морская вода заливает в рот, в ноздри. Непонятные выкрики, грубые руки хватают меня под мышки, больно волокут коленями по железным ступенькам. Я ловлю ртом воздух, меня рвет морской водой. Стальная палуба, жесткое сухое одеяло.

Я на японском корабле.

Когда я понял, где очутился — это была моя первая мысль, едва я пришел в сознание и увидел под собой серую стальную палубу, — я попытался вырваться из

державших меня рук. Бесполезно. Руки держали крепко, кто-то лопотал невнятицу: миси кава тонату ка и так далее, и тому подобное. «Спасите!» — снова заорал я. Однако в голове уже прояснилось, и я понял — никто меня отсюда не спасет. Все произошло так быстро, что я не успел как следует испугаться. Я дрожал и задыхался, словно мне дали под дых, но весь ужас происшедшего начал доходить до меня только тогда, когда японцы принялись стаскивать с меня мокрую одежду и кутать в одеяло. Один матрос тянул меня за рукав рубашки; я извернулся и двинул его кулаком в нос. Он вскрикнул от неожиданности. Я размахнулся как следует и заехал другому в челюсть, потом принялся брыкаться что есть мочи. Кому-то здорово перепало. Они навалились на меня всем скопом, отволокли на бак, в комнату со стеклянными стенами, и уложили на полукруглую скамью под носовой переборкой. Я сел, прислонился спиной к переборке и заплакал.

Сквозь стеклянную стену я видел, как матросы на баке прочесывают воду прожекторами — туда-сюда — и что-то кричат в мегафон. Двое стояли на возвышении возле огромной пушки — надо думать, из нее и подбили нашу лодку. Корабль дрожал от рева моторов, однако никуда не двигался. На этой высоте висел сплошной туман. По воде шныряли моторные лодки, видимо, искали остальных уцелевших, но, судя по голосам во тьме, никого не нашли.

Они убили моего друга Тома. При этой мысли я разревелся, а раз начав, уже не мог унять слезы и все ревел и ревел. За эти годы Том пережил все мыслимые и немыслимые опасности — чтобы его потопил жалкий береговой патруль. И все так быстро.

Наверно, прошло довольно много времени. Моторки начали возвращаться. Я почти очухался и даже немного согрелся в толстом одеяле. Однако внутри, в сердце, было по-прежнему зябко. Я решил, что отомщу за Тома. Он вроде не очень поверил в американское сопротивление, но я-то безусловно чувствовал себя повстанцем — сейчас, с этой минуты, и на всю жизнь. В своей озябшей душе я произнес присягу. Дверь распахнулась, и вошел

капитан. Может, он был вовсе и не капитан, но на его новом коричневом кителе красовались золотые погоны и золотые пуговицы. Я буду называть его капитаном, потому что он точно был большая шишка. Его лицо и руки были чуть темнее кителя, а черты лица напоминали покойников, которых море выбрасывало к нам на берег. Японец. За спиной у него стояли еще двое офицеров, тоже в коричневых кителях, но без золотых пуговиц и погон. Лица у них были как маски.

Убийцы, все до единого. Я злобно воззрился на капитана, а он смотрел на меня, и его раскосые глаза не выражали никаких чувств. Комната мягко покачивалась, над дверью горела красная лампочка, отчего туман за покрытыми солью стеклами тоже казался красным.

— Как вы себя чувствуете? — спросил капитан по-английски — четко, но не так, как говорят у нас.

Я вылупил на него глаза.

— Вы оправились от удара по голове?

Я продолжал смотреть. Он помолчал, потом кивнул. После мне часто снилось его лицо: темно-карие, почти черные глаза, глубокие морщины, веером отходящие от глаз, черные волосы, постриженные так коротко, что стояли щеткой. Губы, тонкие и тоже коричневые, сейчас были недовольно поджаты. Он выглядел пугающе, и я старался смотреть прямо, чтобы скрыть страх.

— Похоже, вы оправились.

Один из офицеров подал ему планшетку с прикрепленными к ней листами бумаги. Он вынул карандаш.

— Ваше имя, молодой человек?

— Генри. Генри Аарон Флетчер.

— Откуда вы?

— Из Америки, — ответил я, обводя глазами японцев. — Из Соединенных Штатов Америки.

Капитан переглянулся с офицерами.

— Хорошо держишься, — сказал он мне.

Вошли матросы в синих куртках и что-то залопотали. Капитан отослал их на бак и снова повернулся ко мне:

— Вы из Сан-Диего? Сан-Клементе? Ньюпорт-Бич?

Я не отвечал, и он продолжил:

— Сан-Педро? Санта-Барбары?

— Это севернее, — сказал я презрительно. Зря, не надо было говорить, но мне так хотелось вцепиться в его мерзкую рожу — меня просто трясло, и от страха тоже, — что я не мог молчать.

— Да. Но здесь нет прибрежных поселений, значит, вы или с юга, или с севера.

— Почему вы знаете, что здесь нет поселений?

Он улыбнулся совсем как мы, только получилось гадко.

— Мы ведем наблюдение.

— Шпионы, — сказал я. — Подлые шпионы. Как вам не стыдно? Вы моряк. Неужели вам не совестно напасть туманной ночью на безоружных моряков. Вы перебили их всех, ведь они не сделали вам ничего плохого.

Я держался, чтобы снова не разреветься. Я был очень близок к слезам и потому распалял свою злость.

Капитан скривил губы, словно ему в рот попало что-то кислое.

— Уж безоружными-то вы не были. С вашей лодки дали по нам несколько залпов и ранили одного человека.

— Хорошо.

— Ничего хорошего. — Он покачал головой. — К тому же я подозреваю, что ваши спутники доплыли до берега. Иначе бы мы их нашли.

Я вспомнил про двойку, которую мы тянули на буксире, и мысленно помолился.

— Пожалуйста, отвечайте на мой вопрос. Вы из Сан-Диего?

Я помотал головой:

— Из Ньюпорт-Бич.

— Ясно. — Он записал. — Но вы возвращались из Сан-Диего?

Главное — говорить неправду. Я сказал:

— Мы возвращались в Сан-Клементе и проскочили в тумане.

— Проскочили Сан-Клементе? Но это в нескольких милях севернее.

— Я же сказал, мы проскочили.

— Но вы двигались на север.

— Мы поняли, что промахнулись, и повернули назад. В тумане трудно понять, где ты.

— А зачем вам было выходить в море?

— А как по-вашему?

— Вы хотите сказать, чтобы избежать наших патрулей? Однако мы не мешаем прибрежному сообщению. Что вам было нужно в Сан-Кlemente?

Я быстро соображал, стараясь не подавать виду.

— Ну... мы везли японцев посмотреть на старый город.

— Японцы не высаживаются на берег, — отрезал капитан.

Таки я его поддел!

— Еще как высаживаются, — сказал я. — Вы так говорите, потому что вам положено их не пускать. Но они все равно высаживаются, и вы это отлично знаете.

Он воззрился на меня, потом заговорил с другими офицерами по-японски. Я первый раз обратил внимание, что слышу чужую речь. Это было странно, как будто они снова и снова повторяют пять-шесть звуков, так быстро, что это и речью-то быть не может. Однако они явно говорили, потому что офицеры жестикулировали и согласно кивали, а капитан приказывал, быстро и непонятно. Сильнее, чем цвет кожи и разрез глаз, их невнятная речь убеждала меня, что эти люди пришли из другого полушария и что я отличаюсь от них куда больше, чем от жителей Сан-Диего. Мысль эта меня испугала, а когда капитан обернулся ко мне и снова заговорил по-английски, это прозвучало вроде как не взаправду, словно он произносит звуки, которые сам не понимает.

Он что-то записал и спросил:

— Сколько вам лет?

— Не знаю. Отец не помнит.

— Ваша мать не помнит?

— Мой отец.

Он явно удивился:

— И больше никто не знает?

— Том говорит, мне шестнадцать или семнадцать.

Том...

— Сколько людей было с вами в лодке?

— Десять.

— Сколько людей живет в вашем поселке?

— Шестьдесят.

— Шестьдесят человек в Ньюпорт-Бич?

— Я хотел сказать, сто шестьдесят. — Я запутался в своей лжи.

— Сколько людей живет в вашем доме?

— Десять.

Он наморщил нос и опустил планшетку.

— Можете вы описать японцев, которые высадились в Ньюпорт-Бич?

— Они были в точности как вы, — отвечал я со всей возможной искренностью.

Он прикусил губу.

— И они были в лодке, которую мы потопили?

— Верно. А почему вы их не задержали, когда они прибыли на корабле, таком же большом, как ваш? Ведь это ваша работа?

Он сердито отмахнулся:

— Не всякой высадке можно помешать.

— Особенно если вам платят, чтобы вы не мешали?

Он снова сделал кислую мину. Меня затрясло еще сильнее, и я закричал:

— Вы говорите, что охраняете берег, а на самом деле вы только бомбите наши рельсы и убиваете нас, когда мы плывем... когда мы просто плывем домой... — И вдруг я снова разревелся в голос. Я ничего не мог с собой поделать. Мне было холодно, и Том погиб, и голова раскалывалась на части, и я больше не мог выносить этого японца с его вопросами. Я обхватил голову руками.

— Еще болит? Ну-ка ляг и отдохни. Надо будет перенести тебя в лазарет.

Он взял меня за плечи и помог лечь под наклонный борт. Офицеры подняли мне ноги и закутали их в одеяло, отодвинув планшетку, которую капитан положил на скамью. Мне было так худо, что я даже не брыкался. Руки у капитана были маленькие и сильные; как ни странно, они напомнили мне о Кармен Эглофф, и я чуть было снова не разревелся, но тут я заметил на левом безымянном пальце у капитана перстень. Он был массивный, золотой, с большим красным камнем. Вокруг камня шли буквы, мелкие, сразу не прочтешь. Однако рука с кольцом на мгновение замерла перед моими глазами, и я сумел разобрать: «Анахаймская школа, 1976».

Я дернулся и ударился головой о борт.

— Успокойтесь, молодой человек. Не волнуйтесь. Мы еще поговорим об этом в Авалоне.

Американское кольцо. Такие же кольца мусорщики надевали, когда шли на толкучку, чтобы показать, из каких они развалин. Я дрожал под жестким одеялом, соображая, что это значит. Если капитан корабля, чья обязанность — не допускать иностранцев на берег, сам бывает в округе Ориндж — бывает часто и носит кольцо, которое дали ему мусорщики, — значит, никто по-настоящему нас не охраняет. Весь этот карантин — сплошное притворство. Притворство, из-за которого убили Тома. Слезы хлынули у меня из глаз, и я стал втирать их обратно, злой на несправедливость, на продажность — злой и огорошенный. Все произошло слишком быстро. Казалось, еще несколько минут тому назад я дремал, прикрыв глаза, на шлюпке. А теперь — как он сказал? — «Мы еще поговорим об этом в Авалоне».

Я сел. Меня отвезут на Каталину. Будут допрашивать. Может быть, пытать. Бросят в тюрьму или сделают рабом. Я больше никогда не увижу Онофре. Чем больше я думал, тем больше пугался. До этой минуты у меня не было времени сообразить, что станет со мной — я вообще мало что соображал, — но теперь стало ясно: меня не собираются отпустить в Онофре. Нет. Меня заберут с собой. При этой мысли сердце мое заколотилось — вот-вот выпрыгнет. Кровь забурлила, словно ручей после ливня. Жилы на руках набухли. Даже ноги согрелись, а дыхание сделалось быстрым и прерывистым. Я думал, что потеряю сознание. Каталина! Попасть на Каталину, никогда больше не увидеть родной дом! Конечно, это ужасный эгоизм (вы дальше прочтете, каким я часто был эгоистом), но я больше переживал из-за себя, чем из-за гибели Тома.

Капитан и офицеры стояли под красной лампочкой. Их тусклые красные отражения в покрытом солью стекле были нечеткими. Отражение капитана смотрело на меня, и я понял, что это значит — он смотрит на мое отражение. Приглядывается за мной. На баке двое матросов по-прежнему стояли у прожектора. Чинили, наверно. Больше никого на палубе не было. Нас окутывал холодный белый туман. Моря было не видеть, но по

плеску воды я рассудил, что до него футов пятнадцать—двадцать. Корабль слабо дрожал, но все так же стоял на месте.

Когда меня вытирали, то раздели догола. Это к лучшему. Капитан опять подошел ко мне.

— Вам лучше?

— Да. Только очень спать хочется.

— Хорошо. Мы отнесем вас в каюту.

— Нет! Не сейчас! Если меня тронуть, мне станет худо. Дайте минутку отдохнуть.

Я притворился обессиленным. Капитан внимательно смотрел на меня.

— Вы упомянули разбомбленные рельсы?

— Кто, я? Я про рельсы не говорил.

Он с сомнением кивнул.

— Зачем вы это делаете? — спросил я помимо воли. — Зачем пришли из другого полушария патрулировать наш берег?

— Нам поручила Организация Объединенных Наций. Не думаю, чтобы вы поняли детали.

Значит, в Сан-Диего нам сказали правду. Хотя бы отчасти.

— Мне известно про Организацию Объединенных Наций, — сказал я. — Только там нет никого от Америки, кто бы за нас заступился. Значит, это все незаконно. — Я говорил сонным голосом, чтобы усыпить его бдительность. Надо было вообще молчать, но любопытство было сильнее меня.

— Ничего другого у нас нет, молодой человек. Если бы не Организация Объединенных Наций, возможно, нас всех бы ждали война и разрушение.

— Значит, вы делаете нам плохо, чтобы спасти себя.

— Может быть. — Он смотрел на меня, как будто удивлялся, что я вообще спорю. — Но, возможно, так лучше и для вас.

— Нет. Я здесь живу. Вы не даете нам идти вперед.

Он кивнул:

— Но куда? Вот это-то вам и неизвестно, мой храбрый молодой друг.

Я притворился, что сплю, и капитан пошел к офицерам под красную лампочку. Он что-то сказал, и они рассмеялись.

Комната мягко покачивалась — вверх-вниз, вверх-вниз. Я сбросил одеяло и побежал к открытой двери. Капитан этого ждал и с криком «Ха!» ринулся за мной, но я оказался проворнее. Уже в дверях я успел увидеть его изумленное лицо. Пробежал мимо обалдевших матросов к борту и рыбкой нырнул в туман.

Глава 10

После долгого падения мои руки рассекли воду. Уходя в ледяную глубь, я успел подумать: «Ой нет». Похоже, я свалил дурака. Удар о воду вышиб из меня дух, и на глубине десять футов я хлебнул соленой гадости. Когда я наконец вынырнул схватить воздуха, спереди накатила волна и я снова задохнулся водой. Я был уверен, что японцы услышат мое барахтанье. Они что-то кричали вслед и наверняка спускали лодки. Вода была ледяная, все тело требовало воздуха.

Я упрямо плыл прочь от криков и тусклого света прожекторов. Волны накатывали спереди. Черт, я прыгнул не в ту сторону. Значит, придется огибать корабль. А ведь я был уверен, что прыгаю в сторону берега. Надо же так обмануться. Мне показалось, что я утратил чувство направления, и на какую-то минуту всполошился, что не соображу, где берег. Я был уже уверен, что не выплыву. Однако вскоре до меня дошло, что можно положиться на волны — они мягко толкали в одну сторону. Еще в шлюпке я заметил, что волны бегут к берегу и чуть южнее. Надо плыть, куда и они, может, забирать чуть правее — это и будет кратчайший путь.

Так что с направлением я разобрался. Но холод пробирал до костей. Вода была, наверно, из того же теплого течения, что подошло к нам на прошлой неделе, но сейчас, под штормовым ветром, обдувавшим голову и руки, она вовсе не казалась теплой. Я продрог до нутра и готов уже был звать на помощь японцев. Однако не стал: больно не хотелось снова видеть капитана. Я представил себе его лицо, когда я скажу: «Да, сэр, я хотел сбежать,

только, видите ли, вода оказалась больно холодной». Нет, так не годится. Если меня вытащат — отлично; какая-то моя часть надеялась, что это произойдет, и лучше побыстрее. Но сам, нет, сам я не сдамся.

Чтобы меньше мерзнуть, я плыл изо всех сил, надеясь, что уже обогнул корабль и теперь от него удаляюсь. Вот была бы неожиданность — натолкнуться на его корпус; а это было вполне возможно, потому что в тумане я не видел и на десять футов. Однако с каждой следующей волной такая встреча представлялась все менее вероятной. Плохо дело, сетовала какая-то моя часть. Теперь ты погиб. Остальная моя часть думала о том, как побыстрее добраться до берега. Я прилачился плыть равномерно и стал работать руками и ногами в этом ритме.

Лишь один раз я вновь услышал японцев, вскоре после того, как окончательно решился плыть к берегу. Что бы там ни говорили, в тумане слышно ничуть не лучше, чем в ясную погоду. Даже наоборот, туман заглушает звуки, как заглушает свет, только не так сильно. Однако иногда он выкидывает занятные шутки: несколько раз мы со Стивом удили в тумане и слышали разговор других рыбаков так близко, будто лодки сейчас столкнутся, хотя нас разделяла добрая миля. Том не сумел этого объяснить, и Рафаэль не смог.

То же случилось и в эту ночь. Внезапно надо мной раздались японские голоса. Они доносились сзади и сверху, и я догадался, что говорят на корабле. Я застонал, думая, что сбился с направления и снова подплыл к кораблю, но тут порыв холодного ветра оборвал разговор на полужае, и больше я его не слышал. Остались только я да вода, и еще туман и холод.

Я умею плавать только тремя способами. Или чепухом. Кролем, на спине, на боку и по-лягушачьи. Кролем быстрее всего и не так мерзнешь, поэтому я опустил лицо в соленую воду — это было страшно, но, держа голову над водой, слишком быстро устаешь — и поплыл. Волны сперва приподымали мои ноги, мягко подталкивали вперед и уходили, а я оставался в промежутке между ними. Кроме волн, я чувствовал лишь ветер, холодивший руки во время гребка. Скоро они совсем задубели, и тогда я поплыл по-лягушачьи, держа их под

водой. Она тоже была холодная, но я помаленьку привык, и это было лучше, чем подставлять мокрые руки ветру. Однако я понимал, что главное — плыть быстро, и потому скоро вновь перешел на кроль.

Когда локти совсем замерзли, я переворачивался на спину или на бок, позволяя волнам подталкивать меня к берегу. Так я сменял одно неудобство другим, а потом старался терпеть его как можно дольше.

Когда плывешь, поневоле много думаешь. Собственно, кроме как думать, и делать почти нечего, не то что когда идешь через лес и смотришь под ноги, чтобы не споткнуться, или выбираешь дорогу полегче. В море все дороги одинаковы, а в тумане смотреть-то не на что. Я видел лишь черные вздымающиеся валы, белый туман (с поднявшимся некстати ветром он снова расплылся клочьями) да собственное тело. И то лишь когда поднимал голову над водой, а это случалось нечасто. Так что всех дел у меня было — думать, не пора ли перелечь на спину или на бок. По большей части я плыл, опустив лицо в воду и закрыв глаза, чувствуя, как мускулы наливаются тяжестью и суставы ломит от холода, и, хотя мысли мои неслись галопом, они не забегали дальше этих важных для жизни ощущений, определявших стиль, которым я плыву.

Когда я плыл на спине и сильно греб ногами, они немного отогревались — в самый раз, а то я уже переставал чувствовать ступни. Однако на спине плыть медленно. Я жалел, что у меня нет с собой ласт — Том мне их иногда одалживал, когда мы с ребятами катались на волнах. Я любил эти ласты — старые синие, зеленые или черные, в которых идешь, как утка, зато плывешь, как дельфин. Что бы я не отдал сейчас за пару таких ласт! Я чуть не плакал, вспоминая о них. Они никак не шли у меня из головы. К небольшому набору моих мыслей добавилось: «Мне бы сейчас ласты». Если бы у меня были ласты!

Я снова перевернулся на живот и поплыл кролем. Локти и плечи задубели и ныли. Я гадал, сколько уже плыву и долго ли еще плыть. Попытался прикинуть расстояние. Скажем, корабль был в миле от берега. Это примерно половина нашего пляжа. Если бы я плыл от

Бэзилонского холма, то сейчас был бы... ладно, не знаю. Точно не скажешь. Одно я мог утверждать наверняка: судя по боли в руках, проплыл я порядочно.

Гребок, гребок, гребок, гребок, гребок. Иногда удавалось совсем выкинуть мысли из головы и просто плыть. После сотни гребков я менял стиль. Сотня за сотней оставалась позади. Прошло много времени. Когда я плыл на спине, то увидел, что туман поднялся, превратился в низкие облака, такие же, какие мы видели со шлюпки. Может быть, это означало, что я приближаюсь к берегу. Облака стремительно неслись над головой и казались очень белыми в сравнении с черным морем. Похоже, встала луна. Море было колышущейся равниной черного вулканического стекла. Над ним кружились снежинки, они летели вперед и падали на меня. Касаясь воды, они исчезали мгновенно, без всплеска. При виде снежинок мне стало еще зябче, и я чуть не заплакал. Я не хотел плакать, хотел беречь силы. И все же плакал. Если б у меня были ласты! Я перевернулся на живот и яростно поплыл кролем, заставляя себя думать о чем угодно, только не о холоде. Например, о том, как я глядел на теплое море... Как мы со Стивом и с Томом сидели у старика во дворе, точили ляды и смотрели на Каталину. «Интересно, как бы оно было, если бы ушла вода», — сказал Стив. Старик с жаром ухватился за эту идею: «Ну, мы бы думали, что живем на огромной горе. На месте моря была бы равнина, прорезанная каньонами, такими глубокими, что мы не видели бы их дна. Равнина бы круто шла под уклон, закрывая нам низины вдаль. Это континентальный шельф, о котором я вам говорил. Низина бы переходила в холмы вблизи Каталины и Сан-Кlemente, а сами острова были бы высокими горами вроде нашей». Он все говорил и говорил, натягивал воображаемые сапоги, чтобы вести нас в поход по неведомым землям, через глину и грязь, через груды водорослей, мимо изумленных рыб, на поиски затонувших кораблей и сундуков с сокровищами...

Некстати мне вспомнился этот разговор. Я представил, сколько подо мной воды, как далеко до дна, испугался и подобрал ноги поближе к поверхности. И рыбы — океан кишит ими, я это отлично знал, зубастыми

и прожорливыми рыбинами. И ни одна не ложится спать ночью. В любую секунду ко мне может подплыть рыбина с полной пастью зубов, вцепиться в руку или ногу... Или я заплыву в целый косяк и задену кожей склизкую чешую — шершавый акулый бок или шипы рыбы-скорпиона... Но хуже, чем рыбы, была вода под мной, глубже и глубже, все более холодная и темная, до самого илистого дна на самой глубине. Я запаниковал, с ужасом представляя, где я и сколько подо мной воды.

Однако первый приступ паники прошел, за ним второй и третий, а я все плыл и плыл. Я ничего не мог изменить. Время шло, и настоящая опасность, холод, все сильнее напоминала о себе, заставляя забыть воображаемые страхи. От него не было никакого спасения, я не мог плыть быстрее, чтобы согреться, а вода сделалась совсем ледяной и уже не защищала от ветра и снега. Я чувствовал мышцами, что скоро холод меня доконает. Это было куда страшнее, чем огромность океана.

Мысли тоже окоченели, стали медленными и неповоротливыми. Руки ныли так, что я с трудом ими двигал. Плыть на спине было тяжело, кролем тяжело, по-лягушачьи тяжело. Тяжело было просто держаться на воде. Если б у меня были ласты. Дно так глубоко. Руки сделались неподъемными, точно сучья железного дерева, мышцы живота требовали отдыха. Если их сведет, я утону. Однако ничего не оставалось, кроме как напрягать их вновь и вновь. Плыть. Я опустил лицо в воду и судорожно поплыл кролем, стараясь грести чаще.

Если превозмочь боль, получалось плыть быстро. Я сжал зубы. Чувство времени пропало, а с ним и ощущение цели. Я плыл не для того, чтобы доплыть, а чтоб не умереть здесь и сейчас. Левая рука, правая рука, вдох. Левая рука, правая рука, вдох. Снова и снова. Каждое движение было победой над холодом. Иногда я находил силы взглянуть вперед, но видел все то же самое: белые облака несутся над головой, снег кружится и с легким шипением исчезает в море. Я не чувствовал рук и ног, холод проникал во все члены и делал их все менее послушными. Я так замерз, что почти не мог плыть.

Наконец мне показалось, что я сдамся. Все, что я собирался рассказать ребятам, пропадет зря, пронесется

перед глазами в последние секунды, когда я буду идти ко дну. Зря, но ничего не поделаешь. Я больше не мог плыть. Если бы только у меня были ласты. И все же всякий раз, как я думал: «Все, Хэнкер, пора тонуть», у меня находились силы еще для нескольких гребков. Казалось, я плыву в холодном масле. Конец, больше не могу. Я снова решал сдаться и вновь находил силы еще несколько раз дернуть ногами. Я думаю, большинство утопленников так и не решали сдаться, просто тело переставало слушаться и принимало решение за них.

Плывя на спине, я мог шевелить ногами и грести руками по бокам. Это все, что мне оставалось, и я плыл, оттягивая неминуемый конец, хотя и понимал, что он близок. При мысли о смерти мне делалось совсем худо. Оказаться на Каталине — ничто в сравнении с этим, и теперь я точно знал, что допустил роковую ошибку. Волны набегали из темноты, приподнимали меня. Может, если я сумею продержаться на воде, они сами вынесут меня к берегу. Я не хотел умирать. Не хотел. Но я слишком устал, слишком замерз.

Лежа на спине, я должен был следить, чтоб не наглотаться, когда волна перехлестывает через лицо — глоток воды утянул бы меня на дно, как сто фунтов железа. Будто во сне, я заметил, что волны становятся больше. Этого только не хватало. Сильная зыбь, как странно. Однако это вроде бы что-то значит? От холода я думал не так, как мы обычно думаем, проговаривая у себя в голове. Мои мысли были самые простые: ощущения, упорное нежелание тонуть, приказы ослабевшим рукам и ногам.

Холодные пальцы погладили меня по спине. Я вскрикнул. Водоросли, тонкие стебли с листьями. Я поплыл, спасаясь от них. Страх придал сил. И вот, на вершине волны, я услышал плеск, ровный и частый рокот. Прибой! Доплыл-таки! Внезапно я почувствовал прилив энергии. Мне не верилось, что я не слышал этого звука раньше, такой он был отчетливый. На гребне следующей волны я взглянул вперед и, разумеется, увидел: вот он, берег, черный и неподвижный под облаками.

— Ага! — сказал я вслух. — Ага!

Я заплыл в новую кучу водорослей, но теперь мне ничто было не страшно. Выпутавшись из гибких стеблей, я оказался на гребне следующей волны и по звуку прибоя понял, что беды мои еще не кончились. Даже отсюда неравномерный плеск волн о берег был громче, чем ружейная пальба у мэра на острове. А вслед за всплеском раздавался низкий рев, который слегка затихал лишь к следующему всплеску. Все звуки сливались в яростный дрожащий рокот; трудно понять, как я не услышал его раньше. Слишком устал.

Я плыл вперед и, оказываясь на гребне волны, видел, как разбивается впереди прибой. За каждой волной море вставало, как на краю света, белая пена рассыпалась брызгами, и все бурлящая громада обрушивалась на песок. Здесь так просто не выплывешь.

Волны толкали меня вперед, пока особенно большая не подхватила и не поволокла за собой, вздымаясь все круче и круче. Я оказался под гребнем и вдруг понял, что меня сейчас швырнет. Набрав побольше воздуха, я нырнул в волну и стал пробиваться обратно сквозь плотную массу воды. Даже так она чуть не уволокла меня за собой, в бурлящую пену. Следующая волна была почти такой же большой, и мне пришлось плыть изо всех сил, чтобы выбраться раньше, чем она разобьется. На гребне я оказался в ту секунду, когда волна встала вертикально, и, обернувшись, увидел футах в пятнадцати внизу взбитую в пену воду. Это черное там внизу — камень? Риф — прямо подо мной? Жалобно скуля, я отплыл подальше, чтобы не попасть в волну вроде тех двух, что чуть меня не утопили. Мысль о рифе ужасала. Я слишком устал для таких испытаний. Я хотел плыть к берегу. Он был так близко. Может быть, я видел не риф, а просто черную воду, но ошибка могла стоить мне жизни. Я некоторое время плыл, изучая прибой. Там, где волны разбиваются первыми, должно быть самое мелководье, и камни, если они есть, окажутся именно там. Поэтому я поплыл вдоль берега к тому месту, где волны разбивались позже всего. Холод и страх вернулись с новой силой. Я решил рискнуть.

Приходилось следить за волнами: если бы волна разбилась до того, как накатит на меня, она бы утащила

меня с собой и больше не выпустила. Нет, надо было вскочить на волну и скользить с ней, как мы развлекались в Онофре. Если как следует рассчитать, волна вынесет прямо на песок. Это мне было и нужно. Оставалось дожидаться большой волны, однако не слишком большой — средней. Обычно волны набегают по три: большая, потом две поменьше, но, плывя в темноте, я не мог уловить никакого порядка. Крутя головой взад-вперед, я нечаянно глотнул воды и чуть не пошел ко дну. Нет, так не годится. Я лег на спину и поплыл, намереваясь скользнуть со следующей волной. Если меня выбросит на камень, значит, так тому и быть. Выбирать не приходилось.

Когда волна приподняла меня, усталость куда-то исчезла, хотя руки и ноги по-прежнему слушались плохо. Я перевернулся на живот и поплыл вдогонку. Чего бы только я не отдал за пару Томовых ласт, сейчас, когда нужно было настичь убегающую волну! Однако я все же нагнал ее, она подхватила меня и понесла. Когда она собралась отхлынуть, я был уже на самом гребне. Меня бросило вперед и ударило животом о воду. Будь это риф, мне бы пришел конец, но это оказалась вода, и я стремительно заскользил вперед вместе с клочьями белой пены.

Однако волна выдохлась слишком рано. Я, отдуваясь, барахтался в пене. Попробовал достать дно — ушел под воду и почти сразу нащупал ногами песок. Оттолкнулся, вынырнул и увидел позади следующий гребень. Я подобрался в комок и отдался на волю волны — обычный прием, когда катаешься на волнах, но совсем не годный при моей теперешней усталости. Я еле-еле вынырнул обратно, когда движение к берегу прекратилось. Однако теперь я мог стоять, шатаясь, на твердом хорошем песке! При первом же шаге ноги подломились, я рухнул. Вся вода, выброшенная на берег последними несколькими волнами, хлынула в эту минуту обратно, и я, стоя на карачках, цеплялся пальцами за струящийся песок, покуда надо мной проносилась вода и пена. Потом она схлынула, и я заковылял к берегу.

Как только береговой вал остался позади, я упал. Весь пляж устилал слой грязных подтаявших градин. Брюшные мускулы наконец расслабились, меня стошнило. Я и

не знал, что столько наглотался воды. И пусть. Это была блевота победителя.

Значит, все-таки выбрался. Отлично и замечательно. Однако праздновать победу не приходилось, поскольку сразу встала целая куча проблем. Снег временно перестал, но ветер по-прежнему пробирал до костей. Я пополз по пляжу к уступу. Узкая полоска песка, обрыв в три моих роста — это может быть любое место на Пендлтонском берегу. Уступ немного заслонял от ветра, и я привалился за валуном, среди осыпавшихся со склона камней. Принялся растираться руками и тем временем огляделся по сторонам. Со стороны моря все закрывали освещенные луной облака. Пляж тянулся в обе стороны, заляпанный черными кучами водорослей. Меня начал бить озноб. Одна куча водорослей была более ровной и правильной, чем остальные. Я встал, чтобы получше рассмотреть, и сразу оказался на пронизывающем ветру. И все же эта куча водорослей... Я обошел валун, стараясь не спешить, чтобы не упасть.

Дыра в уступе, которую я поначалу не заметил, оказалась устьем глубокой расщелины. Ручей, который из нее выбегал, вырыл в песке русло. Я съехал по песку к воде, наклонился попить — как ни странно, меня мучила жажда, — потом выпрямился и с трудом полез на противоположный склон. Песок осыпался. Ругаясь и отдуваясь, я вынужден был вползти на карачках и только потом встать.

Теперь я мог рассмотреть черное пятно. Подозрения мои подтвердились. Это была лодка, вытасненная к самому обрыву. «Да, — сказал я себе. — Не торопись, упадешь». До лодки оказалось дальше, чем я думал поначалу, но я кое-как добрал, спрятался с подветренной стороны и взялся задубевшими пальцами за планшир.

В лодке было два весла и ничего больше, так что нельзя было сказать наверняка, но я не сомневался: это двойка, которую мы тащили за собой на буксире. Они добрались до берега! Том скорее всего жив!

Я, с другой стороны, был почти мертв. Спутники мои, надо полагать, были где-то поблизости — вероятнее всего, в расщелине, — но идти за ними не было никаких сил. От холода и слабости я не мог даже подняться. Мало

того, даже когда я просто сидел, голова все время стукалась о борт лодки. Я понимал, что совсем плох. Столько проплыв, обидно было умирать, и я встал на колени. Какая жалость, что в лодке ничего не оставили, кроме весел. Раз так... Я думал со скоростью улитки, как пьяный. Одна мысль в минуту, такая же медленная и спотыкающаяся, как мои шаги. «Надо... спрятаться... от ветра... ага». Я подполз к большой куче водорослей и потянул верхний слой. Стебли спутались и не отрывались. Я обозлился. «Ну же, глупые водоросли, рвитесь!» — бормотал я, покуда не добрался до середины кучи, которая еще не промокла. Сухость согревала, как тепло. Я надрал столько черных стеблей, сколько мог унести, и, шатаясь, добрал с ними до лодки. Уронил водоросли.

Стал толкать лодку — она показалась каменной. Я застонал. Надавил что есть силы на планшир — она слегка качнулась. «Ну же, лодка, переворачивайся». Мне было странно и боязно, что я так ослабел — в другой день я бы перевернул ее одной левой. Теперь же перевернуть эту сволочную лодку было подвигом. Я вытащил весла, подсунул одно под киль, приподнял лопасть и уложил на рукоять другого, которое упер лопастью в песок. Так лодка накренилась, я обошел ее, встал на нижний планшир и со всей мочи потянул за верхний. Лодка перевернулась, я еле успел плюхнуться на брюхо, чтобы не пришибло.

Выплюнул песок, встал. Принес бульжник. Приподнять нос лодки было уже не так трудно, а чтобы он не опускался, я подсунул под него камень. Если бы мне хватило ума положить водоросли в лодку, все было бы готово, но я не мог тогда загадывать так далеко вперед. Водоросли еле-еле пролезали в щель, и я заталкивал их, стебель за стеблем, пока вся моя кипа не оказалась под лодкой. Залезть самому оказалось труднее — я оцарапал спину, и все равно пришлось поднимать днище головой, чтобы втащить зад.

Я так вымотался, что, забравшись под лодку, готов был сразу заснуть. Однако меня трясло, как собаку, поэтому я принялся нащупывать в темноте водоросли и стаскивать их в кучу. Получился толстый матрац, на который я тут же заполз, и еще хватило накрыться сверху

заместо одеяла. Камень я втащил за собой и теперь лежал, укрытый от ветра, в сухой постели.

Меня колотило все сильнее. Зубы стучали так, что заныла челюсть, вокруг стоял хруст ломающихся водорослей. Согреться не удавалось. По днищу лодки застучал то ли дождь, то ли мокрый снег, и я порадовался, что лежу в укрытии. Однако озноб не унимался. Я поджал колени к животу, сунул руки под мышки, теснее подобрал к себе водоросли — все, чтобы согреться. Это было настоящее сражение.

Потянулся один из тех долгих часов, о которых обычно умалчивают путешественники: жуткое время, когда твоя единственная и насущная забота — согреться. Час тянулся и тянулся, и постепенно мне стало теплее. Не как в парилке, но после ледяного моря и открытого всем ветрам пляжа сухие водоросли под лодкой казались раем. Мне хотелось лежать так всегда, заснуть и никуда больше не идти.

Однако в глубине души я знал, что должен догнать Тома и остальных, пока они не слишком далеко. Я рассудил, что ночь они, как и я, проведут где-нибудь в укрытии, а утром тронутся в дорогу. Я высунулся из-под лодки и увидел тонкую полоску зари, песок, изрезанное основание обрыва, темные тучи. Самое мерзкое утро на моей памяти. Ветер свистел над лодкой, однако я решил, что пора искать спутников, пока они не ушли совсем. Выбраться из-под лодки оказалось легче, чем забраться в нее: я подставил бульжник под нос и прополз в щель. Даже не думалось, что ветер окажется таким холодным. Он мигом выдул из меня драгоценное тепло. Теперь, когда рассвело, можно было разглядеть пляж. Он был пустой и голый: унылый серый песок. Сдвинув лодку, я вытащил водоросли и кое-как обмотался ими, другие набросил на плечи, так что весь оказался в ломких черных листьях, и тут же обнаружил: в них куда теплее, чем я думал, и уж точно теплее, чем нагишом.

Расселина узким клином врезалась в береговой обрыв, и я пошел прямо по ней, по ручью, чтоб не ломиться через кусты. Про то, что будет с пятками, я уж и не думал, но, по счастью, русло было покрыто окатанной галькой. Ветка оцарапала ногу, и я оторвал взгляд от

бортов расселины, чтобы видеть, куда иду. После невысокого водопада я оказался среди деревьев. Здесь кусты росли реже. Расселина свернула вправо, потом влево; за поворотом ветра почти не было. Над головой, шурша иголками, качались верхушки сосен, между ними кружили снежинки, затушевывая четкие линии сучьев. Я застонал и пошел дальше.

Подъем делался все круче, дорогу преграждали новые водопадики, все более высокие. Чтобы вскарабкаться на них, приходилось вжимать голову в плечи, спасая лицо от колючек. Я здорово расцарапался и растерял половину своих водорослей, стебель за стеблем. Перед третьим водопадом я заплакал от бессилия. Он был такой высокий — я думал, ни за что не влзу. Однако я велел себе не дрейфить и полез прямо по ручью, чтобы не изодраться о кустарник. Наверно, это было глупо, потому что меня снова затрясло от холода — в тот день мне бы явно не дали приза за сообразительность. Не знаю, может, другого пути взобраться и не было. Уже на самом верху я оскользнулся и упал в воду — переплыв море, чуть не утонул в левом ручье. Однако как-то изловчился вылезти и взобрался-таки на уступ. Наверху стало ясно, что идти больше нету сил. Если б только у меня были ласты. Когда до меня дошло, что именно я подумал, я сперва рассмеялся, потом заплакал. Я шел через озерцо над водопадом и вдоль ручья, спотыкался, волочил за собой водоросли, хлюпал носом и думал, что наверняка сдохну от холода.

Так, в слезах и в соплях, я и наткнулся на их лагерь: обогнул несколько деревьев и чуть не наступил на костер, ослепительно ярко-желтый среди серости и черноты.

— Эй! — крикнул кто-то. Другие вскочили. Ли держал на изготовку топорик.

— Вот и вы, — сказал я. — А это я.

— Генри!

— Боже!

— Генри! Это же Генри Флетчер!

Я узнал голос Тома. Вот и он сам, прямо передо мной.

— Том, — сказал я. Он протянул ко мне руки. — Рад тебя видеть, Том.

— Рад видеть меня? — Он крепко стиснул мои плечи. Ли оттащил его, завернул меня в шерстяную кофту. Том смеялся, хрипло и радостно.

— Генри, Генри! Хэнк, мальчик мой, ты в порядке?

— Замерз.

Дженнингс подбросил сучьев. Он улыбался и что-то говорил, может, мне, может, другим, не знаю. Ли снова оттащил Тома и поправил на мне кофту. Костер задымил, я закашлялся и чуть не упал.

Ли подхватил меня, усадил рядом с костром. Остальные смотрели, вылупив глаза. Костер пылал перед навесом из сучьев — так жарко, что горели и мокрые дрова.

— Генри, ты что, доплыл до берега?

Я кивнул.

— Боже, Генри, мы ведь кружили на том месте, искали тебя, но не заметили! Наверно, ты проплыл мимо.

Я помотал головой, но Ли сказал:

— Замолчите, давайте скорей разотрем ему ноги. Не видите, он весь синий, сейчас помрет, если не отогреть. И говорить не может. Положите его у костра. Он все расскажет позже.

Меня уложили перед открытым краем навеса, у самого огня, освободили от водорослей и растерли рубашками. Я был весь в песке, и казалось, с меня сдирают кожу, но это было почти не больно. Я оживал. Наконец-то можно расслабиться. От огня шел жар, как от печки. Он накатывал волнами, медленно проникал внутрь. Мне было хорошо, как никогда. Я протянул руку к самому огню, и Том поддержал ее. Ли кончил растирать мне ноги, укутал их шерстяным одеялом.

— Г-где вы раздобыли с-столько одежды? — выговорил я.

— В лодке было полным-полно, — ответил Дженнингс.

Том положил мою руку и поднял к огню другую.

— Не представляешь, как я рад тебя видеть. Ух!

— Верно, — сказал Дженнингс. — Надо было послушать, как он ревел. Прямо страх брал.

— Мне было худо, ужасно худо. Но теперь все отлично. Не поверишь, как я рад. Уж не помню, когда так радовался.

— Чертовски жаль, что мы проморгали тебя в тумане, — сказал Дженнингс. — Ты бы добрался с нами в лодке без всяких хлопот. Места было вдоволь.

При этих словах Томпсон и другие загоготали.

— Меня подобрали японцы, — сказал я.

— Что? — завопил Дженнингс.

Я, как мог, рассказал про капитана и про его расспросы.

— Он сказал, мы направляемся на Каталину, и тогда я спрыгнул за борт.

— Спрыгнул за борт?

— Да.

— И поплыл?

— Да.

— Ничего себе!

— А лодку на берегу видел?

— Как ты выплыл в такой прибой?

Я с трудом рассортировал вопросы по порядку.

— Переплыл. Увидел лодку на берегу, отдохнул под ней. Догадался, что вы здесь. — Я с любопытством взглянул на них. — Как вам удалось пристать?

Ответил, разумеется, Дженнингс.

— Когда подбили шлюпку, мы перебрались в двойку, все, кроме Ли — он свалился за борт. Остальные даже не намokли. Вытащили Ли, стали ждать тебя, но не нашли, а Томпсон сказал, что видел, как на тебя упала мачта. Мы решили, что ты утонул, и стали грести к берегу.

— Как вам удалось пристать? — повторил я.

— Это все Томпсон. Лодка под нами осела почти до воды, так что, когда он увидел, что в море впадает ручей и прибой там чуть послабее, он велел мне и Ли прыгать за борт и плыть самим. Это было не сахар — хотя, думаю, тебе объяснять не надо. Томпсон выбрал волну поменьше и мастерски въехал на ней прямо на песок. На это стоило поглядеть...

Томпсон ухмыльнулся:

— Нам повезло с волной.

— ...Так что, кроме Ли и меня под конец, никто даже не промок. Но ты! Сколько же ты плыл!

— Порядком, — согласился я и лег на бок, чтобы согреться равномерно. Одеяло вбирало тепло и не отпускало его от меня. Я счастливо слушал голоса, уже не трудясь вникать в смысл.

Днем Том несколько раз будил меня, проверял, не стало ли мне хуже. Я что-то бормотал спросонок, и он отставал. Когда я первый раз проснулся сам, то почувствовал, что отлежал руку. Пришлось перевернуться на своем сучковатом ложе и растирать ее — это оказалось здорово больно. Обе руки ломило. Я оперся на локоть и огляделся. Почти стемнело. Снаружи падал мокрый снег, снежинки пробивались сквозь крышу из веток. Мои спутники были в шалаше, сидели или лежали на хворосте, который Ли заготовил на ночь. Сам Ли точил топор; он увидел, что я проснулся, и подбросил веток в огонь. Томпсон и матросы спали. У меня озябла спина. Я перекатился на бок, подставил ее огню и ощутил касание тепла. Том и Дженнингс сумрачно глядели в костер.

Навес стоял на излучине ручья, в яме из-под вывороченных корней дерева. Корни эти и сейчас торчали рядом с нашим навесом, добавляя защиты от ветра. Деревья вокруг были высокие, выше расселины, вершины их качались и кивали. Я повернулся к огню и свернулся калачиком. Ручей журчал, огонь пыхал и шипел, деревья шумели на свои деревянные голоса. Я уснул.

Когда я опять проснулся, был вечер. Снег, похоже, кончился. Мы раскочегарили костер и уселись вокруг. Томпсон вынул из мешка последнюю буханку и разделил на семерых. Даже у Кэтрин я не ел такого вкусного хлеба, как этот, отсыревший и затхлый. Том вытащил из заплечного мешка несколько вяленых рыбешек и тоже разделил. Ли вскипятил кружку воды и пустил по кругу. Заметив Томов мешок, я спросил:

— А книги целы?

— Ага. Даже не промокли.

— Хорошо.

Ветер над расселиной крепчал, в вышине стремительно неслись облака. Наши спутники, чтобы скоротать время, неторопливо обсуждали, что делать дальше. Мне пришлось подробно рассказать, как я плыл. Потом

снова принялись решать, как быть. Сошлись на том, чтобы, если шторм разыграется или, наоборот, совсем утихнет, бросить лодку и идти вдоль путей. Дженнингс сказал, что по дороге у них припрятана еда и что сушей можно добраться без хлопот. Мы с Томом можем идти с ними или двинуться на север — до Онофре, заверил Ли, всего несколько миль. Том кивнул:

— Мы пойдем домой.

Наступила тишина. Дженнингс попросил меня снова описать японского капитана, и я рассказал все, что помню. Когда я упомянул про кольцо, все брезгливо скривились, но я видел, что они по-своему рады лишнему подтверждению японской продажности. Том нахмурился, будто не хотел, чтобы я давал такие подтверждения. Потом стали рассказывать байки про жизнь на Каталине. Мне было интересно, только я все время клевал носом. Потом я заснул и, несмотря на холод и сырость, проспал несколько часов. Проснулся за полночь. Сна как не бывало. Я вытащил из-под себя ветку и бросил ее на уголья. Она сразу занялась. В ее свете я увидел спутников: они лежали под навесом, по другую сторону от костра. К своему удивлению, я заметил, что свет отражается в их зрачках: все, кроме Дженнингса и Томпсона, бодрствовали и ждали рассвета. Ноги у меня окоченели, все тело болело и саднило, сон куда-то улетучился. Я пристроил пятки поближе к угольям. Часы тянулись долго-долго — еще один промежуток из тех, что рассказчики обычно выкидывают, хотя, по себе знаю, путешествие во многом проходит именно так: томительное ожидание и полная невозможность что-либо делать. Ли подбросил еще ветку рядом с моей, она зашипела, от нее пошел пар, потом появились язычки пламени и взяли ее в оборот.

Много веток обуглилось, прежде чем призрачный свет штормового утра отодвинул от навеса черные борта расщелины. Снова посыпал снег, мокрые снежинки таяли, едва касаясь земли. По осунувшимся лицам спутников я видел, что они продрогли и голодны не меньше моего. Ли встал нарубить еще дров. Остальные тоже встали, вышли справить нужду или размять ноги.

Вернулся Ли, бросил на угли веток и выругался на дым.

— С тем же успехом можно идти прямо сейчас, — сказал он. — Зарядило надолго, нет никакого смысла пересиживать еще день.

Томпсон и матросы, похоже, считали иначе, но Дженнингс сказал:

— У реки Тен Пост мы припрятали еду и одежду. Шалаш вроде этого можно построить и там. Хоть будет что поесть.

— Далеко это отсюда? — спросил Томпсон.

— Миль пять.

— Далековато по такой погоде.

— Да, но дойти можно. А эти двое будут в Онофре к полудню.

Томпсон не стал спорить, и все быстро собрались уходить. Я приуныл. Дженнингс, видя это, рассмеялся и подарил мне свои кальсоны — плотные, белые, они свисали на мне ниже пят и были еще чуть сыроваты.

— В них и в кофте ты не замерзнешь.

— Спасибо, мистер Дженнингс.

— Не за что. Это из-за нас ты искупался. Туго тебе пришлось.

— Еще не все позади, — сказал Том, глядя на летящий снег.

Мы прошли по расселине, пока она не перешла в обычную лесную прогалину, и остановились. С деревьев капало, ветер выл. Я со страхом чувствовал, как холод от босых ступней поднимается вверх к лодыжкам. Я так намерзся, что боялся дать дуба.

Прощались торопливо.

— Скоро снова будем в Онофре, — сказал Дженнингс. — Тогда и одежду заберу.

— А мэр будет ждать вашего ответа, — напомнил Тому Ли.

Мы пообещали, что будем готовы к их приезду, и они, помявшись немного, скрылись за деревьями. Мы с Томом повернули на север. Вскоре перед нами открылась корявая, проросшая травой асфальтовая дорога, и Том объявил, что надо идти по ней.

— Может, лучше поднимемся к автостраде?

— Там место открытое. Ветер, небось, так и свистит.

— Да, но здесь тоже ветрено. А идти там легче.

— Может быть. Как твои ноги? Но наверху холоднее. К тому же вдоль этой дороги, как дойдем до прибрежного парка, будет несколько уборных из шлакоблоков. Если понадобится, сможем отдохнуть в одной из них. В двух у меня запасены дрова.

— Согласен.

Дорога состояла из отдельных асфальтовых пятачков среди лесной растительности. То и дело путь перегораживали овраги. Шли мы медленно, я совсем не чувствовал ног. Переставлять их превратилось в тяжелый труд. Том старался закрывать меня от ветра и поддерживал под левую руку. Не помню, где мы шли, но под конец оказались на открытой местности, заросшей невысоким кустарником, который шумел на ветру. Отсюда было видно море, и ветер ударил с новой силой.

— Том, я замерз.

— Вижу. Старая уборная совсем близко. Видишь ее? Там и отдохнем.

Однако когда мы подошли, то увидели, что стена проломлена и потолок обвалился; внутри валялись мокрые камни.

— Черт, — сказал Том, — может быть, следующая.

Мы пошли дальше. Я почему-то даже не дрожал. «Спать хочу, — бормотал я по-испански, — спа-а-ть хочу-у-у». Холод; знаю, что упоминаю его в сотый раз. Но этого все равно мало, чтобы передать его силу, его выматывающее действие — когда ты весь задубел, и все равно больно, и когда боль выпивает последние силы, и когда часть сознания бодрствует и насмерть перепугана, что остальное сознание отнимается, как и пальцы...

— Генри!

— ...Что?

— Вот следующая. Обопрись на меня. Генри! Обопрись на меня.

Он обхватил меня, и мы вместе побрели к бетонной кабинке — единственному старинному зданию, которое оказалось меньше моего дома.

— Это она, — ободрял меня Том. — Мы только немного отогреемся и сразу пойдем дальше. Не может же так дуть весь день. До дома мили две, не больше, только ветер уж больно сильный. Надо укрыться.

Кусты припадали к земле, деревья выше по склону громко шумели. Снег скрыл море и бил в глаза. Мы дошли до кабинки, и Том с опаской заглянул внутрь.

— Отлично, — сказал он, — та самая. И никакого зверья.

Он втащил меня внутрь и усадил возле стены. Дверь выходила в сторону суши, поэтому ветра не было совсем, и уже это одно было сказкой. Однако в углу напротив меня лежали еще и дрова: огромная куча веток, давно срубленных и сухих, как порох. Том, крича, какой он молодец, подбежал к куче и принялся перетаскивать ее к дверям. Потом покопался в заплечном мешке и вытащил зажигалку. Щелкнул. Из нее, словно по волшебству, выскочил огонек. В его оранжевом свете я увидел сияющее лицо Тома, щербатую улыбку, полдюжины уцелевших зубов. Вода с волос стекала по разветвленной сети морщин, борода и волосы были спутаны, глаза открыты так широко, что за зрачками виднелись белки. Руки дрожали, и он смеялся как полоумный. Еще раз щелкнул зажигалкой, и еще, потом согнулся и подпалил тонкие ветки в основании кучи. Я опомниться не успел, как костер уже полыхал. В кабинке сразу стало жарко. Я взял ступни руками и передвинул их ближе к огню. Том увидел, что я шевелюсь сам, и счастливо заскакал вокруг костра.

— Будь у нас еда, мы бы здесь остались. Дворец и тот был бы хуже. Мой дом и тот был бы хуже. Ты только глянь, какой ветрило. Вот разыгрался. Зато снег, похоже, перестает. Отогреемся, побежим домой и пообедаем, а?

За дверью нашей крохотной крепости ветер ревел, словно водопад. Я согрелся и снова принялся стучать зубами, ноги горели. Том подбросил еще дров.

— У-ух! Глянь, какой ветер. Парень, это оно. Понимаешь, это оно?

— Угу.

Я, кажется, понимал, но для меня это было не оно. Оно — это плыть в ночи через огромные прибойные волны и не знать, что между тобой и берегом — вода или риф. Этого я хлебнул сполна, хватит надолго, а может, и на всю жизнь.

Мы отогрелись, смогли снять одежду и слегка ее подсушить. Том стал говорить, что пора идти.

— Снег перестал, а день тоже не вечен.

Я так хотел жрать, что согласился, как ни жаль было покидать теплое убежище. Под дикие завывания ветра мы вылезли из кабинки и быстро пошли по асфальту. Ветер мгновенно выстудил одежду, мокрые кофта и подштанники липли к телу. Облака неслись над головой, но снег прекратился.

— Снег в июле, — злобно бормотал Том. Он снова шел со стороны ветра, стараясь подстроиться под мой шаг. Оба мы смотрели в ту сторону, откуда не дуло. — Здесь никогда не бывало снега. Никогда. Дождик, и то редко. А температура океана скачет как сумасшедшая. Что-то такое сделали с погодой в мире, Хэнк. Точно говорю. Интересно, может, мы вызвали новую ледниковую эпоху? Хэнк, неужели это их ничему не научило? Должно было научить, черт возьми. Если это из-за войны, тогда ладно, поделом им. А если мы это натворили до того, как они нас разбомбили, вот смех! Посмертная месть, а, Генри? — Он продолжал молотить чепуху, стараясь меня отвлечь. — Ты ведь учил отрывок как раз для такого дня, верно, Хэнк? Я ведь задавал тебе? Помнишь, ты читал: «Тому холодно, бр... бр...» Сам я так и не смог запомнить. «Злился, ветер, дуй, пока не лопнут щеки». Что-то в этом роде. Отличные стихи... — и так далее, пока холод не сломал и его.

Тогда Том наклонил голову, обхватил меня за пояс, и мы побрели дальше. Казалось, мы шли целую вечность. Раз я поднял глаза и увидел море, такое же зеленое, как лес, серые кучевые облака над ним, белые барашки, сколько хватает глаз, так что оно было уже не просто зеленое, а бело-зеленое. Потом я снова опустил голову.

Наконец Том сказал:

— А вот и моя гора. Почти дошли.

— Хорошо.

Мы снова вошли в лес и перевалили через гребень. Мимо Бетонной бухты, на автостраду. Снова пошел снег — и вытянутой руки не видать. Деревья, словно призраки, возникали из белой круговерти. Я хотел при-

бавить шагу, но ноги не слушались, и я то и дело спотыкался. Если б не старик, все время бы падал.

— Идем ко мне, — сказал я. — До твоего дома нам не дойти.

— Конечно. Отец небось ждет.

Даже наша долина, казалось, вытянулась, и мы одолели ее не враз. Вот наконец и большие эвкалипты у дома. Никогда я так не радовался виду нашей развалюхи. Мы заколотили в дверь — мокрый снег посыпался с крыши — и ворвались внутрь, словно сто лет не были дома. Отец спал. Он удивленно хлопнул меня по плечу и потянул себя за ус.

— Ну и видок у тебя, — сказал он, — одежду-то куда дел?

Мы с Томом рассмеялись и принялись говорить. Я поставил ноги прямо на печку. Том говорил быстро, как Дженнингс, и через слово смеялся. Я пошарил на полке и бросил ему полбуханки хлеба, оставив ломоть себе.

— Еще что-нибудь есть? — спросил Том набитым ртом.

Отец достал вяленого мяса, мы наворачнули и его. Мы съели в доме все до последней крошки и раскочегарили печку, как она не горела с маминой смерти. Говорили без умолку.

— Я не знал, что скажу тебе, — повторял Том. — Думал, все, утонул парнишка!

Отец смотрел на него большими глазами. Я взял умывальное ведро и обтерся тряпкой, вымывая песок из подмышек и из паха. Ноги жгло, как огнем. Мы вдвоем рассказывали мою историю и совсем сбили отца с толку. Наконец мы оба враз замолчали.

— Похоже, вы весело провели время, — сказал отец.

— Да, — ответил Том и громко, почти истерически захохотал. Дожевал последний кусок хлеба, кивнул, проглотил. — Это было что-то.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

МИР

Глава 11

Том ушел, а я заснул как убитый и проспал конец дня и всю ночь. Утром я проснулся и увидел, что буря, как назло, улеглась и солнце светит в дверь, будто никуда и не пряталось. Пересиди мы в укрытии еще день, дошли бы до дому как нечего делать! Отец слышал мои вздохи и перестал шить.

— Хочешь, сегодня я схожу за водой? — предложил он.

— Да нет, я схожу. Я вполне оклемался.

На самом деле руки у меня были как деревяшки, в паху натерло песком, по всему телу красовались ссадины, царапины и синяки, так что больно было вздохнуть. Однако мне не терпелось высунуть нос на улицу, и я, охая, встал с постели.

Пустые ведра больно оттягивали исцарапанные руки. Солнечный свет ударил прямо в глаза. Несколько облачков еще плыли по небу, но день был ясный, от земли поднимался пар. От дома Косты тоже валил пар, казалось, он горит. Я ковылял по дороге и смотрел во все глаза.

Описывал ли я нашу долину? Она похожа на горсть и вся заросла лесом. Посреди ладони протекает река, здесь растут кукуруза, ячмень и картошка. Основание пальцев — Бэзилонский холм, здесь живет Док Коста, здесь же — башня Эдисона, дом и мастерская Рафаэля. Дальше — волосатые пальцы — лесистые отроги Томова хребта. Я заметил, что дома́ чем старше, тем чуднее — раньше мне это не приходило в голову, но это так. Рафаэль все пристраивает помещения и кладовые для своих механизмов, следуя перегибам местности, так что, если нарисовать план его дома, получится, будто сверху W написали X. Док Коста, как я уже говорил, построил себе дом

из пустых железных бочек для лучшей защиты от зимнего холода и летней жары. Чего он не учел, так это что дом будет завывать точно леший при малейшем ветерке; он говорит, ему это ничуть не мешает, но я иногда думаю, Мандо из-за этого воя такой пугливый. Николены поставили свой большой старомодный дом на обрыве, а Эглоффы выкопали убежище в холме между большим и указательным пальцами, если по-прежнему думать о долине как о горсти. Живут точно крысы в норе, да еще у самого кладбища, но, говорят, земля защищает от холода и жары еще лучше, чем бочки Косты. А вот Том поселился на юру: зимой его домик продувают штормовые ветра, летом припекает солнце, а ему хоть бы хны. Ему главное — видеть. Эдисону Шенксу, наверно, тоже, он устроил свое жилище на Бэзилонском холме вокруг старой высоковольтной опоры. А может, он выбрал место поближе к Сан-Клементе, чтобы тайком обделывать свои делишки. Дома поновее стоят в долине, возле полей. Их строили сообща, и они все на одно лицо: квадратные бревенчатые коробки на стальных распорках, крытые дранкой, листовым железом или черепицей. Та же конструкция, только в два раза длиннее, и вы получаете баню.

Я дошел до реки, сел и снова стал смотреть. Никак не мог насмотреться. Все такое знакомое и в то же время странное. До поездки на юг Онофре было просто домом, знакомым с детства; жилища, мост, дорожки, поля, отхожие места составляли такую же его часть, как обрывы, река и деревья. Однако теперь я видел их другими глазами. Дорога. Пыльная полоса в траве огибает огороды Симпсонов, сужается между грудками камней... Она идет так, потому что об этом договорились, когда заселяли долину, и потому что это кратчайший путь от реки через луга на юг. Люди подумали, как ей идти, и стала дорога. Я взглянул на мост — доски на стальных балках, переброшенных между береговыми опорами. Люди, которых я знаю, задумали и построили этот мост. И так со всем в долине. Я старался увидеть мост по-старому, как часть пейзажа, но не сумел. Когда меняешься, к старому не вернуться. Ничто уже не будет прежним.

На обратном пути (полные ведра больно оттягивали руки) меня грубо схватили сзади.

— Ой!

— Вернулся! — Это был Николен, он улыбался во весь рот. — Где прятался?

— Только вчера пришел, — возразил я.

Он забрал у меня одно ведро.

— Ладно, рассказывай.

Мы пошли по дороге.

— Да ты весь избит! — сказал Николен. — И хромаешь!

Я кивнул и рассказал, как ехали на поезде и как обедали у мэра. Стив зажмурился, воображая дом на острове, но, по-моему, представил он что-то не то. Я ничем не мог ему помочь, только разве рассказывать дальше. И я описал обратный путь, как я плыл и все остальное. Он поставил ведро у нас в саду, схватил меня за плечи и затряс, хохоча:

— Прыгнул за борт! В шторм! Молодчина, Генри! Молодчина!

— Да я еле выплыл, -- сказал я, потирая руку, покуда он плясал и прыгал вокруг ведра. Но мне было приятно.

Он перестал прыгать и закусил губу.

— Так японцы высаживаются в округе Ориндж?

Я кивнул.

— И мэр Сан-Диего хочет, чтобы мы помогли положить этому конец?

— Верно. Но Том что-то не загорелся этой идеей.

Я заметил слизняка на капусте, осторожно нагнулся снять и увидел, как сильно погрызены листья. Хилая у нас капуста, подумал я, то ли дело салат у мэра.

— Я знал, что от мусорщиков добра ждать нечего, — сказал Николен, глядя на север. — Но чтобы они помогали японцам... Гады! Мы им покажем! Мы будем американским сопротивлением! — Он погрозил небу кулаком.

— По крайней мере, его частью.

Мысль эта увлекла Стива в какие-то неведомые дали, и он заходил по саду, не видя и не слыша меня. Я выдрал несколько сорняков, осмотрел остальную капусту. Смотри — не смотри, слизняки съели почти всю.

Стив спросил как бы между прочим:

— Пойдешь сегодня рыбачить?

— Вряд ли. Руки еле шевелятся. Сегодня от меня проку мало.

— Ладно, мне скоро пора уходить. — Стив нахмурился. — Пока расскажи мне еще про мэра.

Мы некоторое время говорили про мою поездку. Отец вышел в сад послушать. Потом Стив ушел, а я до конца дня то дремал, то гулял по огороду. Ночью снова спал без просыпу. На следующий день Стив зашел, чтобы вместе идти на берег. Рыбаки, вытаскивавшие лодки, бросили работу и засыпали меня вопросами. Показался Джон, все сделали вид, что работают, и молчали, пока он не прошел мимо. Наконец лодки все же спустили на воду, и тут стало не до разговоров — надо было провести их через прибой. Все удивлялись, как я переплыл через такой, да еще ночью. По правде сказать, я и сам дивился. Мне даже снова стало страшно, хоть я и старался не подавать виду.

Далеко к югу извилистая белая полоса набегала на берег, ударяла; обрушивалась белым гребнем — стихийная мощь в чистом виде. Мне повезло, что я жив, жутко повезло. Я сглотнул, стараясь унять сердцебиение, и сжал руки, чтобы не дрожали.

Рафаэль желал знать про японцев как можно больше, так что, пока закидывали сети, я говорил, а он спрашивал. Это было здорово. Джон подплыл в своей лодке, велел Стиву садиться в двойку и половить удочкой, а мне — оставаться при сетях. Стив пересел и погреб к югу, завистливо обернувшись через плечо.

Начался лов. Лодки сильно качало, брызги сверкали на солнце, зеленые холмы на горизонте вздымались и падали. Мы забросили сети (ох и больно это было — с моими-то руками), прошли с ними круг и вытащили, полные рыбы. Я греб, вытаскивал сети, оглушал рыбин, говорил, растирал руки и, вновь оглядывая с моря знакомые холмы, понимал, что приключения мои кончились. Несмотря ни на что, мне было жалко.

Когда лов закончился и лодки втащили на берег, мы со Стивом обнаружили, что вся компания нас ждет. Кэтрин крепко обняла меня, Дел, Габби и Мандо хлопали

по больной спине, охали и ахали, какой я исцарапанный. Кристин и Ребл подошли к нам от хлебных печей, и все потребовали, чтобы я рассказал свою историю. Я сел и стал рассказывать, запинаясь от волнения и вставляя длинные «во-о-от».

Я рассказывал эту историю в третий раз за три дня, и некоторые фразы, которые в прошлые разы показались мне удачными, я сохранял. Но и Николен выслушивал ее в третий раз. По его напряженному рту, по тому, как он смотрит на верхушки деревьев, я видел, что ему порядком надоело. Он узнавал все мои фразы, и это замедляло рассказ. Я старался описывать по-иному, но и это не сильно меняло дело. Я поймал себя на том, что комкаю события. Габ и Дел лезли с расспросами, хотели знать все в подробностях. Я отвечал и видел, что Стив слушает, хотя по-прежнему глядит на деревья. Мне казалось, что я хвастаюсь, хотя всего лишь рассказывал, как было. Кэтрин заплетала свои непослушные волосы и подбадривала меня восклицаниями; она видела, что происходит, и раз я поймал ее укоризненный взгляд, предназначавшийся Стиву. Мы опять заговорили про Сан-Диего, и я рассказал про Ла-Холью, поскольку Стив еще про нее не слышал. Описал разрушенный университет, место, где печатают книги. Углы губ у Стива разжались, он повернулся ко мне.

— ...он показал нам всю мастерскую и подарил Тому две книги, одну чистую, чтобы в ней писать, и другую, которую они сами отпечатали... — Я помедлил, чтобы усилить впечатление. — «Кругосветное путешествие американца».

— Что это? — спросил Стив. — Книга?

— «Кругосветное путешествие американца», — повторил Мандо, смакуя слова. Глаза у него были круглые.

Я рассказал все, что знаю.

— Этот тип отплыл на Каталину, а потом обогнул земной шар и вернулся в Сан-Диего.

— Как? — спросил Стив.

— Не знаю. Об этом и книга, а я еще не читал. Не успел.

Стив сказал:

— Почему ты не говорил мне раньше?

Я пожал плечами.

— Как ты думаешь, Том уже дочитал? — спросил Мандо.

— Очень может быть. Он быстро читает.

Все кивнули.

— Быстрее всех моих знакомых, — объявил Мандо.

Николен встал:

— Генри, про то, как ты плыл, я уже знаю, так уж извини, а я пойду, попытаюсь вырвать у старика книгу для всех нас.

— Стивен, — рассердилась Кэтрин, но я перебил ее.

— Конечно, Стив.

— Я должен прочесть эту книгу. Если я ее добуду, мы сможем утром почитать вместе.

— К тому времени ты ее проглотишь, — сказал Габби.

— Стив, — снова сказала Кэтрин, но он уже встал и, не оборачиваясь, отмахнулся от нее рукой.

Мы все сидели и смотрели, как он бежит по автостраде. Я продолжил рассказ, но, хотя Стив сбивал меня со стиля, после его ухода половина удовольствия пропала.

Когда я закончил, уже смеркалось. Габби и Дел ушли, за ними Кристин и Мандо. На автостраде Мандо взял Кристин за руку. Я поднял брови, Кэтрин рассмеялась:

— Тут тоже кое-что происходит.

— Наверно, это у них началось, пока меня не было.

— По-моему, раньше, но теперь они осмелели.

— А еще что-нибудь произошло?

Она помотала головой.

— А как Стив?

— Ну, не очень... Ему было завидно, что вы с Томом ушли. И с Джоном у них нелады. Они...

— Знаю.

— Я надеялась, что вы вернетесь и он успокоится.

— Может, и успокоится.

Она покачала головой, и я понял, что она права.

— Эти из Сан-Диего, они ведь еще вернутся? И книга. Не знаю, что с ним будет, когда он ее прочтет.

Она выглядела испуганной, и это меня удивило. Не помню, чтобы Кэтрин чего-то боялась.

— Всего лишь книга, — сказал я неуверенно.

Она покачала головой и взглянула на меня в упор:

— Кончится тем, что он захочет повидать этот чертов мир. Я знаю.

— Не думаю, что он сможет.

— С меня довольно и желания.

Она выглядела совсем убитой, и мне захотелось спросить, как у них со Стивом дела. Ясно было, что тут замешана не одна книга. Однако я мялся. Это было не моего ума дело, как бы близко я их ни знал и как бы мне ни было любопытно.

— Пора по домам, — сказала она.

Солнце садилось за холмы. Я дошел с ней до тропинки, глядя на ее спину и на развевающиеся волосы. За мостом она обняла меня за плечи и больно ущипнула.

— Я рада, что ты не утонул.

— Я тоже.

Она рассмеялась и пошла прочь. Снова мне захотелось узнать, что там у них со Стивом — о чем они говорят и все такое. Так всегда: сильнее всего хочется знать о том, чего не знаешь. Даже если бы он или она хотели мне рассказать, они бы не смогли — и некогда было бы, и просто нечестно.

Вечером Николен вернулся злой как черт.

— Не дает он мне книгу! Представляешь? Велел приходить завтра.

— По крайней мере он даст ее нам прочесть.

— Попробовал бы не дать! Я бы силой отнял! Я не успокоюсь, пока не прочту, а ты?

— Я тоже очень хочу.

— Как ты думаешь, автор бывал в Англии? Вот здорово было бы узнать про восточное побережье.

И мы некоторое время на пустом месте обсуждали возможные пути и трудности, пока отец не выставил нас на улицу, сказав, что пора спать. Под большими эвкалиптами (в бурю с них сорвало все листья) мы договорились идти к Тому завтра после рыбалки, отнять у него книгу, силой, если потребуется, потому что мы оба были решительно настроены преодолеть свое неведение мира, и книга казалась лучшим к этому средством.

Однако на следующий день, когда мы ворвались к Тому, запыхавшиеся от быстрого подъема, Кристин, Мандо и Ребл были уже там.

— Книгу давай! — выдохнул Стив, влетая в дверь.

— Хо-хо, — сказал Том, наклоняя голову и глядя на Стива. — Я подумывал прежде дать ее кому-нибудь другому.

— Тогда я отниму у этого другого.

— Ну, не знаю, — протянул Том, оглядывая комнату. — Если по-честному, первым должен читать Хэнк. Он первым ее увидел.

Том задел больное место; Николен осканился. Он был жутко серьезен, но Том встретил его злобный взгляд с совершенно невинным видом.

— Ха, — сказал Том. — Ладно, слушай, Стив Николен. Мне надо заняться ульями. Я одолжу тебе книгу, но, поскольку остальные тоже хотят ее прочесть, ты, прежде чем уйти, прочитаешь вслух одну-две главы. Даже так: читай, пока я не вернусь, а там мы обсудим, на каких условиях я ее тебе одолжу.

— Идет, — сказал Стив. — Давай сюда.

Том ушел в спальню и вернулся с книгой. Николен завопил и шутя двинул его кулаком в плечо. Некоторое время они орали и толкали друг друга кулаками, пока Николен не завладел книгой. Том собрал свое пасечное снаряжение, приговаривая: «Не изомни страницы», и «Не перегибай слишком сильно корешок», и все в таком духе.

Он ушел, и Стив сел у окна.

— Ладно, начинаю. Садитесь и не шумите.

Мы сели, и он приступил к чтению.

КРУГОСВЕТНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ АМЕРИКАНЦА

Отчет о плаванье вокруг земного шара в 2030—2039 годах Глена Баума

Я родился в Ла-Холье, сын разрушенной страны, и рос, ничего не ведая о мире вокруг, но я знал: он существует и закрыт для меня. В канун своего двадцатитрехлетия я стоял на вершине горы Соледад и смотрел на бескрайний океанский простор. С запада на горизонте красными звездочками загорались огни, они складывались в созвездие на

фоне черного сгустка тьмы — острова Сан-Клементе. Под этими светящимися булавочными головками ходят иностранцы, чья работа — стеречь меня, будто моя страна — тюрьма. Внезапно я понял, что не в силах это дальше переносить, и поклялся, сбрасывая камни в пропасть, словно скрепляя этим свою клятву, поклялся, что вырвусь из связывающих меня пут и увижу мир. Я узнаю, каков он и насколько изменился с тех пор, как опустошили мою страну. Затем вернусь и расскажу соотечественникам об увиденном. Спустя несколько недель раздумий и сборов я вместе с плачущей матерью и несколькими друзьями стоял на пристани. Маленькое суденышко, доставшееся мне в наследство от отца, нетерпеливо покачивалось на волнах. Я поцеловал мать, пообещал, если смогу, вернуться через четыре года и взошел на борт. Смеркалось. Не без трепета я отдал швартовы и отплыл в ночь.

Было ясно, Санта-Ана* легонько дула в корму, подгоняя мою лодку на северо-восток. Я решил идти на Каталину, а не на Сан-Клементе, потому что, по слухам, на Каталине в десять раз больше иностранцев и там же главный аэропорт. С собой у меня была толстая куртка и мешок с хлебом и домашним сыром. Больше ничего из того, что можно достать в Ла-Холье, не посчитал я нужным для путешествия. Я пересек пролив за десять часов и ни разу не сменил галс.

Чернота на востоке уже голубела, когда передо мной встали крутые склоны острова Каталина. Черные холмы и серый хребет за ними сверкали красными, белыми, желтыми и голубыми огнями. Я обогнул южный выступ острова, намереваясь высадиться в какой-нибудь подходящей бухте и дойти до Авалона пешком. Однако западный берег острова оказался обрывистым, совсем без бухт, не то что побережье возле Сан-Диего. Было то время суток, когда видно все, кроме цвета. В этой утрен-

---

* Теплый ветер в Калифорнии, дующий с одноименного перевала.

ней серости я шел вдоль берега (здесь за обрывами ветра почти не было), когда, к моему изумлению, на мачте, которую я прежде не заметил, поднялся парус. Я повернул было к морю, но суденышко впереди сменило галс и двинулось мне наперерез. Я размышлял, не свернуть ли к берегу, а там будь что будет, когда заметил, что лодкой управляет темноволосая девушка, а рядом с ней никого нет. Она, не спуская с меня глаз, подвела свое суденышко к моему.

— Кто вы? — спросила она.

— Рыбак из Авалона.

Она мотнула головой.

— Кто вы?

Я секунду колебался, потом избрал смелый путь и крикнул:

— Я с материка, хочу увидеть Авалон и мир!

Она жестом велела мне спустить парус, я подчинился, и наши лодки сблизились. Кожа у девушки была белая, но черты лица — восточные. Я спросил, есть ли поблизости подходящие для высадки бухты. Она ответила, что есть, но все они патрулируются, и, если не предъявить документов, отправишься в тюрьму.

Таких затруднений я не предвидел и в растерянности смотрел, как плещет между нашими лодками вода. Потом спросил девушку:

— Ты мне поможешь?

— Да, — отвечала она, — а мой отец достанет тебе документы. Перелезай в мою лодку, а твою бросим.

Я прихватил мешок и неохотно перелез через борт. Отцовская лодка, пустая, качалась на волнах. Прежде чем мы от нее отплыли, я поднял со дна девушкиной лодки топорик, перегнулся через борт и пробил днище своей. Глядя, как она тонет, я украдкой смахнул слезу.

Когда мы обогнули южный мыс и стали приближаться к Авалону, девушка — ее звали Хадака — велела мне спрятаться под рыбой. Она ловила всю ночь, так что общество мне досталось не из приятных — угри, кальмары, скаты, морские ерши,

осьминоги — все вперемишку. Однако я сделал, как она велела, и лежал, задыхаясь, неподвижный, будто спящая рыба, покуда у входа в Авалонскую бухту девушка говорила с патрулем. В Авалон я прибыл с осьминогом на лице.

Едва только Хадака причалила лодку, я вскочил и стал помогать.

— Брось рыбу, — сказала она мне, когда мы прикрыли улов брезентом. — Быстрее ко мне домой.

Мы прошли по крутым улочкам мимо только что открывшегося рынка. Я казался себе ужасно подозрительным типом, хотя бы из-за вонь, но никто не обращал на нас внимания. Уже за городом, в холмах, мы скользнули в ворота и оказались в маленьком саду. Здесь жила семья Хадаки. На востоке солнце взломало половицы Американского континента и засияло над нами. Я оставил родину позади и впервые в жизни стоял на чужой земле.

— Первая глава кончилась, — сказал Стив. — Он на Каталине!

— Давай еще, — взмолился Мандо. — Дальше!

— Никаких «дальше», — сказал Том, входя в дверь. — Поздно, мне пора отдыхать. — Он кашлянул и сложил снаряжение в угол. Замахал на нас руками. — Николен, книгу можешь держать у себя, пока не прочтешь...

— Урррра!

— Погоди! Пока не прочтешь ее вслух остальным.

— Ага! — сказал Мандо, пожирая книжку глазами.

— Здорово, — сказала Кристин, глядя на Мандо.

— Ладно, идите домой ужинать. Все идите! — Том выставил нас за дверь, напоследок пригрозив оторвать Стиву голову, если он помнет или испачкает страницы. Стив рассмеялся и пошел впереди нас по дороге, победно неся книгу. Я с новым любопытством взглянул в сторону Каталины, но ее не было видно за облаками. На этом острове побывал американец! Как мне хотелось попасть туда самому! Я наступил больным местом на камень и стал смотреть под ноги. На развилке мы остано-

вились и сговорились завтра вечером собраться и почитать дальше.

— Давайте встретимся у печей, — предложила Кристин. — У Кэтрин завтра большая выпечка.

— После рыбалки, — кивнул Стив и побежал вдоль обрыва, размахивая книгой над головой.

Однако назавтра после рыбалки он уже не веселился. Джон за что-то на него взъелся и, не успели мы вытащить лодки, отправил разбирать и чистить рыбу. Стив стоял перед отцом как столб и злобно зыркал, пока я не растормошил его и не увел прочь.

— Скажу, что ты придешь позже, — пообещал я и припустил по обрыву, не дожидаясь, пока он сорвет на мне злость.

У печей под присмотром Кэтрин кипела работа. Кристин и Ребл — волосы в муке, лица покраснелись от натуги — раздували мехи. Кэтрин и Кармен Эглофф лепили булки, лепешки и укладывали их на противни. Воздух над кирпичными печами дрожал от жара. За углом миссис Мариани с девочками месили ячменное тесто. Кэтрин перестала покрикивать на Кристин и Ребл, чтобы поздороваться со мной, а когда я сказал, что Стив задержится, отвечала:

— Проходи и садись. Мандо и Дел все равно еще не пришли.

— Мужчины всегда опаздывают, — сказала миссис М. из-за угла. (Ее хлебом не корми, дай покрутиться среди девчонок и посплетничать.) — Генри, а где твоя подружка Мелисса? — поддела она меня.

— Не видел ее, как вернулся, — ответил я без тени смущения.

Ребл и Кармен спорили.

— Не верится, что Джо снова угораздило забеременеть, — говорила Кармен. — Просто дурость с ее стороны.

— Никакая не дурость, если родит хорошего.

— Родить четырех неудачных подряд! После этого можно было понять, что к чему, и поберечься.

Ребл сказала:

— Обидно, когда все время ходишь беременной и никакого результата.

— Они были совсем плохи, — сказала Кармен. — Совсем.

— Плохие — тоже Божьи создания, — сказала Ребл, кусая губы.

— Не он создает их плохими, — возразила Кармен. — Это все радиация, и я уверена, Богу это не нравится. Для тех, кто родился такими, только лучше вернуться к Богу, чтобы он попробовал по новой. Оставь их жить, они будут в тягость не только нам, но и себе. Удивляюсь, как ты этого не видишь.

Ребл упрямо мотнула головой:

— Все они Божьи дети.

— Но они были бы обузой, — вставила практичная Кэтрин. — Запомни: пока ребенку не дали имени, считай, ты его не родила.

— Мы не имеем права, — упорствовала Ребл. — А что, если бы ты родилась однорукой, а, Кэт? Мозги были бы при тебе, и ты все равно бы дала долине хлеб. Твой дар — это не твое тело.

— Хлеб долине дала не я, а дрожжи, — отшутилась Кэтрин.

— Если оставлять их, — сказала Кармен, — половина долины будет увечными. А следующее поколение и вовсе вымрет.

— Не верю я в это, — отвечала Ребл.

Ее мать после нее и Дела родила трех неудачных, и у Ребл это было больное место. Думаю, она тосковала по маленьким уродцам. Однако у Кармен тоже были причины стоять на своем. Решение принимали она и Док, и, по-моему, ей вообще было неприятно об этом говорить. Кэтрин видела, что они заводятся, да еще я начал прислушиваться, и, кажется, ей не хотелось, чтобы разговор происходил при мне. Она сказала:

— Может, Джо и не собиралась беременеть.

— Да уж наверно, — хихикнула миссис М. — Марвин Хэмиш не из тех, кто будет следить за календарем.

Все рассмеялись, даже Ребл и Кармен. Подошли Мандо и Дел, разговор перекинулся на нынешний урожай. Он сильно огорчал Кэтрин: шторм, чуть не доконавший меня, уничтожил немалую часть ее посевов.

Подошел Стив, обнял Кэтрин, оторвав ее от земли, тут же поставил на место и отряхнул с рук муку.

- Ну и вид у тебя, Кэт! — воскликнул он.
- А от тебя рыбой разит! — отпарировала она.
- Вовсе нет. Ладно, пора читать вторую главу.
- Погоди, пока уберем противни в печи, — сказала Кэтрин. — Можешь помочь.
- Я на сегодня отработал.
- Давай помогай, — приказала она. Стив нехотя подошел. Я встал, и мы все вместе принялись заталкивать противни в печь.
- Ишь раскомандовалась, — проворчал Стив.
- Заткнись и смотри, что делаешь, — сказала Кэтрин.

Когда мы задвинули все противни и сели, Стив достал из кармана книгу и начал читать.

ГЛАВА ВТОРАЯ

РАЗНОПЛЕМЕННЫЙ ОСТРОВ

Между двумя кустами чайных роз стояла высокая белая женщина с садовыми ножницами. Это оказалась мать Хадаки, хотя они были совсем не схожи. Увидев меня, она сердито защелкала ножницами.

— Это кто? — закричала мать, и Хадака сразу повесила голову.

— Еще одного привела, дура?

Девушки засмеялись, а Ребл сказала:

— Значит, так она раздобывала себе дружков! Неплохой способ.

— Вот это точно называется ловить мужчин в свои сети, — добавила Кармен.

— Тихо! — крикнул Стив и продолжал чтение.

— Я увидела, как он подплывает к запретному берегу, и поняла, что он с материка.

— Молчи! Прежде ты говорила то же...

Я вмешался:

— Я благодарен вашей дочери и вам. Вы спасли мне жизнь.

— Так твой отец никогда не уймется, — злилась мать. Потом мне: — Никто бы не стал тебя убивать, если бы ты не сбежал...

— Видишь, — сказала мне Кэтрин, — тебя могли убить, когда ты прыгнул с корабля. Ты был в большей опасности, чем когда тебя вытаскивали.

— Ну, понимаешь... — замялся я.

— Хватит, — сказал Стив. У него мои приключения в зубах навязли, это точно. Мандо взмолился:

— Пожалуйста! — Ему не терпелось слушать дальше, книга нравилась ему по-настоящему. Стив кивнул и стал читать дальше.

Она щелкнула ножницами.

— Иди и вымойся, — сказала она, морща нос. Обижаться не приходилось: я был весь в рыбьей слизи и щетине, как дикарь. В кафельной ванной комнате я помылся под душем, из которого текла любая вода, от ледяной до кипятка, по желанию. Миссис Ниса (так ее звали) принесла мне одежду и научила пользоваться электробритвой. Покончив с туалетом, я стоял перед большим зеркалом в серых штанах и голубой рубашке — человек без национальности. Вернулся отец Хадаки и, в отличие от жены, совсем не рассердился. Мистер Ниса смерил меня взглядом, пожал руку и на плохом английском пригласил поужинать с семьей. Я, кажется, еще не упоминал, что он — японец и лицом похож на Хадаку, хотя кожа у него темная. Ростом он был гораздо ниже своей жены.

— Надо сделать тебе бумаги, — сказал он, когда Хадака рассказала мою историю. — Я достану бумаги, ты некоторое время работаешь на меня. Идет?

— Идет.

Он задал мне сотню вопросов, потом еще сотню. Я рассказал о себе все, включая планы на будущее. Похоже, мне и впрямь повезло даже сильнее, чем я думал: мистер Ниса работал в японской администрации островов, в департаменте надзора за проживающими здесь американцами. На этой

работе он и познакомился с миссис Ниса, которая двадцать лет назад пересекла, подобно мне, пролив. Мистер Ниса занимался и множеством других дел, по большей части незаконных, хотя это мне стало ясно только спустя неделю-другую. Однако уже в тот вечер я понял: он человек хваткий, и дал понять, что буду служить ему, чем могу. Когда он кончил расспрашивать, вся семья проводила меня в садовый сарайчик, где стояла койка. Я лег спать в отличном расположении духа.

Через неделю у меня были документы, в которых значилось, что я родился на Каталине и провел здесь всю жизнь, работая на японцев. Теперь я мог свободно выходить на улицу, и мистер Ниса отправлял меня с Хадакой ловить рыбу или полоть огород. Когда закончился испытательный срок, он стал поручать мне другие задания: обмениваться с незнакомцами тяжелыми коричневыми пакетами на улицах Авалона или провожать японцев из аэропорта на окраине в город, в обход докучных пропускных пунктов и патрулей.

Не следует думать, будто эта и другая контрабанда была в Авалоне редким исключением. Город кишел представителями всевозможных рас, наций и вероисповеданий, а поскольку ООН разрешила въезд на острова только японцам и только для надзора за американским побережьем, ясно, что большинство посетителей проникли сюда в обход законов. Однако таких служащих, как мистер Ниса, было в избытке на всех уровнях власти — и на самой Каталине, и на Гавайях, воротах в Западную Америку. Почти у каждого в городе имелись документы на проживание, и невозможно было сказать, купленные они, поддельные или настоящие; однако, гуляя по улицам, я видел людей в самых разных нарядах, с восточными и мексиканскими чертами, даже черных, как небо ночью, и понимал: что-то с японской администрацией не так.

Я охотно говорил с иностранцами, используя те несколько слов, которые выучил по-японски, и слушая самые неожиданные варианты английской речи. Избегал разговаривать я только с теми, кто

походил на американцев, и было ясно, что они тоже не рвутся со мной беседовать. Слишком велики были шансы, что они, как и я, беглецы, всеми правдами и неправдами осевшие в Авалоне. По слухам, многие из них работали на полицию. В таких обстоятельствах разумнее всего было не заводить тесных знакомств.

Старая часть Авалона, как мне говорили, совсем не изменилась — маленькие беленые домики на холмах вокруг гавани. Гавань увеличили за счет пристаней, новые здания расползлись по холмам на север и на юг — сотни строений в японском стиле, с толстыми балками, тонкими стенами и островерхими крышами. По всему острову идут новые бетонные дороги, а вдоль них — низкие каменные стены, которые делят остров на частные владения. За стенами — парки и большие строения, которые японцы называют дачами. Здесь живут служащие ООН и японской администрации. Дачи на западном берегу острова поменьше, а самые большие выходят окнами на пролив: вид на Америку ценится высоко. Самые большие дачи, я слышал, на восточном берегу Сан-Клементе: их-то огни я и видел в ту ночь, когда решился обогнуть земной шар.

Прошло несколько недель. Я ездил в машине по белым дорогам, раз вел сам и чуть не врезался в стену. Когда едешь, от движения возникает ветер и все мчится так быстро, что не успеваешь соображать.

— Ты это чувствовал, когда ехал на поезде? — спросила меня Ребл, перебив Стива.

— Ага, — сказал я. — Мчишься так быстро — воздух свистит. Хорошо, что нам не пришлось управлять поездом, а то бы мы сто раз врезались.

— Тихо! — воскликнул Мандо, Стив кивнул и продолжал. Он так увлекся, что даже не поднял голову.

Я видел, как огромные летающие машины, самолеты, садились, словно пеликаны, в аэропорту и

взлетали с таким ревом, что закладывало уши. И все это время я исполнял различные поручения мистера Нисы. Когда я вполне завоевал его доверие, он предложил мне стать проводником у пяти японских бизнесменов, которые прибыли на Каталину с целью посетить Сан-Диего. Я очень не хотел возвращаться на материк, но мистер Ниса обещал разделить со мной выручку от поездки, а это были огромные деньги. Я взвесил выгоды и согласился.

И вот однажды вечером мы на моторном катере отправились в Сан-Диего. Я отдавал распоряжения лоцману, Ао, который единственный на борту понимал по-английски. Ао знал, где будут в эту ночь патрульные суда, и заверил меня, что они нам не помешают. Я направил его к месту высадки у мыса Лома, сводил туристов к развалинам маяка, а потом провел между рядами белых крестов на военно-морском кладбище — таком огромном, будто на нем похоронили всех убитых в последнюю войну. На заре мы спрятались в разрушенном доме, и весь день пятеро бизнесменов фотографировали верхушки разрушенных небоскребов и взорванную гавань. Ночью мы, к моей радости, вернулись в Авалон.

После этого я еще четыре раза возил туристов в Сан-Диего, и первые три раза все прошло гладко, но на четвертый меня уговорили ночью войти на лодке в устье реки Мишен. Мои читатели в Сан-Диего знают, что все устье завалено обломками, что вода залила обе старые набережные и несколько дорог, что русло меняется каждую весну, что это самое коварное, опасное и непредсказуемое из речных русел. В ту ночь океан был гладок, как стол, но днем прошел сильный ливень, и вода переливалась через бетонные глыбы, образуя водопады. Один наш турист упал в воду под тяжестью фотоаппарата (у них есть фотоаппараты, которые снимают ночью), и я нырнул за ним. Немало сил потребовалось от меня и от Ао, чтобы мы все снова оказались в лодке и вышли в море. Будь это парусная лодка, к каким я привык, мы бы утонули.

После этого мне не хотелось снова отправляться на материк, а благодаря щедрости мистера Нисы у меня скопились кое-какие деньги. Через два вечера после неудачной экспедиции на одной из самых роскошных дач восточного побережья острова давали званый обед, и человек, которого я спас, на ломаном английском предложил нанять меня слугой и забрать с собой в Японию. Видимо, Ао рассказал ему, что я мечтаю о путешествиях, и он решил отплатить мне за спасение жизни.

Я позвал Хадаку за подстриженные кусты в саду, и мы сели у подсвеченного фонтана, который изливался на уступ внизу. Мы глядели на темные очертания континента, и я рассказал, какая мне представляется возможность. Поцеловав меня по-братски (мы раз или два обменивались поцелуями, не всегда родственными...)

— Еще бы! — выкрикнула Ребл, и девушки засмеялись. Кэтрин сказала, передразнивая голос, каким читал Стив:

— И я приготовился известить мою любезную матушку, что ее внуки будут на четверть японцами...

— Не перебивайте! — заорал Стив, но мы уже валялись от хохота. — Я продолжаю!

...(мы раз или два обменивались поцелуями, не всегда родственными, но я не настолько увлекся, чтобы злить мистера Нису)...

— Вот трус! — вскричала Кэтрин. — Слабак!

— погоди, — сказал Стив. — У него была цель — повидать мир. Не мог же он остаться на Каталине. Вам, девчонкам, ничего, кроме любви, в книжках не интересно. Замолчите, а то перестану читать.

— Пожа-а-а-луйста, — взмолился Мандо. — Я хочу знать, что было дальше.

Хадака сказала, что мне лучше воспользоваться случаем и уехать, потому что, хоть они этого не говорили, жить у них не вполне безопасно — если

выяснится, что я живу по поддельным документам, у мистера Нисы будут крупные неприятности. Мне пришло в голову, что поэтому-то он так щедро делился со мной прибылью от экскурсий на материк — с тем чтобы со временем я его покинул. Я решил, что это на удивление благородная семья и мне на редкость повезло к ним попасть.

Я вернулся в дом и, избегая голых американских девушек, которые разносили выпивку и сигареты, сказал своему благодетелю мистеру Тасуми, что принимаю его предложение. Вскоре я распростался с семьей мистера Нисы. Матери и друзьям в Сан-Диего я хотя бы обещал вернуться, но мог ли я сказать то же своим новым друзьям? Я поцеловал мать и дочь, обнял мистера Нису и в непритворном смятении чувств поехал в аэропорт, чтобы пролететь семь тысяч миль над Тихим океаном.

— Здесь кончилась глава вторая, — сказал Стив, закрывая книгу. — Он в пути.

— Почитай еще, — попросил Мандо.

— Не сейчас. — Стив обиженно взглянул на женщин, которые вытаскивали из печей противни. — Скоро ужин. — Встал и покачал головой, глядя на меня и Мандо. — Девушкам книга не нравится, — пожаловался он.

— Да ладно тебе, — сказала Кэтрин. — Что за радость читать вместе, если и слова сказать нельзя?

— Вы не принимаете ее всерьез.

— Ой ли? Может, мы не принимаем ее слишком уж всерьез.

— Я уйду домой, — уныло ответил Стив. — Идешь, Хэнк?

— Я к себе. Утром увидимся.

— Завтра вечером Том приглашает всех на собрание в церковь, — сказала Кармен. — Слыхали?

Никто из нас не слышал, и мы решили встретиться до собрания и прочесть еще главу.

— Из-за чего собрание? — спросил Стив.

— Из-за Сан-Диего, — ответила Кармен.

Стив остановился.

— Том должен передать в Сан-Диего, поможем ли мы им бороться с японцами, — сказал я. — Я тебе говорил.

— Я приду туда, — сурово заверил Стив и повернул к дому.

Я помог Кэтрин снять с противней горячие булки и одну прихватил домой отцу. Шел, откусывал от нее и думал, сколько же надо дней, чтобы перелететь через море.

Глава 12

Обычно собрания проходят у Кармен в церкви, но в этот раз они с Томом вытащили всех (Том даже сходил за Чудилой Роджером), так что в церковь — большой амбар у Эглоффов на пастбище — все бы не влезли, и решили собраться в бане. Мы с отцом пришли загодя и помогли Тому разжечь огонь. Я носил дрова, обходя Чудилу Роджера, который искал на полу и на стенах слизняков, любимое свое лакомство. Том поглядывал на него и качал головой: «Не знаю, чего ради я за ним ходил». Том был возбужден куда меньше, чем я ожидал, и необычно тих. Сам я только что не прыгал от радости: сегодня мы примкнем к сопротивлению, вольемся наконец в Америку.

Снаружи вечернее небо расчертили еще розовые от закатного света перистые облака, с моря дул сильный ветер. Люди, подходя к бане, смеялись и переговаривались, там и сям за деревьями мелькали фонари. За картофельной полоской Симпсонов жалобно выли собаки, упрасывая хозяев взять их с собой. Подошел Стив с братьями и сестренками, и мы сели на смотанную пленку.

— И вот, акула разевает пасть и нацеливается на меня, — рассказывал Стив. — Я сую ей в рот весло, чтобы не укусила. Держу весло, чтоб не заглотила целиком, а воздух уже кончается. Надо что-то придумывать...

Из-за излучины реки показались Джон и миссис Николен, ребягня мигом забежала в баню. На мост вышли Марвин и Джо Хэмиши, Джо в округлившейся на животе белой блузке. Я вспомнил разговор у печей и подумал, что там у нее на этот раз. Стайка младших Симпсонов и Мендесов выбежала из-за амбаров, следом шли отцы,

степенно беседуя на ходу. Рафаэль, Мандо и Док спускались по склону холма, за ними — Эд и Мелисса Шенксы. Я помахал Мелиссе, она помахала в ответ. Ее черные волосы развевались на ветру. Чуть позже из леса выступили Кармен и Нат Эглоффы, они несли вдвоем тяжелый фонарь и спорили. Мануэль Рейс и его семейство торопились следом, чтоб не отстать от фонаря. В бане стоял гвалт, как на толкучке, и, когда подошли Мариани, я испугался, что все не влезут. Однако снаружи было холодно, и Рафаэль взялся за дело, рассадил всех: мужчин вдоль стен, малышей на колени матерям, нашу компанию в пустой купальный чан. Когда он закончил, все сидели впритирку, как селетки в бочке. Фонари развесили по стенам, в очаге пылали большие поленья, было необыкновенно светло, светлее, чем в банный день. Железная кровля оглушительно дребезжала, малыши начали плакать. Все остальные тоже были возбуждены, потому что такой толпой мы собираемся редко — на Рождество да еще на редких поселковых сходках.

Том медленно обходил комнату, разговаривал с теми, кого давно не видел. Попутно он призывал к порядку, но споры и хождения все равно не прекращались. Однако в основном задавали вопросы, и когда Марвин спросил Тома: «Так из-за чего, собственно, сыр-бор?» — несколько голосов подхватили вопрос, а потом стало тише.

— Ладно, — хрипло сказал Том. Он рассказал про нашу поездку в Сан-Диего. Я сидел на краю чана и глядел на лица. Казалось, прошло сто лет с тех пор, как Дженнингс и Ли вошли в эту же комнату с дождя, чтобы рассказать про новую железную дорогу. Столько событий, столько перемен произошло со мной за это время, даже не верилось, что все вместилось в несколько недель. Не верилось, что я тот Генри Флетчер, который слушал тогда Дженнингса и Ли, однако насколько я изменился и что это для меня значит, я не знал. Это было просто неуютное чувство, или неуверенность, или невежество — словно нужно всему учиться с самого начала. Мне оно не нравилось.

По рассказу Тома выходило, что в Сан-Диего живут не то дураки, не то транжиры — не лучше мусорщиков. Так что мне приходилось иногда вмешиваться и

высказывать свое мнение — рассказывать об электрических батареях и генераторах, о сломанном радиоприемнике, о печатнике и о мэре Дэнфорте. Мы спорили на глазах у всех, но я считал, что они должны знать мое мнение, потому что Том настроен против южан. Когда я стал говорить про мэра, старик сердито возразил:

— Он живет на широкую ногу, потому что у него куча людей, которым нечего делать, кроме как помогать ему с управлением. Поэтому он может посылать людей в другие поселки на востоке.

— Может, и так, — согласился я, — но Расскажи, что они на востоке узнали.

Том кивнул и обратился к остальным:

— Мэр говорит, что его люди доходили до Юты и что все тамошние поселки участвуют в движении, которое они называют американским сопротивлением. Они говорят, что цель сопротивления — вновь объединить Америку.

Все притихли. Молчание нарушил Джон Николен — он сидел возле дверей:

— Ну и?..

— Ну и, — продолжал Том, — он хочет, чтобы мы примкнули к этому их плану и помогли Сан-Диего сражаться с японцами на Каталине. — Он пересказал наш долгий разговор с мэром. — Теперь мы знаем, почему море выбрасывает мертвых азиатов. Однако, видимо, они не перестали высаживаться, и теперь Сан-Диего просит нашей помощи, чтобы избавиться от них навсегда.

— Какой именно помощи они ждут? — спросила миссис Мариани.

— Ну... — Том замаялся, и Док встрял в разговор:

— Это значит, им нужно устье нашей реки как база, из которой можно делать вылазки.

В ту же секунду Рекавери Симпсон, отец Дела и Ребл, сказал:

— Это значит, у нас наконец будут ружья и люди, чтобы что-то изменить.

И то и другое мнение тут же нашло отклик, и обсуждение раскололось на множество частных споров. Я держал язык за зубами и слушал, старясь понять, кто что думает. Оказывается, даже такое маленькое обще-

ство, как наше, можно разделить на еще более маленькие. Рекавери Симпсон и старик Мендес возглавляют семейства, которые добывают себе пропитание дальше на материке — охотятся, ставят капканы или пасут овец. Нат, Мануэль и пастухи обычно идут на поводу у Симпсона. Другая группа — фермеры; понемногу сажают все, но Кэтрин и ее женщины засевают большие поля. Третья большая группа — рыбаки. Это Николены, Хэмиши, Рафаэль и я. И наконец, те, кто не относится ни к одной из групп — Том, мой отец, Эдисон и Чудила Роджер. На самом деле такого разделения нет, все понемногу занимаются всем. Но мне поначалу казалось, что я подметил закономерность: охотники, чья работа и так похожа на войну, — за сопротивление, а фермеры, которым надо, чтобы все оставалось без изменения из года в год (к тому же большинство из них женщины), — против. Мне это было понятно, и я решил, что исход голосования будет зависеть от Николена, но потом я увидел, что исключений из придуманного мною правила не меньше, чем подтверждений, и на какое-то время мне показалось, что я вообще ничего не понимаю. Док одним из первых обманул мои ожидания. Лет ему почти сколько Тому, и за стариковским столом на толкучках он всегда ругал предателями тех, кто не стал сражаться за Америку. Я думал, он опять будет против Тома и за то, чтобы взять сторону Сан-Диего. И вдруг он открывает рот и говорит:

— Помню, раз жители каньона Кристианитос позвали соседей из каньона Габино воевать за колодцы с долиной Четырех Каньонов. Те пошли, но на следующих толкучках уже не было каньона Габино, только Кристианитос. Я о том, что большие селения глотают мелких соседей. Генри расскажет вам, что там на юге живут сотни людей...

— Но мы же не соседний каньон, — возразил Стив. — Между нами многие мили. И мы просто должны сражаться с японцами. Если все поселки не объединятся, надеяться не на что.

Он говорил с жаром. Многие закивали, не слушая других. Стив хорошо говорит. Убедительно.

— Мили — не расстояние, если ходят поезда, — ответил Док.

Значит, он против того, чтобы поддержать Сан-Диего. Я был так потрясен, что чуть не спросил его, как можно взять и перечеркнуть собственные слова, едва представилась настоящая возможность действовать, но тут Том сказал громко:

— Давайте-ка по одному.

Рафаэль воспользовался коротким молчанием:

— Мы должны сражаться с японцами при всякой возможности. Подумайте. Они окружили нас со всех сторон. Мы — как рыба в большом неводе. Мало того, что они не выпускают нас наружу, они еще и не пускают нас друг к другу, бомбят рельсы и мосты.

— Про бомбежки мы знаем со слов этих же молодцов из Сан-Диего, — сказал Док. — Как проверишь, правда ли это?

— Конечно, правда, — обиженно вставил Мандо и махнул на отца кулаком. — Генри и Том видели, как бомбы падали на пути.

— Может быть, — согласился Док. — Но это не значит, что и остальное — правда. Может, они хотят, чтобы мы испугались и запросили помощи. Мэр Сан-Диего вообразит себя мэром Онофре в ту минуту, как мы примкнем к этому их сопротивлению.

— А чего он нам сделает? — сказал Рекавери. Остальные охотники закивали, и Рекавери выступил вперед, чтобы включиться в спор. — Просто будем иметь дело еще с одним селением. Так же как с теми, которые приезжают на толкучки.

Док набросился на этот довод, как пеликан на рыбу.

— А вот и не так же. Сан-Диего гораздо больше нас, и речь идет не просто о торговле. Ты сам сказал, у них много ружей.

— Стрелять-то будут не по нам, — сказал Рекавери. — К тому же до них пятьдесят миль.

— Я согласен с Симпсоном, — вступил старый Мендес. — Залатать прошлое можно только сообща. Эти молодцы не хотят ничего у нас отнять, а и хотели бы, ничего они нам не сделают. Они просто зовут вместе воевать за нашу же свободу.

— Я о том же, — твердо добавил Раф. — Эти японцы пригнули нас к земле! Чтобы выпрямиться, надо бороться!

Мы со Стивом закивали, как марионетки на ярмарочном представлении. Габби просунул между нами кулак и победно тряхнул. Я раньше не знал, что Раф так переживает из-за нашего положения — он никогда об этом не говорил. Вся компания была в восторге. Стив зашевелился, напряжился, как кошка, — он набирался духу встать и поддержать тех, кто за войну. Но не успел — его отец отошел от стены и заговорил:

— Мы должны работать. Главное — работать. Добывать еду, хранить ее, строить новые жилища, улучшать старые. Выменивать на толкучках одежду и лекарства. Лодки, снаряжение, дрова. Это твой хлеб, Раф. Это, а не драться с людьми, у которых силы в миллион раз больше, чем у нас. Это мечты. Если мы будем драться, то здесь, в долине, и за долину. Ни за кого другого. Ни за этих клоунов с юга, ни за идею вроде Америки. — Он произнес это слово, как самое непотребное ругательство, и взглянул на Тома. — Америки нет. Она мертва. Есть мы в этой долине, и есть другие в Сан-Диего, в Ориндж, за Пендлтоном, на Каталине. Но они — не мы. Эта долина и есть наша страна, ради нее мы должны работать, чтобы все в ней были живы и здоровы. В этом наша обязанность.

Баня затихла. Значит, Джон против. И Том, и Док. Мне казалось, что Джон вышиб почву у нас из-под ног, но Раф встал и сказал:

— Наша долина слишком мала, Джон, чтобы думать о ней так. Все, с кем мы торгуем, зависят от нас, а мы — от них. Мы все — люди одной страны. И всех нас сдерживает охрана на Каталине. Ты не можешь этого отрицать. Пойми: чтобы работать ради долины, надо иметь свободу разворачиваться шире. Сейчас этой свободы у нас нет.

Джон молча покачал головой. Рядом со мной Стив зашипел — вот-вот взорвется. Кулаки его были сжаты и побелели. В этом не было ничего нового. Стив всегда не соглашался с отцом, но боялся возразить ему на людях и поэтому молчал. Обычно к концу собрания Стив чуть не лопался от возмущения и бессильного гнева. Может, и это собрание кончилось бы так же, не возрази перед этим Мандо своему отцу. Стив это заметил, и разве мог

он после этого смолчать — не отважиться на то, на что отважился маленький Армандо Коста? Да ни за что. И ведь спорил я с Томом. Искушение было слишком велико. Стив вскочил дрожа, красный, как помидор. Он обвел глазами собравшихся — всех, кроме своего отца.

— Мы — американцы, в какой бы долине ни родились, — сказал он быстро. — От этого никуда не денешься. Мы проиграли войну и по-прежнему платим за это, но однажды мы снова станем свободными. — Джон яростно зыркал на него, но Стив не сдавался. — И этот день наступит потому, что люди сражались, когда только могли.

Он плюхнулся на край чана и только после этого вызывающе поднял глаза на Джона. Но Джон не собирався отвечать — мол, много чести Стиву спорить с ним на людях. Он просто смотрел на него, багровый от ярости. Наступило неловкое молчание. Все видели, что Джон отрицает право сына участвовать в споре.

Том, гревший руки над огнем, поднял глаза и увидел, что происходит.

— А ты что скажешь, Эдисон? — спросил он.

Эд стоял у стены. Мелисса сидела у его ног; он время от времени гладил ее пышные волосы и внимательно глядел на спорщиков. Сейчас Мелисса опустила глаза и прикусила губку. Если Эд и впрямь связан с мусорщиками, набег на округ Ориндж могут ему повредить. Однако он пожал плечами и смело встретил наши взгляды, словно ему в высшей степени плевать.

— Мне без разницы.

Старый Мендес выругался по-испански.

— У тебя должно быть свое мнение.

— Нет у меня никакого мнения, — процедил Эдисон.

— Хорош ответ, — сказал Мендес. Габби удивленно смотрел, как его отец говорит, — старый Мендес вообще-то молчун.

— А зачем ты тогда пришел? — спросил Эдисона Марвин.

— Погодите. — Мой отец встал. — Никакого греха в том, что человек пришел сюда без всякого мнения. Мы же только обсуждаем.

Эдисон вежливо кивнул. В этом весь мой отец — заговорил один-единственный раз, и то в защиту молчания.

Док и Рафаэль, не слушая отца, снова сцепились. Доводы сыпались за доводами, переходя в ругань.

— Тебя хлебом не корми, дай поиграться с ружьями, — обвинял Док. Рафаэль, сверкая глазами, отвечал:

— Это что, хорошая жизнь, когда ты у нас в долине — единственный доктор?

Никто прежде не слышал, чтобы они так разговаривали. Я замахал руками и сказал:

— Не надо переходить на личности, а?

— О, мы всего-то говорим о нашей жизни, — желчно заметил Рафаэль. — Зачем же нам переходить на личности. Но вот что я скажу тебе: пусть доктор поцелует змеиную задницу, если думает, что я вожусь с ружьями ради собственного удовольствия.

— Но вы же друзья...

— Эй! — устало крикнул Том. — Мы еще не всех выслушали.

— Может, Генри скажет? — спросила Кэтрин. — Он был в Сан-Диего и видел их. Генри, как ты думаешь, что нам делать?

Она взглянула на меня, будто о чем-то прося, но я не понял, о чем, поэтому сказал, что думаю:

— Мы должны поддержать Сан-Диего. Если мы почувствуем, что они хотят нас под себя подмять, можем разрушить рельсы. А если нет — снова будем частью одной страны и узнаем, что происходит на материке.

— Все, что мне надо, я узнаю на толкучках, — сказал Док. — А разрушив рельсы, мы не помешаем им приплыть на лодках. Они говорят, их тысячи, а нас сколько? — шестьдесят? — и то в основном дети. Они могут сделать с этой долиной, что захотят.

— Точно так же они это смогут, если мы не согласимся, — сказал Рекавери. — А вместе с ними мы, может быть, сумеем повернуть дело в свою пользу.

Джона Николена от последнего довода чуть не перекосило, но он не успел открыть рта, как заговорил я:

— Док, я вас не понимаю. На толкучках вы вечно ворчите, что за бомбежку не отомстили. И вот теперь, когда есть такая возможность, вы...

— Нет у нас никакой возможности, — упорствовал Док. — Ничего не изменилось...

— Довольно! — сказал Том. — Это мы слышали. Кармен, твой черед.

Кармен заговорила тем голосом, каким произносит проповеди:

— Мы с Натом много говорили об этом и не сумели прийти к согласию. Однако мое мнение однозначно. Борьба, на которую зовут нас жители Сан-Диего, — бессмысленна. Мы не станем свободнее из-за того, что будем убивать посетителей с Каталины. Я не против борьбы, если она на пользу, но это — просто убийство. Убийство не приводит ни к чему хорошему, так что я — против. — Она выразительно кивнула и поглядела на старика. — Том? Ты еще не сказал своего мнения.

— Черта с два он не сказал, — буркнул я, сердитый на Кармен, что она вещает как проповедница и наставница, когда это всего лишь ее мнение. Однако она глянула на меня, и я закрыл рот.

Том, пригревшийся у огня, проснулся от спячки.

— Что мне в Дэнфорте не понравилось, так это его угрозы.

— Какие угрозы? — запальчиво спросил Рафаэль.

— Он сказал, мы или с ними, или против них. Я воспринимаю это как угрозу.

— Но что они нам сделают, если мы откажемся? — спросил Раф. — Придут с ружьями?

— Не знаю. Ружей у них много. И стрелков тоже.

Рафаэль фыркнул:

— Значит, ты против.

— Похоже, что так, — медленно ответил Том, словно сам не знал, что думает. — Мне кажется, я предпочел бы выбрать — быть с ними или нет — в зависимости от того, что у них на уме. Так сказать, решать в каждом отдельном случае. Все-таки мы не окраина Сан-Диего, чтобы нами командовать.

— Командовать нами они все равно не смогут, — сказал Рекавери. — Это союз, соглашение об общих целях.

— Держи карман шире, — сказал Джон Николен.

Рекавери обернулся и стал спорить с Джоном, Рафаэль по-прежнему заседал на Тома, так что обсуждение снова рассыпалось, и вскоре в него включились все взрослые и добрая половина детей. «Хотите, чтобы они были тут, на нашей реке?» — «Кто, японцы или эти из Сан-Диего?» — «Будешь рисковать жизнью ни за понюшку». — «Какие-то поганые крейсеры устанавливают для меня границы». Доводы громоздились на доводы. Кто-то уже размахивал руками под носом у соседа, ругательства сыпались даже возле Кармен. Кэтрин держала Стива за рубашку, что-то ему доказывая... Мне казалось, что мы разделились поровну и ни одна сторона не выиграет голосования. Но потом стало понятно: сторонники борьбы в худшем положении. Старик, Джон Николен, Док Коста и Кармен были против борьбы, и это решало исход дела. Рафаэля, Рекавери и старого Мендеса тоже уважают, но не так, как этих четверых. Джон и Док ходили по бане, спорили, исподволь договаривались с отцом и Мануэлем, Кэтрин и миссис Мариани — я видел, куда склоняется общее мнение.

В разгар споров Чудила Роджер вскочил и нелепо замахал руками, будто понимал, о чем разговор. Он громко визжал, и Кэтрин скривилась.

— Его счастье, что он родился не в нашей долине, — пробормотала она себе под нос. — Здесь бы ему имени не дали.

Многие тоже сердились, что Том привел Роджера. Однако он вдруг заговорил членораздельно, тонким визгливым голосом:

— Убейте всех мусорщиков на этой земле, убейте! Мусорщики отравляют воду, ломают силки, едят мертвых! Если не вырезать нарыв, погибнет все тело! Убейте их, говорю я, убейте, убейте!

— Ладно, Роджер, — сказал Том, беря его за руку и отводя в угол. Потом, вернувшись к огню, закричал нетерпеливо: — Хватит болтать! Никто не говорит ничего нового! Предлагаю голосовать. Возражения есть?

Возражений было много, но наконец, попрепивавшись из-за формулировки, мы приступили к голосованию.

— Кто за то, чтобы примкнуть к Сан-Диего и американскому сопротивлению для борьбы с японцами, поднимите руки.

Рафаэль, Симпсоны, Мендесы, Марвин и Джо Хэмиши, Стив, Мандо, Нат Эглофф, отец и я — мы подняли руки и помогли маленьким братьям и сестренкам Габби поднять свои. Шестнадцать человек.

— Кто против?

Том, Док Коста, Кармен, Мариани, Шенксы, Рейсы. Джон Николен прошел вдоль своих домашних и поднял руки Тедди, Эмили, Вирджинии и Джо, Кэрол и Джудит, и даже Мэри, словно она тоже ребенок — да по уму она им и была. Маленький Джо встал навытяжку и тянул руку, так что из-под измазанной соплями рубашонки показались животик и пиписка. Миссис Н. взглянула на рубашонку и вздохнула. «И этот туда же», — посетовал Рафаэль, но таковы были правила. Все проголосовали. Получилось двадцать три против. Однако между взрослыми выходило почти поровну, и, когда в напряженной тишине Кармен закончила считать, на многих лицах была написана злость. Ничего подобного в нашей долине прежде не случалось. Предвкушение драки раззадоривает, скажем, на толкучке, когда стоишь против компании мусорщиков, однако в долине, где все друзья и соседи, это ощущение не из приятных. Думаю, остальные чувствовали то же самое; никто не придумал, как загладить впечатление.

— Хорошо, — сказал Том. — Когда они появятся снова, я скажу Ли и Дженнингсу, что мы не станем им помогать.

— Одиночки вправе поступать, как захотят, — ни с того ни с сего заявил Эдисон Шенкс, словно провозглашал общий принцип.

— Разумеется, — сказал Том, с любопытством глядя на Эда. — Как всегда. Просто мы не заключаем союза.

— Меня это устраивает, — сказал Эд и ушел, уводя за собой Мелиссу.

— А меня не устраивает, — объявил Рафаэль, глядя на всех, но в особенности на Джона. — Это неправильно. Японцы задавили нас, понимаете? Остальной мир движется вперед, у них есть машины и лекарства для больных, и все остальное. Они уничтожили все, что у нас было, и теперь держат. Неправильно это. — Не помню, чтобы он говорил с такой горечью, даже голос изменился. — Надо было выбрать борьбу.

— Ты хочешь сказать, что поступишь наперекор общему решению? — спросил Джон.

Рафаэль взглянул на него сердито:

— Не тебе бы так говорить, Джон, ты меня знаешь. Я подчинюсь решению. Да и что бы я сделал один? Но я думаю, это ошибка. Мы не можем спрятаться в этой долине, как лисы в норе, — здесь, прямо напротив Каталины. — Шумно втянул воздух, выдохнул. — Ладно, черт возьми. Вряд ли мы могли проголосовать иначе. — Повернулся и пошел между сидящими к двери.

Собрание закончилось. Мы со Стивом и Габби тоже пошли к выходу. Стив изо всех сил старался не пройти близко к отцу. Во всей этой кутерьме мы заметили, что Дел машет нам рукой. Я кивнул Мандо и Кэтрин, и мы вышли наружу.

Вдоль реки шли молча, за чьим-то фонарем. Через мост, к большим валунам у нижнего края ячменного поля. Валуны были мокрые, не сядешь. Ветер качал деревья, после бани было холодно, у меня мурашки побежали по телу. В темноте едва угадывались силуэты стоящих на валунах ребят. За рекой между деревьями мелькали фонари, отмечая дорожки, по которым расходились соседи.

— Верите вы в этот треп? — горестно сказал Габби.

— Рафаэль прав, — зло произнес Николен. — Что подумают о нас в Сан-Диего и дальше, когда узнают?

— Теперь все позади, — сказала Кэтрин, стараясь его успокоить.

— Для тебя позади, — отозвался Николен. — Все вышло по-твоему. Но для нас...

— Для всех, — настаивала Кэтрин. — Позади для всех. Однако Стив не унимался.

— Ты хочешь, чтобы это было так, но это не так. Это никогда не будет позади.

— О чем ты? — сказала Кэтрин. — Мы проголосовали.

— И ты счастлива, — огрызнулся Стив.

— Я за сегодня наслушалась, — сказала Кэтрин. — Я иду домой.

— Ну и вали отсюда, скатертью дорожка, — сердито сказал Стив. Кэтрин, собравшаяся было прыгнуть с валуна, уставилась на него. В эту секунду мне не хотелось бы оказаться в его шкуре. Без единого слова она прыгнула и зашагала к мосту. — Не ты командуешь этой долиной! — крикнул вдогонку Стив хриплым от напряжения голосом. — И мной тоже! И никогда не будешь! — Он прыгнул с валуна в ячмень. Кэтрин уже подходила к мосту.

— Не знаю, чего она сегодня так вызверилась, — жалобно сказал Стив.

После долгого молчания Мандо проговорил:

— Надо было голосовать «за».

Дел гоготнул:

— Мы и голосовали. Только нас оказалось мало.

— Я хотел сказать, всем надо было голосовать «за».

— Надо было примкнуть к сопротивлению, — крикнул Николен из ячменя.

— И что теперь? — спросил Габби. Он всегда готов подначить Николена. — Что ты теперь будешь делать?

За рекой тявкнула собака. На секунду в просвет между облаками выглянула луна. Позади шелестел ячмень, я дрожал на холодном ветру, в темноте качались силуэты деревьев, и мне вдруг припомнилось, как я шел по расселине искать Тома и остальных. Вернулся страх, он был вокруг меня, как и ветер. Страх так легко забывается. Стив расхаживал среди валунов, словно попавший в ловчую яму волк. Он сказал:

— Мы должны сами примкнуть к сопротивлению.

— Что? — с жаром откликнулся Габби.

— Мы одни. Слышали, что Эд сказал под конец? Одиночки вправе поступать, как захотят. И Том согласился. Мы можем подойти к ним после того, как Том передаст им ответ. И сказать, что мы хотим помогать. Мы одни.

— Но как? — спросил Мандо.

— Какой помощи они от нас хотят? Никто не смог сказать, но я знаю. Вести их через округ Ориндж, вот что. Мы можем сделать это лучше, чем кто другой в Онофре.

— Вот уж не знал, — заметил Дел.

— По крайней мере не хуже других! — поправился Стив, вспомнив, что его отец и еще кое-кто из соседей подолгу бывали на севере. — Так почему бы нет?

Я осторожно вставил:

— Может, лучше подчиниться общему решению?

— Какого черта! — яростно выкрикнул Стив. — Что с тобой, Генри? Японцев испугался? Съездил в Сан-Диего и теперь учишь нас, что нам делать, да?

— Нет! — громко возразил я.

— Испугался, когда в своем великом путешествии увидел их вблизи?

— Нет. — Я не думал, что Стив впадет в такую ярость, и теперь от растерянности не мог даже защищаться. — Я хочу сражаться, — добавил я неуверенно. — Я и на собрании так говорил.

— Далось тебе это собрание. Ты с нами или нет?

— С вами, — сказал я. — Я и не отказывался!

— Ну?

— Ну... действительно, можно спросить Дженнингса, нужны ли им провожатые. Я об этом не подумал.

— А я — подумал, — сказал Стив. — Так и поступим.

— После того, как они поговорят с Томом, — уточнил Габби, подбивая Стива продолжать.

— Верно. После. Мы с Генри пойдем к ним. Верно, Генри?

— Конечно, — сказал я, вздрагивая от его голоса, как от тычка в бок. — Конечно.

— Я — за, — сказал Дел.

— Я тоже! — закричал Мандо. — Я тоже хочу. Я бывал в округе Ориндж не меньше вашего.

— Ты с нами, — успокоил его Стив.

— И я, — сказал Габби.

— А ты, Генри? — наседал Стив. — Ты с нами?

Мы были одни, только качались на ветру призрачные деревья. Луна скользнула в просвет между облаками, и я увидел нечеткие лица друзей, белые, как булки на противне.

Все смотрели на меня. Мы положили правые руки на средний валун, наши мозолистые пальцы переплелись.

— С вами, — сказал я.

Глава 13

В следующий раз, увидев старика, я высказал ему все, что о нем думаю. Прими он сторону сопротивления, голоса могли бы разделиться иначе. А если бы долина проголосовала «за», Стив не придумал бы помогать жителям Сан-Диего тайно и я бы не влип в эту историю. А поскольку не хотелось думать, что я пошел у Стива на поводу, я решил, что придумал он замечательно. Так что отчасти виноват был старик. Плохо, конечно, что мы будем помогать сопротивлению украдкой, по-воровски, но ведь мы должны ему помочь. Я отчетливо помнил свои слезы на железной палубе японского корабля, когда думал, что Том и остальные погибли, и свою клятву сражаться с японцами по гроб жизни. И не их заслуга, что Том остался в живых. Все это я Тому высказал.

— И так будет всякий раз, как мы выйдем в море, — заключил я, тыча пальцем ему в лицо.

— Ты хочешь сказать, всякий раз, как мы выйдем в море в туманную ночь и станем палить по ним из ружей, — сказал старик, причмокивая сотами, которые жевал.

Мы стояли во дворе, обливаясь потом под высоким, затянутым облаками небом, и он вытапливал рамки из неудачного улья. Перед нами на земле были разбросаны дымокуры и рамки.

— Сойки, что ли, склевали пчел из этого улья, — бормотал Том. — Одна вредная сойка съедает за один присест десяток пчел. Я тут поставил одну из Рафаэлевых мышеловок на жердочку, куда она садится, и ей-таки хвост прищемило. Ору-то было, ору. Ругала она меня на всех соичьих языках.

— Черт, — сказал я, вытаскивая у него изо рта концы седых волос, пока он их тоже не сжевал. — Сколько себя помню, ты твердишь нам про Америку, какая она была великая. Теперь нам представился случай за нее сразиться, а ты идешь на попятный. Не понимаю. Это против всего, чему ты нас учил.

— А вот и нет. Америка была великой в том смысле, в каком велик кит, понимаешь?

— Нет.

— Ты сильно поглупел в последнее время, знаешь? Я говорю, Америка была огромной великаншей. Она плыла по морю и заглатывала страны помельче — втягивала их по дороге. Мы пожирали мир, парень, и потому мир восстал и положил нам конец. Так что я себе не противоречу. Америка была великой, как кит — огромной и сильной, но она смердела и она была убийцей. Много мелкой рыбешки погибло, чтобы она стала великой. Разве я не этому тебя учил?

— Нет!

— Врешь! А как насчет моих споров с Доком, Леонардом и Джорджем на толкучках?

— Это другое дело, там ты просто подкалывал Дока и Леонарда. А дома ты всегда внушал нам, что Америка была просто рай небесный. К тому же Рафаэль правильно говорит, здесь и сейчас мы задавлены. Мы должны сражаться, Том, и ты это знаешь.

Он покачал головой и втянул щеку, а поскольку зубов у него почти не было, мне с моего места казалось, что у него только половина лица.

— Кармен, как всегда, попала в самую точку. Ты ее слушал? Наверняка нет. Она говорила, убивая безответных туристов, мы ничего по сути не изменим. Каталина останется японской, спутники будут по-прежнему наблюдать за нами с неба, мы как были в изоляции, так и останемся. Даже туристов не отвадим. Просто они станут приезжать вооруженными и скорее причинят нам вред.

— Если японцы и впрямь стараются никого сюда не впускать, мы сможем перебить всех, кто к нам полезет.

— Может быть, но суть от этого не изменится.

— Это только начало. Самое большее, что мы можем сделать сейчас, а начинают всегда с малого. Да если бы ты жил во время Революции, ты бы тоже отговаривал начинать. Сказал бы: «Что толку убить нескольких солдат, если это не меняет сути?»

— Нет, не сказал бы, потому что суть была иной. Теперь же нас не оккупировали, нас изолировали. Примкнуть к Сан-Диего в этой войне — значит просто подчиниться Сан-Диего. Док прав, как и Кармен.

Я подумал, что подцепил его, и сказал:

— Но в Революцию можно было сказать то же самое. Пенсильванцы или кто там еще могли объявить, что примкнуть к повстанцам — значит подчиниться Нью-Йорку. Но они были одной страной и сражались вместе.

— Это ложное сравнение, как все исторические аналогии. Если я учил тебя истории, это еще не значит, что ты ее понимаешь. В Революцию у британцев были люди и ружья, и у нас люди и ружья. Сейчас у нас тоже люди и ружья, как в 1776 году, а у противника спутники, межконтинентальные ракеты, корабли, которые могут обстрелять нас с Гавайев, лазеры, атомные бомбы и еще Бог весть что. Подумай немного головой. Да скорее полевка победит тигра.

— Ладно, не знаю, — проворчал я, чувствуя, что он говорит дело.

Я пошел бродить между разобранных ульев, солнечных часов, кадок и мусора, чтобы придумать новые доводы. Под нами лоскутным одеялом расстилалась долина, золотились оброненные тряпицы полей, сверкали большие ярко-зеленые заплатки освещенного солнцем леса.

— Я все равно уверен, что революции начинаются с малого. Если бы ты проголосовал за сопротивление, мы бы что-нибудь придумали. А теперь я из-за тебя вляпался в историю.

— Как так? — спросил он, поднимая лицо от рамки.

Я понял, что наговорил лишнего.

— Ну, понимаешь, — пробормотал я и вдруг нашелся: — Раз мы не будем помогать сопротивлению, значит, из нашей компании никто, кроме меня, Сан-Диего не увидит. Стив, Габби и Дел обижены.

— Со временем они тоже увидят, — сказал Том.

Я с облегчением вздохнул, радуясь, что выпутался. Однако мне было неприятно, что теперь придется от него скрывать; я понял, что с этого дня должен буду все время врать. Я опять подошел поближе и, смущенно сколупывая с пяток грязь, стал смотреть, как он работает. Я понимал, что против его доводов не попрешь, хотя по-прежнему считал выводы неверными. Уж очень мне хотелось считать их неверными.

— Уроки выучил? — спросил он. — Кроме истории Соединенных Штатов?

- Часть выучил.
- Ты становишься вроде Николена.
- Не становлюсь.
- Ладно, послушаем. «Я узнаю вас. Где король?»

Я мысленно представил нужное место, и на расплывчатом сером поле появилась желтая потрепанная страница с черными закорючками, которые столько значат. Я начал читать строки, как их видел:

С разбушевавшейся стихией спорит.
Он просит ветер землю в море сдуть
Иль затопить курчавых волн напором,
Чтоб изменилось иль погибло все;

Седины рвет свои, что в буйном гневе,
Без уваженья, вихри раздувают;
И с малым человечьим миром хочет
Спор меж дождем и ветром переспорить.
В такую ночь не выйдет за добычей
Медведица с иссохшими сосцами.
Лев, тощий волк сухого места ищут,
А он, с открытой головой, блуждает
И как бы ждет конца.

— Отлично! — воскликнул Том. — Точь-в-точь как тогда мы. «Разящий гром, расплющи шар земной, разбей природы форму, уничтожь людей неблагодарных семя!»

- Надо же, целых две строчки запомнил! — сказал я.
- Цыц. Послушай вот это:

Предайтесь скорби, с чувствами не споря.
Всех больше старец видел в жизни горя.
Нам, младшим, не придется, может быть,
Ни столько видеть, ни так долго жить.*

- Нам, младшим? — поддразнил я.

— Цыц! Острей зубов змеиных, верно, детей неблагодарность! Впрочем, и впрямь всех больше старец видел в жизни горя. — Он потрянул головой. — Но слушай, неблагодарный, я задал тебе эти строки, чтобы ты вспомнил наш обратный путь в бурю. Судя по тому, как ты ведешь себя после возвращения, ты уже забыл...

- Нет, не забыл.

---

* У. Шекспир. «Король Лир», перевод Т. Щепкиной-Куперник.

— Или не сумел поверить, или не сумел жить с этим. Но это случилось с тобой.

— Знаю.

Темно-карие глаза глядели на меня строго. Том сказал тихо:

— Ты знаешь, что это произошло. Теперь ты должен начинать свою жизнь с этой страницы. Должен усвоить урок, а иначе это все — впустую.

Я не понял, но он уже вскочил и принялся отдирать от коленей воск.

— Я слышал, твои друзья собираются читать книгу, которую мы с тобой привезли, у Мариани в пекарне. Почему ты не с ними?

— Чего? — заорал я. — Почему ты мне раньше не сказал?

— Они не собирались начинать, пока не вынут хлеб. К тому же было время урока.

— Так хлеб они вынули в начале вечера! — сказал я.

— А сейчас разве не начало вечера? — спросил он, поглядывая на небо.

— Я пошел, — сказал я, хватая с рамки у него за спиной кусок сот.

— Эй!

— До скорого!

Я припустил бегом по гребню, через лес по одному мне известному короткому пути, через картофельные грядки Мариани. Все наши сидели на траве между рекой и пекарней: Стив, Кэтрин, Кристин, миссис Мариани, Ребл, Мандо, Рафаэль и Кармен. Стив читал, остальные едва взглянули на меня, когда я сел, отдуваясь, как собака.

— Он в России, — прошептал Мандо.

— Ну и ну! — сказал я. — Как он туда попал?

Стив не поднял глаз от страницы, но продолжал читать:

В первые годы после войны русские, желая показать, что не имеют отношения к бомбардировке, заигрывали с ООН. В частности, передали ей списки американцев в России, и с тех пор ООН строго следит, где мы и что с нами. Не будь этого, я бы не

говорил по-английски. Мы бы ассимилировались. Или нас бы убили.

Голос, которым Джонсон это произнес, заставил меня пристальнее взглянуть в наших закутанных, безобидных с виду попутчиков. В купе было тесно. Кто-то из советских, слыша чужую речь, украдкой взглянул на нас, остальные спали, привалившись к стенке, или тупо пялились к окну. Густой табачный дым почти заглушал остальные запахи — пота, сыра, водочного перегара. За окошком серые окраины Владивостока сменились бесконечными сопками. Поезд катил быстро, в час мы проезжали несколько десятков миль, однако Джонсон заверил меня, что путешествие растянется на много дней.

До того как пройти на глазах у железнодорожной охраны, мы едва обменялись рукопожатиями. Теперь я спросил, где он живет, как тут оказался и чем занимается.

— Я — метеоролог, — сказал Джонсон и, поймав мой недоуменный взгляд, объяснил: — Изучаю погоду. Вернее, изучал. Теперь гляжу на экран доплеровского локатора, который прежде предсказывал погоду и давал штормовые предупреждения. Один из последних плодов американской науки. Теперь они устарели и играют вспомогательную роль.

Я, конечно, заинтересовался и попросил рассказать, отчего в Калифорнии после войны так похолодало. Мы ехали уже несколько часов, сгущающие лица советских нагоняли тоску, и Джонсон с радостью ухватился за возможность поговорить на близкую ему тему.

— Вопрос сложный. Все согласны, что климат в мире изменила война, однако о том, как именно это произошло, спорят до сих пор. Предположительно в тот день в 1984 году на территории США взорвались три тысячи нейтронных бомб. К счастью для вас, образовалось не так много долгоживущих изотопов, но в стратосфере — верхнем атмосферном слое — возникло сильное завихрение.

Видимо, в результате нарушилось струйное течение. Вы знаете, что такое струйное течение?

Я сказал, что не знаю.

— Впрочем, я ходил под парусом и знаю про морские течения.

Он покачал головой.

— В верхних слоях атмосферы постоянно дуют сильные ветры. Целые реки воздуха. В Северном полушарии струйные течения направлены с запада на восток, но, огибая земной шар, они поворачивают четыре или пять раз за один оборот. — Он сжал кулак и пальцем другой руки показал, как направлено течение. — Разумеется, раз от разу оно немного меняется, но до войны была одна четкая точка поворота над Скалистыми горами. Здесь струйное течение неизменно поворачивало к северу, а затем опять к югу через Соединенные Штаты. — Он указал на костяшку безымянного пальца, которая стала Скалистыми горами. — После войны этой поворотной точки не стало. Струйное течение гуляет теперь как ему вздумается — иногда прямо из Аляски в Мексику, вот почему у вас в Калифорнии порой случаются арктические холода.

— Вот оно что, — сказал я.

— Это одна из причин, — уточнил Джонсон. — Погода — такая сложная система, что нельзя выбрать одну причину и сказать — вот оно что. Струйное течение гуляет как попало, но изменилась и система тропических штормов. Что повлияло на что? Никто не знает. Например, тихоокеанская область высокого давления — это касается вас в Южной Калифорнии — располагалась у западного побережья Северной Америки и была очень стабильной. Летом она сдвигалась к северу и отклоняла к северу же струйное течение, а зимой смещалась ниже Калифорнийского залива. Теперь она больше не сдвигается к северу и не защищает вас. Это — другой важный фактор, но является он причиной или следствием? Взрывы и пожары привели к выбросу в стратосферу пыли, из-за чего климат в мире стал холоднее примерно на два градуса. На Сьерра-Невада и в Скалистых горах

образовались нетающие ледяные шапки, которые отражают солнечные лучи, что ведет к еще большему похолоданию... И тихоокеанские течения отклонились... многое изменилось.

На лице Джонсона была написана странная смесь грусти и восхищения.

— Похоже, в Калифорнии погода изменилась сильнее всего, — сказал я.

— Ну нет, — возразил Джонсон. — Ничуть. Спору нет, Калифорнию затронуло сильно — как если бы она переехала на пятнадцать градусов к северу, но многие другие части мира пострадали не меньше, если не больше. Ливни в Северном Чили! Они смывают весь песок с Анд в море. В Европе тропическая жара летом, засухи в сезон дождей — можно продолжать до бесконечности. Это причинило людям больше страданий, чем вы можете вообразить.

— Сомневаюсь.

— Ах да, конечно. Так вот, не только серая Советская империя сделала послевоенный мир таким невеселым местом, но и в значительной мере климат. К счастью, и сама Россия не осталась незатронутой.

— Как так?

Он покачал головой и разъяснять не стал.

Через два дня — несмотря на скорость, мы еще не выехали из Сибири — я понял, что он имел в виду. Все утро мы провели в коридорчике вагона, показывали наши проездные документы трем бдительным проводникам. У тех никак не укладывалось в голове, что я ни слова не говорю по-русски, и я напропалую лопотал им что-то по-японски и будто бы по-японски, силясь внушить, что я, как записано в документах, на самом деле из Токио, и надеясь, что они не догадаются, как это маловероятно. К счастью, документы были подлинные, и нас наконец оставили в покое.

Джонсона так разозлила проверка, что ему не хотелось возвращаться в купе.

— Это кто-то из попутчиков стукнул проводникам, что мы говорим на иностранном языке. Вот

вам Советы как на ладони. Давайте немного постоим здесь. Не могу идти в эту вонь.

Мы еще стояли в коридоре и смотрели в окно, когда поезд остановился посреди бескрайней сибирской тайги. Нигде не было видно никакого жилья. Сколько хватал глаз, во все стороны расходились сопки, мы были на холмистой зеленой равнине под низким синим полушарием с еще более низкими облаками. Я перестал рассказывать про Калифорнию (Джонсон выпрашивал меня про нее вновь и вновь) и высунулся в окно, чтобы взглянуть на голову поезда. На западе низкие тучи превратились в сплошную черную полосу. Едва Джонсон это увидел, он со словами «держите меня за ноги» высунулся в окошко по пояс. Когда он вынырнул обратно, его обычно строгое лицо кривилось в усмешке. Он прошептал мне в самое ухо:

— Торнадо.

Через несколько минут в вагон вошли проводники и велели всем выйти из поезда.

— Много толку, — объявил Джонсон. — Я бы даже предпочел остаться внутри.

Но мы все-таки присоединились к толпе у выхода.

— Зачем тогда нас выгоняют? — спросил я, не спуская глаз с черной полосы на западе.

— Да раз целый поезд подняло в воздух и понесло. Все пассажиры погибли. Но, стой они рядом с поездом, было б то же самое.

Мне стало неудобно.

— Значит, здесь часто бывают торнадо?

Джонсон с мрачным удовлетворением кивнул:

— Это те климатические изменения в России, которые я упоминал. Теперь у них теплее, зато они получили торнадо. До войны девяносто пять процентов торнадо приходилось на Соединенные Штаты.

— Не знал.

— Это так. Они происходили в результате совпадения местных погодных условий и некоторых особенностей в географии Скалистых гор, Великих равнин и Мексиканского залива — по крайней

мере так предполагалось, поскольку торнадо были одной из географических загадок. И вот теперь они часты в России.

Попутчики смотрели на нас, и Джонсон подождал, пока мы выйдем из поезда. Потом продолжил:

— Торнадо здесь большие. Как сама Сибирь. Они стерли с лица земли несколько городов.

Проводники согнали нас на поляну возле путей, в самом хвосте поезда. Черные тучи затянули небо, холодный ветер ревел в древесных кронах. Он с каждой минутой усиливался, листья и ветки летели над нами почти горизонтально, и мы, отойдя от остальных пассажиров всего на пару шагов, могли говорить, не опасаясь быть подслушанными. Мы и друг друга-то едва слышали.

— Я так думаю, Карымское прямо впереди, — сказал Джонсон. — Надеюсь, что торнадо его заденет.

— Надеетесь, что заденет? — удивленно переспросил я, думая, что ослышался. Сказать по правде, Джонсон не очень чисто говорил по-английски.

— Да, — процедил он, приблизив ко мне лицо. В зеленоватых сумерках оно вдруг сделалось яростным, фанатичным. — Это возмездие, разве не понимаете? Земля мстит России.

— Но я думал, бомбы к нам привезли юаровцы.

— Юаровцы! — Он сердито схватил меня за руку. — Не будьте наивным! Где бы они раздобыли бомбы? Три тысячи нейтронных бомб? ЮАР, Аргентина, Вьетнам, Иран — не важно, кто привез их в Соединенные Штаты и взорвал. Не знаю, выясним ли мы это когда-нибудь — может, они сделали это сообща, — но изготовила бомбы Россия, Россия подготовила взрыв, и Россия больше всех от него выиграла. Весь мир это знает и знает о здешних чудовищных торнадо. Это возмездие, я вам говорю! Взгляните на их лица! Они все знают, все до единого. Это мщение Земли. Смотрите! Вот оно!

Я взглянул, куда он показывал, и увидел, что в одном месте на западе от туч к земле уходит широкий, крутящийся облачный столб. Ветер ревел

вокруг, рвал мои волосы, и все же я различал низкий глухой звук, дрожание земли, словно по дальним рельсам мчится поезд во много раз больше нашего.

— На нас движется! — крикнул Джонсон в самое ухо. — Глядите, какой столб!

Его бородатое лицо светилось религиозным экстазом.

Торнадо уже вытянулся в черную колонну и яростно вращался внутри себя. От него во множестве разлетались целые древесные стволы. Гул нарастал; часть русских на поляне бросились ничком, другие упали на колени и молились, поднимая к черному небу перекошенные ужасом лица. Джонсон грозил им кулаком, лицо его было искажено, он что-то выкрикивал, но ветер заглушал слова. Смерч, похоже, прошел через Карымское, потому что стволы сменились обломками домов, мгновенно обращенными в щебень. Джонсон приплясывал, сгибаясь навстречу ветру.

Я безотрывно смотрел на эту невообразимую бурю. Она двигалась слева направо впереди нас, приближаясь. Вращающаяся колонна была черной, словно башня из угля. Основание башни порой отрывалось от земли, оно коснулось сопки за разрушенным городом, смело с нее деревья, взвилось чуть не к черным тучам, снова протянулось до земли, двинулось дальше. К моему огромному облегчению, стало ясно, что оно разминется с нами мили на три-четыре. Когда я это понял, мне отчасти передалось странное воодушевление Джонсона. Только что на моих глазах разрушило город. Но Советский Союз виновен в разрушении моей страны, он разрушил тысячи городов — так говорил Джонсон, и я ему верил. Это превращало бурю в возмездие, справедливую кару. Я кричал во всю глотку, чувствовал, как голос вырывается из рта и уносится ветром, кричал снова. Я и не знал, что так обрадуюсь удару, нанесенному врагам моей страны, — что так в нем нуждаюсь. Джонсон колотил меня по плечу и утирал слезы. Мы, преодолевая сопротивление ветра, пробились с опушки в

лес, где могли орать, и указывать пальцами, и смеяться, и пинать деревья, плакать и выкрикивать ругательства слишком страшные для слуха, жалобы слишком ужасные для мысли. Наша страна мертва, и бедный изгнанник — мой провожатый — страдал из-за этого не меньше меня. Я обнял его за плечи и понял, что обнимаю брата, соотечественника.

— Да, — повторял он снова и снова. — Да, да, да.

Через двадцать минут торнадо вновь оторвался от земли и теперь окончательно втянулся в тучи. Мы остались на холодном ветру приходить в себя. Джонсон вытер глаза.

— Надеюсь, пути не сильно разрушены, — сказал он со своим слегка гортанным выговором. — Иначе мы застрянем тут на неделю.

На книгу упала тень, Стив перестал читать. Мы подняли глаза. Перед нами, руки в боки, стоял Джон Николен.

— Пошли, поможешь мне починить сломанный киль, — сказал он Стиву.

По глазам Стива я видел, что он все еще затерян в сибирских лесах. Он сказал:

— Я не могу, я читаю...

Джон выхватил книгу у него из рук и с шумом захлопнул. Стив вскочил, потом опомнился. Они глядели друг на друга в упор. Стив наливался краской. Я еще не очухался, и у меня перехватило дыхание.

— Когда мне не нужна твоя помощь, можешь тратить время на какие угодно глупости. Но когда нужна, изволь помогать. Понял?

— Да, — сказал Стив. Теперь он глядел вниз, на книгу. Наклонился поднять ее, и Джон пошел прочь. Стив, избегая наших взглядов, разглядывал книгу, не испачкалась ли. Мне захотелось оказаться где-нибудь в другом месте. Я знал, как тяжело переживает Стив подобные сцены на людях. А здесь были Кэтрин, Мандо, мать и сестра Кэтрин, другие люди... Я глядел на удаляющуюся широкую спину Джона и мысленно осыпал его

ругательствами. Стив ничем не заслужил таких прилюдных выволочек. Это бессмысленная жестокость — и никакое прошлое ее не оправдывает. Я порадовался, что мне он не отец.

— На сегодня чтение окончено, — сказал Стив шутливым (или почти шутливым) тоном. — Но как вам понравился торнадо, а?

— Мне все равно пора идти ужинать, — сказал Мандо. — Но ужасно хочется знать, что дальше.

— Мы тебя обязательно позовем, — сказала Кэтрин, когда стало ясно, что Стив не ответит. Мандо попрощался с Кристин и пошел к мосту. Кэтрин встала.

— Пойду приглажу за лепешками, — сказала она, нагнулась и поцеловала Стива в макушку. — Не вешай нос, всем иногда приходится работать.

Стив сердито глянул на нее и не ответил. Остальные ушли с Кэтрин, я встал:

— Ну, мне тоже пора.

— Ага. Слушай, Хэнк, ты ведь встречаешься с Мелис-сой, а?

— Время от времени.

Он взглянул на меня пристально:

— Готов поспорить, ты своего не упускаешь.

Я пожал плечами и кивнул.

— Дело такое, — продолжал он. — Если мы предложим ребятам из Сан-Диего провести их в округ Ориндж, мало знать, как идти по автостраде на север. Это любой дурак догадается. Если мы не предложим ничего больше, нас могут с собой и не взять. Другое дело, если мы узнаем, где и когда должны высадиться японцы — тут-то нас точно возьмут.

— Может быть.

— Что значит «может быть»? Точно!

— Ладно, так что с того?

— Ну, раз ты дружишь с Мелиссой, может, спросишь Эдисона, не поможет ли он с этим?

— Да ты что? Я Эда почти не знаю. И чего он там делает в округе Ориндж — нас не касается. Его никто никогда не спрашивает.

— Нам бы это очень помогло, — сказал Стив, в отчаянии глядя себе под ноги.

Я никогда не слышал, чтобы он так говорил. Некоторое время мы оба глядели в землю. Стив потерял книгу о штаны.

— За спрос денег не берут, ведь так? — сказал он просительно. — Не захочет нам ничего говорить, так и не скажет.

— Ага, — с сомнением отвечал я.

— Попробуй, а? — Он по-прежнему не глядел мне в глаза. — Я правда хочу сделать что-нибудь на севере — отомстить, понимаешь?

Я подумал, интересно, кому он на самом деле хочет отомстить — японцам или отцу? Он стоял, глядя в землю, хмурый, пришибленный, еще не оправившийся после взбучки. Мне было жалко его ужасно.

— Я спрошу Эда и посмотрю, что он скажет, — произнес я, не скрывая своей неохоты.

Он сделал вид, что не замечает моего тона.

— Отлично! — Коротко улыбнулся мне. — Если он что-то нам скажет, нас точно возьмут в провожатые.

Я не привык, чтобы он меня благодарил, и мне сделалось неуютно. Прежде мы все делали по-дружески — даже по-братски — и не считались, кто кому чем помог. Прежде... Да, все теперь изменилось, и разбитого не склеить. Если раньше я не соглашался с ним, не велика важность — мы спорили, и, кто бы ни побеждал, это не было вызовом его главенству. Теперь, если я спорил с ним в компании, Стив впадал в ярость. Оспорить его значило оспорить его право на лидерство, и все потому, что я побывал в Сан-Диего, а он — нет. Я уже начал жалеть о своем путешествии.

И вот, в довершение неприятностей, именно я дружу с Мелиссой и Эдисоном Шенксами, так что Стив вынужден, когда ему меньше всего этого хочется, просить меня о помощи, а самому оставаться на вторых ролях, да еще и благодарить за услугу! А я... я не мог поспорить с ним, не рискуя растерять нашу дружбу, должен был соглашаться со всеми его планами, даже с теми, которые мне не по душе, а теперь еще и делать по его просьбе то, что он хотел бы сделать сам, но что мне решительно не по вкусу. События... я больше не мог влиять на события. (Или так мне казалось. Мы часто лжем себе.)

Все это сделалось мне ясным в единой вспышке озарения — в одну из тех минут, когда множество виденного, но непонятого, например чьи-то поступки, складывается воедино и обретает смысл. В то лето такие озарения находили на меня все чаще и чаще и все равно каждый раз ошеломяли. Я сморгнул и, быстро соображая, взглянул на Стива:

— Слушай, тебе пора идти к отцу.

— Да, да, — сказал он, снова сникая. — Назад в рабство. Ладно, до скорого, старина.

— До скорого, — ответил я и пошел вдоль реки. Только у самого дома я понял, что ничего не видел по дороге.

Глава 14

Как-то ясным вечером я сидел у отца на огороде, любовался чистым небом и переходящими оттенками синевы, когда на гребне зажегся костер. Костер у Тома, мерцающий в сумерках, ярко-желтый. Я сунул голову в дверь, сказал отцу, что пошел к Тому, и был таков. Напрямки через лес, а вокруг вскрикивали ночные птицы. В темноте тропинки было почти не видеть, но я чувствовал ее ногами, угадывал по очертаниям теней и, хотя голоса деревьев не подсказывали мне дорогу, почти бежал. В просветах между ветвями маняще вспыхивал костер.

На гребне я столкнулся с Рафаэлем, Эдисоном и Мелиссой, соседями Тома по Бэзилонскому холму. Они стояли на дорожке и пили из кувшина вино. К Тому на огонек всегда собирается много народу. Стив, Эмили и Тедди Николены были уже во дворе и бросали в огонь смолистые сосновые ветки. Том, смеясь и кашляя, вышел из дома вместе с Мандо и Рекавери. Младшие Симпсоны прятались среди мусора во дворе, стараясь друг друга напугать. «Ребл! Деливранс! Чарити! А ну марш оттуда!» — крикнул Рекавери. Я улыбнулся. Отрадное зрелище — Томов костер на вечернем холме. Мы поздоровались и расставили пеньки и стулья подальше от огня. Появились Джон и миссис Николен с бутылкой рома и большим куском завернутого в бумагу масла. Их

приветствовали радостными возгласами. К тому времени как появились Кармен, Нат и Мариани, веселье было в самом разгаре. Никто, конечно, не упоминал о собрании, но, глядя вокруг, я не мог не вспомнить о нем. Вечеринка явно была задумана как своего рода противоядие. Мне стало совестно, что наша компания наплевала на общее решение, и хотелось забыть об этом, но Стив все время кивал в сторону Мелиссы, поторапливая заняться Шенксами.

Мелисса ворковала с сестрами Мариани, поэтому я взял чашку, в которой дымился горячий ром с маслом, сел у огня и стал осторожно отхлебывать, глядя, как шипят в огне капельки смолы. Мандо, развлекаясь, прилаживал над огнем треножки из веток (этой забаве он научился от меня). Огонь убаюкивал сознание, успокаивал. Странно: ничто иное так не притягивает взгляд. Мимолетные желтые языки вставали над полешками — что они такое? Я спросил Тома, но в ответ услышал самое жалкое объяснение. Все сводилось к тому, что, если вещь сильно нагреть, она сгорит, а горение — это превращение дерева в пепел и дым посредством огня. Рафаэль, выслушав Тома, чуть не подавился ромом от смеха.

— Ну, объяснил! — хохотал я, увертываясь от Томовых ударов. — Так плохо ты еще ничего не объяснял.

— Ка-как насчет молний? — спросил Рафаэль.

— А насчет того, почему дельфины теплокровные? — подбавил Стив. Том отмахнулся от нас, словно от комаров, и пошел за новой порцией рома, а мы продолжали смеяться.

Но Том знал, почему огонь приковывает мысли и взгляд, или мне так казалось. Раз я предположил, что огонь похож на сознание — мысли вспыхивают, как язычки пламени, питаюсь, видимо, топливом нашего тела. Том кивнул, но сказал — нет, наоборот. Скорее сознание похоже на огонь, хотя бы вот в каком смысле: миллионы лет люди жили еще беднее, чем мы сейчас. На самой грани выживания, многие миллионы лет. Том божился, что именно так долго, и требовал, чтобы я вообразил все эти поколения, а я, конечно, не мог. То есть не мог представить. Так вот, поначалу человечество

видело огонь только в молниях и в лесных пожарах, и они прожгли дорожку от глаз к мозгу.

— И тогда Прометей научил нас управлять огнем, — сказал Том.

— Кто такой Прометей?

— Прометеем называется часть мозга, которая хранит знание об огне. У мозга есть бугры, вроде шишек или древесных наростов, где копят знания об определенных вещах. Так вот, созерцание огня вызвало рост той самой шишки, которую называли Прометеем, и дикие люди получили власть над огнем.

Итак, продолжал он, бесчисленные поколения людей сидели и смотрели в огонь. Им было холодно, и огонь означал для них тепло. Они ели мясо через два дня на третий, и огонь означал для них пищу. Между глазом и Прометеем выросла дорожка из нервов вроде авто-страды, отчего огонь стал и притягивать, и завораживать. В последние столетия прежних времен человеческая цивилизация перестала зависеть от огня как такового. Однако в общей истории людского рода это не более чем миг — теперь миг кончился, а мы снова зачарованно глядим в огонь. Миг никак не затронул нервную дорожку, и картина пляшущих языков так же быстро, как на заре времен, пробегает по ней к спящему Прометею, пробуждая дремлющую старую шишку от задумчивости, от ярких утраченных грез.

— Расскажи нам историю, — попросила Ребл.

— Да, Том, расскажи, — подхватил Мандо.

Мы сидели полукругом возле огня, прихлебывали ром и задумчиво глядели на пламя, дети вскакивали бросить обратно в огонь отлетевшие сучья. Все согласилось, что Том должен рассказать историю. Он качнулся в кресле-качалке, которая всякий раз грозила опрокинуться на спинку, прочистил горло и проворчал, что у него нет сил. Мы терпеливо ждали, красные отблески плясали на наших лицах.

— Расскажи про Джонни-Сосновую шишку, — попросила Ребл. — Очень хочется послушать про него.

Я кивнул. Это была одна из моих любимых историй: как в последние секунды прежнего времени Джонни набрел на выпавшую из кузова «шевроле» атомную бомбу

и, по выражению Тома, бросился на нее, словно морской пехотинец на гранату, в надежде заслонить сограждан от взрыва, как он оказался в пузыре воздуха и уцелел в эпицентре взрыва, но пролетел многие мили и подвергся действию космических лучей, так что на землю он опустился, словно лист эвкалипта, полоумный, вроде Роджера, и к тому же бессмертный. И как он поднимался на горы Сан-Бернардино и Сан-Горгонио, собирал там сосновые шишки, спускался к морю и сажал их по берегам новых рек, «чтобы прикрыть зеленым плащом послевоенную наготу нашей бедной страны», и так вверх-вниз, вверх-вниз, долгие годы, пока деревья не выросли и не укутали землю, а Джонни сел под секвойей, которая росла быстрее бобового стебля из сказки, и уснул, и спит по сей день, ожидая, когда в нем снова возникнет нужда.

Отличная история, но остальные возразили, что Том рассказывал ее весной.

— У тебя что, всего три истории? — подначивал Стив. — Почему бы нам не послушать что-нибудь новое? Про прежние времена?

Том притворно нахмурился и кашлянул. Рафаэль и Рекавери поддержали Стива: «Расскажи про старое время». Я прихлебывал ром и глядел на старика. Интересно, расскажет или нет? Том сильно сдал в последнее время. Он взглянул на меня и, кажется, вспомнил наш спор после собрания. Когда я сказал, что он всегда расписывал нам величие Америки.

— Ладно, — объявил он. — Я расскажу вам о прежних временах, но, предупреждаю, никаких выдумок. Только то, что было.

Мы, довольные, поудобнее устроились на пеньках и облезлых стульях.

— Так вот, — начал он, — в прежние времена у меня был автомобиль. Клянусь. И в тот день, о котором пойдет речь, я ехал на машине из Нью-Йорка в Флагстафф. Это около недели, если ехать быстро. Я был уже близко к цели, на Сороковом шоссе в Нью-Мексико. Солнце садилось, надвигалась буря. Черные тучи набегали с океана, словно морские валы, надо мной и позади еще

голубело небо, вокруг расстилались необжитые земли — кустарник и две дорожные полосы, больше ничего. Призрачный край.

Первое, что я заметил, были два солнечных луча. Они пробились сквозь тучи. Вы сами видели, как это бывает, но те лучи были как маяки, они расходились веером справа и слева от меня, словно некое знамение. Только подумайте об этих лучах, они прошли вот на столько от земли — он расставил большой и указательный пальцы, — но не коснулись ее, а устремились дальше в бесконечность. Для меня это был знак.

Во-вторых, так случилось, что мой старенький «вольво», пыхтя, въехал на перевал, и я увидел табличку «Континентальный водораздел». Да, конечно, перевал через Скалистые горы. На обочине перед спуском голосовал человек.

В то время я был адвокатом и ценил свое одиночество. На целую неделю я был избавлен от необходимости говорить и радовался этому. Хотя у меня и был автомобиль, прежде мне случалось голосовать, и я помнил, как копится, складываясь из отдельных мелких разочарований, обида на все человечество. К тому же собирался дождь. Но мне не хотелось подбирать этого типа, и я ехал, глядя влево, чтобы не встречаться с ним глазами. Однако выходило, будто я трушу, и в последнюю секунду я все же взглянул на него. Поверьте: в ту секунду, как я его узнал, я нажал на тормоз и выскочил на гравий.

Этот человек на обочине был мной. Это был я сам.

— Врешь, — сказала Ребл.

— Не вру! Так бывало в прежние времена. Еще более странные вещи случались каждый день. Слушайте.

Так вот. Мы оба, и он, и я, это поняли. Мы были не просто похожи, вроде того, как друзья тебе о ком-то рассказывают, а встретишься, и оказывается — ничего общего. Это был я, каким, бреясь, видел себя в зеркале каждое утро. Он и одет был в мою старую ветровку.

Я вышел из машины, и мы уставились друг на друга.

— Кто ты? — спросил он. Я узнал свой голос, как он звучит в магнитофонной записи.

— Том Барнард, — сказал я.

— Я тоже, — сказал он.

Мы вытаращили глаза.

Как я уже говорил, я был тогда адвокатом и зимой работал в Нью-Йорке — хилый молодой человек с намекающимся брюшком. Другой Том Барнард явно работал руками: он был крупнее меня, ладный, крепкий, с бородкой на загорелом обветренном лице.

— Подбросить? — спросил я. Чего еще было говорить?

Он неуверенно кивнул, подобрал с обочины рюкзак и подошел к машине.

— Значит, «вольво» еще жив, — сказал он.

Мы залезли внутрь и теперь сидели бок о бок. Мне было настолько не по себе, что я не сразу смог тронуться с места. У него был шрам на руке, там, где я распорол ее, падая с дерева. Это было противоестественно. Тем не менее я повел машину по дороге.

Молчать было уж совсем неловко, и я заговорил. Без сомнения, он был тем же самым Томом Барнардом. Родился в тот же год от тех же родителей. Мы сравнили своей прошлое и нашли точку, в которой наши пути разошлись, или где мы разделились надвое. За пять лет до этого в сентябре я вернулся в Нью-Йорк, а он отправился на Аляску.

— Ты вернулся в контору? — спросил он.

Я вздрогнул и кивнул. Я помнил, что подумывал об Аляске, когда закончил работать в Совете навахо, но считал за благо вернуться в Нью-Йорк. В конце концов мы вычислили и время: утро, когда я выехал в Нью-Йорк и вел машину в ранней предрассветной свежести. Мне надо было съехать с эстакады на сороковое шоссе, и я не помнил, какой там поворот — просто влево или развязка петлей вправо; и пока я думал, оказалось, что я уже на автостраде и еду на восток. То же случилось с моим двойником, только он ехал на запад. «Я всегда знал, что эта машина — волшебная, — сказал он. — Их тоже две, только свою я продал в Сиэтле».

Ну вот, мы ехали, над нами бушевала буря, в стекла то и дело брызгали капли, ветер свистел вокруг автомобиля. Мы немного оправились от изумления и разговорились. Я рассказал ему, чем занимался последние

пять лет — главным образом адвокатской практикой, — а он качал головой, как будто я сумасшедший. Он рассказал мне, чем занимался сам, и это было здорово. Ловил рыбу на Аляске, картировал реки на Юконе, собирал звериные скелеты для природоохранной службы — трудная работа под открытым небом. Как смешили меня его забавные истории! От него я слышал свой смех, как слышат его другие, и оттого смеялся еще пуще. Ну и звук! Вам когда-нибудь приходило в голову, что другие видят вас так же, как вы их — набор выражений лица, привычек, поступков и слов, — что они никогда не видят ваших мыслей, не догадываются, какие вы на самом деле замечательные? Что вы для них такие же чужие, как они представляются вам? Так вот, в ту ночь я видел себя снаружи, а он и впрямь был смешной парень.

Но какую жизнь он вел! Я слушал, и мне делалось тошно. Он жил почти так, как мне хотелось бы, как мне мечталось зимой в маленькой нью-йоркской квартирке. Моя жизнь состояла из сидения в бетонных коробках и разговоров — моих и чужих. Так я жил. Но этот Том! Он сделал то, о чем я только мечтал. И он не знал, что будет с ним дальше, жизнь лежала перед ним как бегущая перед нами дорога. Я понял, почему люблю поездки по стране — потому что я оказываюсь вне города. Почему временами в Нью-Мексико мне хочется повернуть машину и ехать в Нью-Йорк, а там снова повернуть и снова поехать на запад, и так без конца, словно «вольво» — подвешенный к Северному полюсу маятник — да потому что я не хотел жить в городе. Я чувствовал пустоту, такую же, как порой в Нью-Йорке, когда гляделся в зеркальце для бритья, видел морщины под глазами и думал: если бы начать жизнь сначала, я бы прожил ее лучше.

Мне было так худо, что я даже спросил своего двойника: а что, если я только ему мерещусь? Это было бы похоже на правду. Он сделал смелый выбор, я — трусливый; разве не правдоподобно, что я — призрак, видение того, что с ним случилось бы, имей он глупость вернуться в Нью-Йорк?

— Не думаю, — отвечал он. — Скорее тебе мерещится, что ты остановился и подобрал меня на дороге. Хоро-

шенская галлюцинация, если она везет меня через весь Нью-Мексико. Нет, мы оба здесь.

Он слегка ущипнул меня за руку.

— Да, похоже, мы оба здесь, — согласился я. — Но как это возможно?

— Нас было слишком много для одного тела! — сказал он. — Вот почему у нас были трудности со сном.

— Меня и теперь временами мучает бессонница, — сказал я. И я знал отчего: оттого что выбрал неправильную жизнь, жизнь в бетонных коробках.

— И меня, — неожиданно сказал он. — Может, оттого, что слишком много сплю на земле. А может, оттого, что веду такую жизнь. — В эту минуту он казался таким же потерянным, каким я себя чувствовал. Он сказал: — Порою мне кажется: все, что я делаю — невзавражду, потому что никто другой так не делает. Я плыву против течения. Это здорово отбивает сон.

Значит, и ему приходилось нелегко. Но мне казалось, в сравнении с моими трудностями это ничто. Он выглядел здоровее и счастливее.

Дождь усилился. Я включил «дворники», к шуршанию мокрых шин добавился их скрип. Наши фары высвечивали струи дождя, по соседней дороге с ревом промчались на восток грузовики, оставляя за собой длинные шлейфы брызг. Мы поставили кассету с Третьей симфонией Бетховена, вторая часть звучала, как буря за стеклами машины. Мы сидели, слушали и говорили о нашем детстве. «А это помнишь?» — «Ага» — «А то помнишь?» — «Ух ты, хорошо, что никто другой про это не знает». И так далее. Мы держались совсем по-свойски, но обоим было неуютно. Мы не могли больше говорить про наши разные жизни, в этом было что-то неправильное, какая-то напряженность, разногласие, хотя оба мы были недовольны своим теперешним существованием.

Ливень припустил еще сильнее, ветер молотил по машине. Кроме расходящегося света фар, почти ничего видно не было — черная земля, черные облака над ней. Марш из второй части — музыка такая великая, что вам этого и не вообразить, — лился через усилитель, меряясь силой с бурей. А мы говорили и смеялись, и хохотали,

лупили кулаками по крыше автомобиля, обалдевшие от того, что произошло, — потому что раз нас двое, значит, мы особенные, понимаете. Волшебные.

Но в самый разгар нашего хохота, на вершине следующего подъема, «вольво» зачихал. Я нажал на газ, но мотор заглох. Я вылез на обочину, попробовал толкнуть — без толку.

— Похоже, в трамблер попала вода, — сказал мой двойник. — Ты так его и не наладил?

Я сознался, что не наладил. Мы подумали и решили его просушить. Возня, конечно, но все лучше, чем сидеть в машине ночь. Мы вытащили пончо. Дождь, к счастью, почти перестал, сменившись слабой моросью. К тому времени как я надел пончо, мой спутник уже откинул капот и рылся в двигателе. Левой рукой он держал карманный фонарик, правой снимал с трамблера крышку. Я подошел, и три руки Тома Барнарда продолжили работу, сняли крышку, вытерли, собрали все снова. Мой двойник побежал за полиэтиленовым пакетом, а я, растянув пончо как тент, остался стоять над раскрытым двигателем, от которого поднимался жар. Двойник вернулся — мы работали с аварийной скоростью, вы понимаете — и тоже склонился над мотором. Теперь четыре наши руки неестественно слаженно трудились над трамблером. Когда мы установили его на место, двойник плюхнулся на сиденье водителя и включил зажигание. Мотор завелся, машина поехала. Он дал задний ход. Починили! Я закрыл капот, мой двойник, улыбаясь, вылез из машины. «Отлично», — сказал он, хлопнув меня по руке, и вдруг подпрыгнул, завертелся, завыл протяжную индейскую песню, которую мы выучили в детстве, и я закружился с ним, размахивая пончо, как индеец ритуальным плащом, горлая что есть мочи. Забавная это была картинка — мы двое пляшем на высоком перевале перед автомобилем, вопим, кружимся, расплескиваем лужи. Я почувствовал... нет, словами, что я почувствовал тогда, не опишешь.

Дождь перестал. На южном горизонте от низких облаков к земле протянулись короткие вспышки молний. Мы стояли и смотрели на них — две или три в секунду. Грома слышно не было.

— Вот и моя жизнь такая, — сказал один из нас. (Я не знаю кто.) Моей правой руке, там, где она касалась его левой, сделалось жарко. Я поглядел...

...И увидел, что наши руки сходятся к одной кисти. Мы опять становились одним человеком. Но это была его кисть — левая. Тут я заметил, что наши ноги сходятся к одной ступне, правой. Моей ступне.

От локтя вниз между нашими руками шел красный рубец, как на месте ожога. Я чувствовал, как жар поднимается вверх и пульсирует. Мы спаивались в одно! У нас уже был общий локоть, и скоро бы мы срослись плечами, как сиамские близнецы! Я ощущал жжение в левой ноге. Наше время кончалось! Сперва руки и ноги, потом туловища и головы!

Я взглянул ему в лицо и увидел свое искаженное страхом зеркальное отражение. Я подумал: вот так я выгляжу, вот таков я, наше время позади. Мы встретились глазами.

— Тяни, — приказал он.

Мы потянули. Он схватился правой рукой за крыло автомобиля, а я уперся левой ногой, стараясь задержать за мокрый гравий, наклонился и дернул что есть силы. Локоть с кистью встали между нами как коготь. Мы пыхтели, сопели, тянули, рубец между нашими локтями жег, и растягивался, и постепенно позволял нам развести руки. Было больно, как если бы я за что-то держался и в то же время пытался оторвать руку. Но это помогало. Наши локти уже были свободны.

— Держись, — выговорил я и плюхнулся на дорогу. Бац! Мгновение нестерпимой боли и удар о мокрый асфальт. Я оттолкнулся обеими руками и вскочил на ноги. Сильно затряс правой рукой, схватился за правую ногу. Это снова был я, в целости и сохранности.

Я взглянул на двойника. Он прислонился к машине, держа левый локоть правой рукой, его трясло. Увидев это, я понял, что тоже дрожу. Он глядел на меня с яростью, и мне показалось — сейчас он на меня бросится. Я совершенно четко представил, как он накидывается на меня и начинает молотить, погружает кулаки в мое тело и не может выдернуть, и мы боремся, и кусаемся, и пинаемся, и с каждым ударом все больше сплавляемся

воедино, пока не становимся одним человеком, и этот человек лежит на гравии и бьется в судорогах.

Но это мне только померещилось. В действительности он резко покачал головой и скривил губы.

— Я лучше пойду, — сказал он.

Я сказал:

— Лучше иди.

Пока я вставал, он открыл дверцу, достал рюкзак и снял пончо, чтобы надеть лямки.

— Домой вернешься, а, Томас? — спросил он с издевкой, и я вдруг разозлился.

— А ты можешь валить на все четыре стороны, если тебе это больше по душе, — сказал я. — Мне только лучше. Рядом с тобой мне кажется, что вся моя жизнь — ошибка, словно ты прожил ее правильно, а я — нет. Но ведь правильно живу я! С людьми, как пристало человеку. А ты просто сбежал от всех и бродишь по дорогам. Ты скоро выдохнешься.

Он сверкнул глазами:

— Ты меня неправильно понял, брат. Я просто стараюсь жить, как мне больше нравится. И я никогда не выдохнусь. — Он снова надел пончо. Сказал: — Имя остается тебе. Не знаю, в одном мире мы живем или нет, но кто-нибудь может заметить. Так что имя пусть останется у тебя. Мне кажется, настоящий Том Барнард — ты. — Он в последний раз взглянул на меня. — Удачи! — с этими словами он пошел прочь от дороги, по хребту.

В тумане, в этом своем пончо он казался не человеком. Но я знал, кто он. Я смотрел, как он растворяется в темноте между кустов, и на меня накатила беспросветная тоска. Вот исчезает мое «я»; на моих глазах мое истинное «я» уходит в дождь. Лучше б такого не видеть. Когда он скрылся с глаз, я остервенело выжал сцепление. При каждом шорохе на заднем сиденье я испуганно вцеплялся в руль, и мне не хватало духу оглянуться, что там. Я ехал все быстрее и быстрее, молясь, чтобы в трамблер не попала вода. Мимо скользили равнины Восточной Аризоны, и, кажется, впервые в жизни, я понял, как велико пространство между городами. Я не мог выкинуть происшедшее из головы. Слова, произнесенные между нами, казалось, звенели в воздухе. Лучше бы мы

поговорили подольше... лучше бы нам расстаться по-хорошему... лучше бы нам все-таки соединиться!.. Почему мы так испугались целостности? Но я впрямь боялся — страх воссоединения накатывал на меня волнами, и я прибавлял скорости, словно он бежит за мной по автостраде, мокрый и запыхавшийся, отставший на много миль.

Том несколько раз кашлянул и устоял в огонь, погруженный в воспоминания. Мы глядели на него, разиня рты.

— А ты после его встречал? — взволнованно спросила Ребл.

Звук ее голоса разрядил напряженность, и почти все рассмеялись, даже Том. Потом он нахмурился и кивнул:

— Да, встречал. И более того.

Мы приготовились слушать дальше; старшие, которые, наверно, слышали этот рассказ раньше, удивленно подняли брови.

— Я встретил его через несколько лет; вы поймете, о каком годе речь. Я по-прежнему был адвокатом, только постарел, сильнее ссудулился и раздался вширь. Такой была тогдашняя жизнь — годы в бетонных коробках быстро выпивали из тебя соки. — В этом месте Том взглянул на меня, словно хотел удостовериться, что я слушаю. — Дурацкая была жизнь, вот почему мне не по душе толки о том, что, дескать, надо сражаться за ее возврат. Тогда люди всеми силами добивались работы в коробках, чтобы снимать жилые коробки и ходить развлекаться в другие коробки, и всю жизнь они бегали по этим коробкам, как крысы. Я и сам так жил, и в этом не было никакого смысла.

Отчасти я понимал, что в этом нет смысла, и кое-как пытался сопротивляться. В то время я был занят как раз этим, совершал небольшой пеший переход. Я решил подняться на гору Уитни, высочайшую вершину Соединенных Штатов. При моей хилости это было чистое самоубийство, просто пройти вверх по десятимильной тропе, но за два дня я с великим трудом ее одолел. Гора Уитни. Это было перед самым закатом — опять, — так

что против обыкновения я был единственным человеком на вершине.

Я бродил по широкой — почти в акр — горной макушке. Тропа поднималась по западному, пологому склону. Восточный склон — почти отвесный, и, когда я взглянул вниз, в темень, мне сделалось не по себе. Тут я увидел альпиниста. Он в одиночку поднимался по отвесной стене, по одной из трещин в склоне. По таким стенкам лазал Джон Мьюир, но он обожал опасность, и после него редкие альпинисты шли на такой риск. У меня голова кружилась смотреть на того отчаянного парня, но, разумеется, я не мог оторвать глаз. Он лез и смотрел вверх; в какую-то минуту он меня заметил и махнул рукой. Мне стало еще больше не по себе. Чем выше он поднимался, тем знакомее выглядел. А потом я его узнал. Это был мой двойник, в альпинистском снаряжении, с бородой и здоровущий как черт. Да еще где — на гранитном откосе!

Я уже подумывал о том, чтобы дать деру по тропе, но тут он снова поднял на меня глаза, и я понял: он тоже меня узнал. До меня дошло, что нам надо поздороваться. Или поговорить. И я остался.

Мне казалось, что последний отрезок подъема он преодолевал целую вечность — и все время на краю гибели. Однако, когда он вполз на вершину, солнце еще висело в мареве над западным горизонтом Тихого океана. Он встал и шагнул ко мне. За несколько футов он остановился. В янтарном свете, который бывает только в горах перед закатом, мы молча смотрели друг другу в глаза. Говорить было нечего, мы стояли как в столбняке.

Тогда это и случилось...

Последние слова Том произнес резким, сразу охрипшим голосом, перестал качаться, пригнулся в своем колченогом кресле и уставился в огонь, избегая смотреть на нас. Кашлянул несколько раз, заговорил быстро:

— Алая половинка солнечного шара еще лежала на горизонте, и... и рядом с ней распустилась другая, а затем еще, и еще, и еще, вдоль всего калифорнийского побережья. Пятьдесят закатных солнц в один ряд. Ядерные грибы с нас высотой, потом выше. Легкие ореолы

дыма вокруг каждой колонны. Это был тот день, ребята. Это был конец.

Я сперва увидел, потом понял. Я обернулся к двойнику — он плакал. Он шагнул ко мне, мы взялись за руки. Так просто. Мы без всякого усилия слились в одно — так же легко, как решились на это. В следующую минуту я был уже один. Я помнил и свое прошлое, и брата, я ощущал в себе его силу. Холодный ветер гнал ко мне ядерные тучи. Мне было так одиноко, так одиноко, дрожать на ветру и смотреть на этот ужас, но мне казалось, ну... что я исцелен и... Не знаю. Не знаю. Что меня это миновало.

Он откинулся назад и чуть не кувыркнулся вместе со своим креслом. Мы все перевели дух.

Том встал и палкой поворошил костер.

— Видите, в прежние времена невозможно было жить целостной жизнью, — сказал он уже другим, успокоенным и почти сварливым голосом. — И только сейчас, когда мы сидим у костра...

— Пожалуйста, без морали, — сказал Рафаэль. — Этого мы от тебя в последние дни наслушались, большое спасибо.

Джон Николен кивнул головой.

Старик сморгнул.

— Ну, как хотите. У подлинной истории и не должно быть морали. Давайте-ка подкинем еще дровишек! Рассказ окончен, и мне надо промочить горло.

Он, кашляя, сам отправился за выпивкой. Кто-то встал и подбросил дров, кто-то спрашивал миссис Н., не осталось ли масла. Все были немного притихшие, но довольные.

— Здорово старик рассказывает, — сказал Стив. Потом взял меня за руку и указал глазами на Мелиссу — она сидела по другую сторону от костра.

Я высвободил руку, но через некоторое время обошел-таки костер и сел рядом с ней. Она тут же меня обняла. Едва ее маленькая ладошка коснулась моего бока, выпивка ударила мне в голову. Мы отошли от огня и стали жадно целоваться рядом с грудой железяк. Меня всегда удивляло, как это просто с Мелиссой.

— Я рада, что ты вернулся, — сказала она. — Ты еще ничего не рассказал мне о своей поездке, я все слышу от других! Может, зайдешь к нам попозже и расскажешь? Папка тоже будет дома, но, может, завалится спать.

Я тут же согласился, думая больше о поцелуях, чем о сведениях, которые должен получить от Эда. Однако когда я вспомнил о них (прижимаясь лицом к Мелиссиной шейке, такой красивой в свете костра), то даже возгордился. Все оказалось легче, чем я думал.

— Пойдем глянем, не осталось ли рома, — предложил я.

Мы нашли ром и вылакали, потом нас нашел Эдисон.

— Домой пошли, — грубо сказал он Мелиссе.

— Еще рано, — возразила она. — Можно Хэнку с нами? Я хочу послушать про поездку и показать ему дом.

— Конечно, — безразлично ответил Эдисон.

Я за спиной у Мелиссы попрощался со Стивом и Кэтрин и, видя удивленное лицо Стива, почувствовал себя ловким парнем. Мы трое двинулись по тропке вдоль гребня. Эд за все время не сказал ни слова и даже не обернулся, так что не видел, как Мелисса обняла меня за талию и сунула руку мне в карман. В кармане была дыра, Мелиссе только того и надо было, но я стеснялся идущего впереди Эда и не отвечал, только поцеловал ее на мосту, где точно знал, что не оступлюсь. На подъеме к Бэзилону меня слегка качало от выпитого, и еще Мелиссины пальчики щупали в трусах. Ух! Но в то же время я думал, как подъехать к Эдисону с расспросами про мусорщиков и японцев? Конечно, спяну я соображал туго, но дело было не только в этом. Куда ни кинь, все выходило, что ни с какого бока ловко не подъедешь. Придется спрашивать напрямик и надеяться на удачу.

Дом у Шенксов старый — Эд его построил, когда в Онофре еще почти никто не жил. Каркасом ему послужила опора высоковольтной линии, так что дом получился в высоту больше, чем в ширину, и мощный, как дерево. Дощатые стены были слегка наклонены внутрь, а из крыши торчали четыре железных бруса, которые оканчивались металлическим переплетением высоко наверху.

— Заходи, — радушно сказал Эд, вынув из кармана ключ и отпирая дверь. Открыл ее, чиркнул спичкой, зажег фонарь. В комнате сразу завоняло горящим китовым жиром. Здесь стояли ящики и инструменты, но мебели не было. Эд повел нас к крутой дощатой лестнице в углу, и Мелисса пояснила, что они живут на втором этаже. Когда мы поднимались, она хихикала и подталкивала меня сзади, так что я чуть не вмазался башкой в железную опору.

Насколько я знаю, никому из моих односельчан не доводилось бывать на втором этаже. Однако ничего необыкновенного там не было: в одном углу кухонька, светлые деревянные столы, старый диван и несколько стульев. Все купленное у мусорщиков. Еще одна лестница вела к люку — значит, там еще один этаж. Эд поставил фонарь на печь, начал снимать ставни. Ставней было много. Когда он закончил, нам открылся вид на все четыре стороны: темные древесные вершины, куда ни глянь.

— Много у вас окон, — с пьяной рассудительностью заметил я.

Эд кивнул.

— Садись, — сказал он.

— Пойду переоденусь, — сказала Мелисса и побежала по лесенке наверх.

Я плюхнулся в большое мягкое кресло напротив дивана.

— А где ты раздобыл столько стекла? — спросил я Эда, надеясь со стекла перевести разговор на интересующую меня тему. Но Эд знал, что мне известно, откуда берется стекло, и криво ухмыльнулся:

— Да тут, неподалеку. На, выпей. У меня ром получше, чем у Николенов.

Я, как уже упоминалось, был вполне тепленький, но стакан взял.

— Садись сюда, на диван, — сказал Эд и подержал стакан, пока я пересяду. — Отсюда лучше обзор. В ясную погоду видно Каталину. В ненастную — океан. Слышал, это твой второй дом.

— Чуть последним не стал.

Он длинно и громко рассмеялся.

— Слыхал, слыхал. — Отхлебнул рому. — Приятный сегодня вечерок получился. Люблю Тома послушать.

— Я тоже.

Мы оба выпили, и мне показалось, что обоим нечего сказать. К счастью, на лесенке появилась Мелисса, в белом домашнем платье, приподнимавшем грудь. Она улыбнулась, налила себе рому и уселась рядом со мной на диван, прижавшись к локтю и коленке. Я смутился, но Эд улыбнулся своей кривой усмешкой (совсем не похожей на кривую улыбку Тома — у старика это от нехватки зубов, а Эд губы растягивает только с одной стороны) и кивнул, как будто ему нравится, что мы такие пьяненькие. Он откинулся в кресле и приладил стакан на ободранный подлокотник.

— Правда, хороший ром? — спросила Мелисса.

Я согласился.

— Мы его купили за две дюжины крабов. Мы покупаем только самый лучший.

— Жаль, что мы не будем торговать с Сан-Диего, — проворчал Эд. — А это и впрямь такой большой город, как Том говорит?

— Ага, — ответил я. — Может, даже больше.

Мелисса прилегла головой мне на плечо.

— Тебе там понравилось?

— Да вроде. Вообще, было здорово.

Они начали выспрашивать подробности. Много ли там отдельных поселков? Между всеми ли проложены рельсы? Любят ли в народе мэра? Когда я рассказал, как мэр утром стрелял по тарелкам, оба рассмеялись.

— И так он каждое утро? — спросил Эд, вставая, чтобы подлить нам рому.

— Говорят.

— Видать, у них навалом патронов, — сказал он из кухни. — А бутылку-то мы прикончили.

— Еще бы не навалом, — сказал я. Мне казалось, что вот-вот удастся перевести разговор на мусорщиков, поэтому я расслабился и стал ловить кайф. — Им достались военные склады, и мэр велел осмотреть все до единого.

— Угу. Погоди, я схожу вниз за новой бутылкой.

Едва его голова исчезла в люке, мы с Мелиссой поцеловались. У нее на языке был ром. Я взял ее за коленку,

а она потянула подол, и моя рука оказалась на ее бедре. Мы еще поцеловались, у меня участилось дыхание. Я все задираю ей платье и вдруг понял, что под ним ничего не надето. Я обалдел, у меня аж в ушах застучало. Ее живот колыхался, она качалась на моей руке взад-вперед, давя на нее сверху. Мы снова стали целоваться, она через штаны сжала мой конец, и тут я совсем задохнулся.

Бум, бум, загремели по лестнице Эдовы башмаки. Мелисса отпрянула от меня и одернула подол. Ей-то хорошо, а у меня стоит, а она еще хихикает, глядя на мое перепуганное лицо. Я выпил ром и забился в угол дивана. Когда Эд вошел в комнату и откупорил бутылку, на меня уже можно было смотреть, хотя сердце и продолжало колотиться вдвое быстрее обычного. Мы выпили еще. Мелисса оставила руку у меня на колене. Эд встал и заходил по тускло освещенной комнате, открывая то одно, то другое окно (чтобы получше проветрилось, объяснил он), выглядывая наружу. Я захмелел.

— А молнии в ваш дом не попадают? — спросил я.

— Еще как попадают! — ответил он хором и рассмеялся.

Эд прибавил:

— Иногда после этого отваливается целая стена. Потом глянешь — а доски обгорели.

— А у меня волосы встают прямо совсем дыбом, — сказала Мелисса.

— А вы не боитесь, что вас убьет? — спросил я.

— Нет, нет, — ответил Эдисон. — Мы хорошо заземлены.

— А что это?

— Это значит, что молния уходит в землю по боковой опоре. Я приводил сюда Рафа, он сказал, мы можем не бояться. Я напоминаю себе об этом, когда от удара молнии весь дом сотрясается и голубые искры порхают, как колибри.

— Это бывает здорово, — сказала Мелисса. — Мне нравится.

Эд продолжал открывать окна. Стоило ему отвернуться, Мелисса брала мою руку и зажимала между ногами, а только он начинал поворачивать к нам, отпускала, и я тут же выпрямлялся. От этого я так завелся, что уже не

ждал, пока она возьмет мою руку, а сам то и дело лез ей под подол. Мы еще выпили. Наконец Эда устроило, как проветривается, он отошел от окна, встал над диваном и посмотрел на меня так, словно знал, чем мы тут занимаемся.

— И что же, по-твоему, нужно мэру Сан-Диего на самом деле? — спросил он.

— Не знаю.

Я был как в тумане — мне не терпелось снова залезть Мелиссе под платье, но я видел Эда совсем рядом с нами.

— Может, он надеется стать королем всего побережья?

— Вряд ли. Просто хочет, чтобы японцы не высаживались на берег.

— Ага. Ты и на собрании так говорил. Что-то мне в это не верится.

— Почему?

— Смысла нет. Сколько у него людей, ты сказал?

— Я вроде не говорил. Да я и не знаю точно.

— Радио у них есть?

— Как ты догадался? У них большой старый радиоприемник, но он пока не работает.

— Не работает?

— Пока не работает, но, говорят, они ждут человека из Солтон-Си, который наладит.

— Кто говорит?

— Люди в Сан-Диего. Мэр.

— Не много же ты знаешь.

Я решил, что теперь самое время спросить мне.

— Эд, а все-таки где ты достал столько стекла?

— Да в основном на толкучках.

Он взглянул на Мелиссу — они обменялись взглядами, которых я не понял.

— У мусорщиков?

— У кого же еще? Они одни и торгуют стеклом.

Я решил сделать следующий шаг.

— Эд, а ты когда-нибудь торговал с мусорщиками напрямую? Я хочу сказать, без всяких толкучек?

— Нет, конечно. С чего это ты?

Он улыбался своей кривой усмешкой, но глаза его смотрели зорко. Улыбка исчезла. Мне вдруг показалось, что он видит меня насквозь.

— Просто так, — ответил я. — Интересно, и все.

— Нет, — решительно повторил он. — Я никогда не вожу дел с помоечными крысами, чего бы там ни говорили. Я ставлю краболовки под эстакадой, поэтому часто бываю в тех краях, но не дальше.

— Про нас все врут, — горестно сказала Мелисса.

— Пустяки. — Эд снова ухмыльнулся. — Про всех что-нибудь да сочиняют.

— Верно, — сказал я.

И впрямь: про всякого, кто не живет у реки, где он всегда на виду, рассказывают байки. Понятно, что вокруг такого замкнутого человека, как Эд, слухи возникают вдвое быстрее. Он тут ни при чем. Непонятно было, что говорить дальше. Пусть Стив придумает другой способ раздобывать сведения для мэра Сан-Диего. Я моргал и часто дышал, чтобы сбросить опьянение. Эд зажег всего один фонарь, но пламя отражалось в пяти или шести стеклах, и повсюду плясали тени. У меня в стакане оставалось глотка два рома, но я решил не допивать. Эдисон отошел от дивана, Мелисса выпрямилась. Эд шагнул в кухонный угол и посмотрел на большие песочные часы.

— Хорошо посидели, но уже поздно. Мелисса, нам с тобой пора спать. Завтра утром у нас много дел.

— Ладно, папочка.

— Проводи Генри вниз, только по-скорому. Генри, заходи к нам еще, не откладывая.

Я не вполне твердо, но с жаром встал на ноги, мы Эдом обменялись рукопожатиями. Он сильно стиснул мою ладонь и улыбнулся:

— Смотри под ноги, когда пойдешь домой.

— Обязательно. Спасибо за ром, Эд.

Я вслед за Мелиссой спустился на первый этаж, и мы вышли в темноту. Поцеловались. Я прислонился к наклонной стене дома, чтобы не упасть, Мелисса привалилась ко мне, и я просунул ногу ей между колен. Мне вспомнилось, как мы тискались на толкучке, только в этот раз я был пьянее. Мелисса ерзала по моей ноге и

позволяла себя щупать, а сама целовала меня в шею и мурлыкала. Потом:

— Он ждет. Мне пора наверх.

— Ох.

— Спокойной ночи, Генри.

Накрутила и убежала. Я отлепился от стены и враскачку двинулся через поляну. Здесь сохранились остатки старых фундаментов — потресканные бетонные плиты в густой траве. Я наткнулся на одну из них и сел передохнуть. За деревьями был виден высокий дом Шенксов и силуэт в освещенном окне второго этажа. Я поднес к губам палец, которым щупал Мелиссу. В голове зашумело. Встать не было никакой мочи, поэтому я сидел и вспоминал, как мне с ней было. Я даже видел ее — она ходила в кухонном углу, наверное, убиралась. Не знаю, сколько времени прошло, но вдруг фонарь на кухне погас и снова зажегся — один, два, три, потом четыре раза. Мне это показалось странноватым.

Справа хрустнул сучок. Кто-то — какие-то люди — шел через соседний фундамент. Я бесшумно прокрался между двумя большими деревьями и вслушался. С северной стороны, ничуть не таясь, к дому подходили по меньшей мере двое. Поселковые никогда бы не наделали столько шума. Да и чего бы им здесь делать? Я хоть и был пьян, понял это сразу и не успел задуматься, а уже лежал на пузе за деревом, откуда мог видеть входную дверь. Тени на дальней стороне поляны превратились в движущиеся силуэты, а потом в людей — их оказалось трое. Они направились прямо к двери и, задрав головы вверх, окликнули хозяев.

Дверь открыла Мелисса. Покуда они были на первом этаже, я бесшумно, как сова, скользнул из-за деревьев и припал к дощатой стене. Сперва я порадовался на свою прыть и перевел дух, и только потом задумался, чего ради сюда полез. Вот что значит быть пьяным — иногда, если не думать, получается гораздо быстрее.

Отсюда я слышал голоса, но почти не мог разобрать слов. Я вспомнил, что со стороны двери к стене прибиты доски, так что получается лестница на крышу. Я перебрался туда и влез по доскам, по минуте на шаг, чтобы

не скрипнуло под ногой. Как только голова моя оказалась под окном, я перестал лезть и прислушался.

— У них есть радио, — сказал Эдисон. — Он говорит, оно не работает, но они ждут кого-то из Солтон-Си, кто должен наладить.

— Наверно, Гонзалеса, — произнес высокий гнусавый голос.

Голос пониже добавил:

— Дэнфорт вечно хвастает, что у него есть аппаратура и что она скоро заработает, но это случается далеко не всегда. Он говорил, в каком состоянии радио?

— Нет, — сказал Эдисон. — В любом случае у него недостаточно знаний, чтобы об этом судить.

Они меня дурачили! Я пришел, чтобы выжать из них сведения, а они взяли и выжали из меня все, что хотели! Меня бросило в краску. И что хуже, Мелисса, наверно, нарочно договорилась с Эдом накрутить меня после того, как я опьянею, чтобы отвлечь мое внимание от вопросов! Подлость какая.

Мелисса добавила презрительно:

— Он знает не больше, чем вся эта деревенщина.

— Он читает книги, — поправил Эд. — И он про что-то пытался разнюхать. Про стекло? Скорее про Ориндж. А может, ему просто любопытно. В любом случае он не такой темный, как большинство остальных.

— Да, он ничего, — сказала Мелисса, — только его развозит от первой рюмки.

Один из мусорщиков заходил по комнате, в окне надомной то и дело появлялся его силуэт. Я вжался в стену и постарался прикинуться доской. Если меня застукают... Ладно, ночь, в лесу я от них удеру. Если не упаду. Для бега я был нетверд на ногах, и вдруг почувствовал запоздалый страх.

Они продолжали говорить о Сан-Диего. Эдисон с Мелиссой пересказали все, что от меня слышали. Я сам удивился, сколько им наговорил: части я даже не помнил. Они выжали из меня все, это точно. А я так ничего от них не узнал. Я чувствовал себя болваном, меня душила злоба.

Но теперь я наверстывал разрыв. И, несмотря на все происшедшее, несмотря на все ее слова, мне все равно хотелось задрать Мелиссе подол.

— Наши островные друзья рассчитывают скоро привезти людей и груз, — сказал гнусавый. — Надо выяснить, много ли знает Дэнфорт и что сможет предпринять, если узнает. Может, стоит изменить место высадки.

— Ничего они не знают, — сказал Эд. — А Дэнфорт — трепло. Если бы они могли атаковать мыс Дана, они не просили бы помощи у Онофре.

— Может, им просто нужна хорошая якорная стоянка, — сказал тот, что находился прямо надо мной. — В устье Лас-Пулгас намыло слишком много песка, да и далеко это.

— Может. Но, судя по всему, беспокоиться нечего.

Гнусавый, похоже, согласился:

— Я слышал, Дэнфорт терпеть не может своего лучшего помощника. Это значит, вожак он никакой.

Они по косточкам разобрали Дэнфорта и его людей. Меня на моей деревянной лестнице затрясло. Да раз они столько знают, значит, у них шпионы везде! Мы дети малые в сравнении с ними.

— Пора идти, — сказал гнусавый. — Я хочу быть на мысе Дана в три.

Он продолжал говорить, но, едва он упомянул об уходе, я пополз вниз, медленно перенося вес на следующую ступеньку и молясь, чтобы человек надо мной глядел в комнату. Я прижался к дому — в какую сторону ни иди, меня вполне могли увидеть. Деревья на западе были ближе, так что я перебрался к западной стене и затаился. Спускаются? Похоже, да. Я метнулся к деревьям. Лиса бы не перебежала поляну быстрее.

Почти сразу из дома вышли мусорщики. Мелисса, все в том же белом платье, помахала им с порога. Меня подмывало вернуться к дому и еще понаблюдать за ними двоими, но я решил не испытывать судьбу. Покуда они не знают, что я подслушал их разговор с мусорщиками, у меня перед ними преимущество. Это было приятно. Я тихо и осторожно двинулся к реке. В конечном счете я узнал больше, чем они, а они по-прежнему держат меня за придурка — этим можно будет воспользоваться. Мне

ужасно хотелось отплатить им. Если б только мусорщики сказали, когда высаживаются японцы... Явно скоро, и на мысе Дана, а это для Стива уже кое-что. Вот он обалдеет от моей истории. С пьяной ясностью я понял, что Стив опять будет мне завидовать. Ну и пусть. Я отплачу Шенксам... утру Стиву нос... одолею японцев... сорву с Мелиссы платье... везде возьму верх...

Хрустнула ветка, и у меня сердце ушло в пятки. Я стал смотреть себе под ноги. Шел я долго и потом долго не мог уснуть. Ну и ночка! Как я висел у Шенксов под окном! Ведь я опять всех победил. Мелисса, конечно, подло со мной поступила. Но все равно я в порядке. Сбежал с японского корабля, выследил мусорщиков и их лазутчиков... все так ловко... Этот пьяный бред продолжался еще некоторое время, а потом я заснул. В ту ночь мне снилось, что меня двое, и за нами гонятся два японских капитана, и в доме над несуществующей рекой две Кэтрин приходят нам на выручку.

Глава 15

— Ну, Генри, — объявил Стив, когда я рассказал ему все (чуть-чуть приукрасив и опустив ту часть, где Эд с Мелиссой все у меня выпросили), — надо узнать, когда они высаживаются на мысе Дана, иначе все остальное без пользы. Узнаешь?

— Да откуда? — возмутился я. — Эд мне ничего не скажет. Сам узнавай.

Он обиделся:

— Мелиссу и Эда знаешь ты.

— Я же сказал, это не поможет.

— Ну... вдруг нам удастся снова подслушать, — неуверенно предположил он.

— Может быть.

Мы молча продолжили удить. Солнце разбивалось на волнах яркими белыми бликами. Я всегда особенно любил такие вот жаркие дни, когда от холмов парит, а море и небо — одинаково синие, но в тот день я почти не замечал погоды. Стив рассуждал, как нам подглядеть за Эдом и что он скажет Дженнингсу и Ли. Он все придумал, как убедить их, чтобы они взяли нас проводниками

в Ориндж. Когда мы гребли к устью, я впервые после своего рассказа открыл рот:

— Можешь осуществлять свой замечательный план — вон Дженнингс на берегу, говорит с твоим отцом.

— Правда?

— Точно. Не узнаешь, что ли?

Я-то сразу узнал, хотя с такого расстояния лицо его казалось меньше моего ногтя. И сразу вся поездка ожила в памяти, стала взаправдашной. Меня передернуло. Ли видно не было. Дженнингс по обыкновению трепался. Теперь, когда я увидел его живьем, вся затея показалась дурацкой.

— Стив, я по-прежнему считаю, что нам не надо тайком связываться с этими горожанами. Что скажут наши, если узнают?

— Не узнают. Ладно, Генри, не будь занудой. Ты ведь мой лучший друг, так?

— Так. Но это не значит...

— Это значит, что ты мне поможешь. Без твоей помощи я не справлюсь.

— Ладно...

— Надо узнать, о чем они там говорят.

Он налег на весла, будто состязался в гребле. Когда днище закрипело о песок, я спросил:

— Как мы к ним подберемся?

Мы выскочили из лодки и на излете следующей волны втащили ее на песок.

— Неси рыбу мимо них и слушай, пока слышно. Я за тобой, и сложим, что у нас получится.

— Трудновато.

— Ерунда, я знаю, что говорит отец. Давай!

Я подхватил за жабры двух окуней и медленно пошел по волнистому песку к разделочным столам. Когда я проходил у Дженнингса за спиной, тот обернулся и сказал:

— А, Генри, привет! Похоже, ты добрался благополучно.

— Да, сэр. А где мистер Ли?

— Ну... — Глаза его сузились. — В этот раз он не с нами. Шлет тебе горячий привет.

Спутники Дженнингса (их было двое, одного я помнил, он был с нами в дрезине) криво усмехнулись.

— Ясно.

(«Плохо дело», — подумал я про себя.)

— Мы заходили к твоему другу Тому, но он болеет и лежит в постели. Велел нам поговорить с мистером Николоном.

— Чем мы сейчас и занимаемся, — сказал Джон. — Так что вали отсюда, Хэнк.

— Болеет? — переспросил я.

— Мотай! — повторил Джон.

Дженнингс сказал:

— Еще поговорим, приятель.

Я отнес окуней на разделочный стол и поздоровался с девчонками. На обратном пути к лодке миновал Стива, потом услышал, как Джон произнес:

— И говорить тут больше не о чем. Мы ни с какого бока не желаем иметь к этому отношения.

— Прекрасно, — сказал Дженнингс, — но нам нужно использовать старые пути, а они идут через вашу долину.

— Есть пути дальше от побережья. Используйте их.

— Мэру они не нравятся.

Дальше я не слышал. Разбирать слова было трудно: все заглушали привлеченные грудой потрохов чайки. Я подхватил еще окуня, скумбрию и поспешил назад. Стив проходил мимо говорящих.

— Барнард отказался со мной говорить, — сказал Дженнингс. — Это потому что он за союз с нами?

— Том вместе с большинством голосовал против того, чтобы вам помогать.

У разделочного стола миссис Николен спросила:

— Почему он спорит с Джоном?

— Хочет использовать те рельсы, которые идут через нашу долину.

— Так они же разрушены, особенно у реки.

— Конечно. Скажи, а старик правда заболел?

— Я так слышала. Ты бы сходил к нему.

— Ему худо?

— Не знаю. Но когда старые люди хворают...

Стив потянул меня за рубаху, и я повернул назад.

— Мэру это не понравится, — говорил Дженнингс, — и никому у нас не понравится. В такое время все американцы должны быть заодно, как вы не понимаете? Генри! Оказывается, ты зря ездил в Сан-Диего, знаешь?

— М-м...

— Что тут у вас происходит?

Джон сердито махнул на меня рукой.

— Проваливайте отсюда, ребята, — приказал он.

Как ни громко орали чайки, Стив расслышал, и мы с ним вместе пошли к тропинке на обрыв. Сверху мы оглянулись на речной берег: Дженнингс все еще говорил. Джон слушал, скрестив руки на груди. Еще немного, он сгрэбет Дженнингса в охапку и бросит в реку.

— Этот малый — дурак, — сказал Стив.

Я покачал головой:

— Не думаю. Старик заболел, знаешь?

— Знаю.

Голос его звучал безразлично.

— Чего ж ты мне не сказал?

Он не ответил.

— Пойду проведу.

Я вспомнил, что вчера во время рассказа Том много кашлял. Да и на собрании был вялый и часто дохал. Мама перед смертью тоже много кашляла.

— Погоди, — сказал Стив. — Сейчас этот малый отстанет от отца, мы его перехватим и поговорим с глазу на глаз.

— Дженнингс, — сказал я резко. — Его зовут Дженнингс. Постарайся запомнить, коли уж собрался с ним говорить.

Стив смерил меня взглядом:

— А то я не знал.

Я сердито отошел по дорожке. Джон двинулся прочь от приезжих. Один из них задел его плечом. Джон обернулся, что-то сказал, и приезжие остались переглядываться между собой. Потом Дженнингс заговорил, и они пошли по дороге на обрыв.

— Давай спрячемся, — сказал Стив.

Мы укрылись за деревьями южнее палисадника Николенов. Вскоре на краю обрыва появились Дженнингс и его люди. Они шли в нашу сторону.

— Идем, — сказал я.

Стив покачал головой.

— Пойдем за ними следом, — предложил он.

— Им это может не понравиться.

— Надо заговорить с ними, когда никто не увидит.

— Ладно, только не пугай их.

Как только они вошли в рошу, мы тронулись следом, поминутно прячась за деревьями, словно разбойники из книжки.

— Вон они, — сказал красный от волнения Стив. Впереди между деревьями мелькали темные куртки, и до меня то и дело доносились обрывки Дженнингсовой болтовни.

Стив кивнул:

— Можно и здесь.

— Угу.

— Ладно, я их окликну.

— Валяй, я тебя не держу.

Он снова сердито на меня зыркнул. Выступил из-за дерева:

— Эй, стойте! Стойте!

Внезапно лес стих, и приезжие куда-то исчезли.

— Мистер Дженнингс! — позвал я. — Это я, Генри! Нам надо с вами поговорить.

Дженнингс выступил из-за эвкалипта, убирая в карман пистолет.

— Чего сразу не сказали? — спросил он раздраженно. — Нельзя наскакивать на людей в лесу.

— Извините, — сказал я, сердито глядя на Стива. Тот был красный как рак.

— Чего вам надо? — нетерпеливо спросил Дженнингс. Двое его спутников появились у него за спиной.

— Мы хотели с вами поговорить, — сказал Стив.

— Это я уже слышал. Так чего вам надо?

Стив секунду молчал, потом ответил:

— Мы хотим примкнуть к сопротивлению. Не все в долине против вас. На собрании голоса разделились почти поровну. Если мы начнем вам помогать, позже могут присоединиться другие.

Один из спутников Дженнингса фыркнул, но Дженнингс жестом велел ему заткнуться.

— Мысль хорошая, ребята, но нужен-то нам проход через вашу долину на север, а тут вы ничем помочь не можете.

— Не можем. Зато можем быть вашими проводниками в Ориндже, а это важнее. И, как я сказал, если дела пойдут хорошо, вся долина может пойти за нами.

Я в ужасе взглянул на Стива, но Дженнингс в мою сторону не смотрел.

— Я знаю мусорщиков, которые за нас, — продолжал Стив. — У них мы можем выведать, когда и где высаживаются японцы.

— И кто же вам такое расскажет? — скептически поинтересовался Дженнингс.

— Знакомые, — ответил Стив. Видя сомнение у Дженнингса на лице, добавил: — Некоторые мусорщики знают, что другие мусорщики помогают японцам, и не одобряют. Сами они ничего поделаться не могут, но скажут нам, а мы уж сумеем что-нибудь предпринять, ведь так? Мы там часто бывали, знаем берег и вообще все.

Дженнингс сказал:

— Такие сведения могут нам пригодиться.

— Ну вот, мы их раздобудем.

— Хорошо. Вот это хорошо, — сказал он медленно. — Мы можем договориться, что вы время от времени будете сообщать нам сведения.

— Это не все, — твердо сказал Стив. — Мы можем провести вас к любому месту, где будут высаживаться японцы, как бы далеко это ни оказалось. Никто из ваших не знает развалины лучше нас. Мы сто раз лазили туда по ночам. Когда пойдете на вылазку, вам нужен будет хороший проводник.

У Дженнингса что на уме, то и на лице. Сейчас оно выражало интерес.

— Мы хотим идти вместе с вами и сражаться, — пылко продолжил Стив. — Мы — как мэр, хотим отпугнуть японцев от нашего берега. Вы даёте людей и ружья, а мы четверо ведем вас к месту и деремся бок о бок с вами. И еще говорим, где будет высадка.

— Серьезное предложение, — процедил, глядя на меня, Дженнингс.

— Мы молоды, но это не имеет значения, — настаивал Стив. — Мы можем сражаться... устраивать засады.

— Этим мы и занимаемся, — резко сказал Дженнингс, — устраиваем засады и убиваем. Речь идет об убийстве.

— Знаю. — Стив сделал оскорбленное лицо. — Эти японцы — захватчики. Они пользуются нашей слабостью. Убивать их — значит защищать нашу страну.

— Верно, конечно, — согласился Дженнингс. — Однако... Этому человеку, с которым мы сейчас говорили, не понравится, что вы общаетесь с нами за его спиной. Не знаю, стоит ли затевать.

— Он не узнает. Никогда. Нас всего несколько, и мы будем молчать. Мы часто лазаем в развалины по ночам — когда пойдем с вами, решат, что мы снова там. К тому же, если все будет хорошо, они присоединятся к нам.

Дженнингс перевел взгляд на меня:

— Это так, Генри?

— Конечно, мистер Дженнингс, — поддержал я Стива. — Конечно, мы можем быть вашими проводниками, и никто ничего не узнает.

— Может быть, — сказал Дженнингс, — может быть. — Он обернулся на своих людей, снова взглянул на меня. — Вот сейчас вы знаете, когда будет следующая высадка?

— Скоро, — ответил Стив. — Мы знаем, что скоро. Уже знаем — где, а в ближайшие дни узнаем остальное.

— Ладно. Слушайте: если узнаете о высадке, приходите на весовую платформу, там мы пока остановились прокладывать рельсы, и там будут наши люди. Я отправлюсь на юг доложить мэру, и, если ваша затея ему понравится, а это вполне может быть, я привезу людей, и мы будем готовы. Мы ведь починили рельсы, я тебе говорил, Генри? Это оказалось непросто, но мы справились. В общем, вы знаете, где эти строения, весовая платформа.

— Мы все знаем, — сказал Николен.

— Отлично, отлично. Так вот, как узнаете, что япошки высаживаются, мчитесь к весовой и скажите нам, а мы решим, что делать дальше. Пока все.

— Мы должны участвовать в вылазке, — настаивал Стив.

— Конечно. Я разве не сказал? Будете нашими проводниками. Все, сами понимаете, зависит от мэра, но, я думаю, он нас поддержит. Он старается бить япошек при всякой возможности.

— Мы тоже, — сказал Стив. — Клянусь.

— Верю, верю. Ну, нам пора.

— Когда к вам зайти и узнать, что решил мэр?

— Ну... скажем, через неделю. Но если что услышите, приходите раньше.

Николен кивнул, и Дженнингс сделал знак своим людям идти вперед.

— Рад был поговорить с вами, ребята. Приятно знать, что кто-то в этой долине американец.

— Мы — американцы. До скорого!

— До свиданья, — прибавил я.

Мы проводили их глазами. Стив двинул меня в плечо:

— Готово! Мы будем с ними, Генри, мы будем с ними!

— Похоже, — ответил я. — Но чего ты такое нес, будто мы в ближайшие несколько дней узнаем, когда высадка? Ты их морочишь! Неизвестно, когда мы это узнаем и узнаем ли!

— Да ладно, Генри. Должен же я был что-то сказать. Ты притворяешься, что недоволен, а на самом деле рад не меньше моего. Ты создан для сопротивления. Ты быстрее всех соображаешь, быстрее всех бегаешь. Если ты захочешь узнать, когда высадка, ты узнаешь.

— Ну, наверно, — сказал я, довольный помимо воли.

— Конечно, узнаешь.

— Пошли назад, пока нас не хватились.

Он рассмеялся:

— Вот видишь! Я ж говорю, что ты для этого создан, Генри.

— Угу.

И надо признаться, я мысленно с ним соглашался. Кто помешал Дженнингсу и его людям по ошибке нас застрелить? И каждый раз, как я попадаю в переплет, что-то случается, что помогает мне выкрутиться. Мне стало казаться, будто это не просто случилось со мной, а я сам так подстроил, так сделал, что все обернулось правильно. А это значило, что события меня слушаются: я могу сделать так, что мы примкнем к сопротивлению и

будем сражаться против японцев, не противореча общему решению и не восстанавливая против себя соседей. Я правда думал, что мне это по силам.

Тут я вспомнил про старика, и все ощущение могущества испарилось. Мы еще были в лесу между домом Николенов и Бетонной бухтой: если повернуть вверх, окажешься на Томовом гребне.

— Пойду проведаю старика, — сказал я.

— Я должен возвращаться в рабство, — сказал Стив. — Но потом... эй, погоди секунду!

Но я уже бежал через лес вверх.

Глава 16

Томов двор всегда выглядел нежилым: поваленная ограда заросла травой, повсюду мусор. Но сейчас, когда я взбирался на гребень, дурные опасения заставили меня увидеть его новыми глазами: обшарпанный дом, большое окно, в котором отражается небо, утонувший в сорняках двор, кривое дерево качается на ветру и цепляет пухнувшие на глазах облака — все казалось заброшенным, словно хозяин умер и похоронен десять лет назад.

В окно выглянула Кэтрин, и я постарался отогнать нехорошие мысли. Ветер качал траву. Кэтрин увидела меня и помахала рукой, я приветственно вскинул голову. Она открыла дверь и встретила меня на пороге.

Я небрежно спросил:

— Чего он там? Что с ним стряслось?

— Сейчас спит. Ночью, кажется, почти не спал, кашлял.

— Помню, он покашливал, когда рассказывал историю.

— Теперь хуже.

Я внимательно взгляделся в ее лицо, в знакомые озабоченные складки вокруг рта. Она взяла меня за руку. Я притянул ее к себе, и она припала к моему плечу. Я напугался. Если Кэтрин боится, значит, дела совсем плохи. Я похлопал ее по плечу, стараясь успокоить, но я сам дрожал.

— Кто там? — крикнул старик из спальни. — Я не сплю, кто там?

Он закашлялся. Это был хриплый, лающий звук, словно он нарочно вкладывает в кашель всю свою силу.

— Это я, Том, — сказал я, когда он откашлялся. Подошел к двери в спальню. Обычно он нас туда не пускал. Заглянул внутрь. — Мне сказали, ты заболел.

— Верно сказали.

Он сидел на постели, прислонясь к стене. Вид у него и впрямь был больной — волосы и борода мокрые и всклокоченные, лицо бледное и потное. Он глядел на меня, не поворачивая головы.

— Входи.

Я впервые вошел в его спальню. Она, как и кладовка, была заполнена книгами. На столе и на стуле тоже лежали книги и пластинки; к стене под окошком были приколоты фотографии.

Я сказал:

— Наверно, ты простудился на обратном пути с юга.

— Я думал, ты простудишься. Ты замерз сильнее.

— Мы оба замерзли.

Я вспомнил, как он заслонял меня от ветра. Как поддерживал меня на ходу. Я глядел на фотографии. В соседней комнате Кэтрин что-то переставляла.

— Чего она там делает? — спросил Том. — Эй, дорогая! Поставь на место!

Он снова закашлялся.

Когда приступ кашля прошел, сердце у меня колотилось.

— Тебе бы лучше не кричать.

— Да, верно.

Я робко добавил:

— Обидно простужаться летом.

— Конечно.

В дверях появилась Кэтрин.

— Где твоя сестра? — спросил Том. — Она только что здесь была.

— У нее дело, она ушла, — сказала Кэтрин.

— Есть кто дома? — спросил голос снаружи.

— Вот, наверно, и она, — сказала Кэтрин. Но голос был Дока.

— Охо-хо, — сказал Том. — Зря вы это.

— Не зря, — сказала Кэтрин.

В комнату быстро вошел Док. В руке у него был черный мешок, за ним шла Кристин.

— Чего приперся? — сказал Том. — Нечего суету разводить вокруг меня, слышал, Эрнест? — Он откатился к стенке. Доктор решительно подошел. — Оставь меня в покое, кому сказано.

— Заткнись и ляг на спину, — сказал Док, положил мешок на кровать и вытащил стетоскоп.

— Эрнест, это совершенно лишнее. Я всего-навсего простыл.

— Помолчи, — сердито сказал Док. — Делай, что тебе говорят, иначе я заставлю тебя проглотить эту штуковину. — Он поднял стетоскоп.

— Тоже мне, испугал, — сказал Том, однако на спину лег и дал Доку пощупать себе пульс и послушать стетоскопом. Он продолжал ворчать, и Док сунул градусник ему в рот, так что жалобы прекратились или по крайней мере стали неслышны. Док снова стал слушать. Потом он вынул градусник и посмотрел.

— Дыши глубже, — велел он, снова прикладывая стетоскоп к Томовой груди.

Том раз или два вдохнул, поперхнулся, задержал дыхание, так что даже побагровел, и раскашлялся надолго.

— Том, — сказал Док в наступившей тишине (я затаил дыхание), — ты отправляешься ко мне домой, в больницу.

Том мотнул головой.

— Не вздумай спорить со мной, — предупредил Док. — Тебе нужно в больницу.

— Исключено, — сказал Том и прочистил горло. — Я останусь здесь.

— Черт, — сказал Док. Он был сердит не на шутку. — Похоже, у тебя воспаление легких. Если ты не поедешь ко мне, придется мне перебираться сюда. Что подумает Мандо?

— Мандо только обрадуется.

— Но я — нет.

Тут Том поймал выражение у Дока Косты на лице. Наверно, Доку и правда проще было бы переехать к Тому, чем наоборот. Но дом Дока был больницей. Док давно не занимался серьезным лечением — я хочу

сказать, он делал все, что мог, но это не так уж много. Переломы, порезы, роды — с этим он справлялся отлично. Его отец, доктор, был помешан на медицине и, пока Док был молод, учил его с настойчивостью фанатика. Но теперь у Дока на руках оказался лучший друг, и друг этот серьезно болен — перенести его в больницу значило убедить себя, что он чем-то может помочь. Я видел, как Том, глядя на Косту, все это соображает — соображает медленнее, чем обычно.

— Воспаление легких? — переспросил он.

— Верно. — Док обернулся к нам. — Выйдите-ка ненадолго.

Кэтрин, Кристин и я вышли во двор и стали среди ржавых механизмов. Кристин рассказала, как искала Косту. Мы с Кэтрин, объединенные общим отчаянием, смотрели на океан. Тучи неслись по небу. Это бывает так часто — днем солнце, а к вечеру набегают тучи. Ветер рвал сорняки, рвал с головы волосы.

Док выглянул в дверь:

— Нам понадобится помощь.

Мы вошли.

— Кэтрин, собери Тому одежду, несколько рубашек, чтобы в них лежать, понимаешь. Генри, он хочет взять с собой книг; подбери ему, какие нужны.

Я вернулся в спальню и увидел Тома перед фотографиями. Одну он гладил рукой.

— Ой, извини, — сказал я. — Какие книги ты хочешь захватить?

Он повернулся и медленно пошел к постели.

— Я тебе покажу.

Мы вышли в кладовку и оглядели наваленные в полутьме книги. В ближайшей к двери стопке было все, что ему нужно. Он стал накладывать их мне на руки. Я заметил только один заголовок — «Большие надежды». Когда класть стало больше некуда, он остановился. Подобрал еще одну.

— Вот. Возьми эту себе.

Он протягивал книгу, которую нам дал Уэнтуорт, чистую.

— Чего мне с ней делать?

Он пытался положить ее мне на руки вместе с остальными, но она уже не помещалась.

— Погоди... я думал, ты будешь писать в ней свои истории.

— Я хочу, чтобы писал ты.

— Да я историй не знаю!

— Знаешь.

— Не знаю. И писать не умею.

— Как это не умеешь?! Я сам тебя учил, черт возьми.

— Да, но не книги. Я не умею писать книги.

— Это просто. Пиши, пока все не заполнишь.

Он запихнул книгу мне под мышку.

— Том, — возразил я, — нет. Тебе подарили, ты и пиши.

— У меня не получается. Я пробовал. Ты увидишь, первые страницы вырваны. Ничего не выходит.

— Не верю. Только третьего дня ты рассказывал...

— Это другое. Поверь. — Вид у него был потерянный. Мы стояли, уставясь на чистую книгу. Оба были расстроены. — Истории, которые я вам рассказываю, не для книг.

— Ой, Том.

В комнату вошел Док.

— Генри, ты не сможешь нести книги. Отдай их Кристин — у нее сумка.

— А я что понесу?

— Глупый, что ли? Мы с тобой понесем Тома. Он что, похож на человека, который пойдет через долину пешком?

Я думал, Том его ударит, но ничего, обошлось. Он просто взглянул мрачно, устало и сказал:

— Не думал, что у тебя есть носилки, Эрнест.

— Нет у меня носилок. Мы понесем тебя в кресле.

— Ладно. Нелегко вам придется. — Он прошел в большую комнату. — Вот это, у окна, вроде самое легкое.

Он сам вынес его во двор и сел.

— Положи книги Кристин в сумку, — распорядился Док.

Кристин охнула, когда я свалил всю груду ей в сумку. Я пошел помочь Кэтрин с рубашками. Мне было

интересно, на какую фотографию смотрел Том, и я подошел глянуть: это оказался портрет женщины. Кэтрин прихватила охапку одежды, и мы вышли наружу. Старик смотрел на море. Оно потемнело, на горизонте появлялись и исчезали белые барашки.

— Готов? — спросил Док.

Том, не глядя на нас, кивнул. Мы с Доком взяли кресло за ручки и под сиденье. Том вертелся, оглядывался на дом, мы медленно несли его вдоль гребня. Он скривил рот и сказал:

— Я — последний американец.

— Черта с два, — сказал я, — черта с два.

Он слабо хихикнул.

По гребню идти было неудобно, но на спуске стало тяжелее.

— Давай я тебя сменю, — сказала Кэтрин Доку.

Мы поставили кресло. Том сидел с закрытыми глазами и молчал. Это было ужасно непривычно, видеть его притихшим. Несмотря на холодный ветер, на лбу у него проступил пот.

Мы с Кэтрин подняли кресло. Она была гораздо сильнее Дока, мне стало легче. Мы вошли в лес.

— Я тяжелый? — спросил Том. Открыл глаза и взглянул на Кэтрин. Ее полные, в веснушках, руки соединялись локтями, стискивая груди прямо перед Томовым носом. Он притворился, что хочет их укусить.

— Не тяжелее, чем полное кресло камней, — рассмеялась она.

У моста мы остановились передохнуть. Смотрели, как бегут над головой тучи, и говорили, будто просто вышли прогуляться. Но поскольку Том сидел в кресле, выходило притворство. Выше по течению купалась стайка ребятишек: они перестали плескаться и смотрели, как мы переходим по мосту: он узкий, и мне пришлось идти первым, спиной вперед. Том горестно смотрел на голых ребятишек, которые показывали на него пальцами и вопили. Кэтрин перехватила его взгляд и невесело сощурилась. Жирные серые облака спускались все ниже, ветер трепал волосы, холодало и смеркалось... Я с трудом придумывал, чем бы отвлечь Тома.

— Я все-таки не знаю, что делать с твоей чистой книгой, — сказал я. — Оставь-ка ее лучше себе, может, пока будешь у Дока, захочется написать что-нибудь.

— Нет. Она твоя.

— Но что мне с ней делать?

— Писать в ней. Затем я ее тебе и дал. Напиши в ней свою собственную историю.

— Но у меня нет истории.

— Как же нет. «Домашняя жизнь американца».

— Но это чепуха. И я не знаю как.

— Просто пиши. Пиши, как говоришь. Расскажи правду.

— Какую правду?

Он долго молчал, потом сказал:

— Выяснишь. Для того и книга.

Он больше не слушал меня, но мы уже поднимались по тропинке к дому Дока и были почти на том расчищенном уступчике, где он стоит. Я взглянул на Кэтрин, и она короткой улыбкой поблагодарила меня, что отвлек старика. Мы пронесли его последние несколько шагов.

Дом Косты поблескивал чернотой на фоне деревьев и облаков. Навстречу нам вышел Мандо и весело спросил у Тома, как он себя чувствует. Том, не отвечая, попытался встать, чтобы самому войти в дом, но не смог, и мы с Кэтрин его внесли. Мандо провел нас в угловую комнату, которая называлась у них больницей. Две внешние стены были сложены из железных бочек; на гладком деревянном полу стояли две кровати, печка, сверху был люк для света и воздуха. Мы положили Тома на дальнюю кровать. Он лежал, немного скривив рот. Мы пошли на кухню, чтобы не мешать Доку его осматривать.

— Он всерьез заболел? — спросил Мандо.

— Твой папа говорит, это воспаление легких, — ответила Кэтрин.

— Тогда хорошо, что он здесь. Садись, Генри, у тебя вид расстроенный.

Я сел, Мандо принес нам воды. Он всегда был заботливым хозяином, и, когда Мандо и Кристин на нас не смотрели, мы с Кэтрин обменялись улыбками на его счет. Но вообще-то нам было не до смеху: мы были

огорчены. Мандо и Кристин болтали без умолку, и Мандо принес свои рисунки — он рисовал животных.

— А ты правда видел медведя, Армандо?

— Правда... Дел вам скажет, мы с ним вместе были.

Кэтрин мотнула головой в сторону двери.

— Давай выйдем, — сказала она мне.

Мы сели в палисаднике на бревенчатую скамейку. Кэтрин вздохнула. Некоторое время мы сидели молча.

Из дома вышли Мандо и Кристин.

— Папа велел разыскать Стива и привести сюда, чтобы он почитал книгу, — сказал Мандо. — Он говорит, Тому будет приятно.

— Это он хорошо придумал, — сказала Кэтрин.

— Стив, наверно, дома, — сказал я. — Или на обрыве у самого дома, вы знаете где.

— Ага. Там и поищем.

Они ушли, держась за руки. Мы проводили их взглядами и снова замолчали.

Кэтрин с размаху прихлопнула муху.

— Стар он для этого.

— Ну, он не первый раз хворает, — ответил я, хотя сам понимал, что сейчас другое дело.

Она не ответила. Резкий ветер с моря раздувал ее непослушные волосы. Облака сгустились, лес в долине темнел. После такой жизни...

— Мне казалось, что у него нет возраста, — сказал я. — Что он старый, но, понимаешь, не меняется.

— Понимаю.

— Мне боязно, что он заболел.

— Понимаю.

— В его-то лета. Он же древний старик.

— За сотню. — Кэтрин покачала головой. — Не верится.

— Интересно, отчего мы стареем. Иногда это кажется мне... неестественным, что ли.

Я скорее почувствовал, чем увидел, что она поежилась.

— Жизнь так устроена, Хэнк.

С моей точки зрения, это был не ответ. Чем глубже вопрос, тем мельче ответ, а на самые глубокие вопросы ответов и вовсе нет. Почему все такое, как оно есть, Кэт?

Вздых, касание рук, завитки волос, брошенные ветром в лицо, облака над головой. Есть ли другой ответ, более глубокий? Я задышался, как будто океан облаков распирает меня изнутри. Прядь ее волос щекотала мое лицо, и я все смотрел на эту прядь, примечал каждый ее изгиб, каждый перелив от рыжего к каштановому — это был способ задержаться... зацепиться чувствами за мир, чтобы тот не ускользнул.

Время шло. (Так все наши пути не приводят никуда.) Кэтрин сказала:

— Стив в последние дни такой взвинченный, того гляди сорвется. Как слишком тонкая тетива на мощном луке. С отцом ссорится. Несет эту чушь про сопротивление. Если я не соглашаюсь с каждым его словом, ссорится со мной. Я так устала.

Я не знал, что ответить.

— Ты бы поговорил с ним, Генри, а? Может, ты как-нибудь объяснишь ему, что это сопротивление — ерунда?

Я покачал головой:

— С тех пор как я вернулся, он не позволяет мне с ним спорить.

— Да, я видела. Ну как-нибудь по-другому. Даже если ты сам за сопротивление, ты же понимаешь, это не повод сходить с ума. — Я кивнул. — Ты как-нибудь не споря. У тебя хорошо получается говорить, Генри, ты придумаешь, как привести его в чувства.

— Наверно. — (Мне хотелось спросить: «А как насчет моих чувств?» — но, глядя на нее, я не мог. И разве я сам вполне уверен в собственной правоте?)

— Пожалуйста, Генри. — Она снова положила ладонь мне на локоть. — Он от этого только изводится, а я страдаю. Знай я, что ты стараешься его расхолодить, мне было бы легче.

— Ох, Кэт, не знаю.

Она сжала мой локоть, в глазах у нее стояли слезы. И это Кэтрин, девушка, которая мной помыкала, просит меня о дружеской помощи. Касание ее руки связывало меня с мятущимся миром вокруг, таким холодным и таким прекрасным.

— Я поговорю с ним, — сказал я. — Постараюсь.

— Спасибо. Спасибо большое. Неважно, что ты скажешь. К тебе он прислушивается больше, чем к другим.

Я удивился:

— Мне казалось, он больше слушает тебя.

Она закусил губу и сложила руки на коленях:

— Мы не очень ладим, я говорила. Из-за всего этого.

— Ну да.

Что ж это выходит? Я обещаю помочь ей — просто не мог бы ей отказать, — и я же сговорился со Стивом вести жителей Сан-Диего в округ Ориндж! Когда я об этом вспомнил, мне сделалось кисло. Всякая связь с зеленью, белизной, запахом моря и шепотом деревьев улетучилась. Я чуть не сказал Кэтрин, что не могу ей помочь, что я со Стивом заодно. Но не сказал. Словно комок застрял у меня под ложечкой.

На дорожке появился Стив, в одной руке он нес книгу, а другой размахивал. Мандо, Кристин и Дел вприпрыжку бежали за ним.

— Эй! — крикнул он весело. — Эй!

Мы встали и встретили их у двери.

— Значит, Док перетащил его сюда? — спросил Стив.

— Он думает, у Тома воспаление легких, — сказала Кэтрин.

Стив сморгнул и покачал головой. Его лоб под густыми черными волосами нахмурился.

— Тогда пошли, составим ему компанию.

В доме Стив с Томом затеяли обычную перепалку, все рассмеялись, и комок у меня под ложечкой начал понемногу рассасываться.

— Ты чего делаешь в больнице, старый лежебока? Уже всех медсестричек перекусал?

— Только когда они меня мыли, чтоб не вздумали приставать, — со слабой улыбкой ответил Том.

— Конечно, конечно. Кормят, небось, ужасно. А это тебе подают, как его, судно?

— Думай, что говоришь, а тоогрею судном по башке. Судно, тоже скажешь...

И так, за шутками и возней, оказалось, что Том сидит в кровати, прислонясь спиной к стене из бочек. Мы всем скопом набились в больницу и сели, кто на пол, кто на

другую кровать, и хохотали, как давеча возле костра. Стив это умеет. Даже Кэтрин смеялась. Только Док оставался серьезным и не сводил с Тома глаз. Он отвечал за больного, и было видно, что груз ему не по силам. По-моему, Доку не нравится лечить, он предпочел бы копать в огороде. Но уж так завелось в долине, что лечатся все у него. Хоть он и выучил Кэтрин помогать ему и говорит, что она теперь умеет не меньше его, все равно больных доверяют только Доку. Он знает, как лечили в старину, и это его работа. Но все равно видно, что лечить ему не нравится, даже когда болезнь несерьезная, а тут на руках у него оказался его лучший друг, а в придачу и единственный старожил в округе, и он совсем растерялся.

Мандо еще хуже Стива пристрастился к «Кругосветному путешествию американца» и теперь требовал немедленно читать. Стив сел на кровать у Тома в ногах, а Кэтрин рядом с ним на полу, чтобы он мог, когда читает, гладить ее волосы. Мы с Габби и Делом принесли с кухни стулья, а Мандо и Кристин сели на свободную кровать и взялись за руки.

Стив начал с главы шестнадцатой «Лучше символическая месть, чем никакой». Баум уже добрался до Москвы и в день большого майского парада, когда все кремлевские деспоты выходят смотреть на русскую военную мощь, пронес на Красную площадь в пустой консервной банке связку петард — настоящей взрывчатки ему добыть не удалось. В разгар парада петарды взмыли вверх и рассыпались красными, белыми и голубыми искрами, а все советское правительство попряталось под стулья. Прodelка, слабый отзвук того, что Россия сделала с Америкой, порадовала Баума не меньше торнадо, но ему пришлось уносить ноги из столицы, где всюду искали виновных. В следующей главе он героическими усилиями добирался до Стамбула. Приключение следовало за приключением. Док закатывал глаза и временами начинал хихикать, например, когда в Крыму Баум угнал катер на подводных крыльях и, преследуемый советскими канонерками, пересек Черное море. Баум был в смертельной опасности, но Док продолжал смеяться.

— Чего тут смешного? — спросил Стив, раздосадованный тем, что Док своим смехом портит впечатление от отчаянной гонки к Босфору.

— Ровным счетом ничего, — торопливо ответил Док. — Просто пишет он забавно. Очень спокойно рассказывает о таких приключениях.

Но когда Стив стал читать главу «Затонувшая Венеция», Док снова рассмеялся. Стив поморщился и перестал читать.

— Погоди, — сказал Док, не дожидаясь, пока Стив сделает ему замечание. — Он пишет, что после войны море поднялось на тридцать метров. Но всякому видно, что здесь уровень моря остался прежним. Если не опустился.

— Остался прежним, — сказал Том, улыбаясь перемене разговора.

— Хорошо, но в таком случае в Венеции должно быть то же самое.

— Может, там все по-другому, — возмутился Мандо.

Док снова засмеялся.

— Все океаны связаны, — объяснил он Мандо. — Один океан, один уровень моря.

— По-вашему выходит, этот Глен Баум врет, — с интересом сказала Кэтрин. Ее эта мысль не огорчила, и я знал почему. — Вся его книга — выдумка!

— Нет! — сердито крикнул Стив, а Мандо повторил.

Док махнул рукой:

— Я этого не говорил. Я не знаю, что тут правда, а что нет. Может, что-то для занимательности преувеличено.

— Он говорит, Венеция затонула, — холодно произнес Стив и заново прочел отрывок. — Острова погружаются, и жителям приходится строить лачуги на крышах, чтобы оставаться над водой. Так что уровень моря тут ни при чем. — Он заносчиво глянул на Дока. — По мне, это звучит убедительно.

— Может быть, может быть, — без всякого выражения ответил Док. Стив сжал зубы, лицо у него горело.

— Давайте читать дальше, — сказал я, — интересно, чем кончилось.

Стив стал читать резким торопливым голосом. Приключения Баума набирали скорость. Он все время под-

вергался смертельным опасностям, но всякий раз новым. В главе под названием «Далекая Тортуга» он прыгнул с парашютом с падающего самолета. Дело было в Карибском море, и вместе с ним спрыгнули еще несколько человек. Когда они стали надувать плот, Док отвернулся, чтобы Стив и Мандо не видели его лица, и ушел на кухню. Люди на надувном плоту гибли один за другим, кто от жажды, кто от нападений огромной черепахи, так что до прибрежных джунглей Центральной Америки добрался один Баум. Все это было бы очень драматично и очень печально, но, когда в джунглях Баум встретил охотника за головами, Том принялся хохотать, а с кухни донесся громогласный смех Дока, и Кэтрин тоже принялась смеяться, так что Стив с шумом захлопнул книгу и вскочил, едва не наступив на Кэтрин.

— Больше не буду вам читать! — вскричал он. — Вы не уважаете литературу!

Тут Том так расхохотался, что даже закашлялся, поэтому Док пришел из кухни и выгнал нас всех, так что чтение на этот день закончилось.

Но на следующий вечер мы пришли снова, и Стив нехотя согласился почитать еще. Вскоре, к счастью, мы одолели «Кругосветное путешествие американца» и начали «Большие надежды», а потом читали по ролям «Много шума из ничего» и другие книги. Это было весело, но Том кашлял, становился тише, бледнее и тоньше. Дни шли медленно и одинаково, и мне не хотелось перешучиваться с другими рыбаками, или учить наизусть отрывки, или даже читать. Все мне казалось неинтересным, а Тому день ото дня делалось все хуже, так что иногда мне просто больно было на него смотреть, когда он лежал на спине, едва ли замечая нас, и каждый день я просыпался с комком под ложечкой, думая, что этот день может оказаться для него последним.

Глава 17

По утрам я вскакивал на заре и до ухода лодок бегал его проводить. Обычно в это время он спал. Док говорил, что особенно тяжело бывало по ночам. Старик был совсем плох, на грани смерти, и здесь, не переходя эту

грань, он задержался. Однажды утром он не спал, и его покрасневшие глаза глянули на меня с вызовом. Не торопитесь меня хоронить, говорили они. Мандо сказал, что ночью старик почти не спал. Теперь он не мог говорить, просто смотрел. Я сжал его руку — кожа была влажной, ладонь вялой и бесплотной — и пошел прочь, дивясь старицовой живучести. Ста лет ему мало, он хочет жить вечно. Это сказали мне его глаза, и я слегка улыбнулся, надеясь, что ему удастся. Однако посещение это меня напугало. Я бежал со склона к лодкам так быстро, будто за мною гналась старуха-Смерть.

В другое утро я заметил, как состарила Дока забота о больном. Доку самому за семьдесят, в других поселках он был бы самым старым. Скоро, наверно, будет самым старым у нас. Как-то после тяжелой ночи мы с Мандо и Доком сидели за кухонным столом. Они всю ночь сутились вокруг Тома, стараясь облегчить его кашель, который стал не таким сильным, но почти не переставал. У Дока углубились и покраснели морщины, под глазами были круги. Мандо лег лицом на стол, рот у него был открыт, как у рыбы. Я встал, подбросил дров в печку, принес воды, сварил чаю и каши. «Опоздаешь к лодкам», — сказал Док, но губы его сами складывались в благодарную улыбку. Рука, которой он держал кружку, дрожала. Мандо учуял горячую кашу и оторвал лицо от стола. Мы рассмеялись и стали есть. Когда я бежал с холма, под ложечкой у меня сжимался комок.

Это было в субботу. В воскресенье я пошел в церковь. Там были и такие, кто — как я — редко туда заглядывает: Рафаэль, Габби, Кэтрин и, за нашими спинами, Стив. Кармен поняла, почему мы здесь, и в конце своей заключительной молитвы сказала: «И, пожалуйста, Господи, сделай так, чтобы Том поправился». Голос у нее такой сильный и спокойный, что, слыша его, как бы чувствуешь прикосновение. Голос, который знает, что все будет хорошо. Все громко сказали «аминь», и из церкви мы вышли одной большой семьей.

Впрочем, это было воскресным утром. В будни напряжение делало людей склочными. Мандо потерял сон, да и от отца ему доставалось; ему стало все равно, что я

читаю и читаю ли вообще. «Армандо! — говорил я. — Кому-кому, а тебе должны быть интересны книги». «Отстань», — с тоскою отвечал он. Женщины возле печей переговаривались вполголоса. Прекратилась веселая болтовня и взрывы смеха. В лодках не слышно было шуток и прибауток. Я ходил с Мендесами за дровами и чуть не передрался с Габби из-за того, как нести упавший эвкалипт к козлам. В тот же день я слышал, как миссис Николен и миссис Мариани в сердцах спорят возле уборной. Расскажи я об этом, никто бы мне не поверил. Расстроенный, я торопливо пошел дальше.

Как-то на берегу случилось совсем неприятное происшествие. Я пришел, когда лодки вытаскивали на отмель — всю неделю я помогал Мендесам и приходил только разбирать улов. Я взял рыбу и потащил ее к разделочным столам. Над головой кружили чайки, наполняя воздух пронзительными жалобами. Стив помогал Марвину вытаскивать сети из лодок, полоскать их на мелководе и свертывать. Обычно Марвин делает это в одиночку; Джон увидел Стива и крикнул:

— Стив, иди помоги Генри!

Стив даже не поднял головы. Он стоял на коленях на отмели и тянул за тугой канат. «Ответь же! — подумал я. Джон подошел и взглянул на него снизу вверх.

— Иди помоги носить рыбу, — приказал он.

— Я свертываю сеть, — ответил Стив, не поднимая глаз.

— Брось и иди носить рыбу.

— Бросить как есть? — злобно переспросил Стив. — Оставь меня в покое.

Джон ухватил его под мышки и рывком поставил на ноги. Со сдавленным криком Стив вывернулся из его рук и отскочил назад на мелководе. Он выпрямился и смотрел на Джона, который шел на него, заставляя отступать в воду. Стив сжал кулаки и готов был броситься на отца, но тут Марвин прыгнул между ними.

— Ради Бога! — крикнул он, оттесняя Джона плечом. — Немедленно прекратите!

Стив словно и не слышал. Он обогнул Марвина, но я схватил его обеими руками за запястье и потащил прочь.

Чтобы увернуться от удара левой, мне пришлось упасть в воду. Если б Рафаэль не вцепился в Стива железной хваткой, он бы ударил меня и накиннулся на Джона; глаза у него были безумные, казалось, он нас не узнает. Рафаэль протаскил его несколько шагов, потом отпустил.

Все на берегу побросали работу и смотрели на нас, кто огорченно, кто без всякого выражения, кто с затаенным удовольствием, а кто и с открытой насмешкой. Я медленно встал.

— Вы двое не даете спокойно заниматься делом, — огрызнулся Рафаэль. — Дома бы разбирались.

— Заткнись! — рявкнул Джон. Рубанул рукой: — Давайте работать.

— Идем, — сказал я Стиву, таща его на отмель. Он нетерпеливо вырвался. Мы прошли по сети, из-за которой все началось.

— Идем отсюда, Стив, — повторил я.

Он дал себя увести. Джон не глядел в нашу сторону. Над обрывом идти я побоялся — Стив вполне мог скатить на отца камень — и повел его вдоль реки. Я был потрясен и радовался, что Марвину хватило сообразительности прыгнуть между ними. Обычно у меня реакция быстрее, но Марвин раньше оправился от потрясения. Не сообрази он вовремя... об этом даже думать не хотелось.

Стив по-прежнему тяжело дышал, словно только что качался на больших волнах. Он бессвязно ругался сквозь стиснутые зубы. Мы дошли вдоль реки до разрушенной автострады и сели под нависшей над белыми валунами сосной. Забились в укрытие, словно койоты после стычки с барсуком.

Некоторое время мы сидели молча. Я сгребал в кучки сосновые иголки, потом счищал с бетона грязь. Постепенно Стив задышал ровнее.

— Он нарочно меня доводит, чтоб я на него полез, — сказал он натужно-спокойным голосом. — Знаю.

Я сомневался, но сказал:

— Не знаю. Даже если это так, не поддавайся.

— Как это? — спросил он.

— Ну, не знаю. Не связывайся с ним, делай, что он говорит.

— Ну да, конечно! — вскричал он, рывком поднимаясь на ноги. Наклонился, заорал на меня: — Ползать на брюхе и жрать говно! Спасибо, посоветовал! Не учи меня, что мне делать. Тоже учитель нашелся! Ты такой же, как все! И не загораживай его, когда мы снова сцепимся, или схлопочешь по морде вместо него!

Он двинулся по бетонке, свернул в картофельное поле и скрылся с глаз.

Я глубоко вздохнул, радуясь, что он не набросился на меня с кулаками. Это единственное, что меня утешало; в остальном настроение у меня было хуже некуда.

Кэтрин сказала, что Стив прислушивается ко мне больше, чем к другим. Может, это значит, что он больше никого не слушает. Или Кэтрин ошибается. Или я говорил что-то не то. Не знаю.

Мне долго пришлось собраться с духом, чтобы встать и уйти с этого места.

Как-то я отправился вдоль речки, мимо огородов, печей, мимо женщин, полошущих у моста белье, туда, где холмы сходились и лес по обоим берегам спускался к самой воде. Здесь дорожка кончалась — иди куда тебе вздумается. Я зашел в лес и сел, прислонясь спиной к огромной сосне.

Бродить по лесу, сидеть в нем, общаться с ним я начал давно, сразу после маминой смерти. Тогда мне казалось, что в деревьях за домом слышится ее голос. Потом голос умолк, и я бросил свои прогулки. Однако теперь старая привычка вернулась. После того как заболел Том, мне не с кем стало говорить, никто меня ни о чем не просил, и я чувствовал себя заброшенным. Когда накатывало одиночество, я шел посидеть в лесу. Здесь никто ко мне не приставал, и комок под ложечкой понемногу рассасывался.

В этот раз я выбрал замечательное место. Вокруг теснились деревья, высокие сосны, окруженные молодой порослью. Землю устилала мягкая хвоя, наклонный ствол сосны был будто нарочно сделан под мою спину, густые ветви заслоняли яркое солнце, образуя приятную кружевную тень. Солнечные зайчики пробегали по моим латаным джинсам, тени иголок скользили по другим

иглам, бурым, устилающим землю. Качающаяся ветка задела меня шишкой. Не отрывая спины от шершавой древесной коры, я повернулся и вытащил из трещины в дереве кусочек засохшей смолы, сдвигая его пальцами, так что корка треснула и выступила прозрачная капля. Сок сосны. Теперь пальцы будут липкими, к ним пристанет грязь, на ладони останутся черные пятна. Зато от них такой приятный, смолистый запах. Смолой, морской солью, дымком и рыбой пахла для меня долина. Ветер перебирал иголки, ронял их на меня — маленькие, собранные по пять мутовочки, которые хрустят, когда их разрываешь.

На меня заползли муравьи, я их стряхнул. Закрыв глаза. Ветер охлаждал щеку, шептал в каждой иголке на каждой ветке каждого дерева. Приходилось ли вам слушать ветер в сосновой хвое — я хочу сказать, вслушиваться в него, как в голос близкого друга? Ничто так не умиротворяет, как этот шепот. Он чуть не убаюкал и меня; он нагнал на меня забытие, больше всего похожее на сон, хотя слышать я не перестал. Ветер то усиливался, то ослабевал, рокот переходил в шум и бормотанье; иногда он звучал, как близкий водопад, иногда, как волны на берегу и еще тише, словно тысяча людей далеко-далеко басом тянут единственный звук «о». Иногда к этому звуку добавлялся птичий щебет, но по большей части говорил только он, ветер, ветер, тянущий букву «о». Его можно было бы слушать вечно. Мне и не хотелось слушать никого другого.

Однако услышал я голоса: двое, переговариваясь, шли от реки. Я с досадой повернулся, не увижу ли, кого сюда несет, однако не разглядел. Собрался было подать голос, но передумал — в конце концов, это они нарушили мое уединение. Конечно, обижаться было не на что — долина у нас маленькая, и мест, где можно укрыться от посторонних глаз, не так много. Просто мне не повезло, что они направились именно сюда. Я снова прислонился к дереву и стал мечтать, чтобы они ушли. Но не тут-то было. Слева захрустели ветки, потом снова раздался голос, так близко — всего в нескольких деревьях от меня, — что я мог разобрать слова. Говорил Стив, отвечала Кэтрин. Я сел прямо и нахмурился.

Стив сказал:

— Все в долине учат меня, что мне делать.

— Все?

— Да!.. Сама знаешь, о чем я. Ты становишься такая же, как все.

— Все?

Одно это слово, и я понял, что Кэтрин вне себя от бешенства.

— Все, — повторил Стив скорее печально, чем зло. — Стив, иди ловить рыбу. Стив, не ходи в округ Ориндж. Не ходи на север, не ходи на юг, не ходи на запад, не ходи на восток. Не уходи из Онофре, не смей ничего делать.

— Я только говорю, чтобы ты не связывался с этими из Сан-Диего у наших за спиной. Кто их знает, чего им на самом деле надо. — Она помолчала и добавила: — Генри пробовал сказать тебе то же самое.

— Генри! Он побывал на юге, зазнался и вместе со всеми учит меня, как мне жить.

— Ничему он тебя не учит. Просто высказал, что думает. С каких это пор он не имеет на это права?

— Ну, не знаю... Дело не в Генри.

Я смущенно заерзал за своим деревом. Мне не понравилось, что они заговорили обо мне: судя по тому, как они произносили мое имя, они почувствовали мое присутствие. Сейчас они меня найдут, и выйдет, будто я за ними шпионю, хотя я всего-то хотел немного побыть один. Я не желал подслушивать, не желал ничего об этом знать. Хотя... это было правдой лишь отчасти. Во всяком случае, я не двинулся с места.

— Так в чем дело? — спросила Кэтрин обреченно и немного боязливо.

— Дело в этой дурацкой жизни, в этой дурацкой долине. Отец командует мной, как хочет. Я не могу больше этого выносить.

— Я не знала, что тебе тут так плохо.

— Да не о том я, Кэт. Дело не в тебе.

— Не во мне?

— Не в тебе! Ты лучшее, что у меня здесь есть, сколько раз можно повторять. Но разве ты не видишь, я тут, как в ловушке, вкалываю на отца. Это не жизнь! Мир

закрыт для меня! И кто меня здесь держит? Японцы! И вот появляются люди, которые хотят сражаться с японцами, а нам не дают им помочь! Мне тошно! Я должен это сделать, должен помочь им, как ты не понимаешь? Может, на то, чтобы освободиться, уйдет вся моя жизнь, может, и жизни не хватит, но по крайней мере я буду знать, что посвятил жизнь чему-то стоящему, а не заботам о собственном брюхе.

Сойка села на ветку у меня над головой и оповестила Стива и Кэтрин о моем присутствии. Они не слушали.

— Значит, здесь ты только заботаешься о собственном брюхе? — спросил Кэтрин.

— Нет, черт, ты меня не слушаешь.

В его голосе сквозило раздражение.

— Еще как слушаю. И слышу, что жизнь в долине тебя не устраивает. А значит, я тоже.

— Я говорю тебе, что это не так.

— Словами дело не поправишь, Стив Николен. Думаешь, можно месяц за месяцем вести себя по-свински, а потом сказать «нет, это не так», и все плохое куда-то денется? Такого не бывает.

Не помню, чтобы она когда-нибудь говорила таким голосом. Разъяренным — я слышал ее разъяренный голос много раз, но в сравнении с теперешним бешенством это было ласковое воркование. Я даже испугался. Я не желал слышать этот голос. Испуг сделался сильнее любопытства, сильнее уверенности, что я сижу на своем законном месте, и я как дурак пополз на четвереньках прочь. Что, если бы они увидели меня сейчас, когда я, чтобы не выдать себя хрустом, убирал с дороги сучок? Я мысленно ругался на чем свет стоит. Когда их голоса (они продолжали спорить) сделались неразличимы, я встал и уныло поплелся прочь. Кэтрин ругается со Стивом — чего ждать дальше?

За пережимом река разливается и петляет, образуя среди лугов извивистые протоки. Здесь легче путешествовать на каное, и я, пройдя немного, сел и стал смотреть, как вода втекает в затон и вытекает из него. Под нависшим берегом играла рыба. Ветер по-прежнему шептал в кронах, но я, как ни вслушивался, не мог вернуть недавнего успокоения. Под ложечкой снова лежал ко-

мок. Иногда чем больше пытаешься успокоиться, тем хуже. Я посидел еще, потом, чтобы отвлечься, решил проверить силки, которые Симпсоны поставили на краю пойменного луга.

В один из силов попался хорек. Он полез за кроликом, угодившим в тот же силок прежде, и все его жилистое тельце запуталось в ремнях. Когда я подошел, он последний раз дернулся, взвизгнул и оскалился. Он смотрел с ненавистью даже после того, как я палкой переломил ему шею — или мне так показалось. Я вытащил обоих зверьков, заново насторожил силок и повернул к дому, неся тушки за хвосты. Предсмертный взгляд хорька никак не шел у меня из головы.

Возле реки я вспомнил, как старик пытался снять дикий улей с невысокого эвкалипта на южном склоне холма. Его зажалили, он выронил рубашку, в которую завернул улей, и разъяренные пчелы загнали нас в реку. «Это все ты», — ругался он, когда мы плыли к другому берегу.

Солнце садилось. Вот и еще день прошел, и все осталось по-прежнему. За изгибом река сужалась, образуя череду невысоких перекатов, и здесь я наткнулся на Кэтрин — она одиноко сидела на берегу, бросала в воду веточки и смотрела, как их уносит течением.

— Кэт! — окликнул я.

Она подняла голову:

— Хэнк, что ты тут делаешь?

Она взглянула вниз по течению, может быть, высматривая Стива.

— Да так, ходил прошвырнуться за каньоном, — сказал я. Показал тушки. — Проверил Симпсонам силки. А ты?

— Я — ничего. Просто сижу.

Я подошел ближе.

— Чего-то ты невеселая.

Она взглянула удивленно:

— Разве?

Мне стало стыдно притворяться, будто я читаю ее мысли.

— Чуть-чуть.

— Ладно, ты, наверно, прав.

Она кинула в воду еще веточку. Я сел рядом с ней и тут же возмущился:

— Да ты на мокром сидишь!

— Да.

— Хочешь сказать, не велика важность.

Она глядела вниз, на воду, но я видел, что глаза у нее красные.

— Так что стряслось? — спросил я и снова устыдился своего двуличия. Где я такому научился, в какой из Томовых книг вычитал?

Несколько веточек проплыло через перекат и унеслось по течению прежде, чем она ответила:

— Да все то же самое. Я и Стив, Стив и я. — Вдруг она обернулась ко мне: — Ох, — сказала она дрожащим от бешенства голосом, — как-нибудь отговори Стива от идеи помогать южанам. Он это делает назло Джону, а при теперешних их отношениях, если Джон узнает, заварится такая каша — не расхлебаешь. Он ему не простит... не знаю, что будет.

— Ладно, — сказал я, кладя руку ей на плечо. — Постараюсь. Что смогу, сделаю. Не плачь. — Мне было страшно видеть ее слезы. Я-то, дурак, думал, что это невозможно. В отчаянии я сказал: — Слушай, Кэтрин. Ты же знаешь, он меня сейчас ни в грош не ставит. Давеча, когда он попер на отца, а я его схватил, так он меня чуть не ударил.

— Знаю.

Она встала на четвереньки, наклонилась над речкой и макнула голову в воду. Сзади на штанах, где она сидела на мокром, остался большой грязный след. Вытащила голову, отплеываясь и отдуваясь, встряхнулась по-собачьи. Брызги полетели на меня и в воду.

— Эй! — крикнул я.

Пока она была в воде, я собирался сказать: слушай, я ничем не могу тебе помочь, я повязан со Стивом одной веревочкой... Но, глядя ей в лицо, не отважился... не сумел. По правде говоря, я не мог сказать ничего — как ни скажи, кого-нибудь из них да предашь.

— Пошли ко мне, — сказала она. — Есть хочется, а мать приготовила земляничный пирог.

— Пошли, — сказал я, вытирая лицо. — От земляничного пирога я никогда не отказывался.

— Да, я такого не помню, — подтвердила Кэтрин.

Я брызнул в нее водой, она ловко увернулась.

Мы встали. Прошли вдоль реки до того места, где начиналась дорога — сперва едва заметная тропка среди травы и кустарника, дальше утоптанная земля и сдвинутые в сторону камни, дальше колеи в суглинке, которые после дождя превращались в ручьи. Рядом с ними возникали новые тропинки, они огибали лужи, глубокие промоины, каменистые места. Они напомнили мне наш разговор с Томом накануне отъезда в Сан-Диего, разговор о том, что мы все — засевшие в дереве клинья. Однако я чувствовал, что это неверно: мы не так плотно притерты друг к другу. Скорее мы похожи на тропки — сплетение тропок, как здесь, на болоте возле реки.

— Когда идешь по проторенной дорожке, легче выбирать путь, — сказал я скорее самому себе, чем Кэтрин.

Она повернулась ко мне:

— Ты хочешь сказать, когда делаешь то же, что до тебя делали другие.

— Да, именно. Многие прошли здесь до тебя и выбрали самый удобный путь. А вот в лесу...

Она кивнула:

— Мы все теперь в лесу. — С коряги вспорхнул зимородок. Она продолжила: — И я не знаю почему.

Тени деревьев на другом берегу протянулись через речную рябь и лежали поперек нашей тропы. В соседней старице плеснула форель, и по спокойной воде побежали идеально ровные круги... Почему сердце не растет так же быстро? Я хотел понять... я хотел понять, что я делаю.

Чем больше перечувствуешь, тем больше видишь. В тот вечер я видел все с пугающей четкостью: листья, словно лезвия ножей, буйство красок, как у наряженных к толкучке мусорщиков... Однако чувства мои были самые смутные: облачный океан в груди, комок под ложечкой. Слишком сложные, чтобы дать им название. Река в сумерках, широкая поступь девушки, с которой мы дружим, предвкушение земляничного пирога, от которого у меня заранее текли слюнки, и на другой чаше весов — идея свободы. Затеи Николена. Старик, лежащий

в постели за сумеречной рекой. Я не мог подобрать для этого слов и молча шел с Кэтрин до самого ее дома.

В доме оказалось тепло (Рафаэль проложил им под полом трубы, по которым шел теплый воздух от хлебных печей), горели лампы, от пирогов на столе поднимался жар. Женщины болтали. Я откусил пирога и позабыл про все на свете. Алая земляника, сладкий вкус лета. Провожая меня, Кэтрин спросила:

— Поможешь?

— Постараюсь.

В темноте ей не было видно моего лица. Она не знала, что по пути к дому я придумывал, как бы отговорить Стива от его затеи, и в то же время как вытащить из Эла дату предстоящей высадки. Может, следить за ним каждую ночь, пока не подслушаю, как он ее назовет

Я все ломал голову, но не мог придумать, как обхитрить Эдисона. Когда мы в следующий раз удили со Стивом, пришлось в этом сознаться.

— Они в развалинах весовой станции, — сказал Стив, когда мы порядком отошли от других лодок. — Я там был. Они разбили постоянный лагерь. Дженнингс у них за старшего.

— Значит, они там? Сколько их?

— Человек пятнадцать—двадцать. Дженнингс спросил меня, где ты. И еще он хочет знать, когда высаживаются японцы. Когда и где. Я сказал ему, что мы знаем где и в самом скором времени разузнаем когда.

— Зачем ты это сказал? — спросил я. — Может, японцы вовсе не собираются высаживаться в ближайшее время.

— Но ты же слышал, как мусорщики об этом говорили!

— Да, но кто знает, может, они вралы?

— Ладно, — сказал он и забросил блесну. Я с тоской уставился на черные обрывы Бетонной бухты. Стив продолжал: — Если так рассуждать, ни в чем никогда не будешь уверен. Но раз эти мусорщики столько сказали Эду, значит, он с ними в деле и ему дадут знать, когда высадка. Я повторил Дженнингсу, что мы говорили ему прежде, и обещал, что мы все разузнаем.

— Что не мы, а ты говорил ему прежде, — поправил я.

— Ты был вместе со мной, — сердито отвечал он. — Нечего прикидываться, будто тебя там не было.

Я забросил блесну с другого борта и отпустил леску. Потом сказал:

— Я там был, но это не значит, что мне очень нравится вся затея. Слушай, Стив, как наши посмотрят, если узнают, что мы помогаем людям из Сан-Диего вопреки общему решению. Чем будем оправдываться?

— А мне плевать, что про нас скажут. — У него клюнуло, и он со злобой дернул удочку. — И это еще если узнают. Они не могут запретить нам делать, что мы хотим, тем более что мы сражаемся за них, за трусов. — Он забагрил скумбрию, будто это один из трусов, о которых шла речь, втащил ее в лодку и с размаху шмякнул головой о дно. Она слабо встрепенулась и испустила дух. Стив продолжал: — В чем дело, ты решил меня бросить? Теперь, когда мы зазвали их сюда и они ждут?

— Нет, я не собираюсь тебя бросать. Просто не знаю, хорошо ли мы поступаем.

— Конечно, хорошо, и ты это знаешь. Вспомни, что ты сам говорил на собрании! Ты был лучше всех, ты все говорил правильно, до последнего слова. И ты знал, что прав. Давай вернемся к делу. Мы должны выведать у Эда день высадки, а с Шёнксами знаком ты. Сходи к ним, постарайся подобраться к Мелиссе, а там видно будет.

— Хм. — (Зря я в свое время не рассказал Стиву, как Эд с Мелиссой обвели меня вокруг пальца.) У меня клюнуло, но я слишком резко дернул, и рыба сорвалась. — Надо подумать, — промямлил я, не решаясь сознаться, что врал, выставя себя в лучшем виде.

— Ты должен.

— Ладно, ладно! — воскликнул я. — Оставь меня в покое, понял! Я что-то не слышал от тебя дельного совета, как выпросить у Эда про день, если он не захочет говорить. И отвязись от меня!

Мы замолчали и стали смотреть на свои лески. Холмы на берегу вздымались и падали, под ярким дневным солнцем их зелень казалась пожухлой.

Стив переменил тему:

— Я все надеюсь, что этой зимой мы снова попробуем бить китов. Думаю, для начала можно было бы загарпунить кита поменьше. Может, не с одной лодки.

— Без меня, пожалуйста, — отрезал я.

Он покачал головой:

— Не понимаю, чего на тебя нашло, Хэнк. С самого возвращения...

— Ничего на меня не нашло. — И горько прибавил: — Ровно то же самое можно сказать о тебе.

— С чего ты взял? Из-за того, что я думаю о китовой охоте?

— Нет, черт возьми.

Единственный раз, когда мы пытались убить серого кита, мы вышли в море на больших лодках, и Рафаэль метко бросил гарпун собственного изготовления. А потом мы стояли и смотрели, как кит нырнул и привязанный к гарпуну трос мигом размотался и ушел под воду. Наша ошибка была в том, что трос мы привязали к кольцу на носу: кит просто утащил лодку под воду — буль! — и все гребцы очутились в ледяной воде. Кончилось тем, что вместо кита мы выуживали из воды своих товарищей. Разматываясь, канат чиркнул Мануэля по руке, и тот чуть не умер от потери крови. Джон тогда объявил, что наши лодки малы для китобойного промысла, и я, поскольку был в соседней с затонувшей лодке, склонен был с ним согласиться.

Однако сейчас я думал не об этом.

— Ты все время прешь на рожон, — медленно сказал я. — Испытываешь отцовское терпение. Не знаю, что, ты думаешь, из этого выйдет...

— Ты вообще не знаешь, что я думаю, — перебил он таким тоном, что стало ясно: он не желает говорить на эту тему. Глядя на его плотно сжатые губы, я видел, что он вот-вот взорвется. Такое выражение бывает иногда у собак: тронь меня еще раз, и я откушу тебе ногу. У меня клюнуло, и я смог без труда оставить этот разговор. Однако, очевидно, я что-то нащупал. Может, Стив надеется, что Джон вышвырнет его из долины и он, Стив, будет свободен делать, что ему вздумается...

Большого окуня, который попался мне на крючок, я вытащил не сразу и не без труда.

— Глянь, Стив, эта рыбина меньше моего локтя, и я еле ее вытащил. А киты вдвое больше нашей лодки.

— В Сан-Клементе их бьют, — сказал Стив, — и выручают за них кучу серебра на толкучках. Как Том говорит, сколько горшков жира получается из одного кита?

— Не знаю.

— И ты туда же! «Не знаю, не знаю». Вся долина перессорилась к чертям собачьим.

— Тоже верно, — сердито ответил я.

Николен фыркнул и стал смотреть на леску. После того как мы вытащили еще по нескольку рыб, он снова заговорил:

— Может, смазать гарпуны ядом. Или, знаешь, загарпунить кита дважды, с двух лодок.

— Тросы запутаются. Лодки столкнутся.

— А как насчет яда?

— Лучше привязать к гарпуну канат втрое длиннее, и пусть себе ныряет, сколько хочет.

— Но вот видишь, ты и заговорил. — Голос его звучал довольно.

— А что, если привязать гарпун к тросу, который тянется к самому берегу — держится на буйках или что-нибудь в этом роде. После того как гарпун попадет в цель, тянуть можно с берега. Может, удастся втащить кита прямо в устье реки.

— Очень крепко придется привязывать гарпун.

— Разумеется. Это при любом способе.

— Да, конечно. Но уж больно длинный понадобится трос. Обычно киты не подходят к берегу ближе чем на милю, ведь так?

— Да... — Он задумался, потом сказал: — Интересно, как же их все-таки бьют в Сан-Клементе?

— И я о том же думал. Ведь не расскажут же.

— Я б тоже на их месте не рассказал.

— Ты чего? Разве не ты говорил, что поселки должны помогать друг другу, что мы одна страна и все такое?

Он кивнул:

— Верно. Ты и сам это говорил. Но пока все с этим не согласится, надо защищать свои достижения.

Мне показалось, что это имеет какое-то отношение ко мне, но какое именно, я сообразить не мог. Все равно

я сделал ошибку, вернув разговор к политике, и, когда мы гребли к устью реки, Стив снова принялся на меня давить.

— Не забудь, что мы обещали Дженнингсу. И ты сам знаешь, чего тебе больше всего хочется — сразаться с япошками. Вспомни, как они чуть не потопили тебя, и Тома, и всех остальных тогда, в шторм.

— Помню, — сказал я. Ладно, Кэтрин, я попытался. Но против себя не попрешь. Николен прав. Я хочу, чтобы японцы убрались из нашего океана.

Мы подгребли к устью и вошли в него вместе с приливной волной. Николен продолжал:

— Так что давай, поговори с Мелиссой. Она к тебе равнодушна и сделает, что ты скажешь.

— Хм.

— Может, она спросит для тебя у Эда.

— Сомневаюсь.

— Но надо же с чего-то начать. Я тоже буду думать. Может, нам удастся подслушать, как тебе в прошлый раз.

Я рассмеялся:

— Может дойти и до этого. Я сам об этом подумывал.

— Хорошо бы. Но попробуй для начала поговорить, ладно?

— Ладно. Начну с Мелиссы.

Дня два я об этом думал, но не надумал ничего дельного — под ложечкой у меня стоял комок, появилась бессонница. Как-то раз перед рассветом я бросил попытки заснуть и по мокрому от росы мосту пошел к дому Дока. Коста не спал, сидел на кухне, пил чай и смотрел в стенку. Я постучал в окно, он меня впустил.

— Сейчас спит, — сказал он с облегчением.

Я кивнул и сел рядом.

— Он все слабеет, — продолжал Док, глядя на свою кружку. — Не знаю... Плохо, что вам пришлось возвращаться из Сан-Диего в такую непогоду. Ты молод, выдержал, но Том... Напрасно он ведет себя как мальчишка. Может, это научит его беречься, больше думать о себе. Если он выживет.

— Вам тоже стоит поберечься, — сказал я. — Вы ужасно устали.

Он кивнул.

— Если б не взорвали рельсы, мы бы добрались домой без хлопот, — продолжал я. — Эти сволочи...

Док, глядя мне в глаза, сказал:

— Понимаешь, он может умереть.

— Понимаю.

Он отхлебнул чаю. Светало, темнота в кухне постепенно рассеивалась.

— Пойти что ли правда полежать.

— Идите. Я посижу, пока Мандо не проснется.

— Спасибо, Генри. — Он отодвинул стул. Встал. Постоял, собираясь с силами, и пошел к себе.

В тот же день после обеда я поднялся на Бэзилонский холм, посмотреть. не застану ли Мелиссу дома. Через лес, по замшелым фундаментам. Вот и поляна перед башней. Эдисона я заметил сразу — он сидел на крыше, курил трубку и болтал ногами, постукивая каблуками по стене. Увидев меня, он перестал болтать ногами, но не улыбнулся и не кивнул. Смущаясь от его взгляда, я подошел ближе.

— Мелисса дома? — окликнул я.

— Нет, в долине.

— Нет, не в долине! — крикнула Мелисса, выходя на поляну с северной — противоположной нашей долине — стороны. — Я дома!

Эд вынул изо рта трубку:

— Значит, дома.

— Что стряслось, Генри? — с улыбкой обратилась ко мне Мелисса. На ней были просторные джутовые штаны и синяя майка. — Хочешь прошвырнуться по хребту?

— Как раз это я и хотел тебе предложить.

— Папа, я иду с Генри, вернусь засветло.

— Если не застанешь меня, — сказал Эд, — то жди к ужину.

— Ага. — Они обменялись взглядами. — Я постараюсь, чтобы он не остыл.

Мелисса взяла меня за руку:

— Идем, Генри.

Мы углубились в лес за домом. Она шла впереди, пританцовывая, ловко огибая деревья, и поминутно сыпала вопросами.

— Где ты был, Генри? Чего-то тебя совсем не видно. Опять ходил в Сан-Диего? Тебя туда не тянет?

Я вспомнил, что она в ту ночь говорила мусорщикам, и с трудом удержался от улыбки. Не то чтобы мне было весело — но уж слишком откровенно она меня выспрашивала. Я врал напрапалую:

— Да, я потихоньку ходил в Сан-Диего. Этого никто не знает. Я встретил... — Я хотел сказать «целую армию американцев», но предпочел не показывать, что знаю ее намерения. — Я встретил целую кучу народа.

— Правда? — воскликнула она. — И когда же это было?

Вот ведь шпионка! И в то же время она была такая складная, так пружинисто скользила между деревьями, солнечные зайчики так отсвечивали в ее иссиня-черных волосах, что, шпионка или нет, мне хотелось перебирать и гладить их тугие пряди.

Выше по склону дерева сменялись колючей порослью и живучим можжевельником. Мы влезли по расщелине на самый хребет и остановились на ветру. Это был и впрямь хребет — как рыбий — узкий каменистый гребень. Мы пошли по гребню, любуясь видом на море и на долину Сан-Матео.

— Качельный каньон сразу за этим отрогом, — сказал я, указывая вперед.

— Правда? — спросила Мелисса. — Хочешь пойти туда?

— Хочу.

— Пошли.

Мы поцеловались, чтобы скрепить наше решение, и у меня кольнуло сердце — почему она не такая же девушка, как остальные, как Мариани и Симпсоны?.. Мы продолжали идти по гребню. Мелисса по-прежнему спрашивала, я по-прежнему врал в ответ. За Кучильо, вершиной Бэзилонского хребта, от гребня в долину спускались несколько отрогов. Между двумя такими отрогами и располагался Качельный каньон; отсюда сверху мы видели и сам каньон, и то место, где текущий по нему

ручеек сбегал на кукурузное поле. Мы съехали на задку по осыпи в верховье каньона, потом осторожно зашагали через низкую колючую поросль. И все время Мелисса продолжала меня выпрашивать; я дивился, что она так открыто вытягивает из меня сведения, но, не зная я подоплеки, наверно, ничего бы не заподозрил, счел бы простым любопытством. Размышляя об этом, я решил быть смелее: в конце концов, я знал больше ее. Смелее во всем: снимая ее с уступа, я поддержал ее рукой между ног; она отставила колено, чтоб мне было удобнее, и, соскочив на землю, весело рассмеялась. Мы поцеловались и пошли дальше.

— А ты слыхала, что японцы с Каталины приезжают смотреть развалины округа Ориндж? — спросил я.

— Слыхала, бывает такое, — беспечно отвечала она, — но больше ничего. Расскажи мне, что знаешь.

— До чего же мне хочется увидеть такую высадку, — сказал я. — Знаешь, когда меня подобрал японский корабль, я довольно долго говорил с капитаном и видел у него на пальце университетское кольцо, из тех, что продают мусорщики!

— Да ты что! — воскликнула она в изумлении. Мне захотелось сказать ей, что она пересаливает.

— Ага! Капитан корабля! Я думаю, все эти японские капитаны подкуплены, чтобы в определенные ночи доставлять на берег туристов. Как бы мне хотелось посмотреть такую вылазку — может, узнаю своего капитана.

— Зачем? — спросила Мелисса. — Ты хочешь его застрелить?

— Нет-нет, что ты. Я хочу знать, правильно ли я про него угадал. Понимаешь, правильно ли я угадал, что он высаживает туристов.

Все это прозвучало не слишком убедительно, но ничего лучшего я не придумал.

— Сомневаюсь, чтобы тебе удалось посмотреть, — резонно отвечала Мелисса. — Но желаю удачи. Мне бы хотелось чем-нибудь тебе помочь, но я бы на твоём месте не пыталась.

— Ну, — сказал я, — может, ты и могла бы помочь.

Мы спустились в начало каньона, и я прервал разговор, чтобы поцеловаться. Качели висели на большом

дереве, росшем возле родника, от которого брал начало ручей. Вокруг родника за естественной каменной запрудой образовалось озерцо, а рядом была ровная площадка, окруженная елями. Мелисса взяла меня за руку и повела напрямик туда, из чего я понял, что она знает это место не хуже меня. Мы сели в полумраке под елями и поцеловались, потом легли на мягкую подстилку из листьев и еловой хвои и стали целоваться снова. Мы прижимались друг к другу, бессмысленно катались по шуршащей листве. Я просунул руку под пояс ее просторных штанов, скользнул по животу к тугим завиткам волос. Она сквозь джинсы нащупала мой конец, сжала, и мы целовались, целовались, часто и прерывисто дыша. Я был возбужден, но не мог позабыть все и просто ласкать ее. Обычно когда тискаешься с девчонкой — с той же Мелиссой, с Ребл Симпсон в прошлом году или с Валери из Трабуко (то-то были ночки на толкучке), — то весь плавишься, сознание перетекает в кожу, так что уже ни о чем не думаешь и, после того как кончишь, словно возвращаешься из обморока. Теперь же я гладил Мелиссу, целовал в шею и плечи и одновременно думал, как бы представить мое желание подглядеть за японским капитаном убедительным и даже очень важным, как снова попросить, чтобы она подкатилась к Эдисону с расспросами. Все это было ужасно странно.

— Может, ты и могла бы помочь, — произнес я между поцелуями, будто это только что пришло мне в голову. Моя рука по-прежнему была у нее в штанах, между ног.

— Чем же? — спросила она, извиваясь.

— Может, попросишь отца расспросить об этом у знакомых. Я понимаю, конечно, знакомых у него в Сан-Клементе немного, но ты говорила, один или два есть...

— Не говорила! — резко сказала она и отстранилась. Моя рука выскользнула из ее штанов и тут же потянулась обратно: нет-нет, умоляли мои пальцы.

— Не говорила я ничего подобного! У папы своя работа, мы тебе это сто раз говорили! — Она села. — И к тому же зачем тебе это? Никак в толк не возьму. За этим ты сегодня и приходил к отцу?

— Да нет, конечно. Я пришел повидаться с тобой, — с жаром произнес я.

— Чтобы я спросила у него, — ответила она, ничуть не убежденная. Я привалился к ней, уткнулся лицом в шею.

— Понимаешь, — промямлил я, — если мне не удастся еще раз увидеть японского капитана, я буду бояться его до скончания дней. Он мне снится в страшных снах и все такое. А Эд мог бы помочь мне разузнать про такую встречу.

— Не может он, — с досадой отвечала Мелисса.

Я попытался снова залезть ей в штаны, чтобы отвлечь, но Мелисса оттолкнула мою руку.

— Не надо, — холодно сказала она. — Слышишь? Ты завел меня сюда, чтобы я пристала к отцу. Так вот: не смей докучать ему расспросами про округ Ориндж и про японцев, понял? Не спрашивай его ни о чем и не втягивай в свои дела. — Она стряхнула с волос листья и отсела от меня на край озерца. — В вашей дурацкой долине нам и без твоих вывертов несладко приходится.

Зачерпнула пригоршню воды, выпила, сердито отбросила с лица волосы.

Я встал на ватные ноги и пошел к качелям. Мне сделалось стыдно за мою расчетливость. Мелисса стояла на коленях возле темного озерца, такая красивая-красивая... и все же! Это сладкое притворство после того, как она говорила тогда с мусорщиками — после того, как они с Эдом пригласили мусорщиков в дом и выложили им все, что разнюхали в нашей «дурацкой долине» и вывели у главного из ее дураков — Генри Аарона Флетчера... Я чуть не заскрипел зубами.

Качели висели на дереве, которое росло на самой запруде. Собственно, это были не качели, а просто кто-то давным-давно привязал к одной из верхних ветвей толстую веревку; держась за узел, можно было раскачиваться над самым каньоном. Я сердито ухватился за веревку и отошел от запруды вбок. Разбежался по поляне, крепко держа узел, прыгнул. Полет длился долго. Это было здорово — лететь и видеть еще освещенный солнцем противоположный склон каньона, а внизу, под собой, — темные древесные кроны. Я медленно крутился, оглядываясь на толстый ствол дерева, и опустился на приличном расстоянии от него. Габби как-то полез

качаться пьяным и вмазался спиной в дерево, прямо в небольшой сук. Он тогда аж побелел.

— Никогда больше не говори с нами об этом. Ты меня слушаешь, Генри?

— Слушаю.

— Ты мне нравишься, но я не потерплю, чтобы про папу распускали слухи, будто он встречается с мусорщиками. На нас и без того косо смотрят, хотя мы ничего плохого не делаем, ничего.

Она говорила жалобно и обиженно, а мне хотелось заорать: «Стерва, на вас косо смотрят, потому что вы оба — мусорщики! Я видел, как вы для них шпионите! Ты меня не надуешь!» Но я сжал зубы и прыгнул снова.

— Я тебя слушаю! — горько крикнул я в воздух.

Она не ответила.

Веревка громко скрипела, я свел ноги вместе и медленно крутился. Потом прыгнул еще раз и еще. Мне было так здорово, что хотелось качаться всегда-всегда, крутиться вместе с веревкой над землей, над всеми ее заботами, ни о чем не думать, только о разрезаемом со свистом воздухе, о идущих кругом деревьях, о темно-зеленом озерце внизу. Тогда бы и комок под ложечкой рассосался. Я приземлился и чуть не вмазался лицом в ствол. Всегда так: только размечаешься, сразу получаешь сучком по морде.

Мелисса наклонилась над озерцом и, придерживая волосы, пила прямо из ключа.

— Ну, я пошел, — резко объявил я.

— Мне без тебя отсюда не вылезти, — сказала она, не глядя в мою сторону.

Я чуть было не посоветовал ей спуститься по каньону и пройти долиной, тогда ей никакая помощь не понадобится, но сдержался.

Почти весь обратный путь прошел в молчании. Подъем оказался трудным, мы оба перепачкались. Мелисса не позволяла ее поддерживать, только когда не могла справиться сама — может быть, помнила, как я ссаживал ее с уступа по дороге вниз. Чем больше я думал как она со мной обошлась, тем больше злился. И только представить, что я по-прежнему ее хотел! Да я полный кретин, а Шенксы — те же воры. Мусорщики. Шпионы.

Крысы помоечные! Мало того, мне никакими силами не удастся вытянуть у них нужные сведения.

По Бэзилонскому хребту мы шли на расстоянии нескольких деревьев друг от друга.

— Дальше я доберусь без твоей помощи, — холодно объявила Мелисса. — Можешь возвращаться в свою разлюбезную долину.

Я молча развернулся и начал спускаться напрямик, без дороги. Мелисса рассмеялась мне вслед. Кипя от злости, я спрятался за деревом и немного обождал; потом повернул обратно к дому Шенксов и дал кругалю, чтобы подойти с севера. Я шел крадучись, стараясь укрываться за деревьями. Сквозь развилку в сосне видно было все их мрачное жилище. Эдисон стоял у дверей и оживленно беседовал с Мелиссой. Она указывала на долину и смеялась, Эдисон кивал. На нем была длинная, засаленная коричневая куртка (как раз к волосам). Закончив говорить с Мелиссой, он впустил ее в дом, хлопнув напоследок по задку. Потом зашагал в лес, на север, разминувшись со мной всего на несколько стволов. Между деревьями шла еле заметная тропка — небось сам Эдисон ее и протоптал, когда ходил на север, — и я на цыпочках двинулся по ней, глядя под ноги, чтобы не наступить на сучок. Через некоторое время я снова увидел Эдисона, быстро свернул с тропинки и, тяжело дыша, затаился за елкой. Когда я высунул голову из-за дерева, он все еще шел вперед; я обогнул ствол и перебежками двинулся через лес, ступая на пятки, в грязь или на сосновые иголки, поднимая колени, как в танце, чтобы не наступить на сучок или не зашуршать листьями. После каждой лихорадочной перебежки я нырял за дерево и высматривал Эдисона. Пока все шло хорошо: он даже не заподозрил, что за ним идут. Выскочив из укрытия, я бежал в ту сторону, где, мне казалось, получится бесшумнее. Постепенно я вошел во вкус. Мало того, что мне было не страшно, — мне было весело. После того дерьма, в которое окунули меня Эдисон с Мелиссой, было по-настоящему приятно утереть ему нос — переиграть его в его же игре.

Приятно было неслышно скользить между деревьями — словно выслеживаешь зверя, только лучше, потому

что никакой зверь не позволил бы так за собой идти. Любая нормальная зверюга мигом бы меня учуяла, только б я ее и видел. А человека выслеживать легко. Я даже мог наметить заранее, с какого боку буду к нему подкрадываться, а потом сменить направление и подбираться с другой стороны. Вроде игры в прятки, только теперь в ней были настоящие ставки.

На полпути через долину Сан-Матео я вдруг вспомнил, что впереди река, мост через нее только один, и это, естественно, открытое место, так что я не смогу прокрасться за Эдисоном следом. Придется дойти до моста, там отпустить его вперед, выждать, а потом быстро перебежать мост, спрятаться за деревьями и, если повезет, высмотреть его и наверстать потерянное расстояние.

Я все еще прокручивал в голове, как это лучше сделать, когда Эд вышел на берег реки Сан-Матео значительно ниже моста. Я с размаху плюхнулся на живот, спрятался за первым попавшимся деревом — это был эвкалипт, тонковатый, чтобы за ним прятаться, — и стал думать, что же Эдисон будет делать дальше. Он озираясь, даже в мою сторону взглянул, поэтому я сжался и спрятал голову за ствол. Теперь я ничего не видел. Шершавая эвкалиптовая кора пахла смолой, я тяжело дышал, плясая на нее и боясь высунуть нос из-за дерева. Услышал он меня? При этой мысли пульс начал выбивать дробь, точно дятел на дереве, вся радость от погони за человеком улетучилась. Я лежал плашмя, стараясь не шуршать нависшими надо мной эвкалиптовыми ветвями, потом, затаив дыхание, выглянул из-за дерева одним глазком.

Эда не было. Я высунул всю голову, но все равно его не увидел. Я встал, и тут услышал идущий от реки шум мотора. Эд все еще стоял на берегу и, глядя в сторону моря, махал рукой. Я застыл. Эд так ни разу и не обернулся. Вскоре между деревьями я различил лодку, в которой сидели трое. Она шла без весел — на корме у нее был подвешен мотор. На средней банке сидел японец. Лодка приблизилась к берегу, тот, что сидел на носу, встал, прыгнул на берег и помог Эду закрепить причальный конец за дерево.

Пока остальные вылезали из лодки, я по-кошачьи перебирался от дерева к дереву и, наконец, сполз на животе по толстой подстилке из листьев эвкалипта и сосновых иголок к толстой сосне, всего в трех или четырех деревьях от них. Здесь, под низкими ветками, за толстым стволом, я был укрыт надежно.

Японец — он был похож на моего капитана, только ростом ниже — вытащил из лодки белый матерчатый мешок, перехваченный сверху веревкой. Протянул Эду. Потом они спрашивали, Эд отвечал. Я слышал голоса, особенно голос японца, но не мог разобрать ни слова. Я затаил дыхание и ругался про себя черными словами. До них было рукой подать — я не осмеливался подобраться ближе, — и все-таки невозможно было разобрать ничего, кроме случайных «вы» и «мы». Я мог уловить только тон разговора. До них было не дальше, чем до Кэтрин со Стивом, когда я подслушал их ссору, но эти-то говорили на берегу реки, а течение хоть и не сильно шумело, но все же заглушало голоса. Так я узнал, что на берегу реки ничего толком не подслушаешь. Выходит, вся погоня была зря. Я не мог поверить в свое невезение. У меня на глазах Эд говорит с японцами, может быть, как раз о том, что я хочу узнать; я там, где хотел быть, на расстоянии не больше длины четырех лодок. И все без толку. Мне хотелось уткнуться носом в сосновую хвою и зареветь.

Временами кто-нибудь из мусорщиков (я решил, что это мусорщики, хотя одеты они были как деревенские) смеялся и более громким голосом подначивал Эда. «Дураков легко дурить», — сказал один. Эд хохотнул. «Через месяц-два это к нам вернется», — сказал другой, указывая на Эдов мешок. «По крайней мере, обратно к нашим девкам», — заржал первый. Японец переводил взгляд с одного на другого, не улыбаясь и не жестикулируя. Он задал Эду еще несколько вопросов, и Эд, надо думать, на них ответил — он стоял спиной, так что его голоса я не слышал вообще.

Потом у меня на глазах трое вернулись в лодку, Эд отвязал причальный конец, оттолкнул лодку от берега и остался стоять, глядя вниз по течению. Лодка мгновенно скрылась из виду, но я слышал, как заработал мотор.

И все. Я не узнал ровным счетом ничего нового. Я ткнулся лицом в палую хвою и сжал зубами несколько иголок.

Эд недолго смотрел вслед лодке — через минуту-две он прошагал мимо меня. Я еще немного полежал, затаившись, потом встал и пошел за ним. Мне было до того худо, что временами я ударял кулаком по стоящим на пути деревьям. Эд куда-то подевался. Я замедлил шаг. Злоба и разочарование душили меня, и я не знал, хочу ли следить за ним до самого дома. Что толку? Однако одному плестись в Онофре было бы еще хуже. Я снова побежал по лесу длинным косыми перебежками.

Я так и не увидел Эда, пока он не выскочил на меня и не сбил с ног. Он вытащил из-за пояса нож и навалился на меня, но я успел откатиться и лягнул его в запястье, извернулся и лягнул в колено, вскочил, изловчился схватить его за горло. Он ударился о дерево и зашатался; я выхватил мешок из его левой руки, увернулся от ножа и, держа тяжелый маленький мешок на изготовку, словно дубину, быстро отступил назад.

— Стой, где стоишь, иначе убегу, только ты этот мешок и видел! — выкрикнул я и, почти не думая, продолжил: — Я проворней тебя, ты меня не догонишь. В лесу за мной никому не угнаться.

Я победно расхохотался, глядя ему в лицо, потому что сказал правду, и он это знал. Я самый резвый в долине, я сумел вырваться от Эдисона с его ножом среди деревьев даже раньше, чем успел что-нибудь сообразить, или подумать, или почувствовать. Эд все это понимал. Наконец-то Эдисон Шенкс у меня в руках.

Он левой рукой потер шею, глядя на меня с ненавистью пойманного в силки хорька.

— Чего тебе надо? — спросил он.

— Не много. Мне не нужен твой мешок, хотя, судя по весу, там целая куча серебра, а может, чего получше, а?

Может, я и не угадал, что в мешке, но одно было точно — Эд хочет получить мешок обратно. Он двинулся вперед, я отступил на несколько шагов назад и вправо, за деревья.

— Тому, Джону, Рафаэлю и остальным будет любопытно заглянуть в этот мешок и послушать, что я расскажу.

— Чего тебе надо? — проскрежетал он.

Я бесстрашно встретил его ненавидящий взгляд. Сказал:

— Мне не нравится, как вы со мной обошлись.

Нож в его руке дернулся. Не стоит говорить ему все, что я знаю.

— Я хочу видеть, как японцы высаживаются в округе Ориндж. Мне известно, что они это делают, известно, что ты с ними заодно. Я хочу знать, где и когда они высадутся в следующий раз.

Он взглянул изумленно и опустил руку с ножом. Потом ухмыльнулся (глаза его горели ненавистью), и меня передернуло.

— Ты ведь водишь дружбу с другими ребятами. С младшим Николеном, Мендесом и другими.

— Я сам по себе.

— Следите за мной, да? Готов поспорить, что Джону Николену ничего об этом не известно.

Я потряс мешком:

— Скажи мне, когда и где, Эд, или я возвращаюсь с этим в долину и ты больше не посмеешь туда сунуться.

— Еще как посмею.

— Хочешь попробовать?

Он скривил губы. Я стоял на своем. Я видел, что он думает. Потом он снова ухмыльнулся, я не понял, с чего. Хорек, последний раз злобно оскалившийся перед смертью.

— Они высаживаются на мысе Дана в эту пятницу ночью. В полночь.

Я бросил ему мешок и побежал.

Сперва я бежал, как преследуемый олень, перепрыгивая через упавшие стволы и наступая на ветки, радуясь, что можно шуметь сколько влезет и страшась, вдруг в мешке пистолет или вдруг Эд умеет бросать нож, и сейчас мне в спину воткнется лезвие. Однако, пробежав долину Сан-Матео, я понял, что в безопасности, и дальше бежал просто от радости. Я торжествующе пританцовывал, перепрыгивал кусты, которые вполне мог обещать, обламывал заслонявшие путь ветки. Выбежал на бетонку и припустил в полную силу. Не помню, чтобы я бежал так быстро или чтобы бег доставлял мне такую

радость. «В пятницу ночью!» — орал я небесам и мчался по дороге, как автомобиль. Комок под ложечкой наконец-то рассосался.

Глава 18

Однако рассосался он не надолго. Спустившись в долину, я сразу побежал к Николенам, где миссис Н. огорошила меня известием, что Стив где-то с Кэтрин. Я поблагодарил и ушел, обеспокоенный. Ругаются они? Мирятся? Может, Кэтрин отговорила Стива от всей затеи (в это верилось с трудом). Я проверил несколько наших излюбленных мест — не то чтобы мне хотелось встречаться с Кэтрин, но меня просто-таки распирало от желания немедленно повидаться со Стивом. Но оба как в воду канули. Где они, что делают — не угадаешь. Спускаясь в Качельный каньон, я вдруг сообразил, что больше не понимаю этих двоих — если когда-нибудь понимал. Куда идут люди после ссоры, вроде той, что я подслушал? Личная жизнь других парочек — вряд ли есть что-нибудь более личное. Никому, кроме них двоих, не проникнуть в их отношения, даже если они делятся с посторонними. А если нет, то это полная загадка, тайна от всего мира.

Был вечер среды. Я еще дважды заходил к Николенам, но Стив так и не объявился. Наш разговор откладывался, и мне делалось все беспокойнее. Что скажет Кэтрин, когда узнает, какую роль я сыграл в этой затее? Решит, что я ей наврал, обманул ее доверие. С другой стороны, если не рассказать Стиву о высадке, а он как-то проведаст, что я знал... — но об этом даже думать не хотелось. В одну секунду я лишусь лучшего друга.

Когда Николена во второй раз не оказалось дома, я пошел к себе и лег спать. Казалось бы, после такого дня не заснешь, но я вырубился в первые же несколько минут, правда, часа через два проснулся и долго ворочался с боку на бок, вслушивался в завывания ветра и гадал, как же мне поступить. Окончательно я проснулся сразу после рассвета. Под ложечкой стоял комок, и от усилий заснуть делалось только хуже. Мне смутно припоминался сон, такой жуткий, что не было ни малейше-

го желая вспоминать его четче, — будто бы за мной гнались, но через несколько минут я не был уверен даже и в этом. Когда я встал и вышел пописать, то увидел, что задует Санта-Ана — пустынный ветер, который налетает из-за восточных хребтов, сгоняет облака к океану и приносит с собой жаркую засуху. Санта-Ана дует раза три-четыре в году и всякий раз круто меняет погоду. Сейчас она набирала силу прямо на глазах. Деревья, обычно наклоненные от моря, теперьгнулись в непривычную сторону. Вскоре сосновые ветки начнут отрываться и полетят в сторону океана.

Я взялся за пустое ведро, и ручка легонько шибанула меня током. Электростатический заряд, так называл это Том, но он ни разу не сумел внятно объяснить мне, что же это такое. Он толковал про миллионы крошечных огоньков, которые мечутся быстро-быстро (вы, разумеется, помните, как классно он объяснял про огонь), и электричество бежало по проводам, натянутым между башнями, вроде той, в которой живут Шенксы, и приводило в действие все древние механизмы. А бралась эта энергия от маленьких разрядов, вроде того, что сейчас меня стукнуло.

Под утренним солнцем все по дороге к реке было насыщено цветом, словно электростатический заряд наполняет предметы и делает их ярче. Волосы у меня на руках стояли дыбом, и на голове, судя по тому, как трепал их ветер, тоже. Электростатический заряд... Может, у человека он скапливается под ложечкой. Я дошел до реки, встал на колени, окунул голову, набрал в горло воды и выплюнул — надеялся, что электричество уйдет в реку. Не помогло. Сна как не бывало. По реке, подстегивая течение, бежала рябь. Воздух уже сделался теплым и сухим, суля обжигающий зной. Я выпил полведра воды, бросаясь камнями в упавшее дерево на другом берегу. Что же все-таки делать? Чайки, хлопая крыльями, кружили над головой, жаловались на встречный ветер. И пошел домой, и мы с отцом разъели на двоих буханку.

— Что сегодня делаешь? — спросил он.

— Проверяю силки. Старший Мендес велел.

— Отдохнешь от рыбалки.

— Ага.

Отец посмотрел на меня, наморщил нос.

— Что-то ты в последние дни неразговорчивый, — заметил он.

Я рассеянно кивнул — мне было не до него.

— Смотри — станешь таким, что с тобой невозможно будет разговаривать.

— Не стану. И вообще, мне пора.

Прежде чем проверять силки, я снова пошел к реке и сел на обрыве. Ниже по течению появились женщины, семейство Мариани и другие — они торопились, пока дует Санта-Ана, выкупаться, перестирать одежду, простыни, одеяла, полотенца и все остальное, что сумеют дотащить до воды. Воздух с каждой минутой становился все горячее и суше, он уже обжигал ноздри. Женщины достали мыло, разделись, зашли на мелководе со стиральными досками и бельевыми корзинами, принялись стирать, переговариваясь и пересмеиваясь, намыливались, ныряли на глубину — смыть мыло и поплескаться. Утреннее солнце сверкало на их мокрой коже, на прилипших к голове волосах; я мог бы сидеть дольше, глядя на гладкие белые тела; они резвились, словно стайка дельфинов, брызгались, дружно терли белье о стиральные доски, хохотали во всю глотку и улыбались солнышку. Однако они заметили, что я сижу выше по течению, и вскоре принялись бы кидаться камешками или подшучивать: «Эй, у тебя ничего не зачесалось?», или «Может, помочь?», или «Осторожней, а то уплывет, как вот этот кусок мыла!» К тому же все мои мысли были о другом, так что я последний раз обернулся и пошел вверх по реке, позабыв про женщин и возвращаясь к своей заботе. (Но что бы они подумали обо всем этом?)

Ясное дело, я мог ничего ему не рассказывать. Мог сказать, понимаешь, Стив, я ничего не разведал и вряд ли разведаю. Пятничная ночь пройдет, и никто ничего не узнает. По крайней мере не узнают другие. И все останется как было. Эта мысль пришла мне, пока я брел вдоль реки, и, переходя от силка к силку, я прокручивал ее в голове. Кое-чем она мне даже нравилась.

Потом я вспомнил драку с Эдом: как я ударил его о дерево, хотя он был с ножом, а я — нет. Вытащил из

силка кролика, заново насторожил силовик и вспомнил свой побег с японского корабля — как я плыл к берегу и как поднимался по расселине. Теперь это представлялось настоящим подвигом. Я вспомнил, как взбирался на стену Эдовой башни подслушать разговор мусорщиков, как бесшумно выслеживал Эда в лесу. Никогда прежде в Онофре мне не было так здорово, никогда я не чувствовал себя таким сильным. Мне все больше казалось, что это не просто случайность, а что я все нарочно подстроил — решил сделать то-то и то-то, пошел и сделал. А теперь мне представилась возможность сделать еще больше, сразиться за мою погубленную страну. Эта земля под ногами — наша земля, все, что нам оставили. Пусть держатся от нее подальше или пусть расплачиваются. Мы не ярмарочный балаган, вроде тех, что привозят иногда на толкучку — заходи и смотри, вот тебе жалкие уродцы, жертвы радиации, люди и звери... Мы страна, живая страна, живое сообщество на живой земле, и пусть нас оставят в покое.

Так что, вернувшись в долину с тремя кроликами и скунсом, я занес тушки Мендесу и пошел дальше по реке к Николенам. Стив был во дворе и яростно орал на стоящую в дверях мать — что-то насчет Джона, якобы тот что-то сделал или сказал нарочно, чтобы вывести Стива из себя. Я поежился и подождал, пока он выкричится и повернет к обрыву. Здесь я его догнал.

— Что стряслось? — спросил он.

— Узнал день! — заорал я.

Его лицо просветлело. Я выложил ему все как было и, закончив, ощутил легкую дрожь, поняв, что действительно рассказал. Я ведь так и не принял никакого решения — решением было само действие.

— Здорово, — повторял Стив, — здорово. Теперь они у нас в кармане! Что ж ты мне не рассказал?

— Вот, рассказал, — обиделся я. — Узнал только вчера.

Он хлопнул меня по спине:

— Пошли, сообщим ребятам из Сан-Диего! Времени-то осталось всего ничего — день! Может, им придется вызвать с юга людей или еще чего.

Однако теперь, когда я ему все выложил, сомнения в правильности сделанного вернулись с новой силой. Глупо, но так. Я замаялся и сказал:

— Иди к ним сам, а я расскажу Габби, Делу и Мандо, если их разыщу.

— Ну... — Он удивленно склонил голову. — Ладно. Если ты действительно так хочешь.

— Я свою часть выполнил, — сказал я, словно защищаясь от упрека. — Нам не стоит ходить туда вдвоем — так мы привлечем больше внимания.

— Наверно, ты прав.

— Приходи ко мне вечером, расскажешь, что они ответят.

— Приду.

Вечером, когда он пришел, ветер разыгрался вовсю. Могучие ветви эвкалиптов бились одна о другую, трескали, листья отрывались и летели на нас. Сосны басовито гудели и качались на фоне ярких звезд.

— Знаешь, кто был в их лагере? — сказал Стив. Он был на взводе и даже пританцовывал. — Угадай!

— Не знаю. Ли?

— Нет, мэр. Мэр Сан-Диего.

— Неужели? Зачем он здесь?

— Чтобы сражаться с япошками, зачем еще? Он жутко обрадовался, когда я сказал, что мы отведем их к месту высадки. Он пожал мне руку, и мы выпили виски.

— А ты сказал им, где это будет?

— Конечно, нет! Что я, дурак? Я сказал, окончательно мы узнаем только завтра, а им сообщим, когда пойдем вместе с ними. Понимаешь, так им придется взять нас с собой. Кстати, я сказал, что ты один знаешь про высадку и не хочешь никому говорить.

— Отлично. А почему?

— Потому что ты жутко подозрительный и не хочешь, чтобы дошло до японцев. Так я и объяснил.

Это навело меня на мысль, которая прежде не приходила мне в голову: Эд может сообщить японцам, что мы знаем о высадке, и они просто перенесут день. А может, Эд наврал мне насчет пятницы. Но я не стал говорить об этом Стиву, не захотел осложнять дело. Сказал только:

— Они подумают, что мы рехнулись.

— С чего? Мэр по-настоящему доволен.

— Еще бы. Сколько с ним людей?

— Человек пятнадцать—двадцать.

— И Дженнингс тоже?

— Конечно. Слушай, ты рассказал Габби, Делу и Мандо?

— А Ли? Ли с ними?

— Не видал его. Так что насчет нашей компании?

Отсутствие Ли меня беспокоило, я не понимал и не одобрял его исчезновения. Помолчав, я продолжил:

— Габби и Делу сказал. Дел в пятницу идет с отцом в каньон Талега покупать телят, и его с нами не будет.

— А Габби?

— Придет.

— Хорошо. Генри, мы своего добились! Мы в сопротивлении!

Горячий порыв Санта-Аны обжег ноздри, я весь был напичкан статическим электричеством. В листьях плясали звезды.

— Да, — сказал я, дрожа от волнения, — да.

Стив смотрел из темноты.

— Не боишься?

— Ничуть! Только немного устал. Пойду лягу.

— Мысль хорошая. Стоит выспаться впрок. — Он хлопнул меня по плечу и исчез между деревьями. Мощный порыв ветра оторвал раскаленную ветвь и пронес ее над моей головой. Я отмахнулся от нее и пошел в дом. Отец еще сидел за машинкой.

В ту ночь мне не спалось. Следующий день тянулся бесконечно. Санта-Ана дула, не ослабевая; земля высохла и накалилась, от нее шел такой жар, что от малейшего движения бросало в пот. Весь день я проверял силки — все пустые. Вечером с трудом проглотил обычную рыбу и хлеб, но на месте усидеть не смог — надо было срочно чем-то заняться. Я сказал отцу:

— Сейчас пойду навещу старика, потом будем строить навес на дереве, так что вернусь поздно.

— Ладно.

Снаружи только начинало смеркаться. Река лоснилась серебром. Небо на западе было таким же серебристо-голубым, и весь купол казался светлее обычного —

земля уже погрузилась в тень, а небо еще светилось. Я перешел по мосту к дому Дока. С высокой площадки перед крыльцом был виден качающийся в полумраке лес.

Мандо встретил меня перед дверью.

— Габби мне все рассказал, и я иду с вами, слышишь?

— Конечно, — сказал я.

— Если попробуете улизнуть без меня, я всем все расскажу.

— Ух. Не надо угроз, Армандо, ты идешь с нами.

Он опустил глаза:

— Я не знал. Не был уверен.

— Почему?

— Думал, Стив не захочет меня брать.

— Ну... так сходи и поговори с ним. Наверняка он еще дома.

— Не знаю, стоит ли. Папа лег спать, а мне велел сидеть с Томом.

— С Томом я посижу, для того и пришел. Иди скажи Стиву, что ты с нами. Скажи, я буду здесь до нашего ухода.

— Ладно.

Он бегом припустил по дорожке.

— Не смей его запугивать! — крикнул я вслед, но ветер унес мои слова к Каталине, и Мандо их не слышал. Я пошел в дом.

Санта-Ана гудела в каждой пустой бочке, так что весь дом завывал: уuuuuу-уuuuuу-уuuuuу. Я заглянул в больницу: там горела лампа. Старик лежал на спине, голова его покоилась на подушке. Он открыл глаза.

— Генри, — сказал он. — Хорошо.

В комнате было жарко и душно: в такие знойные дни солнценагревательная система Косты работала слишком хорошо, а если б открыть все отдушины, поднялись бы сквозняки. Я подошел к кровати и сел на оставленный рядом стул.

Борода и волосы Тома были всклокочены, сивые и белые патлы казались восковыми. Они обрамляли лицо, которое с нашей последней встречи еще осунулось и побелело. Я смотрел на него, будто впервые увидел.

Время оставило на этом лице множество отметин: морщины, складки, борозды, бородавки, щеки запали там, где недостает зубов... Том выглядел старым и беспомощным, и я подумал, ведь он скоро умрет. Может быть, я впервые видел его по-настоящему. Нам кажется, будто мы знаем лица своих знакомых, и мы останавливаем на них глаз, не вглядываясь, не рассматриваем, а узнаем. Сейчас я смотрел по-новому, изучал. Лицо старика. Он оперся на локти.

— Подними подушку, чтобы мне сесть.

Его голос звучал вполновину прежней силы. Я поднял подушку и поддержал его, чтобы он оперся спиной. Теперь спина была на подушке, голова — на вогнутом днище бочки. Он расправил на груди рубашку.

Единственная горящая лампа заморгала под струей воздуха из приоткрытого потолочного люка. Желтоватый свет в комнате померк. Я наклонился подкрутить фитиль. Снаружи ветер немного сменил направление, дом загудел еще громче.

— Санта-Ана задула? — спросил Том.

— Ага. Сильная. И жаркая.

— Я заметил.

— Еще бы не заметить. У тебя тут как в печке. Не хотелось бы жить в пустыне, если там все время так.

— Раньше было. Но ветер жаркий не из-за пустыни, а из-за того, что переваливает горы и на спуске нагревается от сжатия. Сжатие нагревает.

— Угу.

Я стал описывать, как Санта-Ана корежит привыкшие к морскому ветру деревья, но он видел Санта-Ану прежде, и я замолк. Мы немного посидели, не торопясь заполнить молчание. Сколько часов мы провели вместе вот так, за разговором или в тишине... Я вспомнил эти часы, и мне сделалось тоскливо. Я думал: не умирай пока, я еще не всему у тебя научился. Кто скажет мне, что читать?

В этот раз Том собрался с силами и завел разговор:

— Ты начал писать в книге, которую я тебе дал?

— Нет, Том, даже не открывал. Не знаю, как к этому и подступиться.

— Я говорил серьезно. — Он смотрел прямо на меня. Глаза его, несмотря на слабость, сохраняли былую строгость.

— Я понял. Но как писать? Да я и толком не знаю, как слова пишутся.

— Как пишутся, — скривился Том. — Велика важность. Шесть сохранившихся подписей Шекспира написаны четырьмя различными способами. Помни это, когда будешь тревожиться о том, как правильно писать. И грамматика тоже никому не нужна. Просто пиши, как рассказывал бы. Ясно?

— Но, Том...

— Не знаю никаких «но». Зря что ли я учил тебя читать и писать?

— Не зря, но мне нечего писать. Это ты мастер рассказывать истории. Вроде той, где ты встретил самого себя, помнишь?

Он смутился.

— Ну, где ты подобрал самого себя на обочине, — напомнил я.

— Ну да, — медленно отвечал старик, глядя в стену.

— Это правда было, Том?

Ветер. Старик, не поворачивая головы, повел глазами в мою сторону:

— Было.

Ветер присвистнул от изумления — фью! Том долго молчал, потом вздрогнул и заморгал. Я понял, что он потерял нить разговора.

— Поразительно, как ты помнишь все, что было так давно, — сказал я. — Все, что ты рассказывал. Я так не могу. Не помню даже, что говорил на прошлой неделе. Вот еще одна причина, по которой мне не удастся написать книгу.

— Ты пиши, — приказал Том. — Начни писать, и все вспомнится. Напряги память.

Он замолк, некоторое время мы оба вслушивались в завывания ветра. Старик стиснул покрывавшую его ноги простыню, скомкал в кулаке. Край простыни был разлохмачен.

— Болит? — спросил я.

— Нет.

Однако он продолжал мять простыню и смотрел в стену, мимо меня. Вздохнул раз, другой.

— Ты ведь думаешь, что я очень стар?

Голос его звучал чуть слышно. Я уставился на него:

— Ну конечно, ты очень стар.

— Да, прожил целую жизнь в прежние времена; в тот день мне было сорок пять, а сейчас, выходит, сто восемь, верно?

— Конечно, ты это знаешь лучше других.

— И, видит Бог, на столько выгляжу.

Он с силой втянул воздух, задержал в груди, выдохнул. Я подумал, что с моего прихода он ни разу не кашлянул — видать, сухой воздух пошел ему на пользу. Я уже собирался об этом сказать, когда он заговорил снова:

— А что, если нет?

— Если что «нет»?

— Что, если я совсем не такой старый?

— Не понимаю.

Он вздохнул, заерзал под простыней. Закрыв глаза и не открывал так долго, что я подумал было, он спит. Снова открыл.

— Я хочу сказать, что... Что немного накинул себе годков.

— Но... но как же это?

Блестящие карие глаза смотрели на меня умоляюще.

— Генри, в день взрыва мне было восемнадцать. Я впервые говорю тебе как есть. Должен сказать, пока есть такая возможность. Осенью я должен был ехать в тот разрушенный университет на обрыве, который мы с тобой видели на юге, а на лето отправился в горы. Там я был, когда это случилось. Мне было восемнадцать. Так что теперь мне... мне...

Он моргнул несколько раз кряду, затряс головой.

— Восемьдесят один, — сказал я пересохшим, как ветер, голосом.

— Восемьдесят один, — задумчиво повторил он. — Это все равно очень много. Но в то время я только рос. Все остальное — выдумки. Я хотел сказать тебе об этом, покуда жив.

Я глядел на него, глядел; встал, заходил по комнате, остановился в ногах кровати и снова устался. Мне никак не удавалось удержать его лицо в фокусе. Он, опустив глаза, смотрел на пятнистые старческие руки.

— Я просто подумал, что тебе надо знать, как я поступил, — сказал он виновато.

— Как ты поступил? — отупело переспросил я.

— Не понимаешь? Вижу, не понимаешь. Ну... важно, чтобы рядом был человек, который жил в прежние времена, хорошо их знает...

— Но если ты на самом деле тогда не жил!

— Выдумал. И к тому же я тогда жил. Жил в прежние времена. Не так долго, и мало что понимал тогда, но жил. Я не врал напропалую. Просто приукрашивал.

Мне по-прежнему не верилось.

— Но зачем? — вскричал я.

Он молчал долго-долго. Ветер воем выражал мою растерянность.

— Как бы тебе объяснить, — устало отвечал старик. — Может, чтобы сохранить все стоящее, что было в нашем прошлом? Чтобы поддержать наш дух. Как эта книга. Неизвестно, было все на самом деле или не было. Может, Глен Баум обогнул земной шар. А может, Уэнтворт выдумал все, не выходя из своей мастерской. Главное — раз книга есть, значит, описанное в ней произошло. Американец обогнул земной шар. Она нужна нам, даже если все в ней — ложь. Понимаешь?

Я помотал головой, не в силах отвечать. Он вздохнул, отвернулся, легонько стукнулся затылком о пустую бочку. Миллионы мыслей теснились у меня в голове, но сказал я, не думая, севшим от обиды голосом:

— Значит, ты все-таки не встречался со своим двойником.

— Не встречался. Все выдумал. Много чего выдумал.

— Но зачем, Том? Зачем?

Я снова заходил по комнате, чтобы он не видел моих слез.

Он не отвечал. Я вспомнил, сколько раз Стив обзывал его вруном и сколько раз я за него вступался. С тех самых пор как он показал нам фотографию Земли, сня-

тую с Луны, я верил всему, каждой его истории. Тогда я поверил, что он говорит правду.

Он еле слышно выговорил:

— Сядь, Генри. Сядь сюда.

Я опустился на стул.

— Теперь слушай. Я спустился с гор и все увидел, понимаешь? Понимаешь? Я был в горах, как уже говорил. Это не выдумка. Все выдумки — правда. Я бродил в горах, в одиночку. Я даже не знал про взрывы, веришь?

Он замотал головой, будто сам до сих пор не верит. И вдруг я понял: он рассказывает мне то, что никогда никому не рассказывал.

— День был ясный, я прошел перевал Пинчо, но к вечеру дым затянул звезды. Ни звездочки. Я и не знал, и знал. Я спустился и увидел. Все в долине Оуэнс тронулись рассудком, и первый же встречный объяснил мне почему, и в ту секунду — о, Хэнк, слава Богу, что тебе не пришлось пережить той секунды, — я тронулся рассудком, как и все. Я был чуть старше тебя, и все погибли, все, кого я знал. Я сошел с ума от горя, сердце мое разбилось, и порой мне кажется, оно так и не срослось...

Он с усилием сглотнул.

— Теперь ты понимаешь, почему я об этом не говорю. — Он стукнулся о бочку затылком, сморгнул, стряхивая слезу. Яростно зашептал: — Но я должен, должен, должен, — легонько колотясь затылком об стенку: бум, бум, бум.

— Прекрати, Том. — Я просунул ладонь между его головой и гулкой железной бочкой. Кожа у него на затылке была влажной. — Не надо.

— Должен, — шептал он. Я наклонился ближе, чтобы слышать. — Сначала я не поверил. Автобус не ходил, и я понял. Неделю добирался до дома, пешком и на попутках. Город еще горел, весь город, отовсюду поднимались столбы дыма. Тогда я поверил окончательно. Я боялся радиации, поэтому не пошел искать свой дом. Назад в горы, подбирая еду, где придется, воруя в брошенных домах. Как долго, не знаю, я был не в себе, помню только вспышки, словно языки пламени в дыму. Убийственно. Очнулся я в хижине, в горах и понял — надо увидеть своими глазами, чтобы поверить — они мертвы.

Моя семья, понимаешь. Я вернулся в округ Ориндж, и там...

Его голос сорвался на крик. Рука мяла и теребила простыню. Я сжал ее: она была горячая.

— Не могу рассказать, — продолжил он. — Это был... ужас. Я бежал бегом. Пустые холмы. Я думал, так во всем мире, люди и насекомые умирают по побережьям. Когда пробуждалась надежда, я думал, может, это только мы и Россия, Европа и Китай, а другие страны уцелели и когда-нибудь придут нам на помощь, ха, ха... — Он чуть не задохнулся и крепче сжал мою руку. — Но никто не знал. Никто не знал ничего, кроме того, что видел сам. Я видел пустые холмы. И все. Я видел, что могу выжить в этих холмах, выжить и сохранить рассудок, если не умру с голода и меня не убьют. Могу выжить. Понимаешь, до той секунды я не знал, возможно ли это. Но здесь в долине я понял — возможно. Больше я в округ Ориндж не ходил.

Я стиснул его руку: мне было известно, что он бывал там и после.

Словно возражая мне, он продолжил:

— Никогда, до сего дня. — Потянул меня за руку, зашептал быстро: — Там ужас, ужас. Ты видел их на толкучках, мусорщиков, что-то с ними не так, взгляд пустой или бегают, что-то у них не так с глазами, они все помешались от жизни в развалинах. Ими движет безумие. И не удивительно. Держись подальше от этого места, Генри. Знаю, ты ходил туда ночью. Но послушай меня, не ходи туда больше, это плохо, плохо.

Он оторвал голову от подушки, наклонился ко мне, с усилием опираясь обеими руками о край кровати, лицо его вспотело.

— Обещай мне туда не ходить.

— Но, Том...

— Нельзя тебе туда ходить, — отчаянно прошептал он. — Обещай, что не будешь.

— Том, а вдруг мне придется...

— Нет! Зачем? Все, что тебе нужно, выменяешь у мусорщиков, для того они и существуют. Пожалуйста, Генри, обещай мне. Там ужас, о котором нельзя даже говорить. Пожалуйста, я прошу тебя не ходить туда.

— Ладно! — сказал я. — Не пойду. Обещаю.

Я должен был это сказать, чтобы он успокоился. Но под ложечкой у меня сдавило так, что пришлось приложить руку к ребрам, и я понял, что поступил плохо. Снова плохо.

Он рухнул на подушку.

— Спасибо. От этого я тебя оградил. Но не себя.

Мне было так худо, что я попытался сменить тему:

— Но мне кажется, на тебе это не сказалось, даже со временем. Столько лет прошло, а ты жив.

— Нейтронные бомбы. Короткоживущие изотопы. Я так думаю, но наверняка не знаю. Однако что-то в этом роде. Земля отомстит за нас, но это не утешает. Мщение не утешает. Их страдания не искупят наших, ничто их не искупит, нас умертвили. — Он так сжал мою руку, что заболели костяшки. Втянул воздух. — Те, что остались в живых, были голодны, так голодны, что дрались за еду, убивали тех, кого пощадили бомбы. Это было самое страшное. Безумие. В последующие годы от рук соотечественников погибло больше людей, чем от бомб, я уверен, и они все гибли, гибли, и казалось — мы все сгинем, до последнего человека. Гражданская оборона, да. Глупые американцы, мы были тогда так оторваны от земли, что не знали, как с нее кормиться. Или тех, кто знал, убили невежды, и борьба шла не на жизнь, а на смерть. Дошло до того, что друг, которому ты мог доверять, становился тебе дороже всего на свете. Пока нас не стало так мало, что убийства прекратились, некого стало убивать. Все погибли. Смерть, Генри. Ты и представить себе не можешь, сколько раз я видел на дороге Смерть — старуху в черном платье с косой на плече. Дошло до того, что я кивал ей и шел рядом. Потом с небес сошли бури, климат испортился, задули ветры. Зима стояла десять лет. Страдания были невыносимы. Я дожил до того, чтоб показать, сколь можно вытерпеть и все ж остаться живу, хорошие стихи, помнишь? Давал я их тебе читать? Дошло до того, что при виде человека в здравом рассудке хотелось тут же броситься ему на шею. Годы одиночества, о которых и не гадал. Без людей не обойтись, чем больше вас, тем легче добывать пищу. И мы обосновались здесь... Это было начало. Отправная

точка. Нас было не больше десятка. Каждый день — борьба. Пища... Я часто думал тогда зачем... Мы ее рабы, я понял. Вырос и ничего не знал, откуда она берется. Это был грех Америки. Мир голодал, а мы жрали как свиньи, люди мерли от голода, а мы пожирали их трупы и облизывались. Все, что я говорил Эрнесту и Джорджу, — правда. Мы были чудищем, мы пожирали мир, вот почему с нами это сделали, и все же, все же мы этого не заслужили. Мы были хорошей страной!

— Пожалуйста, перестань, Том. Будешь столько говорить — потеряешь голос. Тебе нельзя!

Он весь вспотел и говорил с такой натугой, запинаясь, что я правда думал — он потеряет голос. Я испугался до дрожи, но он уже завелся, вздохнул несколько раз и заговорил снова, стискивая мою ладонь и глазами умоляя: не мешай мне, дай выговориться.

— Мы были свободны. Не совсем, ты понимаешь, но мы старались, как могли, лучше тогда было нельзя. Никто не мог за нами угнаться. Мы... мы были самой замечательной страной за всю историю, — шептал он, словно убедить меня — вопрос его жизни. — Сейчас я говорю правду, не подначиваю Джорджа, не треплюсь. При всех наших глупостях и промахах мы были самой передовой страной, первой страной мира, за это нас и убили. Нас уничтожили из зависти, загубили лучшую страну, какую знал мир, это был геноцид, Хэнк, ты знаешь это слово? Геноцид, истребление целого народа. Да, это случалось прежде, мы сами перебили индейцев. Может, потому это с нами и случилось. Я нахожу причину за причиной, но их все равно мало. И все же лучше думать так, чем думать, будто нас убили из черной зависти. Мы не заслужили такого, ни одна страна не заслужила такого опустошения, мы делали миллионы ошибок, наши промахи были не меньше наших достижений, но такого мы не заслужили.

— Успокойся, Том, пожалуйста, успокойся.

— Им это отойдется, — шептал он. — Торнадо, да, и землетрясения, и наводнения, и засухи, и пожары, и бессмысленная резня. Увидеть, я вернулся, чтобы увидеть. Должен был увидеть. Все дымилось, все лежало в руинах. Дом. А в нескольких кварталах от него по-преж-

нему... все вокруг лежало в руинах, а он уцелел, бывает такая зона в эпицентре взрыва. В моем детстве это и вправду была сказочная страна. — Теперь он шептал так быстро и лихорадочно, что я еле разбирал слова, в них не было никакого смысла. Я держал его руку в своих ладонях, он продолжал: — Главная аллея была завалена мусором, попадались трупы, везде развалины, смрад разложения. За углом пристань, куда подходил пароходик, как-то в детстве родители взяли меня с собой, и пароходик появился из-за угла, и над водой зазвучало как труба архангела Гавриила, и все знали, вот-вот он причалит, Генри. Но теперь озеро было завалено трупами. Я пошел поговорить с Авраамом Линкольном, положил голову ему на колени, заглянул в его грустные глаза и сказал — они убили нашу страну, как убили его, но он уже знал, и я заплакал у него на плече. Прошел через замок к огромным чайным чашкам, крупная краснолицая женщина и двое мужчин пьяно гоготали в мертвой тишине и пытались раскрутить чашки. Она выронила большую зеленую бутылку, та разбилась о бетон, и тогда я понял: все это правда, и мужчина... мужчина выхватил нож, о... о...

— Прощу тебя, Том!

— Но я уцелел! Уцелел. Бежал от ужаса не знаю куда и как и пришел в эту долину. Бежал всю дорогу и учился, как уцелеть. Я ведь ничего не знал, в старое время ничему не учили, так — школьная чушь, и все. Кретинская Америка. Роджер по сравнению с ней — образец разумности. Я чуть не умер, узнавая то, что мне надо знать, умирал двадцать раз и больше. Господи, какая удача, что я уцелел, удача существует, она миллионы раз в жизни определяет, будешь ты жить или умрешь. Чистая удача. Пока она не выкинула пикового туза, мои друзья гибли перед моими глазами, и я ничем не мог им помочь, только гадал, почему не я. Это было тяжело. Иногда было — я или он, он рухнул в пропасть, мог бы рухнуть я... Не нам досталась Троя... Закон джунглей, мы все теперь греки, нам так же тяжело, как было им. Вот бы и нам создать из этого что-нибудь прекрасное, строгий и чистый изгиб, — просто запечатлеть, как это было. И строгий изгиб Смерти всегда меж нас, череп под плотью на солнце, ничего странного — трагедии, стихи

на амфоре, изгиб строгий и четкий, — все это просто способ выразить то, что было тогда и есть сейчас, например голод, это способ приглушить боль. Иногда мне не под силу думать об этом. Мы были последней из этих трагедий, великая гордость — великий грех, оба суть одно, и за это нас убили, взорвали, опустошили, оставили тридцать лет проползать в грязи и умереть, как греки. О, Генри, можешь ли ты понять, почему я так поступил, почему лгал вам, я хотел, чтобы вы все-таки поняли, хотел спасти вас от страшного ничто, сделать нас призраками греков на этой земле, преодолеть то, что с нами случилось, чтобы появилось нечто — строгое и чистое и мы бы могли сказать: и все же мы — люди. Генри, Генри...

— Да, Том. Том! Успокойся, прошу тебя!

Я вскочил, схватил его за плечи, наклонился. Меня трясло, словно мне передалась его лихорадка. Он вырывался, стараясь снова заговорить, и я закрыл ладонью его влажный рот. Он вырвался, чтобы глотнуть воздуха, я отпустил руку.

— Ты несешь бессмыслицу, — сказал я. Лампа пыхла, тени дрожали по стенам. Ветер завыл в углу. — Ты слишком заводишься от этого разговора. Послушайся меня, ляг, пожалуйста. Сейчас придет Док и разозлится. Тебе не по силам так говорить.

— И поступать так же... — прошептал он.

— Хорошо, хорошо. Успокойся немного, успокойся, успокойся.

Кажется, он наконец услышал. Я вытер ему лоб, сел. Чувство было такое, как после многомильной пробежки.

— Господи, Том.

— Ладно, — сказал он, — помолчу. Но ты должен знать.

— Я знаю, что ты выжил. Теперь все это позади, и больше я ничего не желаю знать, с меня этого довольно, — сказал я искренно.

Он тряхнул головой:

— Ты должен. — Рухнул на подушку. Бум, бум, бум, бум.

— Прекрати, Том.

Он прекратил. Ветер снова загудел, заполняя паузу в разговоре: уууууу-уууууу-уууууу.

— Ладно, буду молчать, — сказал Том другим, спокойным голосом. — Не хочу злить Дока.

— Вот и не зли, — серьезно сказал я. Испуг еще не прошел, сердце бешено колотилось. — Да и силы побереги, у тебя их не так много осталось.

Он покачал головой:

— Я устал.

Ветер выл, будто хотел подхватить нас и шмякнуть о землю. Старик смотрел на меня.

— Ты ведь не пойдешь туда? Ты обещал.

— Ну Том, — ответил я. — Сам знаешь, может случиться, что мне придется.

Он осел на подушку и уставился в потолок. Потом, не сразу, заговорил очень спокойно.

— Когда усвоил что-то очень важное и чувствуешь потребность передать это другому, кажется, что это возможно. Все, что ты испытал, стоит у тебя перед глазами, порою есть даже слова, которыми это можно выразить. Однако ничего не выходит. Нельзя передать другим то, чему тебя научила жизнь. Все ухищрения риторики, сила личности, ложный ореол учительства, даже притворная старость... Ничто не властно соединить края пропасти... Да и нет такого средства... Значит, я потерпел неудачу. Учил вас, учил, а выучил прямо противоположному своим намерениям. Но никуда не денешься. Я пытался совершить невозможное и... запутался.

Он сполз с подушки и теперь лежал на спине, распластавшись под простыней, словно сейчас заснет — глаза его были закрыты, дыхание ровное, как у очень усталого человека. Но тут один карий глаз открылся и взглянул, словно прожигая меня насквозь.

— Тебя научит что-то сильное, как этот ветер, подхватит и унесет в море.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ОКРУГ ОРИНДЖ

Глава 19

На улице было темно, завывал ветер. Я стоял у грубой деревянной скамьи в саду, ветер трепал картофельную ботву, трепал мои волосы. На западе, в уходящей голубизне, готовой смениться ночным сумраком, высился Кучильо. Все выглядело по-новому, будто из дома я вышел в какие-то другие времена, в те времена, когда ветер терзал землю, точно бомбы. Не вздохнуть — ветер заталкивал дыхание обратно в глотку. Надо бы взять себя в руки.

— Готов? — выпалил Стив, я прямо подпрыгнул. Он, Мандо и Габби стояли за моей спиной. При таком ветре разве услышишь, как сзади подходят?

— Очень смешно, — пробурчал я.

— Пошли.

Мандо сказал:

— Мне надо папу разбудить, чтобы посмотрел за Томом.

— Том уже встает, — ответил я. — Сам твоего папу позовет, если понадобится. Ну разбудишь ты его — и что ему скажешь, куда это ты идешь?

Мандо стоял в нерешительности.

— Пошли, — настаивал Стив, — хочешь идти, так пошли.

Не говоря ни слова, Мандо пошел по тропинке, назад к долине. Мы — за ним. Здесь, в зарослях, ветер дул слабее, лишь порывами. Деревья шелестели, поскрипывали, стонали. Бэзилон мы прошли, держась подальше от дома Шенксов. Через заросшие фундаменты добрались до бетонки. Тут пошли быстрее. Вскоре мы уже были в долине Сан-Матео, миновали место, где я столк-

нулся с Эдом. Стив остановился; мы ждали, пока он решит, как быть дальше.

Он проговорил:

— Они сказали — у реки, где дорога подходит к берегу.

— Тогда не останавливаемся, — сказал Габби, — это дальше.

— Знаю, только... может, лучше нам не спускаться прямо туда.

— Давай пошли, — вступил я, — они, небось, уже ждут, а нам еще столько топать.

— Ну ладно...

Держась поближе, чтобы слышать друг друга в завывании ветра, мы шли к реке. Вдруг Мандо отпрянул — через дорогу пронесся шар перекати-поля. Стив и Габби расхохотались.

— Ой, какой страшный кустик, — съязвил Габби.

Мандо не отвечал, но припустил вперед. Мы — следом. Дошли до реки Сан-Матео. Никого.

— Увидят нас и дадут знать, где они, — решил я. — Мы им нужны, и они знают, что мы пойдем по бетонке. Может, спрятались.

— Точно, — согласился Стив. — Может, нам перейти...

И тут нас ослепила вспышка яркого света, голос со стороны деревьев произнес: «Не двигайтесь!» Мы искоса поглядывали в сторону света. Вспомнилось, как в морском тумане перед нами возникли японцы. Сердце колотилось так, будто вот-вот выскочит из груди.

— Это мы! — откликнулся Стив. Габби презрительно фыркнул. — Из Онофре.

Свет погас, я точно ослеп. Среди завывающего ветра слышался какой-то шелест.

— Хорошо. — Что-то замаячило со стороны моря. — Спускайтесь сюда.

Наталкиваясь друг на друга, мы спустились по склону.

Нас окружили люди. Мы стояли у подножия склона, кустарник был нам по пояс. Вокруг — человек десять, а то и больше. Один из них, наклонившись, снял колпак с газового фонаря; низкие ветки кустарника скрадывали почти весь свет, но фонарь позволил разглядеть Тимоти Дэнфорта, мэра Сан-Диего. Брюки его были в грязи.

— Четверо, так? — оглушительно прокаркал он.

Я как сейчас вспомнил вечер в его островном доме.
Ответил Николен:

— Да, сэр.

Подошли еще люди, темные силуэты появлялись из кустарника у реки.

— Вы все здесь? — спросил мэр.

— Да, сэр, — подтвердил Стив.

— Отлично. Дженнингс, дайте им оружие.

Один из мужчин — теперь, когда его назвали, я увидел, что это действительно Дженнингс, — склонился над лежащим на земле огромным брезентовым баулом.

— А Ли здесь? — спросил я.

— Ли не любитель таких штучек, — объяснил Дэнфорт. — Да и от него здесь проку маловато. А что тебе?

— Я его знаю.

— Ты и меня знаешь, верно? И Дженнингса?

— Конечно. Просто спросил, вот и все.

Дженнингс дал нам по револьверу. Мне достался большой и тяжелый. Наклонившись, держа его обеими руками, я рассмотрел его при свете фонаря. Черный металлический ствол, черная пластиковая рукоятка. Если не считать толкучки, я впервые держал в руках оружие. Дженнингс дал мне кожаный мешочек с пулями.

— Вот предохранитель; вот так нажмешь на него перед выстрелом. А вот так перезаряжаешь.

Он покрутил барабан, чтобы показать, куда вставляются пули. Остальные, сгрудившись вокруг меня, слушали его объяснения. Взвешивая в руке пистолет, я разогнулся и поморгал, чтобы снова видеть в темноте.

— В карман влезет?

— Кажется, нет.

— Ладно, ребята! — Если бы не ветер, голос мэра, казалось, был бы слышен аж в самом Онофре. Он доковылял до меня, я взглянул на него снизу вверх. Лица в темноте не разглядеть, волосы растрепаны ветром.

— Говорите, где они высаживаются, и мы пошли.

Стив сказал:

— Не можем, пока не придем на место.

— Вот еще новости! — взревел мэр. Стив взглянул на меня. Мэр продолжал: — Нам надо знать, как далеко они

высаживаются, чтобы решить, брать ли лодки. — Так, подумал я, значит они приплыли на лодках, чтобы миновать Онофре. — Ребята, у вас есть оружие, вы участники операции. Я все понимаю, но теперь мы с вами заодно. Даю вам слово. Так что уж выкладывайте.

Мужчины молча стояли вокруг нас.

— Они высаживаются у мыса Дана, — объявил я.

Вот и все. Теперь, захоти они только, могут нас бросить и мы ничего не сделаем. Молча смотрели мы на мэра. Никто ни слова, я лишь ловил на себе укоряющий взгляд Николена, но упорно смотрел в скрытое тенью лицо мэра. Его ничего не выражающий взгляд был направлен на меня.

— Время высадки знаешь?

— Полночь, я слышал.

— От кого слышал?

— От тех мусорщиков, которые не жалуют японцев.

Опять молчание. Дэнфорт взглянул на человека, в котором я узнал Бена, его помощника.

— Пожалуй, лучше идти, — после молчаливого совещания произнес Дэнфорт. — Пойдем пешком.

— Пешком до мыса Дана часа два, — заметил Стив.

Дэнфорт кивнул.

— Лучше по бетонке?

— До центра Сан-Клементе — да. Дальше есть дорога по берегу, по ней быстрее, и не так заметно для мусорщиков.

Теперь, когда стало ясно, что мы идем, голос Стива зазвучал возбужденно.

— Что нам мусорщики, — рассудил мэр. — На такую ораву они не нападут.

Под сухим обжигающим ветром мы взобрались обратно к обочине. Мандо, как я, держал пистолет в руке; Стив и Габ затолкали в карманы. Вот мы и на дороге, мужчины из Сан-Диего двинулись на север, мы — за ними. Несколько человек скрылись с глаз впереди и позади нас. Какого только оружия не было у них: винтовки, пистолеты длиной в половину моей руки, небольшие толстые ружья на треногах.

По сторонам дороги раскачивались деревья, ветви обрушивались с высоты, как раненые ночные птицы.

В темном безоблачном небе дрожали звезды, и в их свете многое было видно: очертания леса, бетонка — белесая прогалина среди деревьев, иногда — разведчик, бредущий к нам, чтобы доложить что-то мэру. Мы четвером шли следом за Дэнфортом, молча слушая, как он рассуждает или отдает распоряжения голосом, от которого в дрожь бросило бы любого мусорщика в округе Ориндж. Добрались до завала, где кирпичные стены обрушились на бетонку, влезли на него, и вот он — Сан-Клементе.

— Скорее всего ветер их задержит, — бросил Дэнфорт Бену, зная не зная, что за границу мы пересекли, границу, которую я обещал Тому не пересекать больше никогда... — Интересно, сколько им пришлось заплатить патрульным, чтоб пропустили? Как ты думаешь, сколько стоит сейчас попасть на материк? А о том, что это может жизни им стоить, их предупредили?

Николен шел за мэром по пятам, ловя каждое слово. Я все отставал, но голос его до меня еще доносился, когда трое из тыльного отряда выбрались из завала кирпичей и один из них сказал:

— Либо держись с ними, либо уходи с дороги и оставайся с нами.

Я прибавил шаг и догнал отряд мэра.

Вверх-вниз, вверх-вниз, через холмы. Деревья бились на ветру, провода провисли, как скакалки. В конце концов дошли до дороги, которая, как говорил Николен, приведет нас через Сан-Клементе на Капистрано-Бич и мыс Дана. Раз, в стороне от бетонки, на заваленных булыжником улицах меня обуяла мысль о засаде. Сквозь пролом в стене вдруг выпадала ветка, доски стучали одна о другую, туда-сюда носились перекати-поле, и каждый раз, готовый броситься в укрытие и стрелять, я щелкал предохранителем пистолета. Мэр с легкостью — любо посмотреть — перешагивал через загромождавшие улицу обломки.

— Вот он нас поведет! — крикнул он нам, пистолетом указывая на крадущуюся впереди фигуру. — Сзади за нами тоже идут. — Дэнфорт расписал, кому куда встать. Улица точно поле боя. Все с винтовками наготове рассыпались тут и там. — Ни одна помоечная крыса к нам сейчас не сунется, это уж точно. — Наткнулся на лежа-

ший на дороге кирпич, оступился. — Чертова дорога! — Вот уже в третий раз он чуть не падал. В этом разгроме надо постоянно смотреть под ноги, он-то почитал это ниже своего достоинства. — Бетонка не идет до мыса Дана? — спросил он у Стива. — На карте показано, что идет.

— Примерно в миле от гавани поворачивает вглубь от берега! — прокричал Стив сквозь грохот ветра. И все равно по сравнению с мэром, который голоса и не повышал, прозвучало это слабовато.

— Ну хватит, — объявил Дэнфорт. — Не хочу я карабкаться через эти развалины, — окликнул он впереди идущих (я прямо вздрогнул от его голоса). — Пошли обратно к дороге. Нам важней быстро добраться, чем прятаться.

Мы свернули на улицу, ведущую в глубь побережья, и, перебравшись через разрушенное здание, дошли до бетонки. Тут мы прибавили шагу и направились на север, через Сан-Клементе к огромному болоту, отделяющему Сан-Клементе от мыса Дана. С южной оконечности болота был хорошо виден мыс Дана. Из ровной в общем береговой полосы выдавалась дуга отвесных утесов, пониже, чем скалы в Сан-Диего, но для этой части побережья довольно высоких. Темной громадой — ни лучика света — высились они на фоне звездного неба. У подножия отвесных скал — смешение болот и островов, зарослей и развалин, огражденных от узких протоков каменными дамбами. Пару раз, рыбака на севере, мы прятались тут в бурю. Оттуда, где мы стояли, дамб было не разглядеть, но Стив подробно, как мог, описал их мэру.

— Стало быть, возможно, они высаживаются здесь, — заключил мэр.

— Да, сэр.

— А болото? Похоже на огромную реку. Есть тут где перебраться?

— По прибрежной дороге, — пояснил Стив. — Через устье есть высокий мост, его ничуть не размыло. — Он объявил это с такой гордостью, будто сам построил этот мост. — Я хожу через него.

— Прекрасно, прекрасно. Тогда пошли к нему.

Однако дорога, ведущая от бетонки к мосту, кончилась, и пришлось нам спуститься в овраг, перейти ручей и подняться на ту сторону. Лезть вверх с револьвером было сущим мучением, и для Мандо, я заметил, тоже. Дэнфорт все подгонял нас. По покрытой мощным слоем песка прибрежной дороге мы поспешили к устью. Стив был прав — мост на месте, вполне приличный мост. Габби тихонько спросил меня: «Откуда он все это знает?» — но я лишь пожал плечами и покачал головой. Николен, я знал, бродил по ночам в одиночку, а теперь оказывается, что он даже досюда доходил, а мне — ни слова.

На мосту на нас обрушился отчаянный порыв ветра — с самого Сан-Клементе такого не было. Ветер бушевал так, что мы еле держались на ногах, бурунами гнал воду на сваи. Бурлящие пенистые волны устремлялись между сваями и, шипя, уносились в море. Не мешкая, перебрались мы через мост и оказались под утесами мыса Дана, здесь ветер был послабее.

Скрытая под утесами болотистая равнина оказалась бухтой. Весь заливчик, кроме протоки прямо за каменной дамбой, был занесен песком и покрыт зарослями кустарника. Через крапиву и кустарник в человеческий рост мы продрались к берегу у дамбы, совсем недалеко от нее — камнем докинешь. Прибой разбивался над затонувшими бетонными секциями, образуя вокруг скрытого отрезка дамбы белую кайму, видимую в свете звезд. За дамбой волны теряли силу и лениво плескались у галечного берега. Причал заканчивался почти прямо напротив нас; мы стояли у входа в бывшую гавань.

— Если они высаживаются здесь, им придется перебраться через это болото, — сказал мэру Дженнингс.

— Так ты думаешь, они пристанут там? — спросил мэр, указывая на выемку в обрыве.

— Может, и там, но почему бы при таком слабом прибое не пристать прямо к берегу — ближе идти.

Дженнингс указал на место, откуда мы только что пришли, — широкий отрезок пляжа от гавани до моста.

— А что, если мы пойдем туда, а они все-таки высадятся здесь? — спросил Бен.

— Даже если они высадутся здесь, — сказал Дженнингс, — им придется идти мимо нас — им же надо в город.

— Это ты так думаешь, — сказал Дэнфорт.

— А вы не согласны?

— Кто их знает.

— В любом случае они от нас никуда не денутся. Им так и так идти мимо — не полезут же они на обрывы. — Он указал на северный край гавани. — А вот если мы останемся здесь, а они высадутся на берегу, у них появится возможность отступить в сторону материка. Нам же нужно прижать их к воде.

— Верно, — сказал Бен.

Дэнфорт кивнул:

— Ладно, пошли назад.

Все, конечно, его услышали, и мы, чертыхаясь, поперли назад через густой кустарник. На дороге, которая вела к мосту, мэр снова собрал нас в кучу.

— Надо как следует спрятаться — возможно, мусорщики выйдут встречать японцев, и подойдут они сзади. Так что все в укрытие — в строения, за деревья, куда угодно. Мы предполагаем, что высадка произойдет где-то на этом пляже, но он длинный, так что, когда их увидим, придется перемещаться. Если будут встречать, сможем перегруппироваться раньше, но чтоб без шума. — Он повел нас с дороги к берегу. — Не ступайте на мягкую землю, не оставляйте следов! Так. Главный отряд — за эту стену. — Несколько человек двинулись за низкую поваленную стену из разбитого кирпича. — Спрячьтесь как следует. — Он прошел вдоль пляжа на юг. — Другой отряд — за эти деревья. Получится перекрестный огонь. Теперь отряд Онофре... — Он вернулся на север, мимо первой стены, к груде цементных плит. — Сюда. Надо же, это был сортир. Расчистите себе место и спрячьтесь здесь. Если они попытаются ускользнуть к болоту, вы их остановите.

Мы с Мандо положили револьверы и взялись за обломки плит — одни мы вытащили, другие передвинули, чтобы освободить место.

— Отлично, — сказал Дэнфорт. — Много следов оставлять нельзя, возможно, они высаживались здесь прежде, в

таком случае мы не должны ничего сильно менять. Забирайтесь туда, посмотрим, хорошо ли вы укрыты.

Мы перелезли через груды мусора у входа и забрались внутрь. Две стены от времени разошлись, в образовавшийся просвет мы видели большой кусок берега и море.

— Отлично, — повторил Дэнфорт. — Один пусть остается снаружи, следит за берегом.

— Нам видно через эту щель, — сказал Стив, выглядывая в просвет.

— Хорошо. Удобная амбразура для стрельбы. Главное, не высовывайтесь. У них есть ночные бинокли, перед высадкой они тщательно осмотрят берег.

Остальные люди Дэнфорта попрятались кто куда. Он огляделся, убедился, что все в засаде, посмотрел на часы и сказал: — Порядок. До полуночи еще часа два, но вдруг мусорщики придут загодя, да и японцы могут появиться раньше времени. Увидите их — не высовывайтесь. Покуда не услышите наших выстрелов, даже не снимайте оружие с предохранителей, понятно? Это очень важно. Когда откроем огонь, это будет сигналом и для вас. Не тратьте пуль зря. И последнее — если мы потеряем друг друга в стычке, встречаемся на мосту, по которому сюда пришли. Через Сан-Клементе пойдем вместе. Ясно, про какой мост речь?

— Конечно, — отозвался Стив. — Большой мост.

— Молодцы. Я буду с основным отрядом. Сидите тихо, и пусть один смотрит хорошенько. — Он перегнулся через стенку сортира, по очереди пожал нам руки. Мне снова показалось, что он раздавит мне ладонь. — Вот еще что. Мы не откроем огонь, покуда все они не будут на берегу. Запомнили? Значит, договорились. — Стиснув кулак и поднимая его над головой: — Теперь мы им покажем!

Он, хромая, пошел по мягкому песку к разрушенной стене на пляже.

Никого на берегу. Стив стал в открывающийся к морю просвет и сказал:

— Я дежурю первым.

Мы, как могли, расселись и стали ждать. Габби прилежался на куче цементного лома, мы с Мандо — по бокам от него. Теперь оставалось только вслушиваться в

завывание ветра среди развалин. Разок я встал и глянул через плечо Стива на кромку воды в просвет между стенами. Волны разбивались и накатывали на пляж, ветер с берега относил брызги назад, и в свете звезд возникали короткие белые дуги. Море рябило белыми барашками. И все. Я сел. Пересчитал пули в кожаном мешочке. Двенадцать штук. Револьвер заряжен — теоретически я могу убить восемнадцать японцев. Интересно, сколько их будет? Ногтем я легко выковырнул пулю из гнезда и вставил на место — значит, перезарядить тоже смогу. Мандо увидел, что я делаю, и принялся вертеть свой револьвер.

— Как вы думаете, эта штука стреляет прямо? — спросил он.

— Вблизи — да, — откликнулся Габби.

Мы еще подождали. Я даже задремал, привалившись к цементной стене, но в полусне мне примерещилась зеленая бутылка, она катилась на меня. Я встрепнулся, сердце стучало. Однако по-прежнему ничего не происходило, и я снова чуть не вырубился, несвязно размышляя о кирпичах, из которых сложен сортир. Кто лепил эти некогда безупречные кирпичи?

— Скорее бы уж высадились, — сказал Мандо.

— Ш-ш-ш, — прошипел Стив. — Молчите. Уже почти время.

Я подумал: если они вообще высадутся. В бархатно-черном небе над головой мерцали звезды. Я пересел на другую ягодицу. На обрыве перекликались двое койотов. Прошло много времени: удар сердца за ударом, выдох за выдохом. Нет ничего томительнее ожидания.

Стив встрепнулся и рукой нащупал наши лица, наклонился и свистящим шепотом произнес: «Мусорщики!» Мы вскочили, из-за его спины выглянули в щель.

Темнота. Потом на фоне белой прибойной полосы я различил идущих по пляжу людей. Они задержались возле стены, за которой прятался Дэнфорт, и двинулись дальше на север. Прошли между нами и водой, переговариваясь так громко, что я почти разобрал слова. Затем они сгрудились в кучу и пошли назад, но остановились, не доходя до засады. Один из них наклонился и шелкнул зажигалкой у самого песка — пламя осветило брючины.

Мусорщики были во всем своем блеске: в маленьком кружке света переливалась золотая, алая, лазурная ткань. Тот, что с зажигалкой, засветил пять или шесть фонарей и оставил их на песке рядом с несколькими темными мешками и двумя ящиками. Один из фонарей был с зелеными стеклышками. Второй мусорщик поднял этот фонарь и другой, белый, подошел к воде и замахал ими над головой, меняя руки местами. В свете фонарей мы ясно видели всю компанию, серебро вспыхивало в ушах, на руках, запястьях и груди. Подросли еще люди, они несли хворост. После некоторой возни им удалось развести огонь. Пламя разгоралось, охватывало большие ветки, дрова трещали, горящая смола с шипением падала на песок. В дрожащем свете костра можно было разглядеть их всех: я насчитал пятнадцать человек, одетых в желтое, красное, лиловое, синее и зеленое, обвешанных серебряными и медными браслетами, кольцами, монистами.

— Что-то я лодок не вижу, — прошептал Стив. — Вроде бы, если они сигналият, значит, должны быть лодки.

— Слишком темно, — прошептал Мандо. — И костер слепит.

— Ш-ш-ш, — снова прошипел Стив.

— Смотрите! — прошептал Габби. Он указывал Стиву за плечо, но я уже видел, о чем он говорит: что-то темное и продолговатое всплывало над водой в самом конце причала. Волны перекачивались через него, очерчивая его пенистой кромкой.

— Они вылезают из-под воды! — выговорил Габби. — Они не плыли поверху!

— Пригнитесь, — сказал Стив. — Это подводная лодка.

Человек на берегу махал над головою зеленым фонарем. Огонь трепетал на ветру, отсвечивая на желтых рубашках, изумрудно-зеленых штанах.

— Вот как они обходят береговые патрули, — сказал Габби.

— Проплывают под ними, — с благоговейным ужасом в голосе подхватил Стив.

— Как вы думаете, эти из Сан-Диего видели? — спросил Мандо.

— Ш-ш-ш, — сказал Стив.

На подлодке зажгли прожектор, он осветил узкую черную палубу. Из люка на нее лезли люди, на воде возле корпуса надували большие плоты. Другие люди лезли с лодки на плоты. Фонарь мусорщиков освещал плоты и весла — гребли к берегу. Два мусорщика зашли в воду по грудь и протасили плот через белую прибойную полосу. С плота спрыгнули несколько человек, еще двое передавали с него свертки и ящики. Мусорщики протягивали им бутылки с янтарной жидкостью, японцы пили, до нас долетали хрипло-панибратские приветствия мусорщиков. Японцы все выглядели очень круглыми, словно на каждом надето по две куртки. Один сильно смахивал на моего капитана.

Я оторвался от щели.

— Когда начнется стрельба, мы будем слишком далеко, — сказал я Стиву.

— Не будем. Смотри, еще плот.

Я сказал:

— Надо выбираться из сортира и прятаться в той роще. Как только они сообразят, откуда стрельба, мы окажемся в ловушке.

— Не сообразят — как они разберут в темноте?

— Не знаю. Надо уходить отсюда.

Еще один плот втащили на берег. С него сошли жирные японцы, огляделись. Прожектор погас, но сама подводная лодка осталась. Со второго плота сгрузили ящики, мусорщики собрались вокруг, открыли крышки. Мусорщик в алой куртке вынул из ящика винтовку и показал приятелю.

Бац! Бац! Бац! Люди Дэнфорта открыли огонь. Выстрелы гремели один за другим. Согнувшись в три погибели, глядя из-за ноги Стива, я видел только, как ответили на обстрел наши жертвы: они упали на песок, фонари мгновенно потушили, костер затоптали. Мне было видно не много, но я уже различал ружейные вспышки — они отстреливались. Я прицелился, и в ту же секунду что-то засвистело, бабахнуло, и мы оказались в облаке едкого маслянистого газа. Мы кашляли, задыхались, вопили — глаза жгло так, что ничего больше я не чувствовал: думал, газ выест их начисто. Едва ветер унес газовое облако к морю, снова бабахнуло, и треск наших

револьверов перекрыла длинная очередь с берега. Сквозь едкие слезы я видел, как из японских ружей вырывается белое пламя. Я кашлял и плевался, меня мучило, но я все-таки поднял револьвер — выстрелить в первый раз. (Стив уже стрелял вовсю.) Я нажал курок: бац!

Темноту разрезал луч прожектора, он начинался от подводной лодки и шарил южнее нас, возле стены, где сидели Дэнфорт и его люди. Грянули взрывы. На улицах позади нас шла перестрелка, над берегом вновь клубился отравляющий газ. Японцы и мусорщики шли на нас сквозь ядовитое облако, они были в шлемах и палили из автоматов. Стены сортира начали рушиться. «Бежим!» — заорал Стив. Мы перепрыгнули через заднюю стенку и побежали к роще. Выбрались на засыпанную мусором улицу, параллельную набережной, побежали — вернее, запрыгали через груды гнилых деревяшек и битого кирпича, спотыкались, падали, вскакивали. От газа у меня рекой лились сопли; револьвер я выбросил. Вдруг стало светло, как днем, в резком голубоватом свете пролегли твердые, словно камни, тени. В небе над нами брызгала огнем осветительная ракета, подсвечивая снизу крошечный парашют, на котором висела. Вместе с парашютом она рухнула в море, озарив гавань, так что на мгновение я увидел подводную лодку и людей, которые стреляли по нам из пушки.

— К мосту! — орал Стив. — К мосту!

Я скорее прочел по его губам, чем услышал. Пальба гремела так, что хотелось упасть на землю и зажать уши ладонями. Мы карабкались через свалки, упавшие деревья, выброшенные штормовым приливом коряги; Мандо провалился ногой в яму, пришлось его выдергивать. Пули свистели вокруг, разрезая воздух, я бежал, пригнувшись так, что болела спина. Зажглась новая осветительная ракета, выше и дальше от моря, она плавно спускалась на нас, словно звезда с неба. Теперь мы видели свой путь, но и сами были как на ладони, так что приходилось двигаться еле-еле, шаг за шагом. Со стороны города застрочили автоматы, позади через равные промежутки времени гремели взрывы; полыхнула вспышка, оглушительно жажнуло, и позади нас осел и рассыпался на куски дом. Подводная лодка. Мы выбрались

из-за груды досок и снова побежали пригнувшись. Новая осветительная ракета в небе. Полуобвалившееся здание на холме снесло взрывом, потом упали три растущие рядом секвойи. Ракета погасла, и мы довольно долго пробирались в темноте, пока не вспыхнула следующая. Мы схоронились за поваленным эвкалиптом.

— Как вы думаете, — выдохнул Габби, — эти, из Сан-Диего, унесли ноги?

Никто не ответил. Мандо по-прежнему держал револьвер. До моста оставалось еще порядком, и я хотел скорее добраться туда, пока подводная лодка не снесла мост своим огнем. Мыс Дана по-прежнему гудел от выстрелов, словно там идет настоящая война, но, может быть, японцы стреляли по теньям. Я не знал, дали наши спутники деру, как мы, или нет. Мы вскочили и побежали через завалы. Порыв ядовитого газа. Зажглась новая ракета, но она с шипением рухнула в болото. Я упал, рассадил ладонь, колено и локоть. Мы добежали до моста. Никого.

— Надо их подождать! — крикнул Стив.

— Пошли, — сказал я.

— Они не знают, где мы! Будут ждать здесь.

— Не будут, — горько выговорил Габби. — Они давно умотали. А нам велели ждать здесь, чтобы мы задержали японцев.

Стив с открытым ртом вылутился на Габби. Новая осветительная ракета вспыхнула прямо над нами, я пригнулся к ограждению. Сквозь просвет между бетонными столбиками было видно сразу несколько ракет: они неровной цепочкой плыли к морю, и вот самая дальняя из них осветила воду. Теперь и последняя проплыла над подводной лодкой.

— Быстрее, пока не пустили следующую! — яростно выкрикнул Габби и, не дожидаясь нашего согласия, вскочил и припустил по мосту. Мы побежали следом. Новая ракета озарила небо, с жуткой четкостью высветила все на мосту. Нам ничего не оставалось, только бежать. Лодка начала стрелять по нам. Бетонное ограждение звенело, воздух рвался с треском раздираемой ткани, с грохотом первого грозового раската. Мы перебежали мост и упали ничком за грудой покоренного

асфальта. Лодка поливала мост огнем. В холмах завывла сирена, сперва тихо, потом все громче и громче. Мусорщики забили тревогу. Но с кем они дерутся? Темнота, далекие разрывы снарядов, вой сирены. Подводная лодка прекратила обстрел, но у меня звенело в ушах, так что я скорее почувствовал, чем услышал ружейную трескотню впереди, в Сан-Клементе. Стив поднес губы к самому моему уху: «Пробираемся через улицы». Остальное я не разобрал. Стрельба на юге означала, что наши спутники из Сан-Диего уже там, решил я. Сволочи, бросили нас. Мы побежали снова, но с лодки нас, наверно, заметили в ночные бинокли и снова начали обстреливать. Мы бежали, пригнувшись, через развалины к прибрежной дороге. Подводная лодка стреляла. Мы отвернули от берега, взобрались на низкий уступчик, пробежали лесом на другую дорогу. В развалины Сан-Клементе, в лабиринт завалов. Мандо отстал. Он хромал, и я решил, что это его нога.

— Быстрее! — крикнул Стив.

Мандо покачал головой, прихрамывая, подошел к нам.

— Не могу, — сказал он. — Меня подстрелили.

Мы остановились и усадили его в грязь. Он плакал и держался левой рукой за правое плечо. Я подsunул свою ладонь под его — по моей руке потекла кровь.

— Почему ты нам не сказал? — воскликнул Стив.

— Да его только что, — огрызнулся Габби и оттолкнул меня. Взял Мандо под локоть.

— Идем, Мандо, надо выбираться отсюда как можно быстрее.

В свете последней ракеты я видел лицо Мандо. Он смотрел на меня, будто хотел что-то сказать, но губы его только вздрагивали.

— Помоги мне его нести, — срывающимся голосом выпалил Габби.

Я подхватил Мандо под другую руку — рубашка у него на спине взмокла от крови. Стив подобрал револьвер. Мы пошли дальше. Через каждые несколько шагов путь преграждала поваленная балка или стена.

Я наконец решился открыть рот.

— Надо остановить кровь, — сказал я. Она текла в моем рукаве, по руке. Мы опустили Мандо на землю, я разорвал свою рубашку на полосы. Нам никак не удавалось плотно прибинтовать повязку к ране. Случайно я задел ее пальцем — маленькая вмятинка под правой лопаткой. Кровь уже почти не шла. Мандо по-прежнему смотрел на меня взглядом, который я не мог прочесть, и молчал. — Мы мигом отнесем тебя домой, — хрипло сказал я и слишком резко выпрямился — меня зашатало. Стив помог нам поднять Мандо, и мы двинулись.

Центр Сан-Клементе — одна сплошная свалка бетона, без смысла и планировки, напрямую через нее не пройдешь. Мы с Габби несли Мандо, а Стив с револьвером в руке забегал вперед, отыскать дорогу полегче. Время от времени в шум ветра врывалась сирена, несколько раз приходилось прятаться от мусорщиков, которые бегали по улицам целыми стаями. В путанице улиц отдавалась пальба. Кто в кого стреляет — не разберешь. Несколько раз мы забредали в тупики. Стив, не оборачиваясь, командовал, куда идти, но иногда мы с Габби случайно натыкались на проход и шли туда, тогда Стив снова кричал пронзительным от отчаяния голосом. Вдруг сзади раздались крики. Мы опустили Мандо посреди улицы. На нас надвигались три мусорщика с пистолетами в руках. Стив выбежал вперед и выстрелил: бац, бац, бац, бац! Все трое упали.

— Идемте! — выкрикнул Стив. Мы выбрали Мандо и побрели дальше. Из-за тупиков часто приходилось возвращаться, и, в какой-то момент, после долгих поисков дороги, мы натолкнулись на Стива — он сидел на асфальте, вокруг рушились дома, ревел ветер, трещали выстрелы, вперед пути не было — его преграждало дьявольское хитросплетение арматуры.

— Не знаю, где мы, — крикнул Стив, — не могу отыскать дороги.

Я ткнул его, чтобы он нес Мандо вместо меня, подхватил револьвер и побежал через улицу. За деревьями виднелся океан — единственная, по сути, примета, в которой мы нуждались.

— Сюда! — крикнул я, перескакивая через балку, убрал ее с пути, побежал дальше, нашел, откуда снова

было видно море, нашел проход, расчистил его, как мог. Это продолжалось так долго, что мне начало мерещиться, будто Сан-Клементе тянется до самого Пендлтона. А мусорщики вошли в раж, они ревели сиреной, палили из ружей, вопили в охотничьем азарте. Не раз и не два нам приходилось падать ничком и затаиваться. Стрелять я не решался: не знал, сколько пуль осталось у Стива, если вообще осталось.

Пока мы тряслись от страха в укрытии, я, как мог, старался помочь Мандо. Дыхание его стало прерывистым.

— Как ты, Мандо?

Никакого ответа. Стив выругался. Я кивнул Габби, мы снова подняли Мандо, я переложил его на руки Стиву и выбежал вперед. Мусорщики куда-то подевались, во всяком случае их не было видно. Это все, что мне требовалось. Я вновь кинулся на поиски дороги.

Кое-как мы выбрались на южную окраину Сан-Клементе, в лес под бетонкой. Автострада кишела мусорщиками: мы слышали их крики, временами я видел силуэты людей. Другой дороги из Сан-Матео нет. Мы оказались в западне. Сирены издевались над нами, ружейные выстрелы могли означать, что наши спутники из Сан-Диего еще отстреливаются, хотя я подозревал, что Габби прав: они давно дали деру, сели в лодки и поминай, как звали. Они не вернутся нас выручать. Габби усадил Мандо себе на колени. У Мандо булькало в горле.

— Ему надо скорее домой, — сказал Габби, глядя на меня.

Я вытащил из кармана пули, попробовал затолкать их в револьвер Стива.

— А где твой? — спросил Стив.

Пули не лезли. Я ругнулся и бросил мешочек на бетонку. В грязи нащупал камень — как раз по руке, — взвесил его на ладони и двинулся к бетонке. Не знаю, что я собирался делать.

— Подтащите его к дороге и будьте готовы быстро нести через Сан-Матео, — велел я. — Двинетесь, когда я скажу.

Тут на бетонке над нами загрохотали взрывы, а когда смолкли (ветер нес на нас запах порохового дыма), стих-

ло и все остальное. Ни криков, ни стрельбы. Тишину нарушил звук мотора автомобиля, негромкое «дррр». Я подполз к дороге — взглянуть. Вскочил и замахал руками.

— Рафаэль! Рафаэль! Сюда! — орал я. Слова сами вылетали из глотки.

Рафаэль подкатил ко мне:

— Господи, Хэнк, чуть тебя не пристрелил!

Он был в маленькой мототележке для гольфа — он всегда божился, что она поедет, был бы аккумулятор.

— Пустяки, — сказал я. — Мандо ранен. Его подстрелили.

Появились Габби и Стив, они несли Мандо.

Рафаэль сквозь зубы втянул воздух.

С автострады донеслись беспорядочные выстрелы, пуля звякнула о бетон рядом с нами. Рафаэль вытащил из машины наклонную железную трубу на треноге, поставил ее на дорогу и сунул в дуло маленькую не то бомбочку, не то гранату (с виду она смахивала на шутиху). Бумм — гулко сказала труба, и через несколько секунд на автостраде, в том месте, откуда слышались выстрелы, грянул взрыв. Пока Габби и Стив усаживали Мандо в тележку, Рафаэль стрелял гранатами: бумм, бабах, бумм, бабах. Вскоре стрельба по нам прекратилась. Под грохот последнего разрыва Рафаэль вскочил в тележку, и мы покатались.

— На подъеме выпрыгивайте и толкайте, — велел Рафаэль. — Эта машинка нас всех не вытянет. Николен, держи вот это и смотри назад. — Он протянул Стиву винтовку.

— А пули? — спросил Стив.

Рафаэль указал на пол:

— Вот здесь, в коробке.

На южном выезде из Сан-Клементе начался подъем, мы выскочили и стали на бегу толкать тележку. В холмах завывали сирены: я насчитал по меньшей мере три с разными голосами. Мы преодолели подъем и покатались в долину Сан-Матео. Я уложил голову Мандо себе на колени и сказал ему, что до дома совсем близко. Сзади доносились слабые крики, но пешему было за

нами не угнаться. Дальше дорога взбиралась на Бэзилонский перевал, и Рафаэль сказал:

— Толкайте. — Он был спокоен, но глаза его взглянули на меня строго. На вершине Бэзилонского перевала Стив дико заорал:

— Я им отплачу! — Он помчался назад, на север, по темной бетонке, с винтовкой в руках.

— погоди! — заорал я, но Рафаэль стиснул мое плечо.

— Пусть бежит! — Впервые голос Рафаэля прозвучал рассерженно. Он подвел машину к своему дому, выпрыгнул, забежал внутрь и вернулся с носилками. Мы уложили на них Мандо. Глаза его были открыты, но он меня не слышал. Из уголка рта сочилась кровь. Мы с Рафаэлем несли носилки, Габби бежал рядом. Через лес, по склону Кучильо, кратчайшей дорогой к дому Дока. Я спотыкался и ревел, и Габби, когда замечал, что я не вижу перед собой дороги, перехватывал у меня ручки носилок. Мы добежали до дома Косты, но я не мог унять слез. Ветер свистел в пустых бочках, заглушая наши шаги. Рафаэль упер носилки себе в бедро и заколотил в дверь, словно хотел ее высадить.

— Выходи, Эрнест! — крикнул он, продолжая колотить в дверь. — Выходи лечить своего сына.

Глава 20

Похоже, именно это Док множество раз воображал заранее: стучат в дверь, и он должен спасти собственного сына. Когда он распахнул перед Рафаэлем дверь, то не сказал ни слова. Вышел, взял Мандо на руки и понес в больницу. Нас он ни о чем не спросил, даже не взглянул.

Мы пошли следом. В больнице Док уложил Мандо на вторую койку, маленькую, отодвинул ее от стены. Ножи закрипели по полу. Том фыркнул, перевернулся на бок. Потом приоткрыл один глаз щелочкой, увидел нас, сел, потер кулаками веки и без слов уставился на происходящее. Док ножницами разрезал на Мандо куртку и рубашку, жестом показал Габби стянуть штаны. Когда они стаскивали окровавленную рубашку, Габби зажмурился. Мандо кашлял, булькал, дышал быстро и неглубоко. Под яркими лампами, которые Рафаэль принес из

кухни, его тело казалось бледным и пятнистым. Под мышкой — маленькая ранка, окруженная синяком. Рафаэль, входя и выходя, чуть не наступил на меня. Я сел на корточки возле стены, упер колени под мышки, обхватил ноги руками и раскачивался, слизывая с губы соплю, избегая смотреть на Тома. Док глядел только на Мандо.

— Позовите Кэтрин, — сказал он. Габби взглянул на меня и выбежал из комнаты.

— Как он? — спросил Том.

Док тщательно ощупал у Мандо ребра, постучал по груди, сосчитал пульс на запястье и на шее. Он бормотал, скорее про себя, чем отвечая Тому:

— Пуля среднего калибра задела легкое. Пневмоторакс... гемоторакс... — как заклинание. Мокрой тряпкой обтер ребра. Мандо закашлялся; Док развернул его голову, залез в рот, вытащил язык, закрепил его пластмассовой штуковиной с аптечной полки. Пластмассовый зажим у Мандо на лице, разинутый рот... Моя спина елозила вверх-вниз по железной бочке. Ветер набирал силу — ууууу, ууууу.

— Где Николен? — спросил меня Том.

Я смотрел в пол. Рафаэль ответил из кухни:

— Остался на севере пострелять в мусорщиков.

Том заворочался и кашлянул.

— Не двигайся, — сказал Док.

Летящая ветка с размаху стукнула в стену. Мандо дышал часто, хрипло, неглубоко. Док уложил его голову набок, вытер с губ алую кровь. У самого Дока губы были вытянуты в струнку. Алая кровь на тряпке. Пол подомной, гладкие волокнистые доски. Над стертой поверхностью выступают сучки; щели, заусенцы четко вырисовываются в свете лампы, у стен песок — остался с той поры, когда им терли пол. Ближайшая ко мне ножка кровати качается. Простыни в заплатках, такие ветхие, что светится ткань. Я не поднимал глаз от пола. Сердце болело так, будто ранили меня. Но нет, не меня. Не меня. В комнату вошли ноги — они принадлежали Кэтрин, доски под ними немного прогибались. За ними ноги Габби.

— Мне нужна помощь, — сказал Док.

— Я готова, — спокойно отвечала Кэтрин.

— Надо вставить между ребрами трубку, чтобы выпустить из грудной полости воздух и кровь. Принеси из кухни чистую банку, налей в нее на несколько пальцев воды.

Она вышла, вернулась. Возле кровати их ноги встретились.

— Боюсь, воздух попадает внутрь и не выходит наружу. Напряженный пневмоторакс. Так. Положи трубку и ленту и держи его прямо. Я сделаю надрез.

Я зажал уши. Ни звука. Ничего перед глазами, только серебристый дощатый пол. Ничего не существует, кроме досок... но нет, я не прав. Приглушенный старческий кашель. Быстро поднимаю глаза: спина Кэтрин в бумажном спортивном свитере, старик смотрит, не мигая. На полу стоит банка, в воду опускают прозрачную пластиковую трубку. Вдруг вода начинает пузыриться. По трубке бежит кровь, вода краснеет. Еще пузыри. Старик смотрит, не отрываясь; я обхватываю руками живот и поднимаю глаза. Широкая спина Кэтрин заслоняет Мандо. Меня колотит. Широкие плечи, широкие бедра, полные ляжки, тонкие щиколотки. Локти быстро работают — она отрывает от мотка ленту, прилаживает ее Мандо к груди — куда, мне не видно.

Кэтрин через плечо обернулась ко мне:

— Где Стив?

— На севере.

Она поморщилась и вернулась к работе.

Том снова закашлял, негромко, но несколько раз кряду. Док взглянул на него.

— Ляг на место, — сказал он резко.

— Я в порядке, Эрнест. Не обращай на меня внимания.

Док уже повернулся к нему спиной. Он склонился над Мандо. Глаза его глядели с таким отчаянием, будто все искусство, которое передал ему отец, тут бессильно.

— Нужен кислород.

Постучал Мандо по груди — глухой звук. Мандо задыхал чаще.

— Надо остановить кровь, — сказал Док. Ветер завывал все громче, дом гудел, я почти не разбирал слов.

— Введем другую трубку в рану...

Том спросил Габби, что произошло, Габби в двух словах объяснил. Том ничего на это не сказал. Ветер на время смолк, я услышал, как лязгают ножницы у Дока в руках. Он утер со лба пот.

— Держи. Так. Опускай другой конец в банку и быстро давай ленту.

— Лента.

Что-то в тоне ее голоса заставило Дока вздрогнуть и с горькой улыбкой взглянуть на Тома. Том улыбнулся в ответ, но, когда отвернулся, глаза его были полны слез. Кто-то тронул меня за плечо, я поднял голову и увидел Рафаэля.

— Иди на кухню, Генри. Габби уже там. Здесь ты ничем не поможешь.

Я мотнул головой.

— Идем, Генри.

Я дернул плечами, сбрасывая его руку, и закрылся локтем. Когда Рафаэль ушел, я снова поднял голову. Том жевал концы своих волос, сосредоточенно глядя перед собой. Кэтрин приложила ухо к груди Мандо.

— Тоны сердца глухие.

Мандо дернулся. Ступни у него были синие.

— Давление падает... — произнес Док сухим, как ветер, голосом. — Тампонировать, о-ох. — Он отпрянул, сжал горло руками. — Не могу ничего сделать. У меня нет иголок.

Мандо перестал дышать.

— Нет, — сказал Док. С помощью Кэтрин он перевернул Мандо с бока на спину.

— Держи трубки, — выговорил он, поднося губы и руки к губам Мандо. Дунул Мандо в рот, зажав ему ноздри, выпрямился, надавил ему на грудь. Тело вздрогнуло.

— Генри, поддержи ему ноги, — приказала Кэтрин.

Я с трудом встал, взял Мандо за щиколотки. Они дернулись у меня под руками, напряглись, обмякли. Обмякли совсем. Док снова дунул, еще, и еще, он толчками давил Мандо на грудь так, что толчки эти становились почти ударами. Кровь бежала по трубкам. Док остановился. Мы смотрели на Мандо. Глаза закрыты, рот

разинут. Дыхания нет. Кэтрин взяла его за руку, попыталась прощупать пульс. Габби и Рафаэль стояли в дверях. Наконец Кэтрин перегнулась через Мандо и положила ладонь Доку на руку. Мы все стояли, не двигаясь. Док оперся локтями о кровать, приложил ухо к груди Мандо. Припал к ней лбом.

— Он мертв, — прошептал Док.

Мои ладони по-прежнему лежали у Мандо на икрах, на тех самых мускулах, которые еще недавно вздрагивали. Я в страхе отдернул руки. Но это был Мандо, Армандо Коста. Лицо белое — словно это измученное лицо маленького братишки Мандо, а вовсе не того парня, которого я знал. Но это был он.

Кэтрин вынула из комода простыню, легонько отстранила Дока, накрыла Мандо. Ее свитер был мокрым от пота, запачкан кровью. Она прикрыла Мандо лицо. Я вспомнил его выражение, когда я нес Мандо через Сан-Кlemente, — даже и тогда оно было лучше. Кэтрин обогнула кровать, потянула Дока к дверям.

— Идемте похороним его, — решительно сказал Док.

Кэтрин и Рафаэль пытались его утихомирить, но он стоял на своем.

— Я хочу с этим покончить. Давайте носилки, несем его на кладбище. Я хочу с этим покончить.

Том кашлянул.

— Прошу тебя, Эрнест. Подожди хотя бы до утра. Надо позвать Кармен, вырыть могилу...

— Все это можно сделать сейчас! — упорствовал Док. — Я хочу с этим покончить.

— Конечно, конечно. Но уже поздно. Пока мы все подготовим, начнется день. Тогда мы отнесем его и похороним при всех. Пожалуйста, дождись дня.

Док обеими руками потер лицо:

— Ладно. Идемте рыть могилу.

Рафаэль удержал его.

— Это можем сделать мы с Габби, — сказал он. — Почему бы тебе не остаться дома?

Док мотнул головой:

— Я хочу сам. Я должен, Раф.

Рафаэль взглянул на Тома, потом сказал:

— Ладно. Идем вместе.

Они с Габби надели на Дока куртку и ботинки, пошли за ним на улицу. Я вызвался пойти тоже, но они увидели, что от меня проку никакого, и велели оставаться. Через входную дверь я смотрел, как они идут по дороге к реке. Начинало светать. Маленькие фигурки под деревьями. Когда они скрылись из виду, я обернулся. Кэтрин сидела за кухонным столом, она плакала. Я вышел наружу и сел в саду.

К утру ветер поутих, только временами налетали порывы. Близился рассвет: я уже различал серые качающиеся ветки. Бледный полусвет скрадывал расстояния. Листья трепетали и замирали, снова трепетали. Казалось, волны накатывают на древесные кроны, клонят их к морю. Небесные купол становился светлее и выше, светлее и выше. Серость обрела цвет, цвета просочились в серость, а потом горизонт треснул и взошло солнце, слепящее в зеленой листве.

Я сидел на земле. Колени, локти и ладони саднило. Не может быть, чтобы Мандо умер, — эта мысль на долгое время меня успокаивала. Потом я вспоминал, как его икры обмякли под моими пальцами. Или слышал, как в доме прибирается Кэтрин, — и понимал, что невозможное случилось на самом деле. Но задержать эту мысль надолго мне не удавалось.

Солнце поднялось на ладонь от холмов, когда на дорожке показались Габби и Док. За ними шагали Марвин и Нат Эглоффы. Рафаэль шел вдоль реки, колотил в двери, будил народ. Габби еле волочил ноги, его шатало. Глаза у него покраснели, он был в грязи, Док и Нат тоже. Док взглянул с дороги на дом, остановился и стал ждать. Марвин кивнул мне, и они вошли внутрь. Я слышал, как они говорят с Кэтрин. Потом она заорала на старика: «Ляг! Не дури! Хватит с нас на сегодня и одних похорон!» Наверно, Том попрощался с Мандо в доме. Завернутого в простыню Мандо вынесли на носилках. Я встал, пошатываясь. Все взяли за носилки — по три человека за каждую ручку. Понесли к реке, через мост. Солнечные блики на воде обжигали глаза. Вдоль реки, через рощу. Те, кому Рафаэль сообщил новость, пристраивались к нам сзади, семья за семьей; кто-то был потрясен, кто-то в слезах, кто-то замкнут. Раз я оглянулся и увидел Джона

Николена с опухшим и мрачным лицом, за ним шли все Николены, кроме Мэри и малышей. Отец подошел и обнял меня за плечи. Увидел мое лицо, стиснул плечо сильнее. Первый раз он не показался мне глупым. Да, выражение у него и сейчас было такое, будто он не знает, что к чему. Но он понимал. Чтобы понять страдание, не нужно блистать умом. Кроме понимания в глазах его светилась мягкая укоризна — я не мог вынести их взгляд.

Дальше деревья росли гуще. Кармен встретила нас у порога и повела на кладбище. На ней было воскресное платье, в руке — Библия. На кладбище мы увидели свежую яму и кучу земли рядом с ней; по другую сторону от ямы была могила матери Мандо, Элизабет. Мы поставили на нее носилки, все встали кругом. Собрался почти весь поселок. Нат и Рафаэль уложили тело Мандо вместе с простыней в слишком просторный гроб. Нат приладил крышку, Рафаэль заколотил. Тук, тук, тук, тук, тук. Сквозь листву пробивался солнечный свет. Док потерянно смотрел, как гвозди входят в деревянную крышку. И жена, и Мандо были намного моложе его — если сложить их годы, не наберется и половины его возраста.

Гроб забили. Николен вышел вперед и помог подвести под него веревки. Он, Рафаэль, Нат и мой отец взяли за веревки и подняли гроб. Опустили в яму под короткие тихие распоряжения Джона, установили, вытащили веревки. Джон собрал их и отдал Нату — челюсти у него были сжаты так плотно, словно во рту — камешки.

Кармен вышла на край могилы и прочла из Библии. Я смотрел, как по листве пробегают солнечные лучи. Кармен велела нам молиться и в молитве сказала что-то про Мандо, какой он был хороший. Я открыл глаза — Габби смотрел на меня поверх могилы испуганный, обвиняющий. Я снова зажмурился. «В руки Твои предаем дух его». Кармен взяла комок глины, подняла его над могилой, другой рукой занесла над ним серебряный крестик. Разжала руки. Рафаэль и Джон стали лопатами кидать в могилу влажную землю, она глухо стучала о крышку гроба. Мандо был там, и я чуть не крикнул, чтобы они прекратили, чтобы выпустили его. Тут я по-

думал, что сам мог бы оказаться в этой могиле, и мне сделалось жутко. Пуля, попавшая в Мандо, была одной из многих; и она, и любая другая могла попасть в меня, могла меня убить. Никогда в жизни мне не было так страшно — ужас наполнил меня без остатка. Габби стоял на коленях рядом с Рафаэлем и двумя руками сгребал землю в яму. Док резко отвернулся, Кэтрин и миссис Николен повели его к дому Эглоффов. Но я мог только стоять и смотреть. Я смотрел, смотрел и, хотя безумно стыдно об этом писать, радовался. Радовался, что засыпают не меня. Что я жив и могу все это видеть. Слава Богу, что это не я в могиле! Слава Богу, что убили Мандо, а не меня. Слава Богу! Слава Богу!

Иногда после похорон у Эглоффов собираются на поминки, но только не в этот раз. В этот раз все пошли домой. Отец повел меня вдоль реки. Я так устал, что не мог перешагнуть и кочки. Без отца я бы все время падал.

— Что случилось? — с укором спросил он. — Как вы там оказались?

По дороге шли люди, они качали головами, косились на нас.

Дома я попытался объяснить отцу, что произошло, но не смог — не выдержал его взгляда. Лег и заснул. Можно было бы сказать, что я спал как убитый, но нет. Живые так не спят.

Сон вовсе не распутывает клубок забот, что бы ни говорил по этому поводу Макбет. Тут он ошибся, что с ним нередко случалось. Сон — просто перерыв. Можешь размотать во сне хоть весь клубок, но стоит проснуться, и он сматается обратно. Никакой сон не мог бы размотать для меня тот день. Прошрое не разматывается.

Тем не менее я проспал до вечера. Когда отцов голос, стрекот швейной машинки или собачий лай вырывали меня из забытья, я понимал, что не хочу просыпаться, хотя и не совсем помнил, из-за чего, и старался задремать, покуда вновь не сползал в сновидение. Я проспал почти весь вечер, с каждым часом все яростнее сопротивляясь бодрствованию.

Однако невозможно спать вечно. Мою полудрему окончательно разрушил крик совы — у-ух, у-ух — настойчивый, повторяющийся зов Николена. Конечно, это он, ждет меня под эвкалиптами. Я сел, выглянул в дверь — на фоне древесных стволов маячила его тень. Отец шил. Я сунул ноги в ботинки, сказал ему, что выйду. Он взглянул на меня, снова больно ожег растерянно-укоризненным взглядом, слабым намеком на осуждение. На мне была вчерашняя, пропахшая страхом одежда. Есть хотелось зверски — я задержался на секунду, чтобы оторвать полбуханки хлеба. К Стиву я подошел, жуя на ходу. Мы молча постояли. За спиной у него был мешок.

Когда с хлебом было покончено, я спросил:

— Где ты пропадал?

— До полудня — в Сан-Кlemente. Ну и денек! Выследил мусорщиков, которые за нами гнались, и стал стрелять по ним из укрытий. Они и не поняли, кто это. Несколько положил — они, небось, думали, их преследует целая куча народа. Потом вернулся на мыс Дана, но там уже никого не было. Тогда...

— Мандо умер.

— Знаю.

— Кто тебе сказал?

— Сестра. Я тихонько забрался в дом — забрать свое барахло, а она застучала меня, уже когда я уходил. Она и рассказала.

Мы стояли довольно долго. Стив набрал в грудь воздуха, выдохнул:

— Похоже, мне надо уходить.

— О чем ты?

— Помоги мне. — Глаза мои уже привыкли к темноте, и, когда он измученным голосом произнес последнюю фразу, я вдруг увидел его лицо — грязное, исцарапанное, безнадежное. — Пожалуйста.

— Как?

Он направился к реке. Мы подошли к дому Мариани и остановились у печей. Стив закричал совой. Мы долго ждали. Стив постукивал кулаком по печке. Даже я, хотя мне нечего было терять, занервничал. Это ожидание напоминало вчерашнюю ночь.

Дверь открылась, Кэтрин выскользнула наружу, в тех же штанах, что и вчера, но в другом свитере. Стив заскреб ногтями по кирпичу. Она знала, где он должен быть, и пошла прямо к нам.

— Значит, ты вернулся.

Она смотрела на него, склонив голову набок. Стив покачал головой:

— Только чтобы попрощаться. — Он прочистил горло. — Я... я убил нескольких мусорщиков. Они будут мстить. Если вы скажете на толкучке, что я убил и сбежал, что все это моих рук дело, может быть, этим все и ограничится.

Кэтрин смотрела прямо на него.

— Я не могу остаться после того, что случилось, — сказал Стив.

— Можешь.

— Не могу.

По тому, как он это сказал, я понял — он уйдет. Кэтрин тоже поняла. Она обхватила руками плечи, будто зябнет. Взглянула на меня. Я потупился.

— Дай нам немного поговорить, Генри.

Я кивнул и пошел к реке. Вода черным застывшим стеклом перетекала через коряги. Интересно, что он ей говорит, что она — ему? Станет ли она переубеждать, понимая, что это бесполезно?

Впрочем, и лучше, что я не знаю. Думать об этом было больно. Я видел лицо Дока, когда его сына, живую частичку его жены, опускали в могилу рядом с ней. Против воли я подумал — что, если старик умрет сегодня ночью прямо у Дока в больнице? Что будет с Доком?..

Я сел и обхватил голову руками, но не мог прогнать эти мысли. Иногда было бы счастьем не думать вообще. Я встал и принялся бросать в воду камешки. Когда они кончились, сел и стал жалеть, что нельзя так же выбросить мысли или совершенные поступки.

Подошел Стив и остановился, глядя на воду. Я встал.

— Пошли, — сказал он хрипло и двинулся вдоль реки к морю, прямоком через лес. Мы ни о чем не говорили, просто шли рядом, бок о бок, и мне разом припомнилось, как это бывало прежде, всю жизнь, когда мы вот так молча шли через ночной лес, как братья. Прошрое.

Он, не глядя под ноги, спустился с обрыва, привычно перескакивая с камня на камень. Над самой водой висел тоненький лунный серп. Я спускался осторожнее и отстал, догнал уже на пляже, у лодок. Мокрая корка песка ломалась под нашими ступнями, в мягком песке под ней оставались большие следы. У двух рыбацких лодок в днище были гнезда для мачты, Николен направился к одной из них. Без единого слова мы взяли за нос и за корму и рывками поволокли лодку к воде. Обычно ее несут человек пять-шесть, но это просто для удобства — мы со Стивом справились без труда. На мелководье мы остановились. Николен влез в лодку, чтобы установить мачту, я остался держать нос.

Я сказал:

— Ты поплывешь на Каталину, как тот тип, который написал книгу.

— Верно.

— Ты знаешь, что эта книга — сплошная ложь.

Он расправлял парус.

— Плевать. Если книга — ложь, я сделаю ее правдой.

— Это не та ложь, какую можно сделать правдой.

— Откуда ты знаешь?

Я знал, но сказать не мог. Николен, установив мачту, забивал в гнездо шплинт. Мне не хотелось просто просить, чтобы он остался, поэтому я сказал:

— Я думал, ты всю жизнь будешь бороться за освобождение Америки.

Он остановился.

— Не считай, что я отступился, — проговорил он горько. — Ты видел, что случилось, когда мы попробовали бороться здесь. Тут мы бессильны. Но на Каталине можно будет что-то сделать. Там наверняка уже полно американцев, которые думают так же.

Я понял, что у него на все есть готовый ответ, и перешел к корме, чтобы оттолкнуть лодку.

— Я уверен, сопротивление там сильнее, — настаивал он. — Действительнее. Ты не согласен? Я хочу сказать — ты не поплывешь со мной?

— Нет.

— Зря. Ты пожалеешь. Здесь — наша маленькая долина и почти ничего больше. Там — целый мир, Генри! — Он махнул рукой на запад.

— Нет. — Я нагнулся над кормой. — Ладно, оттолкнуть тебе лодку?

Он прикусил губу, пожал плечами. Потом плечи его опустились, и я понял, как он устал. Плыть ему долго. Но я не поплыву с ним и не стану объяснять почему. Да ведь он и не ждет, что я соглашусь.

Он встряхнулся, вылез из лодки, чтобы толкать. Она быстро снялась с песка. Мы смотрели друг на друга поверх нее, он протянул руку. Я пожал ее. Я не мог придумать подходящих слов. Он запрыгнул в лодку, взял весла, я уперся в корму и вытолкнул лодку на течение. Он начал грести. Месяц светил из-за его головы, поэтому лица было не различить. Мы не обменялись ни словом. Он греб через буруны в устье реки. Вскоре он отойдет от обрыва, и ослабевшая Санта-Ана раздует его парус.

— Удачи! — крикнул я.

Он продолжал грести.

Следующая волна на мгновение скрыла лодку. Я пошел прочь от реки, мне было зябко. С пляжа я смотрел, как лодка выходит из устья. Парус, бледный лоскуток на фоне черного неба, надувался и опадал. Вскоре он минует бурун. Отсюда он меня не услышит, разве что закричать.

— Сделай там что-нибудь хорошее для нас, — сказал я уже самому себе. Взобрался на обрыв. Со штанов капала вода. Пока карабкался, немного согрелся. Пошел вдоль обрыва. Снова была ясная ночь, месяц садился, сияя над водой. От самого горизонта бежала лунная дорожка. В такую ночь понимаешь, как огромен мир: океан, небо в крапинках звезд, обрыв, долина, холмы за ней — все было таким большим, словно я — муравей. А там, под бледным лоскутком — другой муравей, в муравьиной лодочке.

На горизонте я видел его цель: темная масса воды внизу, темное небо сверху, а между ними — темный бугор Каталины, изукрашенный белыми огоньками, движущимися и неподвижными, красными огоньками на вершинах гор, редкими желтыми и зелеными. Словно яркое созвездие, самое чудесное из созвездий, всегда клонящееся к закату. Многие годы я считал это самым

красивым зрелищем. У южной оконечности острова, которой с обрыва не видать, — густая россыпь огоньков, порт для иностранцев. В такие ночи его видно из Томова дома, но у меня не было никакого желания подниматься на гребень и смотреть. Темный лоскуток Николенова паруса вышел из узкой лунной дорожки и растворился во тьме. Стал одним из скользящих по воде лунных бликов, но каким именно, я разобрать не мог, сколько ни напрягал глаза. Можно было подумать, что океан его проглотил. Но я знал, что это не так. Маленькая лодка по-прежнему существовала, она плыла на запад к Авалону.

Я долго простоял на обрыве, всматриваясь в море, а потом мне сделалось совсем тоскливо, и я ушел в лес. Листья хлопали и сосновые иголки трепетали, когда я проходил под деревьями. Долина никогда не казалась мне такой большой и такой пустой, как в эту ночь. На поляне я обернулся: огоньки Каталины мерцали и приплясывали. Я был бы только рад никогда не видеть их снова.

Глава 21

Странное место — ночной лес. Деревья становятся больше и как будто оживают, словно днем они спят или выходят из своих тел и только по ночам возвращаются в них и оживают, может быть, даже выдирают корни из земли и бродят по долине. Если выйти из дома, можно подглядеть краешком глаза, как они это делают. Конечно, в безлунную ночь достаточно слабого ветерка, чтобы вообразить нечто подобное. Ветки наклоняются, чтобы взъерошить тебе волосы, журчащий шепот листвы похож на далекие голоса. Два дупла превращаются в глаза, зарубка — в рот, ветки — руки, листья — пальцы. Легко обмануться. И все-таки я думаю, что они — вроде ночных животных. Все-таки они живые. Мы постоянно об этом забываем. Весной они весело распускаются, летом млеют на солнышке, зимой страдают от холода и наготы. Совсем как мы. Только они днем спят, а ночью просыпаются. Так что, если хотите узнать их поближе, ночь — самое подходящее время.

Разные деревья просыпаются по-разному и по-разному к тебе относятся. Эвкалипты дружелюбны и говорливы. Ветви у них переkreщиваются и на ветру все время скрипят. А висячие листья трепыхаются и хлопают, получается журчание, как от воды, переменчивый голос, который ласкает, как объятие, как прикосновение руки ко лбу. Эвкалипты громкоголосы, но их лучше не трогать и не обнимать, если не видишь стволов — вляпешься в смолу. Кора у них гладкая и прохладная, она, как и все дерево, приятно пахнет, но, как я думаю, растет медленнее древесины и поэтому все время трескается. Из трещин постоянно течет смола, как слюни у собаки, в темноте обязательно заденешь ее рукой и станешь весь липкий.

Сосны неприветливы. В слабый ветер их тихое «ууууу» зловеще, от яростного «оxxxx», когда поднимется ветер, мороз пробегает по коже. Но трогать их приятно, на их черные силуэты можно смотреть бесконечно. У сосны Торрея иголки самые длинные, а лапы курчавятся. Они нарастают на больших ветвях по спирали, похоже на пружины, которые Рафаэль держит в мастерской. Грубую, ломкую кору этой сосны удивительно приятно гладить, она — словно язык исполинской кошки. У секвойи кора еще лучше, мохнатая и в трещинах — если запустить в трещины пальцы, никто тебя от ствола не оторвет. Это как обниматься с медведем, или прижиматься к маме и плакать в ее волосы. Сосны — хорошие друзья, только, чтобы это понять, надо не пугаться суровых голосов и потрогать ствол.

Конечно, в ночном лесу водятся и настоящие живые существа, я хочу сказать, движущиеся животные, как мы. Даже целая куча: койоты, хорьки, скунсы, олени, кошки, кролики, опоссумы и еще Бог весть кто. Но хоть убей, не узнаете, кто бродит совсем рядом. Даже если в одиночку долго-долго сидеть в лесу, можно так никого и не увидеть, а уж тем более если ломиться через подлесок и обнимать деревья. Тут уж точно ни одного зверя не увидишь, разве что лягушку. Лягушкам чего бояться, они всегда могут прыгнуть в реку, потому такие и смелые. Пока чуть не наступишь на нее, она и замолкнуть не соизволит, не то что двинуться с места. Остальные же

обитатели леса слышат тебя или чувствуют, и уходят с дороги, ты и не узнаешь, что они тут были, разве что расслышишь далекий шорох. Конечно, большой кошке может прийти в голову тебя съесть, но можно надеяться, что они осторожны и в долину не заходят. Обычно они избегают людных мест, а осенью вообще не голодны. Стало быть, если ты идешь через лес, то ни одного зверя не видишь, и это странно, ведь ты знаешь, что они — повсюду, пьют, гложут побеги или мертвую добычу, охотятся или прячутся.

Но я забыл про птиц. Иногда видишь быструю черную тень совы и просто дивишься, как бесшумно она летает. Или кочующие гуси или цапли пролетят в вышине, вытянув шеи, то выстраиваясь в безупречный клин, то рассыпаясь, словно летят наперегонки. Вот у ворон, у них игра другая, больше похожа на салочки.

В ту ночь я увидел стаю гусей, они летели на юг. Два широких клина пронеслись над нашей долиной перед зарей, когда небо голубело, и я видел их совсем четко. Медленные, размеренные взмахи крыльев, оживленная гортанная переключка...

Конечно, они не совсем часть нашего леса, но их можно увидеть, гуляя в лесу. И я видел их в ту ночь. Перед этим я задремал у секвойи, а потом просто лежал, свернувшись меж двух узловатых корней. Хотя больше я бродил. Сколько раз ходил я по лесу прежде, и днем, и ночью, но никогда даже не задумывался о нем. Это был просто дом — ничего особенного. Но в ту ночь я не хотел ни о чем думать, нарочно решил не думать, и мне это иногда удавалось. Я изучал дерево за деревом, общался с ними и познакомился по-настоящему, трогал их, на два даже взбирался... Сидел, высматривая зверей, про которых знал, что они тут, но, как я уже говорил, звери не любят показываться людям. Несколько раз я слышал шорох, но не увидел даже белки.

Там, где в реку впадает ручей из Качельного каньона, есть маленький луг, и на нем всегда полно звериных следов. Когда я проснулся и увидел гусей над головой, я пошел туда в надежде подсмотреть, как кто-нибудь из мохнатых братцев придет на водопой. Так и вышло. После того как я довольно долго пролежал в папоротни-

ках за обросшим древесными грибами бревном, наблюдая, как паук плетет свою утреннюю паутину, к воде вышло семейство оленей — самец, самка и детеныш. Самец огляделся и принюхался; он понял, что я здесь, но разумно решил не обращать внимания. Самка грациозно прошла через грязь к берегу ручья, а детеныш проковылял еле-еле, спотыкаясь. Детеныш был примерно трехмесячный, он отлично мог перейти, но, похоже, хотел досадить матери. Напившись, они пошли прочь, через луг и в лес.

Я с трудом встал, подошел к ручью и тоже напился. Штаны мои так и не высохли, ноги мерзли, сам я был разбитый, грязный, исцарапанный, голодный и усталый как собака, но в остальном я чувствовал себя нормально. Я прошел по западному берегу, пустому, как пустая миска, понимая, что уже больше не зареву, даже если все-таки вспомню про Мандо и Стива. Я мог думать о них, ничего не чувствуя. Все прошло, осталась пустота.

А потом я обогнул излучину и увидел фигуру на моем берегу, ниже по течению, там, где начинались поля. Было раннее утро, когда еще ничего не видно, кроме теней и серости — тысячи оттенков серого и ни намек на цвет. С каждого серого листа, сучка, травинки капала роса — знак, что Санта-Ана улеглась. Мышь пискнула, когда я наступил на ее жилище. Я остановился, но не из-за мыши.

Фигура ниже по течению принадлежала женщине (завидев человека, как бы далеко он ни стоял, мы сразу определяем его пол, уж не знаю, как это получается). И темно-серые волосы этой женщины в свете дня были бы каштановыми с отливом в рыжину. Даже сейчас, в мире сплошной серости, я различал этот рыжеватый отлив. Это была Кэтрин, на краю своих полей. Ниже колен штаны ее были темные — мокрые, значит. Выходит, она бродила уже долго. Может быть, тоже всю ночь — еще одно ночное животное, которое я проглядел. Она стояла спиной. Я мог бы подойти к ней, но что-то меня удержало. Бывает, что спина за сотню ярдов не менее выразительна, чем наши лица. Кэтрин вздрогнула и пошла вдоль реки к мосту. У поля она вдруг остановилась и с размаху пнула последний кукурузный стебель. На

ней были большие башмаки, стебель закачался и остался стоять, дрожа. Это ее не удовлетворило. Она размахнулась и пнула еще, потом еще, пока стебель не упал. У меня поплыло перед глазами, и я, спотыкаясь, побрел через лес. Все наши утраты вновь обрели реальность.

Значит, пустота во мне оказалась обманчивой. Моя способность к страданию оказалось больше, чем я воображал, куда больше. Я страдал по целым дням, между страданием и пустотой я проводил каждый час. И так день за днем. Это было неожиданностью, причем неприятной, но поделать я ничего не мог. Так я чувствовал, а чувствам не прикажешь.

У меня появилась привычка подолгу торчать на пляже. Я не мог встречаться с людьми. Раз попробовал присоединиться к рыбакам, но ничего хорошего не вышло — меня приняли в штыки. Другой раз я побрел к печам, но тоже ушел — больно было глядеть на бедняжку Кристин. Даже завтраки и ужины с отцом превратились в муку. Я не мог навещать старика, он был совсем плох, и это доводило меня до отчаяния. Все смотрели на меня с вопросом, или с осуждением, или наблюдали за мной, когда думали, я не вижу. Меня пытались утешить, вести себя так, будто ничего не изменилось, а это была ложь. Изменилось все. Поэтому я не хотел быть с ними. Пляж — хорошее место, когда хочешь остаться один. Он такой широкий от обрывов до воды, такой длинный от грубого речного песка в устье до Бетонной бухты с ее белыми валунами, что можно бродить по целым дням и почти никого не встретить. Длинные песчаные валы от давних высоких приливов; лужи стоячей воды за ними; кучи пла́вника; похожие на осьминогов коряги; водоросли, разбросанные словно кучки черного компоста и кишачие песчаными блохами; раковины — целые и разбитые; песчаные крабики; их пузыри на мокром песке; белые круглые кулички, стайкой бегущие по гальке от разбившейся волны — все это можно разглядывать часами и днями. Так я и гулял взад и вперед по берегу, чувствуя себя то несчастным, то опустошенным.

Понимаете, я мог все от ребят скрыть. Конечно, я мог с самого начала сказать, что не желаю иметь с этой

затеей ничего общего. Так и следовало поступить. Но даже после того, как я согласился, мне следовало молчать про высадку, и ничего бы не случилось. Я ведь даже подумывал об этом, был близок к такому решению. А поступил наоборот. Я сделал выбор, и все, что за этим последовало — смерть Мандо, побег Стива, — произошло из-за этого выбора. Значит, виноват я. На моей совести бегство одного друга, гибель другого. И кто знает, сколько еще людей полегло в ту ночь, неведомых мне, но дорогих своим близким, которые их сейчас оплакивают, как мы оплакиваем Мандо. И все из-за того, что я принял решение. Как остро я это теперь понимал! Как желал, чтобы подумал лучше, решил иначе! Я бы все отдал, чтобы изменить это решение. Но нет ничего неизменной прошлого. Шагая вдоль реки к дому, я вспомнил наш со стариком разговор на этом самом месте. Том говорил, мы клинья в трещине истории, мы засели крепко, наш выбор стеснен, но теперь я знал: в сравнении с тем, как засело прошлое, настоящее — вольный простор. В настоящем мы совершаем выбор, в прошлом — поступили единственным образом. Сожалей сколько влезет, ничего не исправишь. Я понимал это и все равно — жалел о прошлом, мечтал его изменить.

Будь я умнее, Мандо остался бы жив. Не просто умнее — честнее. Я лгал, я предал Кэтрин, Тома, отца — всю долину, которая голосовала против союза с южанами. Всех, кроме Стива, и он — на Каталине. Какой я дурак! А я-то считал себя самым умным, когда выведаль у Эда время и место высадки, когда вел мэра и его людей на берег, где они собирались устроить засаду.

Но в засаду попали они. Стоило об этом подумать, и все стало очевидно. Мусорщики и японцы не просто оборонялись от внезапного нападения — они нас ждали. А кто их предупредил, если не Эдисон Шенкс? Он знал, что мы проводали о вылазке, и ему оставалось только известить мусорщиков, а тем — подготовиться. Устроить нам засаду.

Только я об этом подумал, все стало ясно как Божий день, но до этой секунды подобная мысль даже не приходила мне в голову. Те, кто хотели устроить засаду, сами в нее попали.

А мэр поставил нас к северу от своих людей — нарочно, чтобы в случае чего мы оказались последними на пути к мосту и отвлекли врагов, пока он будет уводить своих. Бросил нас на дорогу под ноги врагам.

Нас дважды предали, а я — полный идиот.

Моя глупость стоила Мандо жизни. Я всей душой желал (теперь, когда похороны остались позади), чтобы умер не он, а я. Но я знал, что желать — все равно что бросаться камнями в луну, и мне ничто не грозит.

Дня через два я гулял по берегу, размышляя обо всем этом, и мне вдруг захотелось подняться к Шенксам на Бэзилон. Я не собирался ничего им говорить, просто хотел из любопытства на них взглянуть. По их лицам я увижу, прав ли я, действительно ли Эдисон предупредил мусорщиков, а после можно будет с ними никогда не встречаться.

Дом сгорел. Вокруг никого. Я перепрыгнул через обугленные доски — все, что осталось от южной стены, — и некоторое время бродил среди головешек, разгребая их ногами, отчего в воздух поднималась зола. Хозяева ушли давно. Я стоял посреди бывшей кладовой и глядел на черные кучи. Ничего металлического. Похоже, прежде чем поджечь дом, они вынесли все ценное. Наверно, им помогли перебраться на север. Надо думать, после того как я застукал Эда и он узнал, что я жив, они решили податься на север и окончательно присоединиться к мусорщикам. И, разумеется, Эд не пожелал оставлять нам такой дом.

Северная стена еще стояла, но она сильно обгорела и готова была вот-вот рухнуть; остальное дерево превратилось в золу и обугленные головни. Теперь снова стали видны металлические опоры вышки, черные и закопченные, они тянулись к металлической платформе, куда раньше крепились провода. Я опять чувствовал пустоту. Это был хороший дом. Они были дурные люди, но дом построили хороший. Как-то так получилось, что сейчас, среди обгорелых развалин, я не мог вернуть былой злобы к Эду и Мелиссе. Невесело им было, сжечь такой хороший дом и бежать. Да и вправду ли они дурные люди? Водят дела с мусорщиками — и что с того? Мы сами с

ними торгуем. А помогать японцам, желающим высадиться на наш берег — так ли это плохо? Вот Глен Баум делал это, если не врет в своей книге, и никто не обозвал его предателем. Эд и Мелисса просто хотели иного, чем я. В чем-то они лучше меня. По крайней мере они держали свои обещания, не предавали друзей.

Я поплелся в долину, совсем расстроенный. Заглянул к Доку: Тому плохо, он спит, лицо осунувшееся, будто уже умер; Док один за кухонным столом, смотрит в стену, глаза запавшие. Я поспешил к реке, прошел по мосту, зашел в уборную возле бани облегчиться. Выходя, столкнулся с Джоном Николеном. Он глянул на меня и молча отодвинул плечом.

Я пошел на пляж. И на следующий день тоже. Я научился узнавать стайки куличков: в одной — одноногий, в другой — черный, в третьей — со сломанным клювом. Прилив заливал обеденный стол мух. Отступал, оставляя кучки мокрых водорослей. Чайки кружили и кричали. Раз на полосу мокрого песка опустился пеликан и стоял, горделиво поглядывая вокруг. Однако в тот день прибой был высокий, и пеликан не успел вовремя отскочить. Волна накатила на него, он побежал, его сбило с ног, перекувырнуло через голову. Я засмеялся, глядя, как он встает, мокрый, взъерошенный и обиженный, но он смешно разбежался и полетел вдоль пляжа. Когда я отсмеялся, то заплакал.

Облака вернулись. Серая стена закрыла горизонт, ветер отрывал от нее клочки и нес к берегу. Ветер наконец поменялся. Санта-Ана неделю сдерживала облака, теперь они возвращались на свою законную территорию. Сперва их было совсем мало, прозрачных и рыхлых по краям. Они плодились и размножались и после полудня сделались темнее, ниже, потом вся стена двинулась от горизонта, становясь темно-синей и закрывая небо, словно одеяло. Воздух похолодал, чайки спрятались, ветер с моря набирал силу. Облака стали тяжелыми, они метали молнии в море и в сушу, вспенивая волны и раскалывая деревья на холмах. Я сидел на старом сером бревне и глядел, как ударяют в песок первые капли. Стальная поверхность океана потеряла под дождем свой блеск.

Я запахнул куртку и упрямо сидел. Дождь сменился градом. Град падал и падал, пока бурые градины не засыпало чистыми: песчаный пляж накрыло стеклянным.

Я двинулся вдоль берега, взобрался по дороге на обрыв. Град сменился дождем. Я шагал вдоль реки, руки в карманах, подставив лицо дождю. Я нарочно шел по открытым местам, и меня это радовало именно потому, что это так глупо.

Так я дошел до края небольшой поляны, где у нас кладбище. Ливень хлестал из низких облаков прямо над головой. Я прошел через тот участок у реки, где хоронили выброшенных морем японцев. На их деревянных крестах было написано: «Неизвестный китаец. Умер в 2045-м» — год мог меняться. Нат постарался, вырезая на крестах буквы и цифры.

Дальше на поляне были похоронены наши. Я переходил от могилы к могиле, читая надписи. Винсент Мариани, 1992—2038. Рак. Я вспомнил, как он играл в прятки с Кэтрин, Стивом и со мной, Кристин тогда была еще малышкой. Арнольд Калинин, 1970—2026. Том говорил, он пришел в долину уже больной, Док боялся, что мы заразимся, но все обошлось. Джейн Говард Флетчер, 2002—2030. Моя мать. Воспаление легких. Я вырвал из-под креста несколько сорняков, пошел дальше. Джон Менли Моррис, 1975—2029; Эвелина Моррис, 1989—2033. Он умер от рака, она — от заражения крови, когда порезала ладонь. Джон Николен-младший, 2016—2022. Утонул в реке. Мэтью Хэмиш, 2034. Врожденное уродство. Марк Хэмиш, 2036; Люк Хэмиш, 2039. Оба с врожденными уродствами. Франческа Хэмиш, 2044. То же. И Джо снова беременна. Джеффри Джонс, 1995—2040; Энн Джонс, умерла в 2040-м. Оба сгорели при пожаре в своем доме. Эндевор Симпсон, 2039. Врожденное уродство. Дифайнс Симпсон, 2043. То же самое. Элизабет Коста, 2000—2035. Неизвестная болезнь, Док так и не сумел ее определить. Армандо Томас Коста, 2033—2047.

Дальше шли еще могилы, но я остановился и стал смотреть на могилу Мандо, на свежую надпись на кресте. Даже в Библии говорится, что век человеческий — семьдесят лет, а это написано так давно. А наш век — короткий, как у захваченных морозом лягушек.

Земля на могиле Мандо осела, теперь дождь умял ее еще сильнее. Я сходил на край поляны, где Нат всегда оставляет в яме лопату, и начал носить на могилу мокрую землю, лопату за лопатой. Грязь прилипала к лопате, не хотела сыпаться. Это я плохо придумал. Я бросил лопату обратно в яму и сел на траву на краю могилы, держась за перекладину оградки. Лягушки на морозе. От дождя землю совсем развезло, везде были лужи. Я глядел на ряды крестов, с которых лилась вода, и думал: это несправедливо. Так быть не должно. Мандо и младше меня, и не младше: его нет, он исчез. Он не вернется. Я набрал в горсть земли и сдал. Мандо из живого человека стал чем-то вроде земли у меня в горсти. И то же будет со всеми, кого я знаю. И со мной. Никакие наши поступки, никакие слова этого не изменят. Так в чем смысл? Странно жить и работать, сколько хватит сил, а потом просто превратиться в землю. Я сидел под дождем и давил глину в руке. Чмок, чмок. Чмок, чмок.

Глава 22

И все же старик выжил.

Старик выжил — хотя мне с трудом в это верилось. Кажется, остальные тоже удивились, даже сам Том. А уж Док — точно.

— Просто сам себе не верю, — радостно сообщил он мне, когда однажды ненастным утром я зашел его навещать. — Даже глаза тер и за руку себя щипал. Вчера встаю, а он сидит за кухонным столом и скулит: где мой завтрак, где мой завтрак? Конечно, его легкие очищались всю неделю, но, сказать по правде, я не надеялся, что это поможет. И вот он уже со мной лается.

— Кстати, — крикнул из спальни Том, — где мой чай? Неужели никто больше не заботится о бедном пациенте?

— Если хочешь горячего, заткнись и подожди! — крикнул Док, улыбаясь мне. — Хлеба тебе принести?

— Конечно.

Я вошел к Тому. Он сидел на кровати и моргал, как птица. Я робко спросил:

— Как тебе?

— Голодно.

— Это хороший знак, — объявил Док у меня за спиной. — Аппетит вернулся, очень хороший знак.

— Только не при таком поваре, как у меня, — сказал Том.

Док фыркнул:

— Не обращай на него внимания. Наворачивает за милую душу, как раньше. И, похоже, ему нравится. Скоро он пожелает оставаться тут только из-за кормежки.

— Держи карман шире.

— Вот она, благодарность! — воскликнул Док. — После того, как я столько времени заталкивал в него еду чуть ли не силой! Я уже чувствовал себя мамой-птичкой и подумывал, не переваривать ли еду в своем желудке, прежде чем его кормить...

— Да, это бы помогло, — хохотнул Том, — жрать блевотину, тьфу! Унеси это, ты навсегда отбил мне аппетит.

Он отхлебнул чаю, ругаясь, что слишком горячо.

— Да, я тебе говорю, трудно было затолкать в него еду. А теперь только погляди.

Док с удовольствием наблюдал, как Том по старой привычке заглатывает, не жуя, целые куски хлеба. Доел, улыбнулся щербатым ртом. Щеки его за время болезни запали еще глубже, но карие глаза сверкали прежним задором. Я расплылся в улыбке.

— Ах да, — сказал Том, — могу подтвердить, все дело в мутировавшей иммунной системе. Я крепок, как тигр. Во какой крепкий! Тем не менее извините меня, я чуток сосну.

Он раза два кашлянул, заполз под одеяло и отключился, словно зажигалка, когда ее закроешь.

Так что здесь все было хорошо. Том пробыл у Дока еще недели две, по-моему, просто чтобы составить ему компанию, поскольку поправлялся день ото дня и уж точно не любил больницу. Как-то Ребл постучала в дверь и спросила, помогу ли я перевозить Тома обратно домой. Я сказал, конечно, и мы пошли через мост, разговаривая и перешучиваясь. Солнце играло в прятки за высокими облаками, из дома Косты вышли Кэтрин, Габби, Кристин, Дел и сам Док, посмеиваясь над Томом, который вприскокку возглавлял парад.

— К нам! — заорал Том, увидев меня и Ребл. — Стар и млад, вливайтесь в ряды нашей партии!

Кэтрин дала мне тяжелый джутовый мешок с Томовыми книгами, и я притворился, что хочу сбросить его с моста в реку. Том замахнулся на меня палкой. Мы чудесно прошлись по другому склону долины. Прежде я не позволял себе и думать, что этот день наступит, но вот он, его можно потрогать рукой.

Возле дома старик прямо-таки разбушевался. Он театрально размахнулся и пнул ногой дверь — она не открылась. «Замечательная щеколда, видите?» Он сдувал пыль со стола и со стульев, так что в комнате стало нечем дышать. На полу красовалось лужа — значит, снова потекла крыша. Том скривился:

— За домом плохо присматривали, очень плохо. Вы все уволены.

— Хо-хо, — сказала Кэтрин, — сейчас тебе придется снова нанять нас за деньги, чтобы мы помогли убраться.

Мы открыли все окна и устроили сквозняк. Габби и Дел выпальвали сорняки, мы с Томом и Доком прошли по гребню к ульям. Том, увидев их издали, ругнулся, но все оказалось не так и плохо. Мы немного их прибрали, потом Док велел возвращаться. Из трубы валил белый дым, большое переднее окно сверкало чистотой, на крыше стоял Габби с молотком, клещами и гвоздями, искал дыру и кричал, чтобы ему показали, где она. Когда мы вошли, Кэтрин стояла на табуретке и стучала метлой в потолок.

— Давай-давай, — сказал Том, — проломи мне крышу окончательно.

Кэтрин замахнулась на него метлой, не устояла и прыгнула с падающей табуретки. Кристин уронила тряпку для вытирания пыли и с визгом бросилась к сестре. Ребл сняла с печки чайник, и мы собрались в столовой выпить ароматного Томова чая.

— Ваше здоровье! — сказал Том, поднимая дымящуюся кружку. Мы подняли свои и подхватили тост.

Вечером я вернулся домой и услышал от отца, что заходил Джон Николен, спрашивал, чего я больше не рыбачу. Прежде мы питались главным образом рыбой,

которую я получал за работу, и сейчас отец был расстроен. Поэтому на следующий день я присоединился к рыбакам и дальше выходил на лов всякий раз, как позволяла погода. На воде стало заметно, что год на исходе. Солнце уже не поднималось так высоко, начались холодные течения. Часто во второй половине дня с моря напоззали тучи. Мокрые руки мерзли и краснели, зубы стучали, кожа покрывалась пупырышками. Люди берегли силы, говорили коротко и только по делу. Меня это устраивало. Пронизывающий ветер дул в спину, когда мы в ранних сумерках гребли к берегу; под темно-синими облаками береговые обрывы казались бурными, холмы — темно-зелеными от сосен, океан — стальным. В темноте желтые костры у реки сияли маяками, хорошо было видать их за излучиной. Подтащив лодки к обрыву, я вместе с другими шел к костру отогреться, прежде чем идти домой. Остальные тоже грелись, держа руки над самым огнем, начинались обычные разговоры, но я в них не участвовал. Хотя я и радовался, что старик жив и дома, других радостей у меня не было. Мне часто бывало худо, и все время чувствовалась пустота. Когда во время рыбалки я заставлял негнущиеся пальцы держать сеть, мне вспоминались ругательство или шутка, которые отпустил бы сейчас Стив, и мне их остро недоставало. Когда лов кончался, меня не ждали на обрыве ребята. Чтобы не напоминать себе об этом, я часто огибал мыс, шел на пляж и бродил по знакомому простору. На следующий день я глубоко вздыхал, натягивал сапоги и вновь отправлялся рыбачить. Но я просто двигался по накатанному. Как-то Том это вычислил. Может, ему сказал Рафаэль, может, сам догадался. Раз после рыбалки я взбирался на обрыв, чувствуя свинцовую тяжесть в ногах, и увидел наверху Тома.

Я сказал:

— Вот ты и гуляешь.

Он оставил замечание без ответа и погрозил мне скрюченным пальцем:

— Что тебя гнетет, приятель?

Я сжался.

— Ничего. — Взглянул на свой мешок с рыбой, но он схватил меня за руку и потянул:

— Что тебя тревожит?

— Ах, Том. — Что еще можно было ответить? Он знал, что меня тревожит. Я сказал: — Ты сам знаешь. Я дал тебе слово не ходить туда и пошел.

— Ну и забудь.

— Но смотри, что получилось! Ты был прав. Если бы я туда не ходил, ничего бы не произошло.

— С чего ты взял? Они бы пошли без тебя.

Я покачал головой:

— Нет, я мог их остановить.

Я объяснил, что произошло и какую роль сыграл я сам в этой истории — все до последней мелочи. Старик кивал на каждую мою фразу.

Когда я закончил, он сказал:

— Да, это плохо. — Я дрожал, и он вместе со мной пошел под дороге. — Но задним числом все умные. Ты не мог знать, что случится.

— Но я знал! Ты мне говорил. И вообще, у меня было предчувствие.

— Ладно, послушай, приятель...

Я поднял голову, он замолк. Нахмурился, признавая, что я прав, не желая себя обелять. Мы еще немного прошли, потом он щелкнул пальцами.

— Книгу писать начал?

— Ох, ради Бога, Том.

Он сильно ткнул меня в грудь, так что я оступился и чуть не упал.

— Эй!

— Попробуй на этот раз меня послушать.

Удар попал в цель. Я слушал, широко раскрыв глаза, а он продолжал:

— Не знаю, как долго я смогу выносить это твое слюнтяйство. Мандо умер, и ты отчасти в этом виновен, да. Да. Но это будет мучить тебя без всякой пользы, пока ты не послушаешь меня и не запишешь, как все было.

— Ах, Том...

Он накинута на меня, снова ткнул! Такое он позволял себе только со Стивом, и все равно на этот раз я готов был дать ему отпор.

— Выслушай меня хоть раз! — крикнул он, и я вдруг понял, что он расстроен.

— Я слушаю, сам знаешь.

— Тогда сделай, как я говорю. Запиши свою историю. Все, что помнишь. Пока будешь записывать, осмыслишь. А когда закончишь, у тебя будет записана история Мандо тоже. Это лучшее, что ты можешь сделать для него теперь, понимаешь?

Я кивнул, в горле у меня стоял комок. Я сглотнул.

— Попытаюсь.

— Не надо пытаться, просто пиши. — Я отпрыгнул, чтоб избежать нового тычка. — Ха! Верно — пиши или поколочу. Это — задание. Пока не выполнишь, не буду тебя учить.

Он погрозил кулаком. Рука у него была — кожа да кости, да еще тонкие шнурки мускулов под кожей. Я чуть не рассмеялся.

Так что я стал думать о книге. Снял ее с полки, где она лежала на старом оселке. Перелистал чистые страницы. Много-то как. И ежу ясно, что мне их не исписать. Хотя бы потому, что слишком долго.

Но я продолжал о ней думать. Пустота не отпускала. Дни стали короче, ночи в хижине — длиннее, и воспоминания постоянно теснились в голове. А старик так настаивал...

Однако, еще до того как я взялся за карандаш, Кэтрин объявила, что пора убирать кукурузу. Стоило ей это решить, и для всех нас, кто на нее работал, началась запарка. Мы вкалывали от зари до зари каждый Божий день. С самого рассвета я вместе с другими срезал серпом кукурузные стебли, связывал в снопы, носил через мост в амбар к дому Мариани, обдирал початки.

Из-за летних штормов кукуруза уродилась плохо, мы быстро покончили с ней и перешли на картошку. Здесь мы работали на пару с Кэтрин. После той ночи у Дока мы редко оказывались вместе, и я поначалу смущался, но она, похоже, не держала на меня зла. Мы просто работали и говорили о картошке. Работа с Кэтрин выматывает. По утрам еще ничего, потому что она вкалывает как лошадь и делает больше своей доли, но беда в том, что она работает в том же темпе весь день, так что ты волей-неволей должен делать больше своей доли изо дня

в день, сколько б ни сделала она. А картошку копать — и в грязи увозишься, и спину наломаешь, это обязательно.

Конец уборки мы отпраздновали скромной выпивкой в бане. Никто особенно не веселился, поскольку урожай вышел плохой, но по крайней мере он был убран. Мы с Кэтрин сидели на стульях рядом с баней и смотрели на закат. К нам подошли Ребл и Кристин. В другом конце двора Габби и Дел перебрасывались футбольным мячом. Пламя костра едва различалось на розово-алом небе. Ребл была грустная из-за неурожая картошки, даже всплакнула, и Кэтрин много говорила, чтобы ее ободрить.

— От вредителей никуда не денешься. На следующий год попробуем тот порошок, который я купила у мусорщиков. Не огорчайся, фермершей в один год не станешь. Картошка — не дети, сама не родится.

На это Кристин улыбнулась впервые со смерти Мандо, по крайней мере — на моих глазах.

— Голодным никто не останется, — сказал я.

— Но меня уже от рыбы воротит, — фыркнула Ребл.

Девушки рассмеялись.

— По тому, как ты ее уплетаешь, этого не видно, — заметила Кристин.

Кэтрин лениво отхлебнула виски.

— А чем ты сейчас занимаешься, Хэнк?

— Пишу в книге, которую мне дал Том, — солгал я, чтобы услышать, как это прозвучит.

— Да ты что? Пишешь про нашу долину?

— Да.

Она подняла брови:

— Про?..

— Ага.

— Хм. — Она посмотрела в огонь. — Ладно. Может, что-нибудь хорошее и получится в конце концов из этого лета. Но написать целую книгу? Это, наверно, очень трудно.

— Еще бы, — заверил я. — Скажу тебе по правде, почти невозможно. Но я пишу.

Все три девушки взглянули на меня уважительно.

Так что я опять стал думать про книгу. Снял ее с полки и положил на скамейку возле кровати, рядом с

лампой, чашкой и пьесами Шекспира, которые Том подарил мне на Рождество. И думал про нее. Когда это все началось, давным-давно... Компания встретилась, стали придумывать дела на лето. Мы же не ворье кладбищенское, сказал Николен, — и я мгновенно проснулся...

Итак, я начал писать.

Работа продвигалась медленно. Писать для меня было примерно как для Чудилы Роджера говорить. Каждый вечер я решал, все, завязываю. Но на следующий вечер, или через вечер, начинал снова. Удивительно, сколько память выдает, если на нее поднажать. Иногда, закончив писать, я приходил в себя и дивился, что сижу в хижине, по ребрам катился пот, руки немели, пальцы сводило, сердце колотилось от давних переживаний. А днем, качаясь в лодке на расходящихся волнах, я думал о том, что было, и о том, как это изложить на бумаге. Я знал, что закончу книгу, сколько бы времени на это ни ушло. Я был на крючке.

Теперь осенние вечера проходили одинаково. Отнеся рыбу на разделочные столы, я поднимался на обрыв. Ребят там не было. Упрямо не думая о них, я шел домой, обычно уже в ранних сумерках. Дома отец смазывал сковородку и жарил рыбу с луком, а я зажигал лампу, садился за стол, и мы болтали о дневных событиях. Когда рыба была готова, мы садились, отец читал молитву, и мы ели рыбу с хлебом или картошкой. Потом мыли посуду, убирали со стола, допивали воду и чистили зубы купленной у мусорщиков зубной щеткой. Потом отец садился за машинку, а я — за обеденный стол, и он шил одежду, а я сшивал слова, пока мы оба не соглашались, что пора спать.

Не знаю, сколько вечеров так прошло. В дождливые дни было то же самое, только с утра до вечера. Примерно раз в неделю я ходил к Тому. Поскольку я обещал писать, он смиростивился и согласился возобновить уроки. Он разбирал со мной «Отелло», и я догадывался почему. Я корил себя за прошлое, но Отелло! Он единственный из шекспировских героев оказался еще глупее меня.

О, я глупец! О, я глупец!..

Когда вы будете писать в сенат

Об этих бедах, не изображайте
Меня не тем, что есть. Не надо класть
Густых теней, смягчать не надо красок.
Вы скажете, что этот человек
Любил без меры и благоразумья,
Не ревновал, но, раз заревновав,
Сошел с ума. Что был он, как дикарь,
Который поднял собственной рукою
И выбросил жемчужину, ценней,
Чем край его. Что, в жизни слез не ведав,
Он льет их, как целебную смолу
Роняют аравийские деревья.
Прибавьте к сказанному...*

— Значит, в Аравии тоже есть эвкалипты, — заметил я Тому, закончив читать отрывок, и он рассмеялся. А когда, уходя, я потребовал карандашей, он зашелся от хохота и принялся их искать.

Дни шли. Чем дальше я углублялся в события того лета, чем дальше они от меня отступали, тем меньше я их понимал. В голове была полная каша. Однажды шел дождь, и мы с отцом работали после обеда. Дверь мы открыли, чтобы впустить хоть немного света, но даже при горячей печке в комнате было холодно, а когда менялся ветер, с улицы брызгало дождем. Пришлось закрыть дверь и зажечь лампу. Отец склонился над курткой, которую шил. Пальцы его так и мелькали, прокалывая иголкой ткань, и все же проколы шли на одинаковом расстоянии друг от друга, ровно, словно по линейке. На среднем пальце у него был надет наперсток, он протыкал ткань, вытягивал нитку, протыкал, вытягивал... Нитка натягивалась равномерно, на ткани появлялись идеальные крестики... Прежде я никогда внимательно не наблюдал за его шитьем. Мозолистые пальцы двигались ловко, словно танцоры. Я подумал, отцовы пальцы умнее его самого, и тут же устыдился своей мысли. Прежде всего, это неправда. Отец приказывает своим пальцам, и никто другой. Без него бы они не справились. Вернее будет сказать, его ум — в том, как он шьет. И в этом он

---

* У. Шекспир. «Отелло», перевод Б. Пастернака.

очень умен. Мне понравилась эта мысль, и я ее записал. Сшивать мысли. Тем временем отцовы пальцы втыкали иголку, протягивали ее сквозь ткань, соединяя куски, вытаскивали нитку, поворачивали, втыкали снова.

Отец вздохнул:

— Глаза у меня уже не те, что прежде. Было бы сейчас лето. Как мне его недостает.

Я прищелкнул языком. Обидно средь бела дня сидеть в потемках и жечь лампу. И не просто обидно. Я обвел глазами убогую лачугу, и мне сделалось тоскливо.

— Черт, — злобно пробормотал я.

— Что-что?

— Я сказал, черт.

— Почему?

— Да... — Как объяснить ему, не огорчая? Он принимал это убожество, почти не раздумывая. Я покачал головой. Он с любопытством глядел на меня.

Вдруг меня осенило. Я вскочил.

— Куда? — спросил отец.

— Есть одна мысль.

Я надел сапоги, куртку.

— Льет как из ведра, — с сомнением сказал отец.

— Мне недалеко.

— Ладной. Будь поосторожней.

Я повернулся в открытой двери, шагнул обратно и легонько двинул его в плечо.

— Ага. Я скоро вернусь, ты шей.

Я пробежал по мосту, поднялся на Бэзилон к бывшему дому Шенксов и принялся рыться среди головешек. Довольно скоро я нашел, что искал, в мокрой золе под северной стеной — большое прямоугольное стекло в размах моих рук и почти такой же высоты. Одно из многих окон. С угла оно немного оплавилось и покоребилось, но это меня ничуть не огорчило. Я поднял голову к небу, поймал ртом несколько дождевых капель и пошел в долину, осторожно неся стекло перед собой. По нему стекала вода. Как в автомобиле за ветровым стеклом, а? У мастерской Рафаэля я остановился и постучал. Он был дома, перемазанный в машинном масле, и стучал молотом, как Вулкан.

— Раф, сможешь мне вставить это окно в нашу стену?

— Конечно, — сказал он, выглядывая на дождь. — Прямо сейчас, что ли?

— Ну...

— Давай дождемся погожего дня. Нам придется много ходить в дом и из дома.

Я неохотно согласился.

— Всегда удивлялся, чего вы живете без окна?

— Стекла у нас не было! — весело ответил я и пошел домой.

Через два дня мы прорезали окно в южной стене, и комнату залило светом, так что каждая пылинка стала серебряной. Пыли у нас было много.

Рафаэль даже приладил нам подоконник. Взглянул на оплавленный край стекла, заметил:

— Надо же, чуть не расплавилось. — Одобрительно кивнул и вышел, неся инструменты за плечом и насвистывая. Мы с отцом суетились в доме, прибирались, выглядывали в окно, выходили взглянуть снаружи.

— Замечательно, — сказал отец с блаженной улыбкой. — Генри, какая же замечательная мысль тебе пришла. Я же знаю, ты у меня головастый.

Мы пожали друг другу руки. Я почувствовал прикосновение его сильной ладони и весь расцвел. Приятно, когда отец тебя хвалит. Я так тряс его руку, что он даже рассмеялся.

Это напомнило мне о Стиве. Никогда он не слышал отцовской похвалы и никогда бы не услышал. Наверно, это как ходить с занозой в пятке. В пятке души моей, Горацио. Кажется, я начал понимать его лучше, и в то же время я вроде бы как его терял — настоящего, всамделишного Стива. Только во сне мне удавалось как следует увидеть его лицо. И так трудно было изобразить Стива в книге: как он умеет насмешить, как с ним понимаешь, что действительно живешь. Я сел работать над этим — у нового окна.

— Надо будет сшить занавески, — сказал отец, задумчиво глядя на стекло, прикидывая на глаз размеры.

Какое-то время спустя я вместе с нашими отправился на последнюю в этом году толкучку. Зимние толкучки

это вам не летние — меньше народу, меньше товара. В этот раз моросил бесконечный дождь, каждый старался побыстрее отторговаться — и домой. Спор из-за цены быстро превращался в ругань и даже в драку. Шерифам было забот хоть отбавляй. Время от времени я слышал, как кто-нибудь из них орет: «Идите, куда идете, не толпитесь! Эй, что тут не поделили?»

Я перебегал от навеса к навесу и под укрытием от дождя старался выторговать для отца ткань или старую одежду. На обмен у меня были только морские гребешки да пара корзин, так что торговаться приходилось изо всех сил.

Компания мусорщиков развела в своем лагере огонь, плеснув на мокрые дрова бензину, и под их навесом собралась куча народу. Я тоже подошел, и там-то обнаружил мусорщицу, готовую отдать за мое добро груды драной одежды.

Когда мы пересчитали ее товар, она сказала:

— Я слышала, это вы из Онофре устроили южанам такую штуку.

— Чего? — сказал я, слегка вздрогнув.

Она рассмеялась, показав испорченные зубы, и отхлебнула из бутылки:

— Не прикидывайся дурачком, деревенский.

— Я не прикидываюсь, — сказал я. Она протянула бутылку, но я покачал головой. — Чего, по-вашему, мы устроили тем из Сан-Диего?

— Ха! По-нашему. Посмотрим, как вы отговоритесь, когда они придут спрашивать, зачем вы пришили их мэра.

Меня затрясло от промозглой сырости, и я как стоял, так и сел. Взял у нее бутылку и выпил кислой кукурузной браги.

— Давай Расскажи, что ты слышала.

— Ладно, — сказала она, радуясь возможности посплетничать. — На материке говорят, вы завели мэра и его людей прямо в японскую засаду. — Я кивнул, чтобы она продолжала. — Ага! Теперь он не отрицает. Так что японцы почти всех перебили, и мэра тоже. Они в Сан-Диего злые как черти. Если б не дрались промеж собой, кому занять его место, худо бы вам пришлось. Но сейчас

каждая собака в Сан-Диего хочет быть мэром, по крайней мере так говорят на материке, а я им верю. Говорят, там черт-те что творится.

Я отхлебнул еще глоток жуткого зелья, и он упал мне в желудок, как большое железное грузило. В воздухе висела мелкая морось, с края навеса капало.

— Слушай, деревенский, ты в порядке?

— В порядке.

Я свернул тряпье, поблагодарил ее и ушел, торопясь скорее попасть в Онофре и сообщить Тому новость.

В другой дождливый день я торчал у Рафаэля в мастерской и ничего не делал. Я пересказал Тому, что слышал на толкучке, а Том сказал Джону Николену и Рафаэлю, но никто из них особо не всполошился. Это меня очень успокоило. Теперь я сбыл это дело с рук долой и просто проводил время. Кристин и Ребл сидели поджав ноги под большими окнами, плели корзины и болтали. Рафаэль устроился на низкой табуретке и возился с аккумулятором. На грязном полу валялись детали и инструменты, а вокруг располагались Рафаэлевые изобретения и произведения: трубы, чтобы теплый воздух от печки согревал другие комнаты, маленькая печь для обжиги, движок с велосипедным приводом и прочее.

— Трудно с жидкостью, — сказал Рафаэль в ответ на мой вопрос. — Все аккумуляторы, которые были наполненными в день взрыва, давно испорчены. Окислились и потекли. Но, к счастью, на складах сохранились пустые. Они никому не нужны, поэтому продают их задешево. У меня есть знакомые мусорщики, которые пользуются аккумуляторами, они принесут на толкучку жидкость, если я попрошу. Она мало кому нужна, так что покупать ее выгодно.

— Это так ты запустил свою мототележку?

— Ага. Только она не нужна. Обычно не нужна.

Мы тихо посидели, вспоминая.

— Так ты слышал нас в ту ночь?

— Не сразу. Я был на Бэзилоне и увидел огни. Потом слышал стрельбу.

Я мотнул головой, стараясь привести в порядок мысли, и переменил тему.

— А как насчет радио, Раф? Ты когда-нибудь пытался починить радио?

— Нет.

— Чего так?

— Не знаю. Наверно, радиоприемники слишком сложно устроены. Мусорщики заламывают за них бешеные цены, а они все битые, негодные.

— Да почти все, что ты у них покупаешь, такое.

— Тоже верно.

Я сказал:

— Ты ведь можешь прочесть в инструкции, как работает радио?

— Да я не очень-то читать умею, ты знаешь, Хэнк.

— Я бы тебе помог. Я бы прочел, а ты бы разобрался, что это значит.

— Может быть. Но надо иметь приемник, много деталей, и все равно не факт, что я смогу их собрать.

— Но хотелось бы попробовать?

— Еще бы! — Он рассмеялся. — Ты нашел серебряную жилу на своем пляже?

Я покраснел:

— Нет.

Рафаэль встал и принялся рыться в большом стенном шкафу. Я лениво откинулся на подушку, которую подложил под спину, чтоб удобнее было сидеть на полу. Кристин и Ребл работали. Они плели корзинки из старых опавших иголок сосны Торрея, замоченных для большей гибкости в воде. Ребл брала пучок из пяти иголок, аккуратно расправляла и свертывала в маленький плоский кружок, привязывала к нему несколько кусков лески, раскладывала их в разные стороны, как лучи. Следующая пятерчатка расправлялась и накручивалась на первую, на нее следующая. Иголки связывались, получалось плоское доньшко. Скоро наоборот требовалось уже по две иголки, потом три. Дальше пучки укладывались один на другой, у корзинки появлялся бортик.

Я поднял готовую корзинку и стал ее рассматривать, покуда Ребл протаскивала между иголками леску. Корзинка получилась крепкой. Каждая иголка казалась витком шнура, так плотно пятерчатки подходила одна к другой. Четыре ряда иголок, идущие по бокам, изгиба-

лись буквой S, повторяя форму корзинки, которая сперва расширялась, потом снова сужалась. Сколько терпения нужно, чтобы вплести каждую иголочку на место! Сколько сноровки! Я уронил корзинку на пол, и она спружинила — вот какая крепкая и упругая! Глядя, как Ребл пропускает леску через две иголки в заранее приготовленную петельку, я подумал, что моя задача — вроде этой. Когда водишь карандашом по бумаге, пытаешься связать слова, как Ребл связывает иголки, в надежде получить некую форму. Вот бы книга у меня вышла такая ладная, цельная и красивая, как корзинка у Ребл! Но об этом, конечно, нечего и мечтать.

Ребл подняла глаза, увидела, что я на нее смотрю, и смущенно рассмеялась.

— Ужасная скука их плести, — сказала она.

Кристин кивнула в знак согласия, изо рта у нее выпала мокрая сосновая иголка.

На следующее утро тучи немного разошлись и можно было бы выйти на лов, но море волновалось так сильно, что не удалось вывести лодки. Закончив писать в книге, я пошел на обрыв и увидел старика — он прятался от ветра за выступом берегового обрыва.

— Эй! — окликнул его я. — Что ты тут делаешь?

— Гляжу на волны, разумеется, как всякий не лишенный чувств человек.

— Ты хочешь сказать, глядя на волны, человек обнаруживает чувства?

— Чувства или чувствительность, хе-хе.

— Не понял.

— И не надо. Взгляни на эту волну!

Волны набегали с юга и вставали высоченной стеной от одного края пляжа до другого. Их было видно издалека: выберешь волну на полпути от горизонта и следишь, как она бежит к берегу, вырастая, пока не превратится в серый утес, бегущий навстречу нашему бурому. В пенистом подножии такой громадины человек показался бы куклой. Когда гребень переливался через край, вся волна с грохотом рушилась, брызги взлетали выше, чем был гребень, обрыв под нами заметно содрогался. Пена захлестывала пляж. Потоки бежали по песку, чтобы

отхлынуть к следующей волне. Мы с Томом сидели в белой соленой дымке и перекрикивали рев прибоя.

— Глянь на эту! — снова и снова кричал Том. — Глянь только! Футов тридцать пять будет, клянусь!

За полосой прибоя расстился океан, уходя во мгlistую даль. Низкие облака затянули небо, они едва не цепляли верхушки холмов у нас за спиной. Сквозь просветы в облаках сияло солнце, под ними на свинцовой поверхности моря сверкали яркие пятна, пятна эти неровной чередой убегали к горизонту, словно шел пьяный мусорщик с дырой в кармане и рассыпал серебряные монеты. Что-то было во всем этом такое — присутствие необъятного водного простора, его величина, мощь громождающихся волн, — что заставило меня встать и заходить по обрыву у Тома за спиной, останавливаться, смотреть, как рушится исполинская водная гряда, оторопело тряссти головой, снова ходить взад-вперед, хлопать себя по ляжкам и думать: как пересказать это Тому или кому еще. Все напрасно. Мир вливается в сердце и переполняет его, и слова тут бессильны. Если б я умел говорить лучше! Я начал произносить слоги, обрывки слов, ходил взад-вперед, все больше заводясь от усилий понять свои ощущения, выразить их словами.

Это было невозможно, и, если бы я и впрямь решил добиться желаемой внятности, мне пришлось бы тупо смотреть на море весь день. Однако мысли мои переключились на другую загадку. Я стукнул кулаком по ноге, и Том удивленно поднял на меня глаза. Я выпалил:

— Том, зачем ты плел все эти враки про Америку?

Он прочистил горло:

— Хе-хм. Кто тебе сказал, что это враки? — Я стоял и смотрел на него. — Ладно. — Он похлопал по песку рядом с собой, но я не сел. — Это входило в изучение истории. Если ваше поколение забудет историю своей страны, вам нечем будет руководствоваться. Не к чему стремиться. Понимаешь, нам очень многое надо помнить из старого, чтобы к этому стремиться.

— У тебя получалось, что это был золотой век, а мы прозябаем в развалинах.

— Ну... в очень значительной степени так и есть. Лучше это знать...

Я ткнул в него пальцем:

— Нет же, нет! Ты ведь говорил, что прежние времена были ужасны! Что мы живем лучше, чем тогда. Это ты говорил, когда спорил с Доком и Леонардом на толкучках, даже нам иногда так говорил.

— Да, — неохотно согласился он. — Это тоже отчасти правда. Я не лгал — то есть не очень сильно лгал, и никогда не лгал в существенном. Так, понемножку, чтобы передать вам истинное ощущение.

— Но ты говорил нам две совершенно разные вещи, — сказал я, — прямо противоположные. Онофре убого и примитивно, но мы не должны мечтать о возвращении прошлого, потому что оно было ужасным. Ты не оставил нам ничего своего, ничего такого, чем бы мы гордились. Ты сбил нас с толку.

Он взглянул на море, мимо меня.

— Ладно, — сказал он. — Может, и сбил. Может, я был не прав. — И добавил горько: — Я вовсе не великий мудрец, Хэнк. Я такой же дурак, как и ты.

Я смущенно отвернулся и снова заходил по берегу. Не было у него никаких причин нам лгать. Он делал это для собственного удовольствия. Для красного словца. Из эгоизма.

Я подошел и плюхнулся рядом с ним. Мы смотрели, как вода смешивается с песком, словно хочет смыть в океан всю нашу долину. Том сбросил на пляж несколько камешков. Печально вздохнул.

— Знаешь, где бы я хотел умереть? — спросил он.

— Нет.

— На вершине горы Уитни.

— Что?

— Ага. Я хотел бы, когда почувствую приближение конца, пойти по Триста девяносто пятой магистрали, а потом подняться на вершину горы Уитни. Туда можно зайти просто по дороге, а ведь это высочайшая вершина Соединенных Штатов. Вторая по величине, извини. На вершине есть маленький каменный домик, я хотел бы остаться там и до самой смерти смотреть на мир. Как старый индеец.

— Да, — сказал я. — По-моему, это хорошая смерть.

Я не знал, что говорить дальше. Смотрел на него — по-настоящему смотрел на него. Странно, но теперь, когда я знал, что ему восемьдесят, а не сто пять, он выглядел старше. Конечно, его подкосила болезнь. Но думаю, главным образом он стал старше из-за того, что сто пять лет — чудо и оно может тянуться сколько угодно, а восемьдесят — это просто старость. Том — старик, чудаковатый старик, вот и все, и теперь я это видел. Меня больше удивляло теперь, что он дожил до восьмидесяти, чем прежде — до ста пяти.

Значит, он стар и скоро умрет. Или уйдет на гору Уитни. Однажды я поднимусь на холм и увижу, что его дом пуст. Может быть, на столе будет лежать записка: «Ушел на гору Уитни». Но это вряд ли. Однако я пойму. Мне придется гадать, как далеко он ушел. Сумеет ли он преодолеть хотя бы сорок миль до родного Оринджа?

— Только не надо уходить в такое время года, — сказал я. — Там сейчас снег, и лед, и все такое. Придется тебе подождать.

— Я не тороплюсь.

Мы посмеялись. Мне припомнился наш губительный поход в округ Ориндж.

— Поверить не могу, что мы сделали такую глупость, — сказал я дрожащим от злости и отчаяния голосом.

— Да, это была глупость, — согласился он. — Вас, мальчишек, еще можно извинить молодостью и невежеством, но мэр и его люди — просто идиоты.

— Однако мы не можем сдать, — сказал я, стуча кулаком по камню. — Мы не можем поднять лапки вверх и притворитьсядохлыми.

— Верно. — Он задумался. — Может быть, прежде всего надо обезопаситься от вторжения с моря.

Я покачал головой:

— Это невозможно. При том, что есть у них и у нас.

— И что? Ты вроде говорил, что не хочешь прикидыватьсядохликом, как опоссум?

— Не хочу. — Я сел на корточки и стал раскачиваться взад-вперед. — Я говорю, надо придумать, как мы можем сопротивляться, чтобы из этого что-то вышло. Или делать что-то такое, что поможет, или ждать. Не трепыхаться зря. Я вот что думал: если бы все, кто бывает на

толкучках, объединились, мы могли бы поплыть на лодках и взять Каталину. Захватить ее на время.

Том тихо присвистнул беззубым ртом.

— На какое-то время, — сказал я. Мысль эта пришла мне совсем недавно и очень меня окрыляла. — По тамошним радиопередатчикам мы сообщим всему миру, что мы здесь и нам не нравится карантин.

— Ну ты замахнулся.

— Тут нет ничего невозможного. Не сейчас, конечно, а когда мы больше узнаем про Каталину.

— Понимаешь, это ничего не изменит. Я про радиопередатчики. Может быть, мир теперь — одна большая Финляндия, и все, что нам смогут ответить: да, мы слышим вас, братья. Мы в одной лодке. А потом русские нас прихлопнут.

— Но попытаться стоит, — настаивал я. — Ты сам говоришь, мы не знаем, что происходит в мире. И не узнаем, пока не попробуем сделать что-нибудь подобное.

Он покачал головой, взглянул на меня:

— Пойми, это будет стоит жизней. Жизней таких же людей, как Мандо, — которые могли бы прожить полный срок и сделать жизнь в новых поселках лучше.

— Полный срок, — с иронией повторил я.

Однако Том и впрямь меня охладил. Он напомнил, как грандиозные военные планы вроде моего оборачиваются хаосом, болью и бессмысленными смертями. Так что я на какое-то время совсем растерялся. Мой великий замысел поразил меня своей глупостью. Наверно, Том прочел растерянность на моем лице, потому что рассмеялся и обнял меня за плечи.

— Не огорчайся, Генри. Мы — американцы и с давних-предавних времен не знаем, как нам следует поступать.

Еще одна белая морская гряда разбилась в пену и прихлынула к обрыву. Еще один великий план рухнул и канул в небытие.

— По-моему, это не так, — сказал я сурово. — По крайней мере во времена Шекспира такого не было.

— Кхе-хм. — Он еще два или три раза прочистил горло, слегка отодвинулся от меня. — Кстати, — сказал

он, опасливо косясь в мою сторону, — раз мы заговорили об исторических уроках и, хм, о враках, я должен сделать одну поправку. Хм... Шекспир — не американец.

— Да как же, — выдохнул я. — Ты шутишь.

— Не шучу. Хм...

— А как же Англия?

— Ну, она не возглавляла первые тринадцать штатов.

— Ты ж мне карту показывал!

— Боюсь, это была Новая Англия, остров Мартас-Винъярд.

У меня отвалилась челюсть, и я поспешил закрыть рот. Том смущенно стучал каблуком о каблук. Вид у него был несчастный, он избегал смотреть в мою сторону. Вдруг он кого-то заметил и с облегчением показал пальцем.

— Глянь, вроде бы это Джон?

Я поднял голову. По краю обрыва над Бетонной бухтой шел, руки в карманах, широкоплечий человек. Разумеется, это был Джон Николен — его узнаешь почти с любого расстояния. Он быстро взглянул на нас, повернулся к морю. В те дни, когда мы не выходили на лов, он если не чинил лодки, то ходил по обрыву, особенно же — в хорошую погоду, когда с берега нас не выпускало волнение. Тогда он казался особенно обиженным и расхаживал по обрывам, мрачно глядя на волны и срывая злобу на всяком, кто имел несчастье обратиться к нему в это время с каким-нибудь делом. Было ясно, что при таком волнении мы не выйдем в море еще дня два, а то и все четыре, но он всматривался в бурлящую пену, словно искал разрывное течение, по которому мы могли бы выйти в море. Его штанины хлопали на ходу, черные с проседью волосы развевались словно грива. Он заметил нас, замаялся, потом двинулся прежним шагом. Том замахал рукой, так что Джону пришлось подойти.

Он, не вынимая руки из карманов, остановился в нескольких футах от нас, мы кивнули и пробормотали приветствия. Он подошел еще на несколько шагов.

— Рад, что тебе лучше, — сказал он Тому словно между прочим.

— Спасибо, я прекрасно себя чувствую. Хорошо быть на ногах и выходить из дома. — Том, похоже, смущался не меньше Джона. — Отличный денек, не правда ли?

Джон пожал плечами:

— Мне не нравится волнение.

Длинная пауза. Джон выставил вперед ногу, словно сейчас уйдет.

— Я не видел тебя в последние два дня, — сказал Том. — Заходил к тебе домой поздороваться, и миссис Н. сказала, тебя нет.

— Верно, — подтвердил Джон. Он остановился рядом с нами, согнулся, уперев локоть в колено. — Мне надо поговорить с тобой. И с тобой, Генри. Я ходил взглянуть на эти рельсы, по которым к нам приезжали из Сан-Диего.

Кустистые брови Тома полезли на лоб.

— Как так?

— Ну, по словам Габби Мендеса выходило, нашими парнями прикрылись, отступая из засады. А теперь выясняется, что мэр убит. Я сходил к пендлтонским друзьям, спросил, они подтвердили. Они сказали, там сейчас настоящая драка, три или четыре группировки дерутся за власть мэра. Это само по себе плохо, а если победят не те, у нас могут быть неприятности. Поэтому мы с Рафом решили: хорошо бы совсем разрушить эти рельсы. Я сходил взглянуть на первую переправу. Опоры можно взорвать взрывчаткой, которая есть у Рафа. И он говорит, можно взорвать рельсы через каждые сто ярдов, запросто.

— Ничего себе, — сказал Том.

Джон кивнул:

— Это крайность, но, похоже, придется на нее пойти. Если хотите знать мое мнение, они там все с приветом. В общем, я хотел услышать, как вы отнесетесь к этой мысли. Мы могли бы все сделать с Рафом вдвоем, но...

Но это было бы слишком похоже на нас со Стивом. Том прочистил горло, сказал:

— А ты не хочешь созвать собрание?

— Хочу. Но сперва собирался узнать, что вы об этом думаете.

— Я думаю, мысль хорошая, — сказал Том. — Если они считают, что мы устроили им засаду, а власть перейдет к этим ура-патриотам... Да, мысль хорошая.

Джон с довольным видом кивнул.

— А ты, Генри?

Вопрос застиг меня врасплох.

— Да, наверно. Может быть, когда-нибудь эти пути нам понадобятся. Но не скоро, — добавил я. Глаза у Джона сузились. — И прежде надо подумать, как не пустить к нам этих. Так что я — за.

— Хорошо, — сказал Джон. — Надо бы поговорить с ними на толкучке, если случай подвернется. И предупредить остальных, что это за публика.

— Погоди, — сказал Том. — Надо еще созвать сходку и проголосовать. Если мы начнем решать сами, как наши ребята, кончим как эти из Сан-Диего.

— Верно, — согласился Джон.

Я покраснел. Джон взглянул на меня и сказал:

— Я тебя не виню.

Я водил галькой по песчанику.

— Зря не вините. Моей вины здесь не меньше, чем еще чьей.

— Нет. — Он выпрямился, пожевал нижнюю губу. — Затея была Стива — я во всем вижу его руку. — Голос напрягся, стал выше. — Этот парень с самого начала, с рождения хотел, чтоб все было по его. Как он орал, если мы не исполняли каждую его прихоть! — Он пожал плечами, смущенно взглянул на меня: — Наверно, ты считаешь, что я сам виноват. Что довел его до этого.

Я покачал головой, хотя отчасти думал именно так. И в каком-то смысле это была правда. Но не совсем. Я не мог бы объяснить внятно, даже себе самому.

Джон перевел взгляд на Тома, но тот только пожал плечами:

— Не знаю, Джон, правда, не знаю. Люди такие, как они есть, а? Кто вложил в Генри желание читать книги? Никто из нас. Кто вложил в Кэтрин желание растить кукурузу и печь хлеб? Никто из нас. Кто вложил в Стива желание видеть мир? Никто из нас. Такими они родились.

— М-м, — сказал Джон, не разжимая губ. Он не соглашался с этими словами, хотя они и снимали с него

вину, хотя он сам говорил то же самое секунду назад. Джон всегда верит, что его поступки дадут результат. А тут речь идет о его родном сыне, которого он воспитывал с пеленок... Я читал все это на его лице так четко, как будто он младенец. Волна боли исказила его черты, он встряхнулся, сурово прищелкнул языком, напоминая себе, что мы здесь. Замкнулся.

— Ладно, это в прошлом, — сказал он. — Сами знаете, философия — это не для меня.

Итак, разговор был окончен. Я представил себе такое же обсуждение среди женщин у печей: как бы они разжевывали каждый поступок, как бы спорили, орали друг на дружку, плакали; я чуть не рассмеялся. Мы, мужчины, когда речь заходит о серьезном, становимся молчунами. Джон ходил кругами, как я до него, вскоре его нервозность передалась нам, и мы с Томом встали размять ноги. Вскоре уже все трое кружили по берегу, как чайки, руки в карманах, и смотрели на волны. Я оглянулся на долину, на желтые деревья среди вечнозеленых сосен, замер и сказал:

— Что нам надо, так это радио. Вроде того, что мы видели в Сан-Диего. Работающий приемник. Они слышат передачи за сотни миль, правильно?

Том сказал:

— Некоторые приемники, да.

Они с Джоном остановились и повернулись ко мне.

— Будь у нас приемник, можно было бы подслушивать японские корабли. Даже если не поймем слов, будем знать, где они. А может быть, даже слушать Каталину или другие части страны, другие поселки.

— Большие радиостанции могли принимать и передавать через половину земного шара, — заметил Том.

— Во всяком случае, далеко, — поправил я. Он ухмыльнулся. — Понимаете, это даст нам уши, и там уже можно будет разбираться, что к чему.

— Я бы не отказался от чего-то такого, — согласился Джон. — Только не знаю, где его раздобыть, — с сомнением добавил он.

— Я говорил об этом с Рафаэлем, — сказал я. — Он сказал, у мусорщиков на толкучках всегда есть приемники

и детали к ним. Сейчас он ничего не знает про радио, но думает, что может получить для него энергию.

— Неужели? — спросил Том.

— Ага. Он много возится с аккумуляторами. Я сказал, мы раздобудем ему инструкцию и поможем ее прочесть, и дадим товару, чтобы летом выменять на толкучке детали. Он сразу загорелся.

Джон и Том переглянулись, их взгляды говорили что-то, чего я не понял. Джон кивнул.

— Мы это сделаем. Конечно, за рыбу такого не купишь, но, может, чего-нибудь подберем — моллюсков или тех же корзин.

Новая водная гряда нахлынула, прокатилась к самому подножию обрывов, мы снова повернулись в ту сторону.

— Не меньше тридцати пяти футов будет, — повторил Том.

— Думаешь? — сказал Джон. — Мне казалось, обрыв всего сорок футов.

— Сорок футов над пляжем, но подошва волны — ниже. А гребни почти вровень с нами!

Это было верно. Джон заметил, что хотел бы выйти в море в такие дни.

— Так ты и впрямь думал об этом, ходя по берегу? — удивился я.

— Конечно. Смотри: если в высокий прилив двинуться по течению...

— Ничего не выйдет! — воскликнул Том.

— Глянь, что творится в устье. — Я показал пальцем: — Даже эти маленькие волны — футов десять—пятнадцать высотой.

— Первая же тебя опрокинет и потопит, — сказал Том.

— Хм-м, — неохотно сказал Джон, хотя в уголке глаза у него, кажется, блеснуло веселье. — Может, вы и правы.

Мы еще покружили, беседуя о течениях и о том, будет ли зима мягкой. Свет по-прежнему пробивался сквозь облака над морем, золотя рябую поверхность воды. Том указал туда.

— Чем тебе действительно стоит заняться, так это китобойным промыслом. Киты скоро будут тут.

Мы с Джоном застонали.

— Нет, правда, вы слишком рано опустили руки. Может, вы загарпунили самого сильного, а может, Раф попал не в самое уязвимое место.

Джон возразил:

— Легко сказать, а ты поди попади в самое!

— Нет, я не про то, просто обычно гарпун причиняет больше вреда, и кит уже не может нырнуть так глубоко.

— Если это правда, — сказал я, — и если мы привяжем к гарпуну больше веревки...

— Но столько в лодке не поместится, — сказал Джон.

Однако я вспомнил наш со Стивом давний разговор.

— Можно связать веревку с другой веревкой, которая крепится на другой лодке — получим двойную длину.

— Верно, — сказал Джон, наостряя уши.

— Если научимся бить китов, все толкучки — наши, — сказал Том. — У нас будет избыток жира и мяса, целые тонны.

— Если не испортится, — сказал Джон. Однако задумка пришлась ему по вкусу. (Что это, как не рыбная ловля, в конце концов?) — А можно ли протянуть веревку от лодки к лодке?

— Запросто! — сказал Том. Он встал на колени, взял камешек и стал чертить на песке. Джон склонился рядом. Я смотрел на горизонт и увидел: три солнечных луча мощными белыми колоннами, каждый наклонен в свою сторону, измеряют расстояние между серым небом и серой водой.

Глава последняя

Год увядал, готовясь испустить дух, штормы бушевали все чаще, и вот уже раз в неделю на море вздымались волны, ветер пролетал через долину, оставляя ее раздрызганной, а море — желтым от смытой волнами грязи. Когда мы изредка выходили рыбачить, то промерзали до костей, поймав всего ничего. Обычно же я сидел под окном, читал, писал или глазел на бегущие тучи. Это был передовой отряд бури; затем ветер хлопал в ладоши, глухо рокотал гром, и вся армия устремлялась в бой. Капли ударяли в окно, текли тысячей ручейков, сливались и разделялись на рукава, сбегая по стеклу. По кровле

барабанил ливень. У меня за спиной отец строчил на новой швейной машинке — его ддр, ддр, ддррррр звучало укором моему безделью. Иногда мне и впрямь становилось стыдно, и я записывал фразу-две. Но дело продвигалось трудно, и я часами грыз карандаш, смотрел на дождь, размышлял, убаюканный ветром, дребезжанием кровли, песенкой чайника, отцовым ддр-ддр.

В первый декабрьский шторм пошел снег. Уютно было сидеть в доме и смотреть в окно, как снежинки бесшумно ложатся на деревья. Папаня заглянул мне через плечо: «Суровая будет зима». Я не согласился. У нас довольно еды, пусть даже это рыба, каждый день в баню сносят на просушку все новые дрова. После всей этой слякоти приятно было просто смотреть на снег, какой он, как он падает — так медленно, словно и не по-настоящему. А потом выбежать наружу, прыгать в сугробы, лепить снежки и кидать в соседей... Я люблю снег. На следующий день солнце взошло под высоким голубым небом (только на самом верху заляпанном перистыми облаками), и снег к полудню растаял. Но в следующую бурю снова намело, воздух стал холоднее, небо закрыли высокие кучевые облака, и прошло целых четыре дня, пока вышло солнце и растопило снег. Так и пошло: долина сперва бело-зеленая под черным небом, потом черно-зеленая под белым. С каждой неделей холодало.

С каждой неделей все труднее становилось писать. Я запутался. Я перестал верить в то, что пишу. Я заканчивал главу и шел в лес гулять по ковру из мокрой листвы. Злился и расстраивался. Но все равно писал. Прошло зимнее солнцестояние, и Рождество, и Новый год, я ходил на все вечеринки, но все равно был как в тумане и после не мог вспомнить, с кем говорил и что сказал. Книга стала для меня всем, но как же трудно она мне давалась! Иногда я сгрызал карандаш раньше, чем исписывал.

Но вот наступил день, когда я дописал до этой страницы. Все события произошли, Мандо умер, Стив отплыл на Каталину. Я остановился на этом и целый день перечитывал написанное. Оно до такой степени меня разозлило, что я чуть все не сжег. Эти вещи произошли в действительности, они изменили нас бесповоротно, но

жалкие слова, написанные за столом, не выражали и половины прожитого — как я видел, что передумал, что почувствовал. Это как помочиться и сказать: вот так выглядит шторм. В книге было столько же от прошлого лета, сколько в плывущей по реке щепке — от дерева. А сил вложено... В общем, обидно было до слез.

Я пошел прогуляться и успокоиться. Белые кучевые облака плыли над головой, как галеоны, день был холодный и ясный. Повсюду лежал мокрый снег — шапки на ветках искрились всеми цветами радуги, с них капало. Снег на земле рассыпался большими льдистыми крупинками, они таяли, превращаясь в капли-бусины на белом одеяле. Местами снег протаял до земли или травы, снежные мостики над ручьями падали, оставляя в грязи бурые ледяные комья со вмержшими в них черными сосновыми иголками. Я шел по этим комьям к обрыву, наступая башмаками в лужи, стряхивая с веток мокрые шапки.

На мысу у реки я сел. Море было гладкое-прегладкое; крохотные волны набегали на кромку песка, словно океан ласково гладил ее ладонью. На пляже снега совсем не осталось, но песок был мокрый, повсюду блестели белоголубые лужицы. Редкие облака почти не закрывали солнца, но сообщали его свету тепловатый оттенок, в котором полоска обрывов становилась бурой, словно кора у секвойи. Недвижный воздух, море гладкое, как голубая стеклянная тарелка, над ним громоздятся застигнутые штилем галеоны.

Я заметил то, чего никогда прежде не замечал. В морской глади облака отражаются перевернутыми, и кажется, что они плывут под водой, в синем небе. «Глянь-ка!» — сказал я вслух и встал. Медленно-медленно облакаплыли к долине, их подводные близнецы исчезали у кромки песка. Я стоял и смотрел весь день, и облака вплывали в мою грудь, океаны и океаны облаков. Ближе к вечеру бриз подернул облачные отражения рябью, солнце спустилось и засверкало на воде, слепя глаза. Но домой я ушел довольным.

На зиму мусорщики забираются в большие дома — человек по десять—пятнадцать в дом, как лисы в нору.

По ночам они разбирают соседние дома на дрова и жгут на улицах большие костры, пьют, танцуют под старую музыку, дерутся, горланят, швыряют драгоценности в звезды и в снег. Одиноким человек, скользящий по сугробам на лыжах, без труда минует эти яркие шумные поселения. Он может притаиться за деревом и сколько хочешь глядеть без помех, как выплясывает ярко разодетая толпа. Может залезть в их летние убежища. А там книги, да, горы книг. Мусорщики любят маленькие, толстые, с оранжевым солнцем на обложке, но другие книги валяются в развалинах, ненужные — иногда целые библиотеки. Человек может набрать столько, что лыжи начнут проваливаться в снег, и бежать в долину — мусорщиком иного рода, в собственное зимнее логово.

В конце января особенно сильный шторм повалил у Мендесов стену сараюшки, которую они величали амбаром, и, как только дождь перестал, все ближайшие соседи — Мариани, Симпсоны, мы с отцом и Рафаэль, которого кликнули за советом, — пошли чинить эту стену. В огороде у Мендесов было холодно и мокро, как на морском дне, землю развезло так, что толком кол не вбить, чтоб подпереть на время эту дурацкую стену. Потом Рафаэль посоветовал привязать сарайчик к большому дубу на другом краю огорода.

— Надеюсь, каркас сбит крепко, — шутил Рафаэль, когда мы снова принялись возиться под нависшей стеной. Мы с Кэтрин держали снаружи, Габби и Дел копали внутри, все по колено в грязи. К тому времени как мы приладили у основания стены скрещенные брусья, все четыре семьи были готовы для бани. Рафаэль ушел туда загодя, так что к нашему появлению огонь полыхал и от воды поднимался пар.

— Я бы не стал отвязывать веревку, — сказал Рафаэль Мендесу-старшему. — Так не будешь беспокоиться, выдержат ли брусья.

Мендес не улыбнулся.

Я перебрался в чистый чан и плавал вместе с Мендесом, миссис Мариани и остальными. Потом мы с Кэтрин устроились на деревянном островке поговорить. Она спросила, продолжаю ли я писать, и я ответил, что почти

закончил, но остановился, потому что мне не нравится результат.

— Это не тебе судить, — сказала она. — Давай заканчивай.

— Наверно, закончу.

Мы поговорили о штормах, о снеге, о полях (на зиму их оставили под пленкой), о прибое, о еде.

— Интересно, как Док, — сказал я.

— Том часто у него бывает. Они совсем стали как братья.

— Хорошо.

Кэтрин покачала головой:

— И все равно, Док... Понимаешь... — Взглянула на меня. — Он долго не протянет.

— Да. — Не зная, что ответить, я смотрел на крутящуюся воду. Помолчав, спросил: — Ты Стива вспоминаешь?

— Конечно. — Она снова взглянула на меня. — А ты?

— Вспоминаю. Но я должен — из-за книги.

Под моим укоризненным взглядом она повела плечами, соски выглянули из пузырящейся воды.

— Ты бы все равно вспоминал, и без книги. Если ты такой же, как я. Но это прошло, Генри. Все это — прошло.

Я рассказал про тот день, когда море было гладким-прегладким, так что отражало облака. Она откинулась на сиденье и рассмеялась:

— Звучит здорово.

— Не знаю, видел ли я что-нибудь красивее.

Он спрыгнула с деревянного островка, провела пальцами по моему предплечью, по ложбинке между мускулами. Я поднял брови и с улыбкой соскочил в воду — поплавать и повозиться. Она поймала меня за волосы, рассмеялась и потащила под воду. Тут мне стало не до мыслей, осталась одна — как не нахлебаться воды и не утонуть. Отплеываясь, я вынырнул. Она снова рассмеялась и указала рукой на друзей. «Ну?» — спросил я и нырнул, чтобы ухватить ее под водой, но она встала и пошла к стене, где сидели остальные. Я двинулся за ней, и некоторое время мы говорили с Габби и Кристин, а

потом с Мендесом-старшим, который благодарил за помощь.

Тут Рафаэль объявил, что мы сожгли дневной запас дров, поэтому мы вылезли из чана, вытерлись и оделись. Я оглянулся: Кэтрин стояла в дверях и смотрела на меня. Я пошел за ней. Холодный ветер сразу прихватил лицо и руки. Кэтрин ждала на дорожке между деревьями. Я догнал ее и обнял. Мы поцеловались. Бывают поцелуи, за которыми — целое будущее; я понял это тогда. Когда мы оторвались друг от друга, из бани, переговариваясь, вышли мать и сестры Кэтрин. Я выпустил ее. Она выглядела удивленной, задумчивой, обрадованной. Будь это лето... Но была зима, повсюду лежал снег. Лето еще будет. Она улыбнулась мне, тронула рукой и пошла к своим, обернувшись на меня по пути. Проводив ее взглядом, я в сумерках (белый снег, черные деревья) пошел домой, занятый совершенно новыми мыслями.

Иногда по вечерам я просто сидел под окном и глядел на книгу — даже не открывал ее, просто клал посреди стола и глядел. В один из таких вечеров снежинки падали медленно, как пух с одуванчика, у каждой ветки, у каждой иголки появился белый кончик. В это видение ворвался человек на лыжах и в меховой куртке. В каждой руке он держал по шесту для опоры и, задевая кусты, обрушивал себе на голову и за шиворот маленькие лавины снега. Старик, ходил проверять капканы, подумал я. Однако он шел напрямиком к окну и махал рукой.

Я надел башмаки и выскочил наружу. Холодно.

— Генри! — позвал Том.

— Что стряслось? — спросил я, обойдя дом.

— Я ходил проверять капканы и встретил Невила Крэнстона, своего старинного приятеля. Летом он живет в Сан-Диего, зимой — в Хемете. Он как раз шел в Хемет, потому что в этом году припозднился.

— Бедняга, — вежливо заметил я.

— Да нет, послушай! Он только что из Сан-Диего, не понимаешь, что ли? И знаешь, что он мне сказал? Новым мэром выбрали Фредерика Ли!

— Чего-чего?

— Новый мэр Сан-Диего — Ли, слышишь ты — Ли! Невил сказал, Ли никогда не ладил с Дэнфортом, потому что не одобрял его воинственные планы, понимаешь?

— Вот почему мы перестали его видеть.

— Точно. Ну так вот, похоже, многие на юге его поддерживали, но не могли ничего поделать, куда ружья были у мэра и его людей. Невил сказал, всю осень там шла волчья свара, но пару месяцев назад сторонники Ли добились выборов, и он победил.

— Да, дела. — Мы переглянулись, и я почувствовал, что губы мои расплываются в улыбке. — Хорошая новость, правда?

Он кивнул:

— Еще бы!

— Жалко, что мы взорвали рельсы.

— Не совсем согласен с тобой, но все равно новость хорошая, это без сомнения. Ладно. — Он махнул палкой. — Погода неподходящая, чтобы стоять на улице и трепаться. Я пошел. — И, присвистывая, заскользил на лыжах между деревьями, оставляя глубокие следы. А я понял, что закончу книгу.

Книга лежала на столе. Как-то вечером — 23 февраля — встала полная луна. Я лег спать, не взглянув на книгу, но уснуть не мог, все думал о ней и мысленно разговаривал со страницами. Голос внутри меня говорил, что получилось замечательно, куда лучше, чем в моих силах; этот голос звучал с воображаемых страниц, пересказывал все в мельчайших подробностях, с небывалым красноречием, так что рассказанное вставало перед глазами как живое. Я слышал ритм так же четко, как отцов размеренный храп (хотя смысл его был менее ясен), и у меня захватывало дух. Я думал: может, это душа какого-то поэта явилась ко мне научить, как надо рассказывать.

В общем, я встал и сел дописывать. В доме было холодно, печка прогорела. Я надел штаны, носки, толстую рубаху, накинул на плечи одеяло. Лунный свет серебряной колонной проникал в окно, преображая деревянный скарб в резные, почти живые вещи. Было так светло, что я писал, не зажигая лампы. Я сидел за столом и писал так быстро, как успевала рука, хотя то, что

ложилось на бумагу, ничуть не напоминало слышанный голос. Ничуть.

Прошла почти вся ночь. Левая рука ныла, но спать не хотелось. Луна садилась за деревьями, темнело. Я решил прогуляться. Надел ботинки, пальто, книжку и карандаши сунул в карман.

Снаружи было еще холоднее. Роса на траве сверкала под луной. Возле реки я остановился взглянуть на долину, которая проступала из ночного воздуха черными и белыми пятнами. Вокруг ни ветерка: я слышал, как повсюду тает снег, и капель заполняла мои уши журчащей музыкой: плим-плим-кап-кап-кап-кап-буль-буль-буль-плим-тюк-тюк-плюм-плюмк-плюм-кап-кап-кап... Хор лесных вод сопровождал меня, когда я шлепал по лужам вдоль дороги, сунув руки в карманы. Река — черная между рано поседевшими деревьями.

С прибрежного обрыва пришлось спускаться осторожно — повсюду или снег, или грязь. На пляже отчетливо слышался плеск каждой отдельной волны. Соленые брызги в воздухе слегка светились, из-за яркой луны не было видно ни звездочки, просто черное-черное небо, белое вокруг луны. Я вышел к самому устью, где стоял высокий песчаный холм, подмытый с двух сторон рекой и океаном. И там, где сходились два маленьких песчаных обрыва, я сел, осторожно, чтобы не обрушить все сооружение. Достал из кармана книгу, открыл; и здесь я сижу сейчас и пишу при свете полной старой луны.

Я знаю, что дошел то той части истории, где автор в красноречивых выражениях объясняет, что хотел ей сказать, но, по счастью, у меня осталась всего пара страниц, так что на это просто нету места. И хорошо. Удачно вышло, что я не поленился переписать главы из «Кругосветного путешествия американца», отчего так и получилось. Старик говорил, что, пока буду писать, во всем разберусь, и снова обманул, старый враль. Я-то мучился, писал, а теперь книга закончена, а я так по-прежнему ни черта не понял. Кроме одного: почти все, что я знаю, — неправда, особенно то, чему я научился у Тома. Мне придется перетрясти все мне известное и разобраться, где он врал, а где говорил правду. Я уже начал проверять

с помощью книг, которые насобирали в городе, и с помощью книг, которые одолжил у него без спроса. Я узнал, что Американская Империя никогда не включала Европу, что американцы не хоронили своих покойников в золотых доспехах, что мы не первые и не единственные побывали в космосе, что мы не делали летающих и плавающих автомобилей, что здесь никогда не водились драконы (может, правда, искать их надо было не в птичьем определителе, не знаю). Все ложь — это и сотни других фактов, которые сообщил мне Том. Все ложь.

Я скажу вам, что знаю точно: идет прилив, волны бегут вверх по реке. С первого взгляда кажется, что каждая волна гонит весь поток вспять, потому что видимое движение — только такое. Края волны накатывают на берег, разбиваются на песке, оставляя рябь там, где до них ее оставляли другие волны. Какое-то время кажется, что волна так и пройдет против течения до самой излучины. Но под белой пеной река по-прежнему течет в море, и, наконец, волна замирает на пике своего движения, разбивается в пену и брызги, и река уносит взбитую пену в море — покуда не нахлынет следующая волна, и движение вспять не возобновится. Каждая волна — своего размера, каждая встречает разное сопротивление, а итог — бесконечное разнообразие ряби, пены, бурления, завихрений... Ничто не повторяется в точности. Понимаете, о чем я? Понимаешь ли ты меня, Стив Николен? Лучше б тебе держаться того, что может устоять со временем, чем гоняться за новым. Но, все равно удачи тебе, брат! Сделай там что-нибудь хорошее для нас.

Что до меня: к горизонту убегает лунная дорожка. Снег на берегу вчера растаял, но при лунном свете пляж все равно кажется заснеженным, белым у кромки черного океана. Над береговыми обрывами видны склоны нашей долины — наклоненная к морю чаша. Онофре. Эта последняя влажная страница почти дописана. Руки у меня замерзли, пальцы задубели так, что еле выводят буквы, слова получаются огромные, корявые, заполняют последнее место, слава Богу. Скорее бы закончить. Над рекою летит сова. Я останусь здесь и напишу еще книгу.

МИРЫ КИМА СТЕНЛИ РОБИНСОНА

Собрание фантастических произведений

Том первый

Ответственный за выпуск *Е. Чутов*
Редактор *В. Генкин*
Технический редактор *К. Козаченко*
Корректоры *Н. Дундина, И. Лаздина*
Оператор компьютерной верстки *В. Рихтер*
Оформление шмуцтитлов: *В. Ковалев*

Качество печати соответствует диапозитивам, предоставленным издательством.

ЛР № 062455 от 23.03.93.
Подписано в печать 10.04.97. Формат 84×108¹/₃₂.
Гарнитура Таймс. Печать высокая.
Усл. печ. л. 19,32. Тираж 7000 экз.
Заказ № 517.

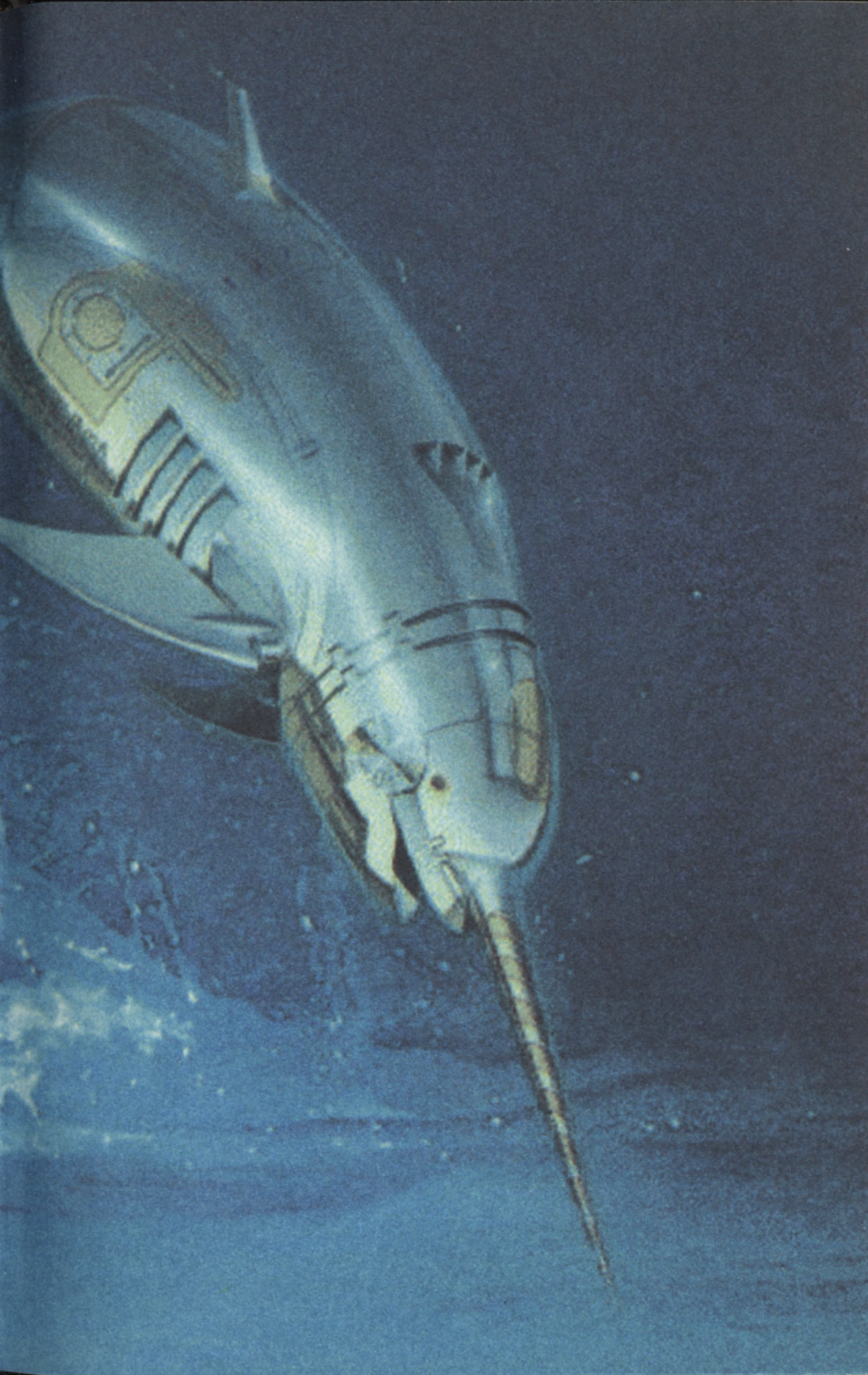
Издательство «Полярис»
Латвийская Республика, LV-1039, Рига, а/я 22

Отпечатано с готовых диапозитивов
на Тверском ордена Трудового Красного Знамени
полиграфкомбинате детской литературы им. 50-летия СССР
Государственного Комитета Российской Федерации
по печати. 170040, Тверь, проспект 50-летия
Октября, 46.

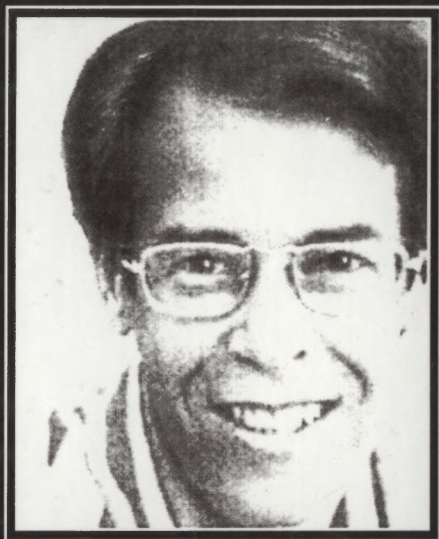

МИРЫ КИМА СТЕНЛИ РОБИНСОНА

ДИКИЙ БЕРЕГ

На далеком горизонте проплывают иногда черные военные корабли, да волны выносят порой мертвые тела на берег округа Ориндж — вот и все признаки того, что в мире есть что-то, кроме разрухи, пустошей, банд, живущих грабежом могил. Некогда цветущий край стал диким берегом. Но даже здесь прошлое дарит надежду...

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1997**